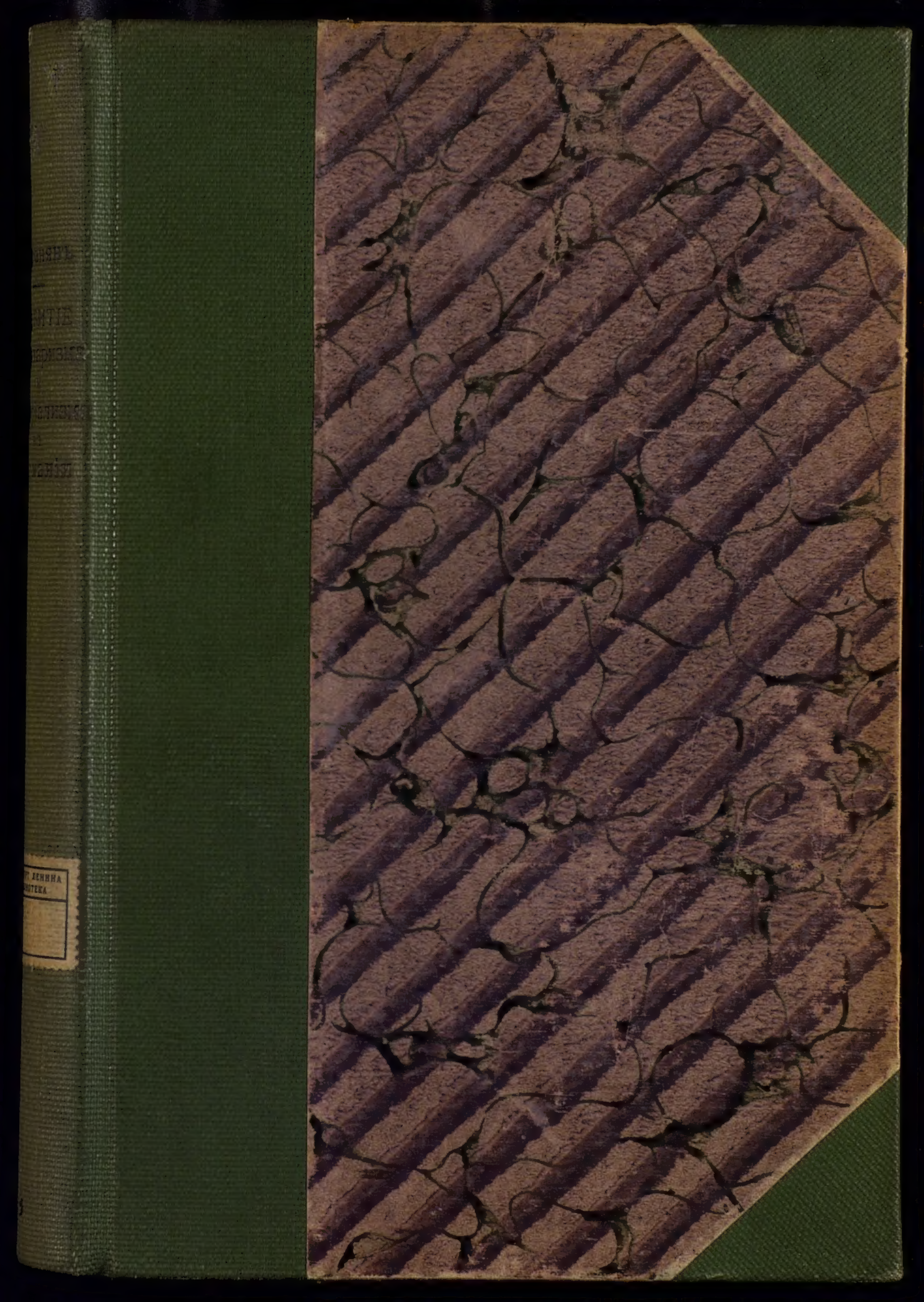
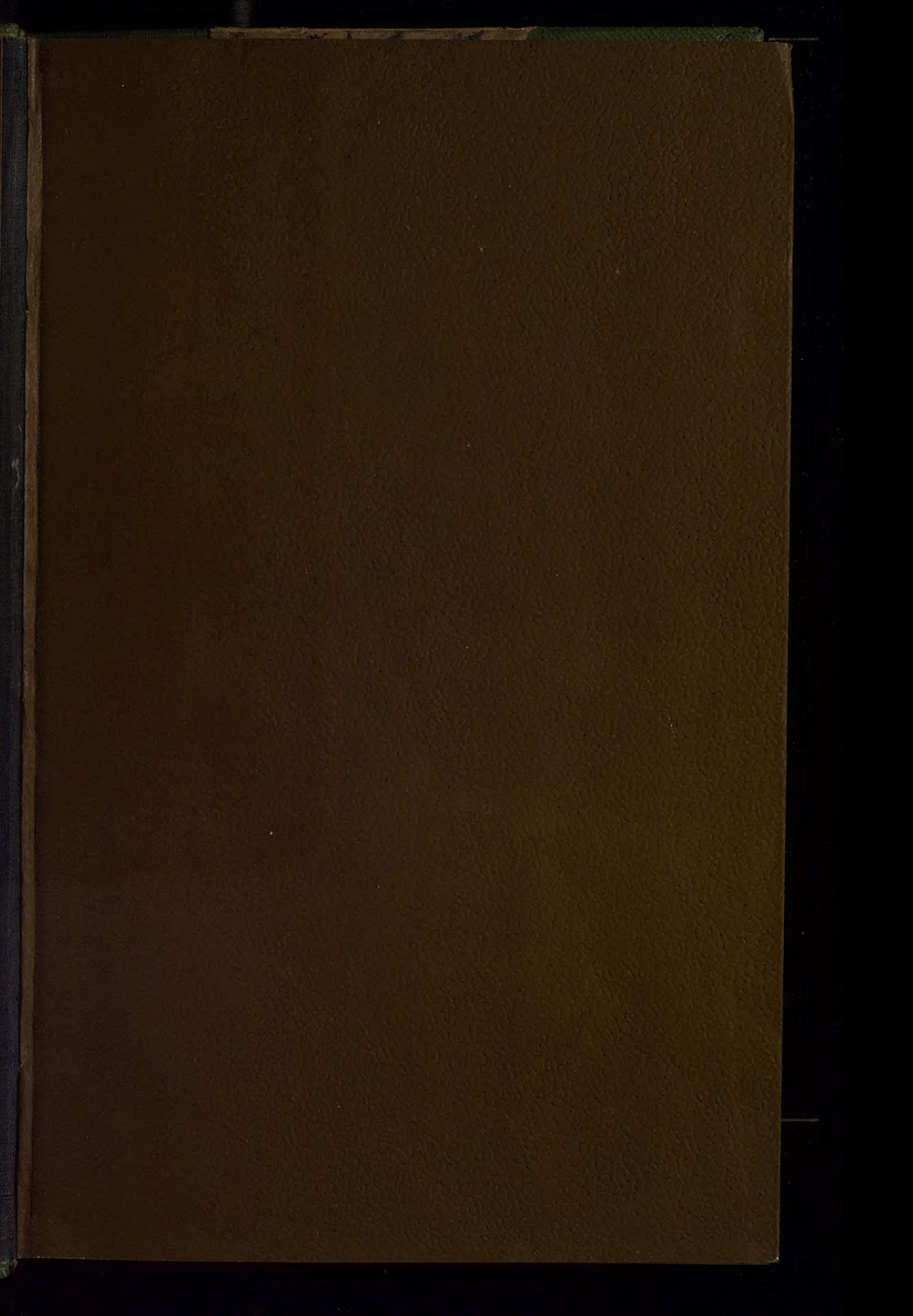

Б. Ишханянъ.

РАЗВИТІЕ МИЛИТАРИЗМА и ИМПЕРІАЛИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ.

(Историко-экономическое изслѣдованіе).

Съ предисловіемъ профессора **М. И. Туганъ-Барановскаго.**

ПЕТРОГРАДЪ.
Складъ изданія: Книгоиздательство «КНИГА».
ПЕТРОГРАДЪ, Стремянная ул., д. 11, тел. 648-62. | МОСКВА, Б. Садовая ул., д. Пигитъ, № 33, тел. 560-22.

Б. Ишханянъ.

РАЗВИТІЕ МИЛИТАРИЗМА и ИМПЕРІАЛИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ.

(Историко-экономическое изслѣдованіе).

Съ предисловіемъ профессора **М. И. Туганъ-Барановскаго.**

„Прусская монархія не представляетъ собою обыкновенной страны, имѣющей свою армію, но является скорѣе настоящей казармой".

Беренгорстъ.

„Прусско-германскій милитаризмъ обладаетъ всѣми тѣми плохими и опасными особенностями, которыя свойственны вообще капиталистическому милитаризму".

Карлъ Либкнехтъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Складъ изданія: Книгоиздательство „КНИГА". Стремянная ул. д. 11.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009
BE192
П987
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
225397

Карлу Либкнехту

посвящаетъ

авторъ.

Оглавленіе.

Стр.

Часть вторая.

Вооруженная и агрессивная Германія.

I ГЛАВА.

Политика вооруженій.

Часть третья.

Вооруженная Германія—въ цифровыхъ величинахъ.

I ГЛАВА.

Развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Германіи.

(Статистическія данныя и критическія освѣщенія).

II ГЛАВА.

Финансовое бремя милитаризма въ Германіи.

(Финансово-статистическія данныя и критика).

III. ГЛАВА.

Экономическое развитіе Германіи и ея всемірно-завоевательныя тенденціи

(Факторы милитаризма и имперіализма).

Стр.

Предисловіе профессора М. И. Туганъ-Барановскаго.

Литература о міровой войнѣ уже теперь довольно обширна, но, не подлежитъ сомнѣнію, она еще находится только въ своихъ зачаткахъ: событія такой исключительной, безпримѣрной важности для всей исторіи человѣчества, какъ тѣ, которыя мы нынѣ переживаемъ, еще многіе и многіе годы, многія десятилѣтія будутъ привлекать исключительное вниманіе человѣческой мысли.

Современникамъ, въ особенности въ самый разгаръ военныхъ событій, не легко безпристрастно отнестись къ этимъ событіямъ. И, конечно, такого безпристрастія и требовать нельзя: какъ участники войны, мы не можемъ—и не должны—смотрѣть на войну взоромъ спокойнаго, холоднаго наблюдателя. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что освѣщеніе войны, которое дается во враждующихъ странахъ, дышитъ совершенно различнымъ духомъ. Вполнѣ понятно, что германскіе писатели стремятся снять отвѣтственность за эту войну съ Германіи и выставляютъ виновникомъ ея державы согласія и, особенно, Англію. Но, несмотря на крайнее разногласіе между писателями обоихъ враждебныхъ становъ по вопросу о смыслѣ и значеніи настоящей войны, объективная истина все-же и въ этихъ спорахъ даетъ себя знать.

Такъ, связь между германскимъ экономическимъ развитіемъ и германскимъ милитаризмомъ не отрицается и нѣмцами. Обвине-

ніе, выставленное всѣми друзьями мирнаго развитія Европы, что Германія является очагомъ современнаго милитаризма, не только не было отвергнуто представителями германскаго общественнаго мнѣнія, но было признано ими во всей своей силѣ. Лучшіе представители германской науки и германской литературы согласились, *что милитаризмъ вытекаетъ изъ самаго существа экономическаго и политическаго положенія современной Германіи.*

Правда, это признаніе являлось въ глазахъ нѣмецкихъ ученыхъ и писателей отнюдь не осужденіемъ Германіи, а оправданіемъ милитаризма. Въ этой области споръ, конечно, невозможенъ. Для нѣмца его отечество является высшей цѣнностью, предъ которой блѣднѣютъ всѣ другія. Но важно то, что нѣмецъ вполнѣ признаетъ справедливость характеристики Германіи, какъ государства, основой котораго является стремленіе къ наивысшему развитію военной мощи.

Точно также всѣ согласны, что великая война, подъ знакомъ которой развивается исторія человѣчества, отнюдь не случайное событіе всемірной исторіи, *но неизбѣжный результатъ глубочайшихъ основъ экономическаго и политическаго строя современной Европы.* Экономическое соперничество и экономическая борьба Англіи и Германіи вотъ чѣмъ, по общему мнѣнію, прежде всего вызвана война. Въ признаніи этого согласны какъ англичане, такъ и германцы, согласны какъ непосредственные участники войны, такъ и посторонніе зрители ея.

Въ книгѣ Б. Ишханяна собранъ обширный и поучительный фактическій матеріалъ, который можетъ содѣйствовать выясненію причинъ настоящей войны. Такой характеръ книги даетъ ей право на общественное вниманіе, ибо въ настоящую минуту ничего не можетъ быть важнѣе сознательнаго отношенія общественнаго мнѣнія къ смыслу великихъ историческихъ событій, участниками которыхъ являемся мы всѣ.

М. Туганъ-Барановскій.

Предисловіе автора.

Съ самаго начала настоящей міровой трагедіи Германія, выступившая въ роли «военнаго героя», возбудила вездѣ живой интересъ къ своимъ мощнымъ военнымъ приготовленіямъ.

Какую силу должна была имѣть Германія, чтобы дерзнуть бросить перчатку тѣсному союзу всѣхъ своихъ противниковъ? Неужели, на самомъ дѣлѣ, военныя приготовленія нѣсколькихъ десятилѣтій были достаточны, чтобы Германія могла безстрашно выступить противъ крупныхъ сухопутныхъ и морскихъ державъ? Какіе планы лелѣяла она съ давнихъ поръ, и дѣйствительно ли требовали они для своего осуществленія неизбѣжнаго пути меча и огня?

Эти вопросы и рядъ другихъ, подобныхъ имъ возбудили очень живой интересъ въ широкихъ слояхъ общества.

Настоящій трудъ пытается дать посильный отвѣтъ на эти вопросы.

П. Кропоткинъ справедливо замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что теперешняя война творитъ новую (міровую) исторію.

Но эта война творитъ также новую міровую литературу, въ которой всесторонвія критическія изслѣдованія и научный анализъ важнѣйшихъ жизненныхъ явленій займутъ *первое мѣсто.* Объектъ критики и анализа составятъ не только война, какъ историческое явленіе, и связанныя съ ней послѣдствія, но также и первоначальныя стадіи военныхъ приготовленій и коренныя причины возникновенія войны.

Какъ теперь въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ будущихъ критическихъ изслѣдованіяхъ центральное мѣсто принадлежитъ Германіи. Вѣдь она больше, чѣмъ какая нибудь другая держава, своими постоянными вооруженіями играла роль грознаго фактора въ обостреніи международныхъ отношеній.

Наша задача въ этомъ именно и состоитъ: намъ надлежитъ на основаніи конкретныхъ фактовъ и оффиціальныхъ документовъ дать реальную картину и генетическій анализъ историческаго развитія военной мощи вооруженной и агрессивной Германіи; представить германскій милитаризмъ и имперіализмъ съ ихъ *идейными теченіями и представителями*, съ ихъ *практическими проявленіями и факторами.*

Вообще принято начало германскихъ приготовленій датировать съ 70 годовъ прошлаго столѣтія, т. е. съ первыхъ годовъ бисмарковской канцлерской эпохи. Но въ дѣйствительности самый рѣшительный періодъ развитія лихорадочныхъ вооруженій и, въ особенности, имперіалистическихъ агрессивныхъ тенденцій относится къ эпохѣ Вильгельма II. Центръ тяжести нашихъ изслѣдованій лежитъ именно въ этой эпохѣ, хотя мы приводимъ очень много фактовъ и касательно до-Вильгельмовскаго періода. Чтобы болѣе рельефно представить читателямъ огромные размѣры и безпримѣрную быстроту германскихъ приготовленій, мы приводимъ аналогичныя данныя соотвѣтствующихъ періодовъ относительно другихъ великихъ державъ.

Критикуя весь ужасъ прусско-германскаго милитаризма, нельзя обойти молчаніемъ имя того человѣка, который до и послѣ войны безъ устали и безстрашно боролся противъ военнаго гнета современнаго общества.

Мы имѣемъ въ виду Карла Либкнехта.

Либкнехтъ, смертельный врагъ войны и милитаризма вообще, былъ во время этого величайшаго кризиса германской демократіи свѣтлымъ исключеніемъ. Его смѣлость и мужественная рѣшимость, его достойная послѣдовательность изумили весь міръ.

Что можетъ быть лучшимъ подаркомъ этому народному герою, томящемуся въ прусской тюрьмѣ, какъ не трудъ, написанный въ его духѣ!

Б. Ишханянъ.

Петроградъ, августъ, 1916 г.

Часть первая.

Общая характеристика германскаго милитаризма и имперіализма.

I ГЛАВА.

Имперіализмъ и милитаризмъ.

(Вмѣсто введенія).

1.

Никогда еще система капиталистическаго хозяйства не была обусловлена столь неизбѣжнымъ образомъ мощнымъ содѣйствіемъ имперіализма и милитаризма, какъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятилѣтій. Съ другой стороны, имперіализмъ и милитаризмъ прежде не имѣли столь тѣснаго сродства, какъ теперь, не были такъ обусловлены одинъ другимъ, не имѣли современнаго почти слитнаго хода развитія. Нынѣ съ большимъ правомъ, чѣмъ ко гда ы то ни было, можно утверждать, что имперіализмъ и милитаризмъ, какъ господствующія и повсемѣстныя явленія, составляютъ необходимые атрибуты существованія современнаго буржуазнаго общества, сопутствующіе моменты его господства.

Прежде, въ начальныхъ фазахъ развитія капиталистическаго производства, для Европы не только были свободны материки и безчисленные острова, но въ числѣ ихъ были и

такіе, которые еще не были открыты; существованіе послѣднихъ было или неизвѣстно Европѣ, или же европейцы еще не успѣли проникнуть туда. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ завоеванія заокеанскихъ странъ европейскія государства еще не испытывали сильной конкуренціи и не было необходимости въ существованіи значительной военной силы, организованной и заранѣе готовой. Другими словами, внѣшняя имперіалистическая политика не имѣла еще *назрѣвшей задачи* для внутренней милитаристической политики.

Португалія и Испанія, затѣмъ Англія и Голландія, наконецъ, Францiя не нуждались, для завоеванія свободныхъ отъ конкуренціи обширныхъ странъ и присвоенія ихъ, въ обширныхъ приготовленіяхъ, въ содержаніи большихъ военныхъ силъ.

Съ другой стороны, вопросъ о завоеваніи чужихъ территорій, находящихся въ отдаленныхъ частяхъ земного шара, не представлялъ для европейскаго общества вопроса огромной жизненной важности. Для рѣдкаго населенія того времени Западная Европа была еще достаточно обширной. А матеріальныя условія и средства жизни, преимущественно носившія агрикультурный характеръ, вполнѣ удовлетворяли потребностямъ общества, съ точки зрѣнія культурнаго развитія того времени. Это, въ свою очередь, означаетъ, что развитіе производительныхъ силъ въ европейскихъ странахъ тогда еще не выдвинуло категорическаго требованія—приступить къ интенсивной колоніальной политикѣ.

2.

Основнымъ образомъ мѣняются эти отношенія на послѣднихъ ступеняхъ развитія капитализма, начиная съ половины XIX столѣтія. Быстрый ростъ населенія Европы, смѣлыя и разностороннія достиженія технической индустріи, широкое развитіе средствъ сообщенія и товарообмѣна, какъ *кардинальныя явленія* этнографическаго и экономическаго порядка, ставятъ на очередь рядъ жизненныхъ вопросовъ и настоятельно требуютъ ихъ разрѣшенія.

Перенаселеніе вызвало необходимость хронической эмиграціи въ далекія, незанятыя, еще дѣвственныя, нетронутыя страны. Быстрое и разностороннее развитіе всѣхъ отраслей промышленности требовало безопасности вывозящихъ и ввозящихъ рынковъ въ отсталыхъ, способныхъ къ потребленію странахъ. Но, что важнѣе всего, смѣлое завоеваніе капиталистическаго хозяйства — вывозящая индустрія и капитализмъ — сдѣлали необходимымъ обладаніе собственными колоніями для безпрепятственной ихъ эксплоатаціи.

Забота объ удовлетворительномъ разрѣшеніи этихъ важнѣйшихъ вопросовъ до крайней степени занимала вниманіе капиталистическихъ государствъ Европы.

Капитализмъ дошелъ уже до той стадіи развитія, когда *народное хозяйство* расширило свои національныя границы и превратилось въ *міровое хозяйство*. Но міровое хозяйство, въ свою очередь, требовало *міровой политики*. И только то государство могло принимать участіе въ судьбахъ міровой политики въ должной мѣрѣ, которое своей промышленностью и развитіемъ торговли занимало подобающее мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ. Но этого не достаточно. Тамъ, гдѣ не существуетъ *колоніальной политики*, тамъ нѣтъ и мѣста для міровой экономической политики. Наиболѣе передовыя позиціи міровой политики могли принадлежать только наиболѣе крупнымъ *колоніальнымъ государствамъ*.

Эта острая діалектика противорѣчія встала во весь ростъ передъ государствами, владѣющими колоніями и государствами, не владѣющими колоніями, на послѣдней ступени развитія въ нихъ капитализма.

Тѣ государства, которыя давно уже успѣли присвоить или подчинить собственному вліянію, преимущественно путемъ мирныхъ завоеваній, обширныя и богатыя колоніи, безъ затрудненія урегулировали вопросы эмиграціи избытка своего населенія и защиты внѣшнихъ государственныхъ рынковъ. Для государствъ же, лишенныхъ крупныхъ заокеанскихъ владѣній, перечисленные нами выше вопросы превратились въ трудныя проблемы, властно требующія своего разрѣшенія.

Но что означаетъ подобная группировка отношеній? Это значитъ, что въ государствахъ первой категоріи имперіализмъ

завершилъ кругъ своего развитія и требуетъ *твердыхъ гарантій*, которыя защитили бы пріобрѣтенную собственность, тогда какъ въ государствахъ второй категоріи возникли сильныя имперіалистическія тенденціи, требовавшія для своего осуществленія подготовки въ широкихъ размѣрахъ и въ необычайномъ темпѣ.

Типичными представителями государствъ первой категоріи въ Европѣ являются Англія и отчасти Франція. Наиболѣе яркимъ и характернымъ представителемъ второй категоріи является Германія.

3.

Германія выступила на арену мірового хозяйства въ то время, когда Англія и Франція уже успѣли завоевать въ ней сильныя позиціи. Но необычайно быстрое развитіе, начиная съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, производительныхъ силъ Германіи имѣло послѣдствіемъ то, что въ теченіе 3 — 4 десятилѣтій она своей технической индустріей, внѣшней торговлей и національнымъ богатствомъ опередила Францію и рядомъ съ Англіей заняла второе мѣсто въ Европѣ. Народонаселеніе Германіи росло быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе ея западныхъ противниковъ. Германскіе товары наводнили международные рынки и во многихъ мѣстахъ съ полнымъ успѣхомъ конкурировали съ англійскими. Однако, Германія не была въ состояніи, въ соотвѣтствіи со своимъ участіемъ въ міровомъ хозяйствѣ, вести и міровую политику, ибо она не имѣла необходимыхъ колоній,—keine Weltpolitik ohne Kolonialpolitik.

Какъ слѣдовало разрѣшить это противорѣчіе между высоко развитыми технико-экономическими достиженіями и, съ другой стороны, слабыми проявленіями политической роли?

Германія хорошо сознавала, что невозможно распутать мирнымъ путемъ сложный узелъ этого противорѣчія. Колоніи, по крайней мѣрѣ большая и лучшая ихъ часть, были уже сосредоточены въ рукахъ ея противниковъ. Свободныхъ, незанятыхъ земель—для мирнаго ихъ занятія—больше уже не

оставалось. Каждый завоевательный шагъ въ заокеанскихъ странахъ долженъ былъ вызвать неизбѣжные конфликты. Если для Германіи было ясно, что не можетъ быть міровой политики безъ политики колоніальной, то она скоро убѣдилась, что не можетъ существовать и колоніальной политики безъ *политики вооруженій* (Rüstungspolitik). И такъ какъ Германія стояла передъ крупными, опасными для нея морскими силами, то не трудно было для нея усвоить и прямо и опредѣленно, во всеуслышаніе, заявить свой пароль: нѣтъ политики вооруженій безъ *военно-морской политики* (Flottenpolitik).

Здѣсь уже германскій имперіализмъ и милитаризмъ въ солидарномъ порывѣ подаютъ другъ другу руку.

Цѣль милитаризма уже была намѣчена,—онъ долженъ былъ служить для имперіалистическихъ завоеваній.

Цѣль имперіализма была ясна и опредѣленна—онъ долженъ былъ служить для удовлетворенія экспансивныхъ стремленій капитализма.

Но характеръ германскаго имперіализма и милитаризма прямо вытекаетъ изъ сущности германскаго капитализма. Послѣдній для своихъ міровыхъ успѣховъ, для продуктивной эксплоатаціи и для интенсивнаго использованія всѣхъ возможностей какъ внутри страны, такъ и внѣ ея, нуждался въ тѣхъ благопріятныхъ колоніальныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился англійскій капитализмъ. Между тѣмъ, германскій капитализмъ былъ лишенъ даже тѣхъ условій, которыми обладалъ капитализмъ французскій, несмотря на то, что германскій капитализмъ на много опередилъ французскій и принималъ неизмѣримо большее участіе въ міровомъ хозяйствѣ, чѣмъ французскій.

Отсутствіемъ указанныхъ условій объясняется *агрессивное направленіе* германскаго капитализма, выразившееся въ категорическомъ требованіи промышленныхъ и финансовыхъ группъ, чтобы германское правительство вело внѣшнюю имперіалистическую политику. Эти требованія германскаго капитализма придали германскому имперіализму исключительно *завоевательныя тенденціи*, для успѣшнаго и безпрепятственнаго осуществленія которыхъ германскій милитаризмъ долженъ былъ принять характеръ агрессивности и

лихорадочный темпъ развитія. Каждая изъ этихъ особенностей проистекала отъ другой, такъ какъ ихъ существованіе было взаимно обусловлено.

Положеніе англійскаго капитализма было инымъ. Великобританія являлась въ глазахъ германца тѣмъ Weltreich'—омъ, тѣмъ колоссальнымъ всемірнымъ государствомъ, капиталистическая промышленность котораго насытилась во всѣхъ концахъ міра, въ разбросанныхъ повсюду, подчиненныхъ метрополіи, многочисленныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ. Соотвѣтственно своему крупному участію въ мировомъ хозяйствѣ, Англія активно и властно вела также и свою міровую политику. Такимъ образомъ, между ея экономикой и политикой на аренѣ международной конкуренціи не существовало противорѣчій, нуждавшихся въ разрѣшеніи. Съ этой точки зрѣнія передъ англійскимъ капитализмомъ не было настоятельной задачи совершать новыя завоеванія. Изъ подобнаго положенія англійскаго капитализма проистекаетъ особенный характеръ англійскаго имперіализма и милитаризма: послѣдніе не агрессивны и не наступательны, а *оборонительны и консервативны.* Да и почему быть аггресивнымъ? Что еще осталось завоевать англійскому имперіализму и милитаризму послѣ того, какъ большая и лучшая часть колоній давно уже подпала подъ власть непобѣдимаго британскаго Weltreich'—а. И наоборотъ. Почему должны быть оборонительны германскій милитаризмъ и имперіализмъ, разъ имъ нечего оборонять противъ другихъ, разъ они удовлетворительнымъ образомъ не разрѣшили задачъ своей имперіалистической миссіи?

Отмѣченнымъ выше противоположнымъ характеромъ англо-германскаго имперіализма и милитаризма и надо объяснить различіе позицій и взглядовъ государственныхъ дѣятелей обѣихъ странъ.

Имперіалистическая концепція Чемберлена, призванная для крѣпкой защиты англійскихъ колоній и признанная лучшимъ спасательнымъ средствомъ, заключалась въ сохраненіи тѣсной связи между колоніями и метрополіей и въ безусловной авторитетности послѣдней въ колоніяхъ. Для этого же представители англійскаго милитаризма считали необходимымъ держать британскую морскую мощь на такомъ

недосягаемомъ уровнѣ, чтобы она была способна защищаться отъ всякаго опаснаго нападенія.

Наоборотъ, неистовые апологеты германскаго имперіализма и милитаризма, съ которыми мы близко познакомимся въ послѣдующей главѣ, вопятъ изо дня въ день не объ оборонѣ. Головы германскихъ имперіалистовъ типа генерала Бернгарди и Рорбаха полны программами и планами неотложныхъ колоніальныхъ завоеваній,—завоеваній на Ближнемъ Востокѣ, въ Марокко, въ Южной Африкѣ, Персіи, Китаѣ, въ океанахъ и т. д. Но для осуществленія этой обширной программы агрессивнаго имперіализма необходимо, по милитаристической концепціи Бернгарди, чтобы Германія стала первой военной силой въ Европѣ, способной вести наступательную войну на нѣсколькихъ фронтахъ.

Послѣ всего сказаннаго теряетъ всякое значеніе вопросъ о «виновности» и «правотѣ» того или другого государства въ возникновеніи общеевропейской войны,—вопросъ, о которомъ такъ много публично спорятъ. Не можетъ быть, вообще, вопроса о виновности или правотѣ при объясненіи крупныхъ историческихъ явленій. Можетъ быть вопросъ лишь о причинахъ, способствовавшихъ возникновенію явленій. А такія причины могутъ зародиться только въ той странѣ, капитализмъ которой лишенъ колоній и, слѣдовательно, нуждается настоятельнымъ образомъ въ завоеваніяхъ; въ той странѣ, имперіализмъ которой агрессивенъ и, слѣдовательно, воинственъ; въ странѣ, совершенный милитаризмъ которой являлся въ теченіе 25-ти лѣтъ, въ періодъ *зловѣщаго молчанія* «вооруженнаго мира» Вильгельма II, опасной угрозой для всей Европы.

II ГЛАВА.

Система и идеологія милитаризма и импеpіализма въ Германіи.

1.

Господствующая въ Германіи современная милитаристическая система, духъ ея и дисциплина по своему возникновенію и развитію—всецѣло прусскаго происхожденія. Не только государственное главенство и политическую гегемонію взяла на себя, точнѣе, захватила себѣ, бисмарковская Пруссія въ разрозненныхъ германскихъ странахъ, но и ту организованную силу, при помощи которой династія Гогенцоллерновъ осуществила давно взлелѣянный ею идеалъ—«Preussen in Deutschland voran».

Однако, въ конечномъ счетѣ прусская милитаристическая система означаетъ не что иное, какъ *милитаризацію* всего германскаго населенія. Чрезвычайно характернымъ и специфически прусскимъ является пониманіе и формулировка задачи, которую далъ основатель этой системы, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I въ опубликованномъ имъ въ 1733 году Kantonaledikt—ѣ: «Всѣ жители страны родились для ношенія оружія и обязаны подчиняться командѣ....» [1])

Это является формулировкой принципа всеобщей воинской повинности. Но принципъ этотъ выраженъ въ специально прусскомъ духѣ, въ томъ смыслѣ, что, согласно пониманію

---

[1]) Kurt Eisner «Das Ende des Reichs“ Берлинъ, 1907 г., стр. 189.

монарха, всѣ подданные его родились для ношенія оружія. Первѣйшее призваніе ихъ и высшая обязанность — ношеніе оружія, служеніе оружію. Подданные первымъ дѣломъ—оруженосцы, а затѣмъ уже люди. Они скорѣе солдаты, чѣмъ самосознающіе граждане. «Военная обязанность должна быть для каждаго гражданина обязанностью чести»;—еще яснѣе комментируетъ Трейчке смыслъ милитаристическаго принципа прусскаго монарха. [1])

Вотъ каковъ смыслъ освященной вѣками прусской милитаристической системы. По мѣткому выраженію Беренгорста, Пруссія представляетъ собою «казарму», нежели просто страну, имѣющую свое постоянное войско. По Трейчке, величіе Пруссіи заключается въ «славѣ ея войска», которое представляетъ весь прусскій народъ.

Но Пруссія, въ свою очередь, передала Германіи все отрицательное, имѣвшееся у нея, и въ первую очередь свою милитаристическую систему вполнѣ и въ исчерпывающихъ размѣрахъ. [2]) Вѣдь Германія, по опредѣленію пруссофила Трейчке, есть не что иное, какъ только «расширенная Пруссія» [3]).

Скажемъ еще больше. Система прусскаго милитаризма стала классическимъ прототипомъ вообще для европейскаго милитаризма. «Непреодолимо дѣйствовалъ примѣръ германскаго національнаго войска на остальную Европу»,—съ основаніемъ пишетъ Трейчке. Но что такое національное или имперское войско? «Это,—говоритъ Трейчке,—безъ сомнѣнія, прусское

---

1) Heinrich von Treitschke „Politik", Leipzig, 1898 г., II томъ, стр. 384.

2) Леопольдъ Ранке, этотъ альтмейстеръ германской исторической науки, сравнивая въ своихъ воспоминаніяхъ („Zur eigenen Lebensgeschichte") Францію революціоннаго періода (1789 г.) съ Германіей того же періода (1848 г.), прибавляетъ, что въ Германіи есть Пруссія и прусское войско. Для передового мыслителя, однако, несчастіе Германіи заключается въ Пруссіи и въ прусскомъ войскѣ, тогда какъ монархистъ и консерваторъ Ранке, наоборотъ, гордится и утѣшается этимъ. Онъ чрезвычайно доволенъ, что отъ Sturm und Drang a 1848 г. уцѣлѣли въ Германіи принципы монархіи и военнаго государства (Militärstaat).

3) Это выраженіе, собственно, не принадлежитъ Трейчке. Однажды императоръ Вильгельмъ I въ минуту недовольства Бисмаркомъ сказалъ: „Das Reich ist ja blos das verlängerte Preussen". Но Трейчкѣ въ двухъ мѣстахъ выдвигаетъ эту излюбленную фразу („Politik" I т., стр. 40 и II т., стр. 345) и высказываетъ при этомъ свое полное сочувствіе. Онъ еще прибавляетъ къ этому: „Вся имперія основывается исторически и политически на томъ, что Пруссія беретъ въ ней перевѣсъ какъ матеріально, такъ и формально" (II т., стр. 345).

войско, образованное военнымъ закономъ (Wehrgesetz) 1814 г. изъ вооруженнаго народа и распространенное на всю имперію» [1]).

И въ этой опруссѣвшей Германіи быстро и при крайне своеобразныхъ условіяхъ развивался милитаризмъ. «Благодаря полу-абсолютистическимъ, феодально-бюрократическимъ своеобразнымъ отношеніямъ, прусско-германскій милитаризмъ достигъ совершенно исключительнаго цвѣтущаго состоянія». Какъ никто, по мнѣнію Бисмарка, не можетъ копировать прусскаго лейтенанта, такъ и ни одна другая страна не была въ состояніи *цѣликомъ заимствовать* прусско-германскій милитаризмъ, который сталъ у насъ не только *государствомъ въ государствѣ, но прямо государствомъ надъ государствомъ*". [2]) Такъ К. Либкнехтъ съ полнымъ основаніемъ характеризуетъ сущность прусско-германскаго милитаризма.

Но не въ этомъ одномъ особенность прусско-германскаго милитаризма. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій Германія заняла въ отношеніи капиталистическаго развитія одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, стала типичной родиной техническихъ усовершенствованій, въ особенности усовершенствованій военной техники, и этимъ еще болѣе углубила и усложнила своеобразную область организаціи военныхъ силъ. Пруссія-Германія, оставшись полу-абсолютистической и феодально-бюрократической, сохранивъ средневѣковый Junkertum и Rittertum, въ то же время привела въ движеніе всѣ аппараты капиталистическаго механизма, освятила и поставила у власти классовую эксплоатацію современной буржуазіи, слѣдовательно, и ея классовую волю. Такимъ образомъ, Германія, какъ страна старыхъ сословныхъ привилегій и капиталистической аристократіи, заняла *исключительное мѣсто* среди всѣхъ державъ. Безъ сомнѣнія, между крупно-землевладѣльческимъ дворянствомъ и индустріально-торговой буржуазіей имѣлись поводы для столкновеній, причины для взаимной борьбы на почвѣ политическихъ и особенно экономическихъ вопросовъ.

---

[1]) „Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ Трейчке въ другомъ мѣстѣ съ особенной гордостью,—какъ въ 1866 и 1870 прусская военная организація такъ блестяще выдержала испытаніе, стараются всѣ другія великія державы материка ей подражать" (II т., стр. 404).

[2]) Dr. Karl Liebknecht: „Militarismus und Antimilitarismus", Лейпцигъ, 1907 г., стр. 15—16 (курсивъ нашъ).

Но солидарности между обоими господствующими классами было больше, чѣмъ противорѣчій; ихъ союзъ становится особенно тѣснымъ передъ опасностями соціальнаговопроса. Въ выборѣ же средствъ защиты противъ «внутренняго врага», а также въ политикѣ борьбы съ внѣшними врагами, *интересы и стремленія прусско-германскаго юнкерства и буржуазіи вовсе сливаются въ одно цѣлое.*

2.

Естественно, что при подобной своеобразной общественной структурѣ войско также должно было создаваться и воспитываться крайне своеобразнымъ методомъ. Оно должно было имѣть на себѣ печать и юнкерскаго и буржуазнаго духа. Съ такой внутренней сущностью прусско-германскій «бюрократически-феодально-капиталистическій милитаризмъ» долженъ былъ стать поистинѣ, по мѣткому выраженію Либкнехта, «наихудшимъ видомъ капиталистическаго милитаризма».

Наихудшимъ является этотъ видъ, прежде всего, по той причинѣ, что въ такой высоко-развитой капиталистической странѣ, какъ Германія, господствующій въ арміи духъ и воспитательные пріемы все еще носятъ на себѣ печать жестокой реакціи средневѣковаго феодализма. [1]) Ни въ одной странѣ военное воспитаніе, то, что называется «милитаристической педагогикой», не поставлено въ столь *драконовскія, суровыя условія*, какъ въ Германіи. Ни въ одной странѣ «духъ всепреданности монарху» не поддерживается въ рядахъ

1) Характерны слова профессора Кенигсбергскаго университета, послѣдователя Эммануэля Канта, Крауза, сказанныя имъ въ 1807 г. о французскомъ и прусскомъ войскѣ. Побѣды французской арміи онъ приписываетъ укрѣпившемуся во французскомъ войскѣ республиканскому духу, противъ котораго неспособны бороться рабы мертвящаго духа феодализма (т. е. прусско-германское войско). „Моя душа,—говоритъ философъ Краузъ,—еще съ дѣтскаго возраста полна горечи и ненависти противъ господства кнута феодаловъ (Männer von Geburt); моя душа полна отвращенія къ stulta sapientia (глупая мудрость) такъ называемаго феодальнаго государства". См. K. Eisner „Das Ende des Reichs" 1907 г., стр. II.

арміи, столь заботливо, какъ въ Германіи. [1]) Нигдѣ высшее военное сословіе не надѣлено такими произвольными прерогативами, какъ въ Германіи. [2])

Ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, даже въ Россіи, офицерство, званіе офицера и форма его не пользуются тѣми *освященными привилегіями передъ закономъ*, тѣмъ сильнымъ традиціоннымъ уваженіемъ и почтеніемъ въ обществѣ, тѣмъ почти невѣроятнымъ обожаніемъ со стороны мелкомѣ-

---

[1]) Очень характерно съ этой точки зрѣнія признаніе прусскаго военнаго министра фонъ-Эйнема, сдѣланное въ рейхстагѣ въ 1907 г.; для него безусловно предпочтительнѣе любящій монарха и вѣрноподданный солдатъ, какъ бы плохо онъ ни стрѣлялъ, т. е. какъ бы онъ ни былъ плохъ, какъ воинъ, чѣмъ подозрительный по своимъ взглядамъ солдатъ, какъ бы онъ хорошо ни стрѣлялъ". См. Либкнехтъ, ibid, стр. 23.—„Въ силѣ и постоянствѣ послушанія кроется честь солдата. Потому-то безусловное повиновеніе, доходящее у насъ почти до жестокости, является нашей славой и признакомъ доблести нашего войска". Такъ разсуждаетъ одинъ изъ первыхъ германскихъ „военныхъ педагоговъ" Генрихъ фонъ Трейчке, („Politik", II т., стр. 366—367), которому прусская военная система, а также духъ войска, представляется наилучшимъ и идеальнѣйшимъ въ мірѣ.

[2]) До Мольтке-Ойленбургскаго позорнаго скандала 1910 года было извѣстно много кричащихъ фактовъ относительно грубаго обращенія и насилій офицерства по отношенію къ подчиненнымъ. Все это, конечно, родное дѣтище господствующей системы. Самый высокій офиціальный представитель системы санкціонируетъ фактъ произвола и насилій въ арміи своимъ слѣдующимъ приказомъ (военный министръ Мантейфель—въ 1885 г.). Какое отношеніе выказывается начальниками, начиная съ генерала и кончая лейтенантомъ, къ своимъ подчиненнымъ, такого отношенія и достойны послѣдніе. „Если начальникъ ругаетъ солдата, то значитъ, послѣдній подозрителенъ какъ въ отношеніи вѣрности, такъ и въ отношеніи храбрости". Либкнехтъ, стр. 37.—Въ Германіи существуетъ позорный лексиконъ казарменныхъ ругательствъ, дающій право военнымъ—начиная съ унтеръ-офицера до майора, оберъ-лейтенанта и выше—безбоязненно и безнаказанно безчестить и грубо оскорблять слѣпо повинующихся солдатъ. Вотъ букетикъ этихъ ругательствъ: „стерва, обезьяна, бестія, навозникъ, мерзавецъ, проклятый песъ, собачья банда, собачій сынъ, собачьи кости, песья душа, глупый жидъ, сволочь, бараній лобъ, скотина, навозная свинья, свиная башка, негодяй, свиная шкура, свиной попъ, разбойникъ, подлецъ, проклятая животина", и въ довершеніе къ нимъ, „нигилистъ и соціалистъ" (см. проф. М. Рейснеръ: „Вильгельмъ II и желѣзная имперія" Петроградъ, 1914 г., стр. 157). Что касается того, каковы обычные факты насилій и мучительствъ въ отношеніи бѣдныхъ солдатъ, то объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ страницы казарменной хроники въ Германіи. Объ этом массу фактическихъ данныхъ читатель найдетъ въ упомянутомъ трудѣ Рейснера на 159—171 стр. Авторъ заключаетъ длинный рядъ богатыхъ фактовъ слѣдующими словами: „послѣ всего вышесказаннаго для насъ становится совершенно ясной эта, казалось бы, прирожденная „военная жилка" пруссаковъ, ихъ солдатская выдержка и милитаризмъ; желѣзною рукою вбивается она въ мирнаго Михеля, парадными силами и стонами покупается ея казенный блескъ и великолѣпіе. И не только увеличеніе тягостей и всякихъ повинностей влечетъ за собою ростъ милитаризма, но и цѣлый рядъ безобразныхъ и гадкихъ явленій, вродѣ вышеуказанныхъ". (Стр. 170—171).

щанскихъ слоевъ (Kleinbürgertum) и тѣмъ чувствомъ почтительности со стороны интеллигенціи,—какъ въ Германіи[1]). Ни въ одной странѣ фирмы, выдѣлывающія оружія, не пользуются той популярностью и тѣмъ благоговѣніемъ, связаннымъ съ привилегіями свыше, какъ въ Германіи Круппъ, Штумъ, Эргардтъ, Леве, Верманъ, Типпельскирхъ и др., особенно же среди всѣхъ ихъ «король пушекъ» Круппъ, съ которымъ германскій императоръ находится въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Германія является той страной, въ которой до нашихъ дней военщина сохранила больше, чѣмъ гдѣ-либо, свой *кастовый духъ*, свое изолированное положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрное презрительное отношеніе къ гражданскому населенію.

Однако, прусско-германскій специфическій милитаризмъ имѣетъ также свою *особую идеологію*, непосредственно вытекающую изъ существа царящей системы, и особые *духовно-интеллектуальные факторы*, которые способствуютъ развитію этой системы, расчищаютъ ей пути. Классическое развитіе милитаризма въ Германіи создало также соотвѣтствующее ему *евангеліе*, подобнаго которому нѣтъ ни въ одной другой странѣ.

Но евангеліе милитаризма, въ широкомъ смыслѣ слова, является одновременно и *евангеліемъ имперіализма*. Въ первой главѣ настоящаго труда, мы уже видѣли, что милитаризмъ не есть нѣчто самодовлѣющее, а служитъ имперіалистическимъ цѣлямъ. Современный милитаристъ является

---

1) Страстное желаніе быть надѣленнымъ титулами и орденами, внѣдрившееся во всемъ германскомъ обществѣ въ качествѣ всеобщей привычки, является въ Германіи невыносимымъ общественнымъ зломъ, особенно ярко царящимъ въ военной средѣ. Милитаристическая педагогика съ особенной заботливостью занимается культивированіемъ ложнаго представленія о чести и тщеславіи въ военной средѣ; мундиръ военнаго провозглашается какъ самый почетный, а положеніе и достоинство его квалифицируются, какъ нѣчто неприкосновенное и высокое, достойное всякихъ привилегій и всеобщаго уваженія. Болѣе подробно см. объ этомъ у Либкнехта. стр. 25.—Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нѣмецкаго мѣщанства такъ изображаетъ культъ военщины среди германцевъ: „мѣщанство любитъ парадъ и помпу, жаждетъ феерій и церемоній, и, какъ настоящій прирожденный рабъ, гордится блескомъ и великолѣпіемъ своихъ господъ. На этой почвѣ развивается эпидемія низкопоклонства и пресмыкательства, рождается особая болѣзнь, которую нельзя иначе назвать, какъ *титуломаніей*. Передъ каждымъ мундиромъ офицера нѣмецкій бюргеръ впадаетъ въ благоговѣйную каталепсію. Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не анекдотъ, а самая настоящая правда". (См. Рейснеръ, „Вильгельмъ II, желѣзная имперія", Петрогр. 1914 г. стр. 57—58).

одновременно имперіалистомъ, а имперіалистъ — милитаристомъ, безъ какого бы то ни было ограниченія. Многочисленные апостолы милитаристическаго евангелія и многообразныя организаціи, посвященныя осуществленію практическихъ цѣлей милитаризма, являются одновременно апостолами и сектами, чтящими евангеліе имперіализма. Оба они объединяются въ одномъ высокомъ синтезѣ, такъ называемомъ *патріотизмѣ* (извѣстномъ въ Германіи подъ именемъ «Hurrapatriotismus»), или, въ еще болѣе широкомъ смыслѣ, *пангерманизмъ* («Alldeutschtum»). Германскій патріотъ, по смыслу господствующей идеологіи, является одновременно милитаристомъ, имперіалистомъ и пангерманистомъ — и такъ всегда. Здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ разными формами опредѣленія одного и того же и разными областями одной и той же дѣятельности, тогда какъ господствующая тенденція вездѣ и всюду одна и та же.

Германія болѣе чѣмъ богата наличностью идеологовъ, органовъ и организацій, стремящихся обосновать эту господствующую тенденцію, распространить ее и осуществить на практикѣ. Начиная отъ журналистовъ повседневной печати, публицистовъ, государственныхъ политическихъ и парламентскихъ дѣятелей, кончая многими тяжеловѣсными представителями кабинетной науки; начиная отъ юнкерскихъ и буржуазныхъ органовъ и партій и кончая организаціями и обществами, — имперіалистическими, милитаристическими, патріотическими и пангерманисткими. раскинувшими широко свою сѣть по всѣмъ важнымъ центрамъ государства, напримѣръ «Die deutsche Kolonialgesellschaft», «Wehrverein», «Flottenverein» «Kriegervereine», «Patriotenverband», «Alldeutscher Vebend», «Nationaler Verein», «Ostmarken Verein», Verein für das Deutschtum im Ausland» [1]), — лихорадочная дѣятельность

[1]) Общества эти имѣютъ свои многочисленныя отдѣленія въ большихъ городахъ Германіи. Составъ общества включаетъ въ себя представителей всѣхъ господствующихъ классовъ и партій, пользующихся покровительствомъ высокихъ авторитетовъ. Среди членовъ ихъ вы найдете многочисленныхъ представителей высокопомѣстной знати, съ духовенствомъ, бюрократіей, военщиной, промышленныхъ и финансово-банковскихъ группъ. Общества имѣютъ своихъ профессіональныхъ пропогандистовъ и агитаторовъ и свою печать. Съ какой быстротой растетъ число ихъ членовъ и усиливается ихъ вліяніе, видно изъ исторіи роста Flottenverein-а, этой сильной милитаристической организаціи. Онъ былъ основанъ въ 1898 г. и къ концу года

всѣхъ ихъ, выражающаяся въ разныхъ формахъ и видахъ, ведется вокругъ одной и той же господствующей идеи.

Это—высшая идея германской государственности, которой должны безусловно подчиняться всѣ общественные принципы и моральныя понятія; это—великая національная мечта о повсемѣстномъ распространеніи идеи германства среди разбросанныхъ по бѣлу свѣту германцевъ; это—страстная пропаганда во имя недосягаемой мощи физической силы, чтобы возможно было такимъ путемъ осуществить широкую программу могущественнаго усиленія Германіи, въ сравненіи съ другими государствами. Космополитическіе «Weltgedanken» и «Weltbürgertum» германскихъ мыслителей и поэтовъ прошлаго замѣнились теперь лозунгами пангерманистовъ и имперіалистовъ, лихорадочно приводимыми въ исполненіе,—лозунгами «Weltpolitik» и «Weltherrschatt»....

3.

Преклоненіе передъ высшей идеей государственности и передъ мощью физической силы, на алтарѣ которыхъ нѣмцы воскуриваютъ ѳиміамъ, нашло свою формулировку въ научныхъ концепціяхъ, было одѣто въ костюмъ теоріи. Усилившаяся Пруссія Бисмарка побѣдила Австрію и Францію и, примѣняя ту же политику «крови и желѣза», организовала единую германскую имперію. И вотъ германскій идеологъ выступилъ на сцену, чтобы освятить грубую практику великаго дипломата тонкой теоретической формулой. Трейчке воскресилъ въ исторической наукѣ взгляды Маккіавели, помѣстивъ во главу угла своего политическаго ученія принципъ: «Der staat ist Macht». Государство—это «общественная мощь въ самозащитѣ и нападеніи». «Высшимъ нравственнымъ долгомъ государства является забота о своей силѣ и мощи». [1]) Какъ Ничше въ философіи, такъ и Трейчке въ

имѣлъ уже 835 членовъ; въ 1900 г. число членовъ достигаетъ 246,967, а приблизительно черезъ 10 лѣтъ общество насчитываетъ 1.000.000 членовъ. Цифры см. Б. Б. Жерве, „Германія и ея морская сила“, Петрогр. 1914 г. стр. 39.

[1]) „Можно сказать,—пишетъ Трейчке,—что сила есть принципъ государства подобно тому, какъ вѣра является основой церкви, любовь—основой семьи“. („Politik“, т. I, стр. 33).

исторической наукѣ ненавидятъ слабость и мягкость. По Трейчке, «слабость является самымъ ужаснымъ и ненавистнымъ недостаткомъ въ политикѣ; это—недостатокъ, который является просто преступленіемъ противъ святого духа политики». «Смерть слабому!» «Война и храбрость совершили больше великихъ дѣяній, чѣмъ любовь къ ближнему»—этими словами Ничше какъ бы дополняетъ сказанное Трейчке. Даже Іерингъ въ юриспруденціи не стѣсняется формулировать взаимоотношеніе права и силы въ томъ смыслѣ, что сила рождаетъ право, т. е. право принадлежитъ сильному. «Das Recht ist Machtpolitik».

Эта *теорія прославленія силы,* проходящая красною нитью черезъ всѣ заявленія просвѣщенныхъ мыслителей господствующаго класса, явилась той канвой, на которой вышиты всѣ многоцвѣтные узоры имперіалистической и миталиристической идеологіи германской буржуазіи и аристократіи. Отголоски этой идеологіи нашли свое выраженіе въ весьма характерномъ германскомъ національномъ гимнѣ —«Deutschland, Deutschland über alles», который заключаетъ въ себѣ смыслъ двухъ ярко окрашенныхъ тенденцій. Чтобы быть *превыше всего,* Германія должна имѣть силу *повсюду,* для расширенія германской имперіи, для владычества, для возвышенія надъ всѣми необходимо, чтобы Германія имѣла военную силу. Національный гимнъ Германіи равнымъ образомъ содержитъ въ себѣ элементы какъ имперіализма, такъ и милитаризма.

Мы уже ознакомились съ фактическими основами теоріи прославленія военной мощи. Это обоснованіе нужно искать въ колоніальныхъ интересахъ процвѣтающей буржуазіи, въ неотвратимыхъ потребностяхъ экспансивнаго капитализма. Меркантильность родила тенденцію прославленія силы. И если сила, какъ производный факторъ, по германской теоріи предпочитается праву, то не можетъ остаться сомнѣнія въ томъ, что интересъ, какъ главный корень силы, еще больше долженъ предпочитаться тому же праву.

И въ самомъ дѣлѣ, германская политическая теорія слѣдующимъ образомъ формулируетъ взаимоотношенія интереса и права: «Unser Jnteresse ist unser Recht». Такъ говорятъ германцы, подчиняя открыто право интересу. Если государство имѣетъ интересъ въ какомъ либо дѣлѣ, въ любомъ актѣ,

то это означаетъ, что оно имѣетъ право осуществить это дѣло. Интересъ даетъ государству это право. Вѣдь государство вполнѣ суверенно и всемогуще— поэтому оно не можетъ ограничить свои полномочія правовыми обязательствами, хотя бы на основаніи конвенцій въ области международнаго права. Послѣднее имѣетъ только ограниченное значеніе и даже ограниченное постольку, поскольку это удобно и соотвѣтственно интересамъ даннаго государства. Значитъ — «salus populi suprema lex», и передъ этимъ закономъ должны померкнуть всѣ международные законы [1]).

Легкое отношеніе германскаго правительства къ вопросу о нейтралитетѣ Бельгіи [2]), т. е. къ гарантированной международнымъ правовымъ актомъ неприкосновенности опредѣленной территоріи, блестящимъ образомъ показываетъ, какъ солидарно выступаютъ въ Германіи научная теорія и государственная практика.

Но въ данномъ вопросѣ больше всего интересуетъ насъ одинъ важный пунктъ: въ какомъ явленіи искать фактическія основы подобной политической теоріи? Почему именно въ Германіи интересъ долженъ предпочитаться праву, по крайне утилитаристической формулѣ: «Unser Jnteresse ist unser Recht»?

4.

Въ Англіи съ давнихъ поръ выдвинулась и развилась формула, прямо противоположная этой новѣйшей германской

---

[1]) См. подробности у Трейчке въ первой главѣ I тома его „Politik стр. 38 и слѣд. Это укоренившееся въ германскомъ правѣ, въ германско исторической наукѣ и въ обществовѣдѣніи ученіе самымъ яркимъ обр“ зомъ было разработано Трейчке въ своихъ извѣстныхъ трудахъ: „Politik“ 2 тома (1887—9? г.) которыя Трейчке читалъ въ формѣ университет скихъ лекцій, начиная съ 1863—64 г., въ Фрейбургѣ, Гейдельбергѣ Берлинѣ до 90-хъ годовъ, затѣмъ въ книгѣ „Historische und Politische Aufsätze“ 2 тома, 6 изданіе, Лейпцигъ, 1903 г.

[2]) Очень характерно, что генералъ Бернгарди,, этотъ энергичный ученикъ Трейчке въ политической теоріи, еще въ 1912 г. въ своемъ извѣстномъ трудѣ („Deutschland und der nächste Krieg“) дѣлаетъ слѣдующее зловѣщее замѣчаніе относительно Бельгіи: „Когда Бельгія была объявлена нейтральнымъ государствомъ, никто не ожидалъ, что она будетъ имѣть претензіи на владѣніе такой общирной и богатой территоріей въ Африкѣ, какъ Конго. Можно задать вопросъ, не является ли пріобрѣтеніе такой территоріи ipso facto нарушеніемъ нейтралитета“? Какъ видимъ, за 2 года до войны въ высшихъ компетентныхъ германскихъ кругахъ съ любовью обсуждался вопросъ о возможности нарушенія нейтралитета Бельгіи.

теорiи. «Интересъ — наше право». — говорятъ германцы. «Право—нашъ интересъ» («Right is the interest»),—говорятъ англичане. Германская идеологія изъ принципа интереса выводитъ и имъ обусловливаетъ принципъ права. Англійская идеологія дѣйствуетъ совершенно въ противоположномъ духѣ.

Какъ объяснить эту діаметральную противоположность между обѣими теоріями? Дѣйствительно ли англійская государственность въ такой степени свободна отъ утилитаристическихъ стремленій и дѣйствительно ли англійская идеологія, поклоняется праву въ той мѣрѣ, что она прежде всего и превыше всего ставитъ и цѣнитъ принципъ права, подчиняя послѣднему безъ всякихъ колебаній свои національные интересы?

Англійскіе толкователи этого вопроса, безъ сомнѣнія, даютъ ему слишкомъ наивное идеалистическое объясненіе [1]). Англія защищаетъ только принципъ права; она борется какъ за собственное право, такъ и противъ опасности нарушенія смысла международно-правовыхъ договоровъ. Защищая же принципъ права, Англія тѣмъ самымъ защищаетъ и свои собственные интересы.

Съ перваго взгляда объясненіе англійскихъ профессоровъ какъ будто является правдоподобнымъ. И съ перваго взгляда кажется, что, согласно англійской теоріи, интересъ долженъ проистекать изъ принципа права и долженъ быть имъ обусловленъ.

Но, къ счастью, только съ перваго взгляда. У насъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что англійская государственность менѣе утилитарна, чѣмъ германская. Господствующіе классы въ Англіи столь же меркантильны и также предпочитаютъ матеріальные интересы всему остальному, какъ и жадная германская буржуазія. Но почему, тѣмъ не менѣе, въ Англіи идеологическія теченія и представители государства предпочитаютъ служеніе праву служенію интересу, подчеркивая лозунгъ «право—нашъ интересъ».

Противоположныя теоріи, англійская и германская, съ математической точностью соотвѣтствуютъ тому своеобразному

[1]) См. „Изъ-за чего мы воюемъ“? — русскій переводъ англійской книги, написанной шестью профессорами историческаго факультета Оксфордскаго университета (Петроградъ, 1915 г., стр. 111).

складу реальныхъ отношеній, которыми характеризуется положеніе обоихъ государствъ на поприщѣ міровой торговли и политики. Мы уже отмѣчали въ I главѣ, что Англія является единственнымъ міровымъ государствомъ, которое подчинило интересамъ своихъ денежныхъ и промышленныхъ цѣнностей крупнѣйшія и лучшія колоніи на земномъ шарѣ. Германія же, которая своей технической индустріей и внѣшней торговлей почти поравнялась съ Англіей, далеко не имѣетъ тѣхъ колоніальныхъ владѣній, которыми обладаетъ Англія.

Что же означаетъ этотъ фактъ? Онъ означаетъ, что англійскій имперіализмъ *давно уже закончилъ полный циклъ своихъ колоніальныхъ завоеваній,* притомъ не подвергшись опасности конкуренціи равной силы. Германскій же имперіализмъ очень поздно началъ колоніально-завоевательный процессъ, будучи еще окруженъ съ запада и съ востока, на моряхъ и на сушѣ опасными конкурентами. Это означаетъ, что важнѣе всего въ настоящемъ случаѣ, слѣдующее: Англія уже освятила *принципъ права собственности* въ отношеніи своихъ заокеанскихъ интересовъ, а Германія, наоборотъ, только недавно начала употреблять всѣ усилія, чтобы *пріобрѣсти право собственности* на заокеанскія колоніи. Право собственности на свои колоніальныя владѣнія Англія закрѣпила международными правовыми актами и договорами, заключенными съ различными государствами. Такимъ образомъ, каждый успѣхъ германскаго имперіализма долженъ былъ подвергнуть опасности нарушенія не только права Англіи, но и международные правовые акты. Вслѣдствіе этого, англійскій имперіализмъ *оборонителенъ и консервативенъ* въ рамкахъ, исторически сложившихся и юридически закрѣпленныхъ. Ибо то, что существуетъ, что входитъ уже въ рамки status quo, лучше всего обезпечиваетъ собственность Англіи, т. е. ея колоніальные интересы.

Очень характерно съ этой точки зрѣнія откровенное признаніе лорда Розбери: „Говорятъ, что наше государство (Англія) обширно и имѣетъ уже достаточно территоріальныхъ владѣній... но мы не должны думать только о томъ, въ чемъ нуждаемся, что важно для насъ въ будущемъ... мы должны всегда помнить, что нашъ долгъ и долгъ нашихъ

потомковъ повелѣваютъ намъ заботиться о томъ, чтобы *міръ носилъ печать нашего народа,* а не какого-нибудь другого»... [1]). (Курсивъ нашъ).

Слѣдовательно, надо заботливо охранять то, что имѣетъ уже проглотившая львиную долю британская міровая держава, чтобы міръ могъ постоянно носить на себѣ печать всемірнаго колонизатора, коммерсанта и банкира.

Даже французскіе дѣятели и идеологи въ этомъ отношеніи находятъ основаніе и поводы говорить тономъ пресытившагося имперіалиста. «Франція,—говорилъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото,—заняла теперь подобающее себѣ мѣсто въ ряду четырехъ міровыхъ колоніальныхъ державъ. На французскомъ языкѣ говорятъ и постоянно должны говорить въ Африкѣ, Азіи, Америкѣ и па океанахъ... *Сѣмена господства посѣяны во всѣхъ частяхъ земного шара»* [2]).

Въ высшей степени характерны эти откровенныя слова въ устахъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей, отечества которыхъ пережили уже золотой вѣкъ имперіализма и которые озабочены лишь однимъ вопросомъ: сохранить отъ грядущихъ возможныхъ опасностей, которыми чреваты усложнившіяся взаимоотношенія въ Европѣ, въ неприкосновенности то, что ими пріобрѣтено. Чѣмъ могло кичиться передъ этими самодовольными деклараціями собственниковъ колоній государство, замкнутое въ средней Европѣ, пышно расцвѣтшій молодой капитализмъ котораго диктовалъ правительству страны лозунги своихъ бурныхъ стремленій?

Еще раньше Трейчке въ первомъ томѣ своей книги «Politik» объяснялъ своей родной странѣ, что лишенное колоній государство не можетъ остаться въ ряду великихъ европейскихъ государствъ.

Какъ современно звучитъ, напримѣръ, колоніально-политическое воззрѣніе Трейчке въ слѣдующихъ словахъ:

«При распредѣленіи не-европейскаго міра между европейскими державами Германія оставалась до сихъ поръ почти ни при чемъ, а вѣдь при вопросѣ о томъ, сможемъ ли мы и по ту сторону океана стать силой, идетъ рѣчь о нашемъ

---

[1]) Цитату см. „Совремемный Міръ" статья Л. Мовича: „Германскіе имперіалисты" 1915 г., № 2 стр. 225.

[2]) Тамъ же (курсивъ нашъ).

существованіи, какъ великой державы. Иначе открывается ужасная перспектива: Англія и Россія подѣлятъ между собою міръ...“ [1]).

Новѣйшіе же германскіе имперіалисты, такъ называемые духовные ученики Трейчке, выставляютъ болѣе смѣлое программное требованіе:

«Мы не можемъ переносить больше положеніе, при которомъ весь міръ станетъ владѣніемъ англичанъ и французовъ, русскихъ и японцевъ. Мы не можемъ также вѣрить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую удѣлила намъ судьба 40 лѣтъ назадъ. Времена измѣнились—и мы не остались тѣми же». «Нынѣ для Германіи больше не представляетъ важности вопросъ, какъ она ведетъ свои дѣла въ самой Германіи, а важенъ вопросъ, какъ она ведетъ свои дѣла въ мірѣ». «*Только пріобрѣтеніемъ собственныхъ колоній мы можемъ обезпечить себя въ будущемъ*» [2]).

Эта резолюція собранія группы пангерманистовъ (Галле, 1912 г.) является точнымъ выраженіемъ господствующихъ въ Германіи имперіалистическихъ тенденцій. Она—открытый протестъ противъ существующаго международнаго колоніальнаго положенія, противъ наличнаго распредѣленія колоніальныхъ территорій. Противъ оборонительнаго, стоящаго на почвѣ существующаго международнаго правопорядка англійскаго имперіализма, возстаетъ наступательный германскій имперіализмъ, произносящій угрозы по поводу возможности *нарушенія границъ традиціонныхъ правъ:* Вотъ какъ разсуждаетъ апостолъ германскаго милитиризма и имперіализма, генералъ фонъ-Бернгарди, говоря по вопросу о завоеваніи чужихъ странъ: «Право принадлежитъ не тому, кому принадлежатъ онѣ (т. е. зовоеванныя колоніи), но тому, кто будетъ побѣдителемъ въ борьбѣ». «Право принадлежитъ въ подобныхъ случаяхъ тому, у кого хватитъ силы защищать или захватить. Сила является въ то же время наивысшимъ правомъ» [3]).

---

[1]) Treitschke „Politik“ I т. стр. 42—43.

[2]) Prof. O. Nippold: „Der deutsche chauvinismus“, Берлинъ, 1913 г. стр. 73—74.

[3]) Fr. V. Bernhardi: „Deutschland und der nächste Krieg“, 1912 г. стр. 16.—Генералъ Бернгарди—одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и видныхъ

Тотъ же Бернгарди не стѣсняется откровенно утверждать, что каждый народъ вырабатываетъ свое особое понятіе о правѣ, и никто не можетъ сказать, что правовыя воззрѣнія у одного народа лучше и справедливѣе, чѣмъ у другого.

Теперь для насъ становится болѣе понятнымъ принципѣ права по германской теоріи, вытекающей изъ ученія прославленія интереса и военной мощи. Если жизненные интересы въ Германіи требуютъ настоятельнѣйшимъ образомъ, чтобы она пріобрѣла земли для размѣщенія избытка своего населенія, чтобы она отняла у другихъ колоніи для эксплоатаціи своимъ капиталомъ и сбыта товаровъ, чтобы она въ борьбѣ со своими врагами нарушила нейтралитетъ государствъ, лежащихъ на ея пути и т. д.,—то это означаетъ, что *эти жизненные интересы ея даютъ право Германіи* совершить все перечисленное, не считая противозаконными или неправовыми свои дѣянія.

Противъ германской крайне грубой теоріи «нашъ интересъ—наше право», мы находимъ англійскую теорію, прикрытую тонкой идеологической оболочкой (въ смыслѣ правового понятія): «право является нашимъ интересомъ». Однако послѣдняя формула въ основѣ своей столь же матеріалистична, какъ и Германская. Англія защищаетъ право не во имя права, а исключительно во имя собственныхъ интересовъ. Она борется за то право, которое обезпечиваетъ ей постоянное владѣніе своими колоніальными собственностями. Она борется во имя международныхъ правовыхъ договоровъ не потому, что она воодушевлена идеаломъ неприкосновенности маленькихъ народовъ и государствъ, а по той причинѣ, что ихъ неприкосновенность, т. е. status uti possidetis, способствуетъ сохраненію ея господствующаго положенія, какъ міроваго государства, противъ нападеній сильнаго соперника. Вотъ причина того, что англичане объявляютъ принципъ

членовъ германскаго генеральнаго штаба, такъ что его теоретическіе взгляды и практическіе постулаты относительно войны не есть только личное мнѣніе частнаго автора, но можетъ съ основаніемъ считаться военнымъ катехизисомъ генеральнаго штаба. Совершенно такое же понятіе о силѣ и правѣ мы находимъ въ офиціальномъ изданіи генеральнаго штаба, въ „Kriegsbrauch im Landkriege“ Берлинъ 1902 г.; объ этомъ см. подроб. въ стат. В. М. Гессена: „Война и право“, въ сбор. „Вопросы міровой войны“ стр. 485. Петрогр. 1815 г.

права, какъ наивысшій принципъ, и негодуютъ, называя варварской[1]) германскую точку зрѣнія, которая объявляетъ грубую силу высшимъ правомъ и предоставляетъ побѣдителю право завоеванія и господства.

Итакъ, въ основѣ какъ германской, такъ и англійской теоріи лежатъ, какъ *главные мотивы, исключительно собственные экономическіе интересы*, съ тою лишь разницей, что первая теорія выражена откровенно, прямо и грубо, тогда какъ вторая—мягко, замаскирована и идеалистична.

5.

Объявивъ государство концентрированнымъ воплощеніемъ мощной физической силы, находя стимулы для употребленія силы въ собственныхъ интересахъ и подчинивъ право и международные *договоры интересу* и силѣ, — германскіе милитаристы и имперіалисты вывели изъ высшихъ принциповъ своего своеобразнаго догмата рядъ логически неизбѣжныхъ заключеній. Для конкретнаго выраженія государственной силы и осуществленія матеріалистическихъ стремленій, т. е. міровыхъ завоеваній на политической и экономической почвѣ, *лучшимъ средствомъ* въ Германіи была провозглашена война. Но для веденія удачной и побѣдоносной войны, для сопротивленія многочисленнымъ врагамъ необходимо непрестанно вооружаться, вооружаться на сушѣ и на морѣ, лучше всѣхъ и быстрѣе всѣхъ — «Ausrüstung bis auf die Zähne» («Вооруженіе до зубовъ»)! Этотъ чисто прусскій лозунгъ сталъ не только главнымъ предметомъ заботы практической политики имперскаго правительства, но также священнымъ девизомъ пропаганды и агитаціи присяжныхъ идеологовъ милитаризма и имперіализма.

Никто не обвинитъ насъ въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что ни въ одной странѣ поклонники режима «крови и желѣза», прославляющіе порохъ и свинецъ, штыкъ и пушку, не доходили до такихъ чудовищныхъ крайностей, какъ въ

---

[1]) „Изъ-за чего мы воюемъ?, 2-е полное изданіе, Петроградъ, 1915 г. стр. 107.

Германіи, въ особенности въ царствованіе Вильгельма II-го. Цѣлый рядъ поколѣній привилегированныхъ классовъ и положеній, дающихъ тонъ господствующимъ въ странѣ настроеніямъ, провозглашаютъ войну, какъ жизнетворящій факторъ. Германскіе идеологи изъ кожи вонъ лѣзутъ не только для того, чтобы доказать значеніе войны, какъ историческаго явленія, но и для того, чтобы объявить *желаннымъ и радостнымъ* ея скорый приходъ. Объяснить необходимость войны съ точекъ зрѣнія экономической, культурной, общественной, моральной, антропологической, біологической и съ тысячи другихъ точекъ зрѣнія,—въ этомъ заключалась патріотическая служба германскихъ идеологовъ. Объявить войну, какъ пришествіе ангела спасителя, какъ призывъ къ оздоровленію, какъ небесное благо,—вотъ задача. Представить идею войны и окровавленный клинокъ обнаженнаго меча какъ объекты безусловнаго культа, достойные оваццій,—вотъ задача. Военный духъ, какъ необходимое средство воспитанія молодого поколѣнія,—вотъ задача.

Вполнѣ естественно, что подобные воинственно-настроенные идеологи менѣе всего склонны воодушевляться идеями мира. Но этого мало. Они ненавидятъ каждую пацифистическую мысль, каждое движеніе въ этомъ направленіи, считая обсужденіе и распространеніе идей мира въ Германіи вредными, какъ ядъ.

Столь же естественно, что прославляющіе идею войны, фанатично пророчащіе ея близкое пришествіе, безжалостно преслѣдующіе идею мира германскіе милитаристы и имперіалисты должны питать столь же фанатичныя, но только враждебныя чувства къ сосѣднимъ государствамъ, народамъ и національностямъ. И въ самомъ дѣлѣ. Ни въ одной странѣ шовинизмъ господствующихъ класовъ не посѣялъ тѣхъ разрушительныхъ сѣмянъ среди мирнаго населенія, какъ въ Германіи. Патентованые идеологи буржуазно-юнкерскаго патріотизма и націонализма съ презрѣніемъ отвергали всякую попытку со стороны сосѣднихъ странъ, направленную къ упроченію солидарныхъ отношеній и мирнаго сближенія. И не только одно это. Они систематически возбуждали простой народъ, непрестанно сѣяли среди него ядовитыя бациллы провокаціи противъ западныхъ и восточныхъ народовъ, въ особенности

противъ тройственнаго согласія. Нападенія германской прессы и полные ругани ея демонстративные призывы къ борьбѣ переходили границы допустимаго максимума. Съ одной стороны сѣющая бурю дипломатія Бисмарка и Вильгельма II-го, съ другой — постоянное нападеніе и провакаціонное выступленіе органовъ печати и политическихъ дѣятелей, создали ту «блестящую изолированность» («splendid isolation») Германіи, импозантнымъ олицетвореніемъ которой является всемірная кровавая трагедія, въ которой большая часть Европы возстала противъ изолированной Германіи. Это положеніе явилось исторически и логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той политики милитаризма и имперіализма въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, которую преслѣдовала официальная Германія въ лицѣ своихъ «героевъ».

6.

Намъ остается теперь доказать многочисленными примѣрами, что то, что мы приписывали воинственной германской идеологіи, не есть преувеличеніе или тенденціозныя прикрасы, а подверждается конкретными фактическими данными. Познакомимся съ германскими идеологами черезъ посредство ихъ собственныхъ заявленій и словъ, безъ стороннихъ примѣчаній и комментаріевъ.

Что думаютъ и какъ судятъ германскіе милитаристы и имперіалисты о войнѣ, объ идеѣ мира и о взаимоотношеніяхъ съ сосѣдними государствами?

По мнѣнію героя франко-прусской войны фельдмаршала Мольтке война есть не что иное, какъ «звено въ цѣпи божественнаго міропорядка, тогда какъ миръ, а тѣмъ болѣе миръ вѣчный — сонъ и то сонъ некрасивый. Въ войнѣ раскрываются и обнаруживаются наиболѣе достойныя человѣческія доблести... Безъ войны міръ погрузился бы въ объятія матеріализма» [1]). Комментаріи и объясненія излишни — настолько ясны и характерны слова великаго прусскаго стратега [2]).

[1]) Dr. K. Liebknecht, ibid, стр. 9.

[2]) То, что германскій военный герой думалъ и говорилъ относительно мира, кабинетный мыслитель обосновалъ и открыто пропагандировалъ. „Историку, — пишетъ Трейчке въ первомъ томѣ своей „Politik“, — живущему

Такимъ же авторитетомъ и воспитательнымъ значенiемъ, какое въ области военнаго искусства для прусско-германскаго офицерства имѣлъ Мольтке, въ военной наукѣ и доктринѣ, для прусско-германскихъ военныхъ писателей и мыслителей, обладалъ Клаузевицъ. Фонъ-деръ-Гольцъ паша отводитъ Клаузевицу, какъ военному мыслителю, то же мѣсто въ военной наукѣ, какое занимаютъ въ искусствѣ Шекспиръ и Гете, первый своимъ «Гамлетомъ», второй «Фаустомъ».

Какая иронiя по адресу мiровыхъ генiевъ, которыхъ зачисляютъ въ столь печальную трiаду, въ компанiи съ пруссакомъ, восхваляющимъ искусство разрушенiя, убiйства и культурнаго одичанiя! И въ чемъ заключаются столь хваленыя заслуги этого человѣка?—«Да, все, что можно сказать о сущности войны, можно найти въ произведенiяхъ этого самаго крупнаго военнаго мыслителя»—говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ [1]). Клаузевицъ оставилъ намъ литературныя произведенiя объ искусствѣ воевать, о способахъ, формахъ и наиболѣе удачныхъ прiемахъ наносить пораженiе врагу. Въ духѣ преподанныхъ имъ методовъ воспитывались и получили образованiе представители прусско-германскаго военнаго сословiя, давшаго столь много рыцарей печальнаго образа въ теченiе обще-европейской войны. Клаузевицъ считаетъ роковой ошибкой прекращенiя войны во имя гуманитарныхъ чувствъ; побѣда должна быть доведена до степени *полнаго истощенiя силъ врага*, до его *окончательнаго разгрома*. Отзываясь на совѣты своего учителя, фонъ-деръ-Гольцъ паша рекомендуетъ прибѣгать во время войны *ко всѣмъ средствамъ*, чтобы побѣдить врага. «Насколько благородно и красиво складывается жизнь народа въ области его культуры, науки, искусствъ и богатства, настолько-же онъ долженъ, чтобы не потерять всего этого, вооружаться для войны». «Во всякомъ случаѣ, вполнѣ естественно, что великiе культурные народы все больше и больше совершенствуютъ дѣло военнаго снаряженiя». «Нашъ нацiональный эгоизмъ неотдѣлимъ отъ

въ мiрѣ воли, сразу ясно, что требованiе вѣчнаго мира реакцiонно по существу... Это были всегда усталыя, бездушныя, безжизненныя времена, которыя лелеяли мечту о вѣчномъ мирѣ" (стр. 75).

[1]) C. Freiherr von der Golz: „Das Volk in Waffen", Берлинъ, 1899 г., Введенiе, стр. 1.

идеаловъ нашего націольннаго величія; онъ вѣчно толкаетъ насъ къ оружію. И гдѣ тотъ третейскій судъ, который можетъ приказать заключить миръ?» [1]) Какъ воинственный патріотъ, фонъ-дерь-Гольцъ ничего не хочетъ слышать о мирѣ. «Только тотъ народъ гарантированъ отъ всего, который ради защиты своей независимости каждую минуту готовъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ на поле брани» [2]).

Но не только человѣкъ дѣла и военный политикъ разсуждаетъ такъ. Въ Германіи существуютъ представители науки, люди высокой интеллектуальности [3]), которые поютъ ту же хвалу войнѣ и прусскому вооруженному кулаку.

Цитированный выше Трейчке является самой типичной фигурой въ галлереѣ поклонниковъ Пруссіи и апологетовъ войны. Можно безъ преувеличенія сказать, что произведенія Трейчке въ смыслѣ прославленія Гогенцллерновъ и Пруссіи имѣли въ исторіи и публицистикѣ (въ «Preussische Jahrbücher») то же значеніе, которое выпало на долю Бисмарка въ области политики и дипломатическаго искусства. По мнѣнію прусскаго шовиниста, Пруссія со своими Гогенцоллернами является квинтъ-эссенціей германскаго народа. Пруссіи «предопредѣлено основать всемірное государство». Только Гогенцоллерны могутъ дать Германіи отечество. Какъ это характерно для прусской юнкерской реакціи, что вѣрный Пруссіи идеологъ ея, Трейчке, откровенно пишетъ: «Германскій вопросъ является не вопросомъ свободы, а вопросомъ силы, а сила имѣется только у Пруссіи». Трейкче, какъ патентованный повѣренный всего прусскаго и горячій защитникъ прусской короны, нападаетъ на другія маленькія германскія союзныя государства, которыя считали «существованіе Пруссіи проклятіемъ для Германіи». Трейчке оспариваетъ всякую анти-прусскую идею. «Всякій благоразумный не-прусскій гражданинъ,—говорить Трейчке съ особенной силой,—

---

1) Fr. v. der Goltz, „Das Volk in Waffen" стр. 7, 8 и 9.
2) Fr. v. der Goltz, ibid, стр. 10.
3) См. интересную статью В. П. Бувескула „Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія", „Русская Мысль", 1915 г., № 2, стр. 24, въ которой авторъ въ хронологическомъ порядкѣ даетъ политическую характеристику всѣхъ знаменитыхъ германскихъ историковъ XIX вѣка.

долженъ радоваться, что Пруссія прославила снова германское имя» [1]).

Трейчке можно вполнѣ назвать духовнымъ отцомъ идеологіи прусско-германскаго милитаризма. Никто изъ его современниковъ не возвеличивалъ до небесъ и такъ ожесточенно войско, какъ государственный институтъ, а войны, какъ политическое событіе. Никто не чтилъ такъ высоко неприкосновенность военнаго авторитета и не проповѣдывалъ такъ энергично идеи военной мощи.

По представленію Трейчке, первой «основной функціей каждаго государства является войско» (I т. стр. 70). «Въ наше время каждый чувствуетъ, что войско не только средство для дипломатическихъ цѣлей; но на распредѣленіи оружія въ народѣ основывается не чуть ли строй государства» (II т. стр. 355). «Самой реальной и самой дѣйствительной связью національнаго единства стало, безъ сомнѣнія, германское войско, а никакъ не германскій рейхстагъ». (II т. стр. 356). Очень характернымъ является ходъ мыслей прусскаго патріота. Трейчке просто игнорируетъ высокое значеніе германскаго народнаго представительства и ставитъ его ниже войска. Точно также, съ его точки зрѣнія, интеллектуальныя силы націи и ея культурныя работники стоятъ гораздо ниже, нежели представители грубой силы и прежде всего силы военной. Такъ напр. солдатъ или офицеръ, по его мнѣнію, гораздо нужнѣе, нежели писатели; или—каждый смѣлый драгунъ, который однимъ ударомъ убиваетъ на полѣ брани врага, дѣлаетъ для Германіи гораздо больше, чѣмъ самый тонкій политическій умъ или самое опытное перо публициста.

Изъ этого основного взгляда Трейчке можно легко понять, каково его отношеніе къ войнѣ. И можно сказать, что въ этомъ пунктѣ нѣмецкій ученый историкъ приноситъ въ жертву

[1]) „Politik." II т. стр. 346. Въ другомъ мѣстѣ онъ подчеркиваетъ въ патетическихъ выраженіяхъ: „Всякое политически - реальное содержаніе исторіи союзныхъ государствъ разыгрывается въ Пруссіи. Пруссія распространила свои учрежденія на всю остальную Германію". (стр. 337). „Что бы стало съ Германіей, если бы прусское государство перестало существоать? Имперія не могла бы больше жить". (стр. 343).

свое научное призваніе передъ алтаремъ прусско-германскаго военнаго патріотизма [1]).

Что такое война? Трейчке не даетъ намъ объективнаго обоснованія этого понятія, или, по крайней мѣрѣ, частичнаго указанія на безчисленныя отрицательныя стороны войны; онъ слѣпо возвеличиваетъ идею войны, фанатично обожествляя ея явленіе.

«Война—политика по преимуществу (Κατ'ἐξοχην, какъ называетъ самъ Трайчке). Опять и опять будетъ подтверждаться та истина, что только война дѣлаетъ народъ народомъ». (I т., стр. 60). «Безъ войны не было бы никакого государства. Благодаря войнѣ возникли всѣ намъ извѣстныя государства. Война будетъ существовать до конца исторіи, пока существуетъ извѣстное количество государствъ» (стр. 72) [2]).

«И также среди культурныхъ народовъ война остается формою процесса, въ которомъ проявляются притязанія государствъ». (стр. 73). «Слѣдуетъ сказать самымъ рѣшительнымъ образомъ: война является для хворающихъ народовъ единственнымъ средствомъ исцѣленія». (стр. 74). «Политическій идеализмъ какъ разъ и требуетъ войны». (стр. 74). «Живой Богъ позаботится о томъ, чтобы война всегда повторялась, какъ страшное лѣкарство для человѣческаго рода» (стр. 76).

«Мы познали моральное величіе войны какъ разъ въ томъ, что поверхностнымъ наблюдателямъ кажется грубымъ и безчеловѣчнымъ». (II т., стр. 361). «Кто знакомъ съ исторіей, тотъ знаетъ также, что это было бы изувѣченіемъ человѣческаго общества, если бы захотѣли удалить изъ міра войну». (стр. 362). «Въ моменты великихъ кризисовъ народной жизни война есть всегда болѣе мягкое цѣлебное средство, нежели революція, потому что война охраняетъ

---

[1]) Самъ Трейчке въ письмѣ Г. Фрейтагу сознается, что „въ немъ патріотъ въ тысячу разъ сильнѣе профессора", т. е. ученаго. Этимъ Трейчке произнесъ смертный приговоръ цѣнности своихъ политическихъ взглядовъ, ибо историческія обоснованія въ такомъ случаѣ не имѣютъ научной цѣнности, представляютъ лишь исключительно тенденціозныя положенія горячаго патріота.

[2]) „Оружіе сохранитъ свое право до конца исторіи,—говоритъ Трейчке въ другомъ мѣстѣ,—и какъ разъ въ этомъ заключается святость войны". (I т., стр. 39).

вѣрность родинѣ, и ея исходъ является какъ бы приговоромъ Бога» [1]).

Такими перлами мысли наполнены произведенія Трейчке. И этотъ человѣкъ, заложившій краеугольный камень высокоразвитаго милитаризма, имѣлъ пропагандой своихъ вредныхъ, разрушительныхъ идей громадное вліяніе на молодое поколѣніе Германіи. Вполнѣ естественно, что этотъ ярый поклонникъ Пруссіи и войны питаетъ чувство бурной національной ненависти къ тѣмъ государствамъ, которыя мѣшаютъ съ запада и востока осуществленію «великой миссіи Пруссіи—къ Франціи, Англіи [2]) и Россіи.

Еще дальше Трейчке идетъ его ученикъ, ревниво оберегающій его политическое ученіе, уже знакомый намъ генералъ фонъ-Бернгарди, котораго можно назвать *новѣйшимъ апостоломъ* милитаристическаго и имперіалистическаго евангелія Германіи. О его сильно нашумѣвшей книгѣ («Deutschland und der nächste Krieg»), Берлинъ, 1912 г. [3]) много говорилось въ русской печати, такъ что не стоитъ долго останавливаться на ней; возстановимъ въ памяти лишь нѣкоторыя характерныя ея черты.

Генералъ фонъ-Бернгарди, какъ мыслитель, аналитикъ соединилъ въ себѣ двѣ типичныя черты, одинаково сильно выраженныя, и сумѣлъ объединить ихъ въ одномъ цѣломъ: *онъ является и цѣлесознательнымъ представителемъ-членомъ организованной военной касты, и просвѣщеннымъ идеологомъ агрессивнаго имперіализма крупной буржуазіи, недавно ставшей у власти.* И такъ какъ въ современномъ обществѣ милитаризмъ не имѣетъ другого raison

---

[1]) Treitschke „Historische und politische Aufsätze", 6-ое изд., Лейпцигъ, II т. стр. 559, 1903 г.

[2]) Наиболѣе ярую ненависть питалъ Трейчке къ англійскому народу и государству, міровыя завоеванія котораго никакъ не могъ переварить прусскій шовинистъ. По Трейчке, Англія—„народъ лавочниковъ", который является олицетвореніемъ „обмана" и „низости", и давно пора, чтобы она исчезла съ горизонта. Англійскій профессоръ Крэмбъ (лонд. унив.), современникъ Трейчке, его близкій знакомый, историкъ, долгіе годы работавшій въ Германіи, свидѣтельствуетъ, что болѣе всѣхъ отвѣтственнымъ за распространеніе анти-англійскихъ настроеній въ Германіи является Трейчке, который имѣлъ необыкновенное вліяніе на молодую Германію. См. рус. перев. книги Крэмба „Германія и Англія", Москва. 1915 г., стр. 72, 92, 93.

[3]) Чтобы распространить свои мысли въ широкихъ народныхъ массахъ, генералъ Бернгарди выпустилъ первое народное изданіе своей книги подъ заглавіемъ „Unsere Zukunft", сжатое и общедоступное по цѣнѣ.

d'être, какъ служить всѣми своими аппаратами цѣлямъ капиталистическаго имперіализма.—то и нашъ юнкеръ-генералъ разсуждаетъ не какъ окаменѣвшій феодалъ, а какъ модернизованный бюргеръ, глядящій въ даль, гибкій и утонченный, который умѣетъ ясно представлять себѣ сущность матеріальныхъ основаній, могущихъ превратить Германію въ Weltmacht. Въ своихъ взглядахъ онъ до искренности откровененъ и прямолинеенъ, смѣлъ и храбръ, а въ своихъ разсужденіяхъ безпощаденъ, несдержанъ и, что у нѣмцевъ называется, schlagfertig [1]).

«Война—отецъ всего». «Заботиться о мирѣ, значитъ для германскаго народа — отравлять его душу ядомъ».—«По моему мнѣнію, мы не можемъ исполнить нашъ національный долгъ, не вынувъ меча изъ ноженъ».—«Такъ какъ война необходима и неизбѣжна, мы должны бороться во что бы то ни стало до конца».—«Насъ не должны ослѣплять попытки Англіи къ сближенію. Мы только можемъ пользоваться этими попытками до тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ опредѣленные шансы на удачный исходъ необходимой, неизбѣжной борьбы».

Эти жемчужины мысли прусскаго генерала, выраженныя въ формѣ афоризмовъ, являются какъ бы эпиграфами для его военнаго и имперіалистическаго трактата.

Насколько генералъ Бернгарди влюбленъ въ военную дѣятельность и въ идею войны, настолько же онъ всею душою ненавидитъ миръ и организаціи, мѣшающія воплощенію идеи войны въ жизнь. «Особенно разрушительны,—пишетъ онъ,—третейскіе суды и договоры для народа, который еще не дошелъ до кульминаціоннаго пункта своего политическаго

---

[1]) Книга Бернгарди, почти цѣликомъ являющаяся попыткой сведенія счетовъ съ Англіей, была немедленно переведена на англійскій языкъ и послужила поводомъ для литературной полемики. Англійская печать, имѣя въ виду высокое положеніе автора книги, съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчала то обстоятельство, что въ книгѣ Бернгарди раскрыли со всей откровенностью свои карты господствующая въ Германіи военная партія и правительственные круги, а это содѣйствовало пробужденію Англіи. Англійскій либеральный органъ „Fertnightly Review“ замѣчаетъ по поводу книги Бернгарди: „Человѣкъ, мнѣніе котораго имѣетъ вѣсъ, откровенно разсказываетъ намъ, что Германія нападетъ на насъ (на Англію) тогда, когда окажется подходящій для этого моментъ“. Газета рекомендуетъ англичанамъ не оставлять этой книги безъ вниманія (см. проф. O. Nippold „Der deutshe Chauvinismus“, Берлинъ, 1913 г., стр. 99).

и національнаго развитія, который долженъ еще заботиться о расширеніи своей мощи...» [1]).

Такимъ образомъ, Бернгарди любитъ войну не ради войны, а ради того, что она—мощный факторъ, рѣшительное средство сохранить Weltstellung Германіи и основать ея Weltmacht. Ненавидитъ же онъ миръ потому, что посредствомъ мира Германія, по его глубокому убѣжденію, не можетъ осуществить «плановъ міровой политики».

«Если мы желаемъ,—пишетъ Бернгарди,—пріобрѣсти для нашего народа положеніе міровой націи, мы должны возложить всѣ свои надежды на мечъ, отвергнуть всѣ миролюбивыя слабодушныя утопіи и смѣло смотрѣть на опасности, окружающія насъ [2]).

Стоитъ ли говорить, что наиболѣе сильныя и ядовитыя нападки свои Бернгарди направляетъ противъ Англіи, противъ того опаснѣйшаго врага, міровыя завоеванія и морское господство котораго никакъ не могутъ переварить германскіе милитаристы и имперіалисты. Они отвергаютъ попытки Англіи къ сближенію [3]). Но нашъ генералъ не довольствуется одной Англіей. Для германской прогрессирующей міровой политики столь же невыносимыя препятствія представляютъ западный и восточный сосѣди на сушѣ—Франція и Россія. И еще въ 1912 году Бернгарди предвидѣлъ, что въ случаѣ войны Германіи придется бороться не только съ Англіей, но и съ соединенными силами тройственнаго согласія. Его дальновидность въ этомъ отношеніи является прямо пророче-

---

1) Fr. v. Bernhardi „Deutschland und der nächste Krieg", Берлинъ, 1912 г., стр. 27.—Нѣмецкій генералъ и въ этомъ вопросѣ, какъ мы видимъ, являлся настоящимъ и послѣдовательнымъ ученикомъ нѣмецкаго историка. Трейчке, какъ извѣстно, отрицалъ всякое значеніе третейскаго суда. „Учрежденіе правового международнаго третейскаго суда,—пишетъ онъ,—какъ постояннаго института, не соединимо съ сущностью государства. („Pol.", стр. 38, I т.). Или: „международный судъ, съ рѣшающимъ голосомъ, не можетъ совсѣмъ быть", (стр. 39).

2) Fr. v. Bernhardi, „Vom heutigen Kriege", стр. 12.

3) Германскіе націоналисты обвиняли какъ Россію, такъ и Англію въ томъ, что онѣ явились активными и нападающими сторонами въ Европейской войнѣ. Но мы видѣли изъ изложеннаго нами, что первопричиной войны въ Европѣ, когда бы она ни возникла, неизбѣжно должна была явиться Германія, какъ историческая представительница ненасытившагося капитализма, слѣдовательно, и активнаго и агрессивнаго имперіализма. Генералъ Бернгарди, просвѣщенный идеологъ этого имперіализма, всей своей аргументаціей войны подтверждаетъ нашъ тезисъ. Онъ даже рекомендуетъ отвергнуть попытки Англіи къ примиренію и сближенію съ Германіей.

ской, когда онъ затрагиваетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ державъ тройственнаго согласія въ случаѣ войны. Италію онъ считаетъ ненадежной союзницей, фактически болѣе связанной съ Франціей и Англіей, чѣмъ со своими оффиціальными союзниками; поэтому въ случаѣ войны Германія не должна надѣяться на помощь Италіи. Это предвидѣніе Бернгарди въ отношеніи Италіи осуществилось съ поразительной точностью.

Въ концѣ 1912 года, въ статьѣ «1813—1913 г.г.», написанной по поводу наступленія новаго 1913 года, генералъ Бернгарди обращается къ своимъ соотечественникамъ съ роковыми предостереженіями, достойными дальновиднаго дипломата. «Кажется, мы идемъ навстрѣчу близкой войнѣ,— пишетъ между прочимъ Бернгарди,—которая будетъ имѣть рѣшающее значеніе для всего нашего будущаго. Сможемъ ли мы сохранить наше нынѣшнее политическое положеніе и достичь міроваго господства, или будемъ оттѣснены и заслужимъ участь второстепеннаго материковаго государства? Пусть каждый германецъ не упускаетъ изъ виду этой альтернативы! Пусть наше правительство ясно сознаетъ, что все поставлено на карту! Все должно отступить теперь на второй планъ передъ желаніемъ господства и волей къ побѣдѣ... только тогда мы сможемъ пережить такіе же дни, какъ наши предки сто лѣтъ назадъ» [1]).

Это пророчество генерала-дипломата также осуществилось. Своей агрессивной политикой Германія зажгла міровой пожаръ, въ которомъ она выступила въ роли рыцаря печальнаго образа, которому, однако, къ счастью не было суждено осуществить первую половину альтернативы Бернгарди.

7.

Но генералъ Бернгарди не одинокъ, и число лицъ, постоянно наполняющихъ политическую атмосферу Германіи пропагандой необходимости войны, служащихъ лозунгу «Weltmacht oder Niedergang!», громадно.

[1]) См. „Hannoversches Tageblatt", 1912 г., отъ 28 декабря.

Никогда германская пресса, политическіе круги и идеологи-представители военной партіи, а также пангерманскія группы, не выступали такъ шумно съ проповѣдью войны, съ такимъ поддакиваніемъ грубыхъ инстинктовъ германскаго Михеля, какъ это имѣло мѣсто въ 1913, 1912 и отчасти 1911 годахъ.

Два замѣчательныхъ событія, сложившихся, съ точки зрѣнія германскаго имперіализма, весьма невыгодно, чрезвычайно озлобили германскихъ націоналистовъ.

Одно событіе—повтореніе марокскаго конфликта въ 1911 году, когда германское правительство увидѣло себя изолированнымъ въ политическомъ концертѣ, имѣя за собой только Австро-Венгрію, тогда какъ Англія и Россія, а также Италія со своей пассивной позиціей, склонились на сторону Франціи. Этотъ конфликтъ разрѣшился, какъ извѣстно, мирными переговорами Франціи и Германіи, закончившимися передачей Германіи французскаго Конго—дикой пустыни въ дебряхъ Африки. Германскіе имперіалисты и милитаристы не смогли молча переварить это дипломатическое пораженіе. Къ страстнымъ нападеніямъ прессы присоединились и крайне ожесточенныя парламентскія рѣчи[1]) противъ Франціи и даже Англіи.

Другое, несравненно болѣе крупное событіе—*Балканская война*, съ послѣдовавшимъ полнымъ пораженіемъ Турціи, явившимся одновременно пораженіемъ германскаго ближне-восточнаго имперіализма. Извѣстно, какія крупныя политико-экономическія программы лелѣяла Германія на Ближнемъ Востокѣ, особенно въ Малой Азіи, начиная съ 90-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, со временъ полученія концессій на Анатолійскую и Багдадскую желѣзныя дороги. Германія стремилась, если хотите, заложить прочный фундаментъ своей

---

[1]) Особенно памятно то засѣданіе рейхстага (въ октябрѣ 1911 года), на которомъ консерваторы и націоналъ-либералы (т. е. идеологи юнкерства, военной партіи и имперіалистической буржуазіи) въ рѣзкихъ нападкахъ критиковали мягкую и медлительную политику имперскаго канцлера по отношенію къ Франціи и Англіи и призывали къ оружію. Изъ императорской ложи кронпринцъ апплодировалъ ядовитой рѣчи лидера консерваторовъ фонъ-Гайдебранда (названнаго „Ungekrönter König von Preussen") противъ Бетманъ-Гольвега и тѣмъ демонстрировалъ свое отрицательное отношеніе къ миролюбивому курсу политики правительства своего отца. Германскій кронпринцъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ вождей военной партіи.

міровой политики въ странѣ османовъ. Какую торгово-экономическую политику преслѣдовало въ Турціи правительство Вильгельма II, видно изъ откровенныхъ признаній стоящей близко къ финансовымъ кругамъ «Deutsche Zeitung», сдѣланныхъ по поводу проекта постройки Багдадской желѣзной дороги (1899 г.): «Какъ только всѣ приморскія части Турціи перейдутъ въ руки германцевъ, мы введемъ такіе тарифы, которые положатъ конецъ всякой не-германской конкуренціи. Мы соединимъ всѣ желѣзныя дороги и всѣ приморскія области въ одномъ германскомъ трестѣ, подъ контролемъ «Deutsche Bank». Желѣзныя дороги должны перевозить только германскіе товары. Такимъ образомъ Турція станетъ германской колоніей» [1]).

Это было программой колоніально-экономическихъ завоеваній Германіи въ Турціи—программой, которая свидѣтельствуетъ о крайней заинтересованности германскаго имперіализма въ неприкосновенности турецкой территоріи. Но, съ другой стороны, каковы тѣ отдаленные политическіе идеалы Германіи, которые она стремилась осуществить на Ближнемъ Востокѣ посредствомъ Турціи и при ея содѣйствіи? Эту ярко окрашенную тенденцію лучше всего выражаетъ д-ръ Пауль Рорбахъ, лучшій знатокъ германской ближне-восточной политики, получившій въ послѣдніе годы отвѣтственную должность въ министерствѣ колоній. До Балканской войны онъ разсуждалъ такъ: «*Въ сущности говоря, у Германіи имѣется одна единственная возможность въ случаѣ наступательной войны противъ Англіи; эта возможность—усиленіе Турціи* (курсивъ автора). На Англію можно напасть съ суши, со стороны Европы, и нанести ей ударъ только изъ одного мѣста—*Египта*. Вмѣстѣ съ Египтомъ Англія потеряетъ не только свое господство надъ Суэцкимъ каналомъ и надъ средствами сообщенія съ Индіей и Азіей, а также, по всей вѣроятности, и свои владѣнія въ Центральной и Восточной Африкѣ. Завоеваніе Египта такимъ магометанскимъ государствомъ, какъ Турція, можетъ также имѣть опасное вліяніе на 60 милліоновъ магометанскихъ подданныхъ ея въ

[1]) Цит. см. П. Масловъ—„Экономическія причины міровой войны“, Москва, 1915 г., стр. 53.

Индіи, въ Афганистанѣ и Персіи, но Турція можетъ мечтать о Египтѣ только при тѣхъ условіяхъ, если она будетъ имѣть въ Малой Азіи и Сиріи *обширную желѣзнодорожную систему*, если она, продолживъ Анатолійскую желѣзную дорогу, сумѣетъ защищаться отъ Англіи въ Месопотаміи, если она *увеличитъ и усовершенствуетъ свои войска* и если ея *экономическое положеніе и финансы улучшатся* (курсивъ нашъ). Съ другой стороны,—продолжаетъ Рорбахъ,—сознаніе того, что Турція усилилась въ военномъ отношеніи, укрѣпилась экономически и стала хозяиномъ желѣзно-дорожныхъ сообщеній, вполнѣ достаточно для Англіи, чтобы она отказалась разъ навсегда отъ мысли напасть на Германію. И это положеніе должно стать цѣлью германской политики. Та политика помощи и содѣйствія, которой слѣдуетъ Германія въ отношеніи Турціи, поставила себѣ цѣлью создать сильную гарантію на случай угрозы войны со стороны Англіи» [1]).

Мы намѣренно привели эту обширную цитату, ибо она заключаетъ въ себѣ зерно германскаго имперіализма. Приведенныя строки имѣютъ двойную цѣнность для насъ по той причинѣ, что за откровенно обсуждаемыми тенденціями скрывается не только авторъ ихъ, но и отвѣтственный чиновникъ германскаго колоніальнаго министерства или, иными словами, оффиціальный представитель германскаго имперіализма.

Такъ сладко грезила Германія о Турціи. Но кровавая балканская драма (1912—1913 г.г.) окатила холодной водой головы германскихъ дипломатовъ, разгоряченныя дальновидными и таинственными планами. Ужасныя катастрофы, постигшія турецкія арміи, въ конечномъ счетѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофами для германскихъ ближне-восточныхъ иллюзій, для заманчивыхъ воздушныхъ замковъ, воздвигнутыхъ Рорбахами.

«Турецкіе полки,—замѣчаетъ справедливо по этому поводу извѣстный теоретикъ австрійской соціалъ-демократіи Отто Бауэръ,—которые, согласно желаніямъ германскихъ

---

[1]) „Bagdadbahn". Берлинъ, 1911 г. Рорбахъ въ другихъ трудахъ также развиваетъ эти мысли объ англо-германскомъ антагонизмѣ; такъ, напримѣръ, въ „Deutschland unter den Weltvölkern", Берлинъ 1908 г., „Das polit. Krisengebiet Europas". Берлинъ, 1909 г.

имперіалистовъ, должны были поставить въ затруднительное положеніе великую Англію, были разбиты со стороны карликовыхъ балканскихъ государствъ. Отнынѣ Турція никогда не въ состояніи сдѣлаться болѣе или менѣе значительной союзницей Германіи, главной опорой германскаго народнаго хозяйства, сильнымъ сподвижникомъ Германіи въ борьбѣ противъ мірового господства Англіи. *Германская міровая политика отнынѣ потеряла всякій смыслъ, содержаніе и цѣль.* Въ бояхъ въ Македоніи, Ѳракіи, вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ, потерпѣлъ пораженіе и германскій имперіализмъ» [1]).

Государство, посредствомъ котораго и вмѣстѣ съ которымъ Германія мечтала нанести рѣшительнѣйшіе удары самому главному своему конкуренту въ Египтѣ, Персіи, Малой Азіи и Индіи, само внезапно пало на берегахъ Босфора, какъ трупъ. Турція не только потеряла свои европейскія владѣнія, но и ея азіатскія земли ускореннымъ темпомъ превратились въ объекты концессій, причемъ даже Россія и Италія не пожалѣли усилій пріобрѣсти здѣсь опорные пункты для колоніальной политики, выдвинувъ свои желѣзнодорожные проекты. А это означаетъ, что Турція даже какъ *военное государство* перестала имѣть будущее; это означаетъ далѣе, что въ Турціи лишенной будущности, потерпѣли крушеніе сложные планы германскаго агрессивнаго имперіализма. Даже представители германскаго правительства не вѣрили болѣе въ продолжительную будущность турецкаго государства [2]).

[1]) Otto Bauer „Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik", Берлинъ, 1912 г., стр. 47.

[2]) „Могу вамъ сообщить, какъ новость, что нынѣ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ старая точка зрѣнія на Турцію основнымъ образомъ измѣнилась. Мы теперь убѣждены, что Турція не имѣетъ болѣе никакой будущности: годы ея существованія сочтены...". Эти характерныя слова принадлежатъ другому германскому имперіалисту, д-ру Лепсіусу, бывшему въ теченіе многихъ лѣтъ руководителемъ германскаго евангелическаго миссіонерства въ Малой Азіи, а въ послѣднее время особо уполномоченнымъ представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ и колоніальнаго министерства, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ближне-восточныхъ отношеній. Въ 1913 г., возвратившись изъ Турціи въ Берлинъ, онъ прочиталъ на одномъ собраніи берлинской армянской колоніи докладъ объ армянскихъ дѣлахъ. Какъ одинъ изъ „сострадальныхъ армянофиловъ", онъ хотѣлъ этими словами утѣшить армянъ, показать имъ, что Германія измѣнила свое отношеніе къ армянскимъ реформамъ, что она не смотритъ болѣе съ прежнимъ равнодушіемъ на армянскій вопросъ. Въ этомъ признаніи достойно вниманія то, что Германія болѣе не вѣритъ въ будущность Турціи; а это означаетъ, что она не вѣритъ въ возможность осуществленія своихъ стремленій черезъ посредство лишенной будущности Турціи.

Но этого недостаточно. Взамѣнъ усиленія молодой Турціи, обѣщавшей будущность, и даже за *счетъ* ея усилились мелкія государства Балканскаго полуострова. Это уже явилось двойнымъ препятствіемъ для развитія германской ближне-восточной политики. Скажемъ, болѣе. Это означаетъ прекращеніе навсегда завоевательной политики Австро-Венгріи, самой близкой союзницы Германіи, на Балканахъ. Точно такъ, какъ германскій имперіализмъ съ напряженной энергіей стремился къ унаслѣдованію *наиболѣе крупныхъ турецкихъ владѣній,* захватывая львиныя доли въ Передней Азіи,—точно также Габсбургская монархія, исполненая тѣми же намѣреніями, пыталась *проложить себѣ свободную дорогу на Балканахъ,* проглотивъ то или другое карликовое государство. Господствующую въ Австріи тенденцію „Drang nach Balkan“ объясняетъ одинъ австрійскій военный писатель слѣдующими весьма откровенными словами: «Балканы съ промышленной точки зрѣнія являются наилучшей колоніей для нашей обрабатывающей промышленности, для нашей торговли, нашей эмиграціи и нашего духовнаго перепроизводства, а географически и этнографически они прямо предназначены быть нашей колоніей». «Такъ какъ мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ уже пріобрѣсти Балканы мирнымъ путемъ, мы должны занять поэтому Балканы посредствомъ войны... Того, кто станетъ намъ на дорогѣ, мы отправимъ домой съ окровавленной головой» [1]).

Австрійскій военный писатель рекомендуетъ Австро-Венгріи то же самое, что генералъ Бернгарди предлагаетъ Германіи. Въ обоихъ случаяхъ единственнымъ средствомъ для сведенія счетовъ съ врагами германскихъ государствъ считается война. Сильно воинственное настроеніе царило въ Австріи и особенно въ Германіи во время Балканской войны и послѣ нея. Германскіе милитаристы и имперіалисты, вся націоналистическая печать, даже полуоффиціальные органы и идеологи пангерманизма въ 1912—13 г.г. были захвачены вѣяніями наступательной войны и непрестанно провоциро-

---

[1]) См. цит. у Маслова „Экономич. причины міровой войны“, стр. 50.

вали державы тройственнаго согласія, дѣлая по ихъ адресу несдержанные вызовы на войну [1]).

Нѣсколько примѣровъ достаточны для того, чтобы составить представленіе о томъ, чего ожидали и требовали отъ правительства Вильгельма II, въ періодъ Балканской бури, органы германскаго милитаризма и имперіализма, ихъ идеологи.

«Въ современной Германіи ни одинъ мыслящій человѣкъ не сомнѣвается въ томъ,—пишетъ «Die Post», органъ военной партіи и консерваторовъ, альфу и омегу разсужденій котораго составляютъ германскій милитаризмъ и имперіализмъ,—что тройственное согласіе готовится уничтожить насъ. Мы всѣ знаемъ, что непремѣнно должна пролиться кровь. Но чѣмъ дальше мы будемъ ждать, тѣмъ хуже...». «Всѣ мы знаемъ, что только въ наступательной войнѣ найдетъ Германія свое спасеніе. Оборонительное положеніе означаетъ самоубійство. Миръ явится не только позоромъ для насъ, но и концомъ всего...» [2]).

Вліятельный органъ протестантскихъ клерикаловъ „Der Reichsbote» не стѣсняется открытой провокаціи: «Надо посовѣтовать,—пишетъ газета,—нашимъ неисправивымъ оптимистамъ и миролюбивымъ фантазерамъ, что всякая попытка сближенія съ Англіей излишня...» «Всякая германская война въ будущемъ будетъ войной расовой, прежде всего направленной противъ славянскихъ элементовъ...» «Если мы вторично будемъ воевать съ Франціей и побѣдимъ ее, необходимо снова отобратъ у нихъ провинціи, нужныя намъ съ стратегическою цѣлью, и потребовать большой контрибуціи...» «Такъ называемый всемірный миръ означаетъ не порядокъ, а хаосъ. Миръ является прежде всего насильственнымъ господствомъ денежной мощи и пролетаріата надъ производительными силами народовъ» [3]).

Оффиціальный органъ католической партіи центра «Germania»

---

[1]) Въ высшей степени цѣнные документы и разоблаченія содержитъ въ себѣ изданная мною брошюра „Нѣмецкій профессоръ о германскомъ шовинизмѣ“ (1915 г., Петроградъ), въ которой изъ первоисточниковъ передаются яркіе факты о царившемъ въ Германіи наканунѣ обще-европейской войны воинственномъ настроеніи.

[2]) См. „Die Post“, 1912 г., № отъ 28 января.

[3]) „Der Reichsbote“, 1913 г., № отъ 7 января.

представляетъ наступленіе европейской войны такимъ образомъ: «Если когда либо вспыхнетъ великая міровая война, противъ тройственнаго союза выступятъ вмѣстѣ съ Россіей и Франціей не только Англія, но и Балканскія государства... до самаго послѣдняго времени въ Германіи было распространено мнѣніе, что мы прежде всего неизбѣжно должны столкнуться съ Англіей. Однако, событія послѣднихъ шести мѣсяцевъ показали, что скорѣе всего вѣроятной и угрожающей должна считаться война съ Россіей. Восточный вопросъ принялъ въ настоящее время характеръ борьбы между славянствомъ и германизмомъ» [1].

Въ томъ же духѣ разсуждаетъ и бывшій лейбъ-органъ Бисмарка «Hamburger Nachrichten» въ статьѣ, озаглавленной «Германство и славянство». Нынѣ, — пишетъ онъ,—когда борьба романскаго и германскаго элементовъ привела къ исходу, въ сущности благопріятному для послѣднихъ, намъ остается рано или поздно свести счеты со славянствомъ. Отношенія съ каждымъ годомъ обостряются. И наступитъ время, когда долженъ разрѣшиться вопросъ, кто будетъ играть руководящую роль въ Европѣ—славяне или германцы?» [2].

Въ подтвержденіе того, до какой степени имперіалистическая кровожадная печать восхваляетъ идею кровавой войны и грезитъ о скорѣйшемъ наступленіи ея, приведемъ изъ ряда многочисленныхъ документовъ два характерныхъ примѣра. Милитаристическій еженедѣльникъ «Jungdeutschland-Post» пишетъ въ большой статьѣ по поводу Балканской войны, между прочимъ, слѣдующее: «Для насъ также, наконецъ, долженъ пробить радостный часъ великой войны и прозвучать въ нашихъ ушахъ древній королевскій зовъ: «На поле брани! Съ Богомъ за короля и отечество»! «Въ германскомъ сердцѣ, молча и глубоко внѣдрившись, должно жить чувство радости и жажда войны». «Съ радостнымъ сердцемъ возьмемся за оружіе и весело встрѣтимъ часъ войны. Будемъ смѣяться и отъ всей души ненавидѣть тѣхъ старушекъ въ мужскихъ брюкахъ, которые боятся войны и

---

[1]) „Germania", 1913 г., № отъ 8 марта.
[2]) „Hamburger Nachrichten", 1913 г., № отъ 8 марта.

рыдаютъ, потому что война ужасна, слѣдовательно и ненавистна. Нѣтъ, война столь прекрасна!..» [1]).

Реакціонная газета «Berl.-Neueste Nachrichten» въ своемъ восхваленіи войны впадаетъ въ экстазъ. «Война,—пишетъ она,—не только простой факторъ, но факторъ главный; не только созидающая сила, но и сила, оберегающая дѣйствительную, истинную культуру. Безъ войны не можетъ ни возникнуть ни существовать болѣе или менѣе продолжительно ни одно правопорядочное общество, ни одно жизненное государство». «Опасны каждая чрезмѣрная культура и каждая чрезмѣрная цивилизація; только война, чтобы устранить опасныя послѣдствія ихъ, можетъ свести счеты съ культурой». «Война является необходимой частицей божественнаго міропорядка». «Война является неизбѣжной первопричиной въ возникновеніи и сохраненіи добра, красоты, величія и благородства какъ въ природѣ, такъ и въ настоящей, истинной культурѣ» [2]).

Также далеко идетъ въ своемъ безумномъ экстазѣ пангерманистическая газета націоналъ-либераловъ «Tägliche Rundschau», которая старается убѣдить насъ, что «война—величайшій благодѣтель человѣчества, потому что она является бдительнымъ стражемъ и контролирующей силой разностороннихъ доблестей какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ». «Что можетъ лучше воспитывать характеръ человѣка и больше способствовать развитію его физическихъ, духовныхъ и моральныхъ силъ, чѣмъ война и постоянная готовность къ войнѣ»? «Самымъ точнымъ и безошибочнымъ масштабомъ дѣйствительной высоты культурнаго состоянія любого народа является его военная сила». Мы, германцы, не должны видѣть въ войнѣ разрушительную стихію и обя-

---

[1]) См. статью „Dor Krieg“ въ Jungdeutschl.—Post“, 1913 г., № 4 отъ 25 января. Журналъ этотъ является (оффиціальнымъ органомъ ортанизаціи военныхъ „Jungdeutschland—Bund“ Союзъ молодой Германіи), и его девизовъ является „Militarisierung der deutschen Jugend“ т. е. милитаризація германской молодежи, воспитаніе и образованіе ся въ школѣ военнаго искусства и традицій пробужденіе въ ней любви и стремленіе къ войнѣ. Доступъ такого опаснаго, журнала. отравляющаго молодыя души въ среду учениковъ и студентовъ не тозько не воспрещенъ со стороны учебнаго начальства, но, наоборотъ, послѣднее заботится и содѣйствустъ распространенію его.

[2]) См. „Berliner Neueste Nachrichten“ 1912 г., № отъ 24 декабря.

заны въ концѣ концовъ признать ее, какъ спасительную силу (Heilbringer), какъ цѣлительное средство, которое не только способно спасти насъ отъ всѣхъ физическихъ и духовныхъ золъ, но безъ котораго спасеніе и вовсе невозможно» [1]).

И такъ безъ конца.

Приведенные примѣры не взяты изъ рѣдкихъ органовъ и не представляютъ случайныхъ цитатъ. Агрессивныя, воинственныя милитаристическія и имперіалистическія тенденціи исповѣдуетъ вся націоналистическая печать, начиная отъ органовъ крупно—буржуазныхъ, аграрно—юнкерскихъ и клерикальныхъ и кончая оффиціальнымъ органомъ имперскаго канцлера, «Norddeutsche Allg. Zeitung». Прославленіе войны и провокаціонныя выступленія противъ сосѣднихъ народовъ и государствъ превратились въ Германіи *въ обще распространенное явленіе, въ господствующую систему.*

Но въ дни балканскихъ ужасовъ не одна печать воскуривала еиміамъ окровавленному мечу и отравляла циничными выступленіями настроеніе германскаго народа. Многочисленные дѣятели—герои милитаристическихъ организацій— Alldeutscher «Verband»-а, «Wehrverein»-а, «Flottenverein»-а и другихъ— не брезгали этой печальной профессіей. Генералъ фонъ-Бернгарди не былъ одинокимъ въ своемъ родѣ. Рядомъ съ нимъ съ блескомъ выступаютъ въ той же роли генералы: Каймъ, фонъ-Врохемъ, фонъ-Айхгорнъ, фонъ-Мольтке, фонъ-Блумъ, фонъ-Либертъ и многіе другіе.

По мнѣнію издателя военнаго журнала и основателя союза («Wehrverein»), генерала Кайма, фанатичнаго апологета войны, Германія должна вооружаться только для нападенія, но отнюдь не для самозащиты, ибо «только внезапное нападеніе можетъ обезпечить побѣду...»[2]) «Только тотъ народъ можетъ обезпечить себѣ безопасное положеніе въ мірѣ, который питается и воспитуется въ военномъ духѣ». [3]) Именно по этой причинѣ онъ протестуетъ противъ пацифистовъ, которые, «увлеченные безкровнымъ эстетизмомъ

---

[1]) „Tägliche Rundschau", 1912 г., № отъ 12 ноября.

[2]) „Der Tag", № отъ 16 октября, 1912 годъ въ статьѣ „Der Wille zum Kriege".

[3]) Въ той же газетѣ, въ номерѣ 8-го Ноября, ст. „Kriegsgeist und Volksgeist".

и безсильнымъ космополитизмомъ, стараются сохранять и углублять въ народѣ духъ международнаго мира».

На конгрессѣ пангерманистовъ въ Эрфуртѣ (1912 г.) генералъ фонъ-Врохемъ въ своей рѣчи совѣтуетъ Германіи «держать мечъ обнаженнымъ и испытывать всегда силу его острія. Къ сожалѣнію, германцы больше любятъ золото, чѣмъ желѣзо. Для насъ чрезвычайно опасны сентиментализмъ, человѣколюбіе, скучныя проповѣди миролюбія и космополитизмъ. Мы должны подготовить наше молодое поколѣніе для военныхъ дѣйствій тѣхъ грозныхъ будущихъ дней, когда вопросъ о существованіи Германіи будетъ рѣшаться силой оружія». [1]) Нашъ генералъ настолько ненавидитъ миролюбивыя стремленія, что жалѣетъ и выражаетъ свою горечь по поводу того, что Нобелевская премія мира была предложена германскому императору. Другими словами, онъ жалѣетъ, что Вильгельмъ II въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій не пробовалъ силы германскаго оружія. А другой генералъ, фонъ-Айхгорнъ, изливаетъ свою желчь по адресу пацифистовъ, называя ихъ апостолами трусливаго, женскаго мира, которые, способствуя ослабленію въ народѣ духа мужественности, оказываютъ на него вліяніе въ духѣ женской трусости. «Это является преступленіемъ противъ нашего германскаго народа», [2])—восклицаетъ прусскій генералъ, объявляя пропаганду мира преступленіемъ.

Такъ думаютъ и судятъ старательные сторонники воцаренія режима Вильгеляма II въ современной Германіи.

8.

Идеологію германскаго милитаризма и имперіализма, выраженную и обоснованную, какъ мы видѣли выше, на многочисленныхъ страницахъ и въ разнообразнѣйшихъ формахъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать *ученіемъ военныхъ провокацій.*

Квинтэссенція этого ученія, по мнѣнію германскаго

---

[1]) „Erfurter Allgemeine Anzeiger“, 1912 г., № отъ 9 Сентября.

[2]) См. „Magdeburgische Zeitung“, 1912 г., № отъ 27 Ноября, въ статьѣ „Gegen die weiblichen Friedensapostel“.

профессора-пацифиста, заключается въ слѣдующемъ: «Европейская война не только возможность (Eventualität), но и *необходимость* (Notwendigkeit) и притомъ такая необходимость, которой должно, памятуя объ интересахъ германскаго народа, радоваться». Вполнѣ естественно поэтому, что патріоты, желающіе и привѣтствующіе часъ наступленія войны, «сознательно или безсознательно проповѣдуютъ германскому народу средневѣковую анти-культурность Kulturlosigkeit), и право кулака (Faustrecht), какъ единственную достойную цѣль его стремленій. Какъ иначе можно назвать это,—продолжаетъ германскій пацифистъ,—когда германскому народу совѣтуютъ *войну разбоя и грабежа* (Raubkrieg), когда ему рекомендуютъ *попирательство всѣхъ границъ международнаго права и нравственныхъ понятій...?»* [1]) (курсивъ нашъ).

Такъ опредѣляетъ германскій пацифистъ, профессоръ О. Ниппольтъ, ученіе военной провокаціи германскихъ милитаристовъ и имперіалистовъ. Эти строки почтеннаго профессора въ настоящее время имѣютъ для насъ двойную цѣнность: во-первыхъ, по той причинѣ, что показываютъ, какой приговоръ произнесъ германецъ по адресу германцевъ за 9—10 мѣсяцевъ до войны; во-вторыхъ, съ той точки зрѣнія что свидѣтельствуютъ о поразительно справедливомъ соотвѣтствіи его апріорнаго опредѣленія съ кричащими фактами поведенія германцевъ въ настоящей міровой войнѣ, въ которой печальную роль авторовъ военнаго грабежа и разбоя, невиданныхъ культурныхъ разрушеній и попирательства всѣхъ основъ международнаго права взяла на себя оффиціальная Германія Вильгельма II, военная банда, прошедшая черезъ школу воспитанія кровожадныхъ милитаристовъ и имперіалистовъ. Чисто германскіе принципы «средневѣковой антикультурности» и «кулачнаго права» были примѣнены на практикѣ безжалостно съ математической точностью. [2]) Изъ

---

1) Prof. Dr. O. Nippold, „Der deutsche Chauvinismus" Берлинъ, 1913 г. стр. 114, 116—117.

2) Гессенъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Исторія современной великой войны предъ нашими глазами.. она является не чѣмъ инымъ, какъ практическимъ примѣненіемъ германской арміей предустановленной теоріи германскаго штаба". (См. его ст. „Война и право", въ сборникѣ—„Вопросы міровой войны", стр. 487). Далѣе см. объ этомъ крит. ст. проф. Кравченко: „Общая теорія войны въ построеніи германск. генеральн. штаба", въ жур. „Проблемы великой Россіи" 1916 г. № 8 стр. 3.

этого слѣдуетъ, что характеръ пріемовъ, усвоенныхъ сегодня германскими военными «героями», не долженъ насъ вовсе удивлять, разъ намъ извѣстны содержаніе и направленіе вчерашнихъ проповѣдей духовныхъ отцовъ и братьевъ этихъ героевъ.

„Träumt ihr den Friedenstag?
Träume, wer träumen mag!
Krieg ist das Losungswort!
Sieg und so klingt es fort".

Этими словами Гете можно выразить сущность господствующаго въ Германіи воинственнаго духа.

И разъ даже въ дни мира вліятельная пресса, многочисленныя организаціи и дѣятели, высокопоставленные военные патентованные идеологи господствующей системы топчутъ ногами идею солидарной жизни и дѣятельности народовъ, воскуриваютъ ѳиміамъ Молоху войны, преклоняются передъ мечомъ и цѣлуютъ его окровавленное остріе, низменными провокаціями возбуждаютъ грубыя страсти невѣжественной толпы и арміи противъ чужихъ племенъ, народовъ и государствъ,—разъ все это такъ, то слѣдуетъ ли удивляться тому, что армія, вышедшая изъ нѣдръ въ такомъ духѣ распропагандированнаго поколѣнія, совершаетъ во время войны поступки, невозможные и невѣроятные?

Насъ не удивляетъ также, что даже цвѣтъ высшей интеллектуальности культурной Германіи—надо только произнести это и повторить!—группа германскихъ профессоровъ, авторитетные представители науки, философіи, искуствъ и литературы, поторопились со всей возможной быстротою, per habitum infusum, посредствомъ коллективныхъ воззваній взять подъ свою защиту необузданныя орды Вильгельма, поджегшія Европу. [1])

---

[1]) Профессоръ межрународнаго права марбургскаго университета В. Шюкингъ помѣстилъ въ издающемся въ Мюнхенѣ ежемѣсячникѣ „Das Forum" (Май—Іюнь 1915 г.) статью подъ заглавіемъ „Міровая война и германскіе профессора", въ которой онъ смѣло и по заслугамъ критикуетъ поступокъ своихъ патріотическихъ коллегъ, разоблачаетъ и опровергаетъ ихъ милитаристическую точку зрѣнія. Онъ обвиняетъ господъ профессоровъ въ томъ, что они оказались не въ состояніи перебросить въ другія страны мостъ духовной связи и остались въ положеніи полной изолированности. Шюкингъ, какъ радикальный либералъ, критикуетъ отсталость политическаго строя Германіи и съ полнымъ правомъ прибавляетъ, что „основной причиной изолированности Германіи является отсутствіе демократическихъ тенденцій, которыми живутъ и вдохновляются другія европейскія страны".

4

Такія знаменитыя имена, какъ Вильгельмъ Вундтъ, Эрнстъ Геккель, Вильгельмъ Оствальтъ. Густавъ Шмоллеръ, Луи Брентано, Карлъ Лампрехтъ, Францъ фонъ-Листъ, Адольфъ Гарнакъ, Вернеръ Зомбартъ, Ленаръ, Рентгенъ, Гергардъ Гауптманъ, Шницлеръ и другіе, безповоротно стали въ печальные ряды восхваляющихъ разрушительную дѣятельность кроваваго кайзера. Кровожадный имперіализмъ и патріотизмъ, какъ общераспространенный психозъ, свилъ себѣ гнѣздо въ рядахъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ. Тройственное согласіе, и особенно Англія, стали объектами пропитанной ядомъ ненависти. Отказъ Вильгельма II отъ званія англійскаго адмирала далъ поводъ всѣмъ тѣмъ германскимъ ученымъ, которые удостоились получить отъ различныхъ англійскихъ научныхъ учрежденій ордена и почетныя званія, отказаться отъ нихъ. Даже Эрнстъ Геккель, который такъ уважалъ и любилъ родину своего духовнаго отца, Чарльса Дарвина, послѣдовалъ этому недостойному примѣру.

А 85-лѣтній убѣленный сѣдинами философъ—Вельгельмъ Вундтъ? Еще въ началѣ войны [1]) онъ поторопился выступить съ рѣчью—памфлетомъ подъ названіемъ «Über den wahrhaftigen Krieg», въ которомъ онъ обще-употребляемымъ жаргономъ опытнаго имперіалиста ругаетъ Англію, жалѣетъ и презираетъ Францію, ненавидитъ Россію. Признанный Schulmeister логическихъ нормъ и законовъ мышленія дѣлается каррикатурнымъ, когда пробуетъ разсуждать и аргументировать á la Бернгарди. Нападая со всею страстностью на Англію, Вундтъ называетъ ее «народомъ матеріальной культуры и утилитаристической философіи, народомъ торгашей и льстецовъ», потому что она, обуреваемая жадностью, захватила міровыя колоніи, но въ то же время нашъ

---

[1]) О литературныхъ походахъ въ первые мѣсяцы войны сообщаютъ интересныя подробности, между прочимъ, слѣдующія статьи: „Германскіе имперіалисты“ Л. Мовича, „Современный міръ“ № 2, 1915 г. и, въ особенности—„Изъ нѣмецкой политической литературы военнаго времени“, Энзиса, „Современный міръ“ № 5. Авторъ сообщаетъ, что въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ войны въ Германіи вышло 1460 книгъ, брошюръ и журналовъ (считая не отдѣльные номера, а только одни названія журналовъ), посвященныхъ войнѣ. По подсчету одного мюнхенскаго профессора, за тотъ же срокъ въ Германіи написано болѣе 3 милліоновъ патріотическихъ стихотвореній.

философъ забываетъ, что ради той-же «матеріальной культуры», для завоеванія колоній, ведетъ войну его отечество. Вундтъ забываетъ и противорѣчитъ самъ себѣ, когда совѣтуетъ своимъ «рыцарскимъ» соотечественникамъ и ожидаетъ отъ нихъ, чтобы они, во имя интересовъ той-же матеріальной культуры, захватили англійскія колоніи, Балтійскія провинціи, русскую Польшу и др. И старецъ, позволяющій себѣ назвать войну со стороны Англіи «достойной порицанія разбойнической войной», неизвѣстно по какой логикѣ считаетъ войну, которую ведетъ Германія, «справедливой, священной войной», «священной» даже тогда, когда германцы совершаютъ форменный разбойническій набѣгъ на Бельгію и разрушаютъ болѣе чѣмъ разбойническими актами памятники культуры.

Такъ же разсуждаетъ и историкъ Лампрехтъ. Онъ также поторопился въ своей лекціи («Zur neuen Lage») дать врагамъ Германіи «достойные аттестаты». «Поступокъ» Бельгіи и Франціи Лампрехтъ считаетъ «низостью и преступленіемъ». Войну Германіи съ Россіей онъ считаетъ войной противъ «восточнаго варварства» во имя культуры. Вѣдь германскій народъ, согласно проф. Лампрехту, является тѣмъ благороднымъ народомъ, который по праву стремится впередъ, радостно вѣря въ то, что черезъ его посредство міръ снова будетъ спасенъ.

Жертвой того-же дѣтскаго легкомыслія сталъ и экономистъ Зомбартъ, книжка котораго «Krämer und Helden», изданная въ началѣ 1915 года [1]), увѣнчала печальной славой имя когда-то радикальнаго и демократическаго Зомбарта. Въ глазахъ Зомбарта всѣ англичане—лавочники и ростовщики, всѣ германцы—рыцари и герои. Англія, по его мнѣнію, не дала міру ничего ни въ области философіи, ни науки, ни поэзіи, ни искусствъ. Между тѣмъ, Германія дала все. Геройство Германіи, по мнѣнію нашего экономиста, напоминающаго своимъ новымъ взглядомъ преклоненіе передъ Пруссіей Трейчке, заключается въ томъ, что оно дало міру милитаризмъ. Но знаете ли, что такое милитаризмъ? «Милитаризмъ—душа Германіи... Милитаризмъ — духъ геройства,

[1]) См. сообщ. „Русск. Вѣдом.", 1915 г., № 86.

ставшій духомъ войны... Милитаризмъ—это Потсдамъ и Веймаръ въ ихъ высшемъ сліяніи; онъ—«Фаустъ» и «Заратустра» и партитуры Бетховена. И именно по той причинѣ, что въ войнѣ со всей полнотою отражается геройство, сообщающее милитаризму столь высокій смыслъ,—именно по этой причинѣ мы (германцы), какъ осуществляющіе духъ милитаризма, смотримъ на войну, какъ на *святость*, считаемъ ее за *священное явленіе на земномъ шарѣ*».

И такъ безконечно. Философъ, историкъ, экономистъ, естествоиспытатель, публицистъ, романистъ, поэтъ—всѣ поютъ на различные лады одинъ и тотъ-же диѳирамбъ войнѣ [1]). Даже доктора богословія находились подъ гипнозомъ воинствующаго патріотизма [2]). Объектомъ стремленій всѣхъ является германскій милитаризмъ. Приведенные нами примѣры являются только характерными образчиками пламеннаго воинственнаго настроенія, царящаго въ кругахъ представителей высшей интеллектуальности. Пусть этотъ воинственный энтузіазмъ похожъ на сумашедшій бредъ, на полное безуміе! Пусть

[1]) Если кабинетные спеціалисты, обыкновенно стоящіе вдали отъ политики, въ дни войны выступили какъ взбѣшенные патріоты, то понятно, какимъ языкомъ должны были говорить такъ называемые патентованные патріоты и профессіональные имперіалисты. Знаменитый шефъ послѣднихъ, П. Рорбахъ, прямо таки впалъ въ галлюцинацію. Онъ поспѣшилъ новыми трудами („Zum Weltvolk hindurch“ и „Warum es der deutsche Krieg ist“) высказать свое высочайшее довольство по поводу возникновенія давно желанной германскими имперіалистами войны, явившись выразителемъ міровыхъ стремленій Германіи. Онъ совѣтуетъ Германіи не кончать войны до полной побѣды. Объ алармистскихъ замыслахъ имперіалистовъ типа Рорбаха см. въ упомянутой ст. Энзиса, въ № 5, „Совр. Міръ“, стр. 91.

[2]) Германскіе пасторы съ необычайной энергіей вели пропаганду съ церковныхъ амвоновъ въ пользу войны, беря эпиграфы изъ Евангелія и Библіи и давая имъ произвольныя толкованія. Придворный проповѣдникъ Вильгельма, пасторъ Дріандеръ, взявъ тему: „Война священна! война—божественное установленіе! Она одинъ изъ святыхъ міровыхъ законовъ... „Другой пасторъ примѣромъ Сигона изъ Библіи оправдываетъ германскія разрушенія въ Бельгіи. По книгамъ Макса Ленца („Германскій богъ“) и Дайсмана („Война и религія“) мы знакомимся съ мнѣніями знаменитыхъ германскихъ богослововъ, которые войну считаютъ состояніемъ, наиболѣе пріятнымъ Богу, состояніемъ совершеннѣйшимъ. Либеральные берлинскіе пасторы напечатали въ „Berliner Tageblatt“ манифестъ, въ которомъ они говорятъ, между прочимъ, слѣдующее: „Наше тщательнѣйшее изученіе исторіи и Библіи привело насъ къ тому убѣжденію, что война между народами есть вѣчная міровая необходимость“ (см. по данному вопросу подробности въ статьѣ: „Германская религія“, вышедшей въ „Литературномъ Обозрѣніи“, въ № 24, 1915 г., стр. 325). Такимъ образомъ, подвиги кроваваго меча Вильгельма оправдывались не только представителями философіи, науки и искусства, но и служителями религіи и освященной нравственности.

электризованное настроеніе, царящее въ Берлинѣ, ослѣпляющимъ эффектомъ бенгальскаго огня нарушаетъ равновѣсіе научнаго мышленія Зомбарта до такой степени, что онъ, называющій Канта «величайшимъ философомъ всѣхъ временъ», въ то же время оказался въ состояніи объявить знаменитый трудъ мыслителя «О вѣчномъ мирѣ», «жалкой работой», которую написалъ «не великій философъ», а «частное лицо изъ Кенигсберга Кантъ!» [1]) Пусть германскіе профессора, подобно шумливымъ уличнымъ патріотамъ и сервильнымъ журналистамъ, выступаютъ въ роли креатуръ Вильгельма! Да, пусть будетъ такъ! Но знаменателенъ, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что германскіе ученые и авторитетные представители общественной мысли выступаютъ открыто передъ всѣмъ міромъ и, *во имя науки и культуры, не только оправдываютъ ужасное, чудовищное бытіе милитаризма, но и освящаютъ кровавыя и разрушительныя преступленія войны.*

Но это явленіе, повторяемъ, насъ ничуть не удивляетъ. Мы уже видѣли на рядѣ конкретныхъ, поражающихъ взоръ фактовъ, что въ теченіе войны представитель германской интеллектуальности судитъ и аргументируетъ—хоть и въ болѣе патетическомъ тонѣ—но тѣми же доводами и аргументами, воодушевленъ тѣми же стремленіями, что и наканунѣ войны и даже на много раньше. Логическая послѣдовательность въ ходѣ милитаристическаго мышленія и имперіалистическихъ тенденцій у представителей германской интеллектуальности сохраняетъ свою полноту какъ прежде, такъ и теперь, независимо отъ ихъ положенія, спеціальности и профессіи.

Если прежде, по мнѣнію историка Трейчке, колонизаторъ міра, Англія, осуществила свои завоеванія «хитростью, насиліемъ и воровствомъ», то теперь, по мнѣнію философа Вундта, народъ «лавочниковъ и льстецовъ», т. е. та-же Англія, только «разбойническими войнами» сохраняетъ свои

[1]) Характерно то обстоятельство, что дешевый патріотизмъ Зомбарта былъ признанъ германскими критиками, какъ безмѣрно преувеличенный, и одинъ изъ этихъ критиковъ, Дриль, категорически протестовалъ противъ Зомбарта, считая все сказанное имъ „клеветою на германскую націю".

міровыя владѣнія. Генералъ Бернгарди столь же поклонникъ войны, сколь экономистъ Зомбартъ, историкъ Лампрехтъ, политикъ Бассерманъ, публицистъ Максимиліанъ Гарденъ и многіе другіе. Основанная Трейчке прусская школа приготовила учениковъ не только въ родѣ генерала Бернгарди, но и цѣлую плеяду другихъ изъ всѣхъ слоевъ гражданскаго населенія. *Инстинктъ преклоненія передъ войной* сталъ какъ-будто характерной чертой германскаго племени—чертой, которая, повидимому, развилась въ силу болѣе мощныхъ импульсовъ и выявилась въ болѣе яркихъ формахъ, чѣмъ какая-нибудь другая черта нѣмецкаго національнаго характера. Германецъ *скорѣе воинъ*, чѣмъ зрѣлый гражданинъ, *скорѣе закованная единица въ казармѣ, нежели членъ современнаго общества съ широкими воззрѣніями.* Слѣдовательно, онъ болѣе любитъ военщину, чѣмъ свободу. Вѣдь германскій вопросъ «не вопросъ свободы, а вопросъ силы»! (Трейчке).

Ни въ одной странѣ милитарные, военные и военно-научные вопросы не обсуждаются въ такой мѣрѣ и не вызываютъ столь широкаго публичнаго интереса, какъ въ Германіи [1]).

Психологическія основанія возникновенія и развитія подобной специфической идеологіи прославленія войны надо искать въ своеобразномъ складѣ государственно-территоріальныхъ и реальныхъ экономическихъ отношеній въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Въ этомъ вопросѣ, надо сознаться,

---

[1]) Извѣстный намъ уже англійскій профессоръ Крэмбъ свидѣтельствуетъ („Германія и Англія", стр 66), какъ о характерномъ для Германіи фактѣ, что въ этой странѣ ежегодно издается 700 книгъ о военномъ искусствѣ, которыя находятъ широкое распространеніе среди читателей. Между тѣмъ Крэмбъ не допускаетъ, чтобы въ Англіи выходило болѣе 20 книгъ на эту тему и чтобы нашелся достаточный контингентъ читателей, пріобрѣтающихъ подобныя изданія. Такое же замѣчаніе дѣлаетъ Крэмбъ, говоря о безпримѣрной маніи войны у Трейчке: „Въ теченіе почти непрерывныхъ войнъ, продолжавшихся пять вѣковъ, было сковано единство Англіи. Но ни одинъ англійскій историкъ или мыслитель не говорилъ такъ о войнѣ, какъ Трейчке" (стр. 73). Это сравненіе проф. Крэмба можно обобщить съ полнымъ правомъ въ отношеніи представителей интеллектуальности обѣихъ странъ. И не только одно это. Если бы Крэмбъ жилъ въ дни настоящей войны, онъ бы замѣтилъ, что представители высшей интеллектуальности въ воюющихъ странахъ нигдѣ не выступали публично со столь непріятнымъ шумомъ, какъ это имѣло мѣсто въ Германіи. Это всегда такъ. Нападающая сторона кричитъ громче, чтобы замаскировать мотивы своего предпріятія, и шлетъ всегда обвинительные акты по адресу другихъ.

англійскіе профессора даютъ въ своей книгѣ довольно объективное объясненіе:

«Не забудемъ смягчающихъ вину Пруссіи обстоятельствъ; не забудемъ, что ей приходилось страдать отъ двухъ вещей: отъ географическаго давленія, проистекавшаго изъ ея средне-европейскаго положенія, отъ дурной традиціи безжалостныхъ завоеваній, начавшихся со времени Великаго Курфюрста, и, въ особенности, со времени Фридриха Великаго. Географическое давленіе со всѣхъ сторонъ заставляло Пруссію чувствовать себя въ состояніи хроническаго удушенія, а человѣкъ, который чувствуетъ, что его душатъ, будетъ безжалостно бороться за глотокъ свободнаго воздуха» [1]).

Однако, только психологическимъ началомъ невозможно объяснить данное явленіе, какъ бы основанія его возникновенія ни были реально-ощутительны. Окруженная Пруссія «задыхалась» отъ «географическаго давленія» граничащихъ съ ней странъ; это, такъ сказать, было явленіемъ *территоріально-экономическимъ*, съ его натуральнымъ характеромъ. Но впослѣдствіи въ объединеннной и усилившейся Германіи къ этому явленію присоединяется и дѣлается болѣе требовательнымъ *колоніально-экономическій факторъ*, уже съ его высоко-развитымъ капиталистическимъ характеромъ. Къ воинственнымъ инстинктамъ германскаго гражданина присоединяется и глубокое *идейное сознаніе* необходимости развитія военной мощи. Это сознаніе, безъ сомнѣнія, углубляется и распространяется среди представителей интеллек-

---

[1]) „Изъ-за чего мы воюемъ", Петроградъ, второе изданіе, 1915 г., стр. 109.—Трейчке иллюстрируетъ очень красиво и краснорѣчивыми фактами историческій ходъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ кругомъ вѣчно неспокойной и жадной прусской монархіей. „Каждая пядь земли,—пишетъ Трейчке во II-мъ томѣ своихъ „Historische und politische Aufsäfze"—которою со времени вестфальскаго мира обогатился нашъ народъ, была завоевана Пруссіей. Если шведы и поляки не господствуютъ больше на германскихъ Остзейскихъ берегахъ; если голландцы не царствуютъ больше надъ сѣверозападными нашими уѣздами, разсматривая ихъ какъ свою границу; если германскіе благотворные нравы, увѣренные въ своемъ великомъ будущемъ, проникаютъ въ Силезію и Польшу; если на Рейнѣ древніе Пфальцы нашихъ императоровъ больше не принадлежатъ французамъ; если Шлезвигъ-Голштинія освободилась изъ-подъ датскаго ига:—то всѣмъ этимъ мы обязаны,—если не исключительно, то все же прежде всего—прусскому оружію „(II т., V гл. „Preussen und unsere Zukunft", стр. 192—193). Лучшей иллюстраціи имперіалистическихъ завоевательныхъ стремленій Пруссіи нельзя и желать.

туальности, дѣлается idee fixe для признанныхъ идеологовъ милитаризма и имперіализма.

Если высшіе представители германской интеллектуальности, новыя поколѣнія мыслителей и писателей выдвигають теорію почитанія силы, съ энтузіазмомъ поютъ гимнъ грубой силѣ и вооруженному кулаку,—то не по той причинѣ, что они отъ роду являются безумными и ослѣпленными поклонниками скровавленнаго меча, а потому, что они—каждый въ области своей дѣятельности и въ свойственной ему формѣ—являются *цѣле-сознательными* идеологами господствующаго въ странѣ режима. А господствующій режимъ Вильгельма, какъ мы видѣли и еще болѣе увидимъ, со всей напряженной силой стремился къ достиженію для Германіи Weltmachtpolitik. Естественно поэтому, что идеологія имперіализма и милитаризма, вызваннаго германскимъ капитализмомъ, лишеннымъ колоній и, слѣдовательно, неутоленнымъ съ неизбѣжностью должна была быть *агрессивной, непримиримой и нетерпимой, только воинственной, провокаціонной, немиролюбивой и ненавидящей.*

Война стала пробнымъ камнемъ для германскихъ ученыхъ. Вѣчно витавшіе въ высшихъ областяхъ научнаго мышленія, германскіе ученые безповоротно зачислили себя въ пріемныхъ сыновей военной доктрины. И война болѣе, чѣмъ какое либо другое явленіе, доказала, что «національная» культура и наука и «національный» мыслитель готовы всячески служить воинственнымъ вожделѣніямъ и имперіалистическимъ завоевательнымъ цѣлямъ господствующихъ классовъ.

III ГЛАВА.

Вильгельмъ II, какъ верховный представитель милитаризма и имперіализма.

(Историческая роль Вильгельма).

1.

15 іюня 1913 года исполнилось 25-лѣтіе царствованія Вильгельма II. Это было *«національнымъ праздникомъ»* для всей имперіи. Юбилейныя торжества, особенно въ крупныхъ городахъ Пруссіи, были обставлены съ рѣдкой пышностью. Гордый и самонадѣянный императоръ, окруженный союзными германскими государями (королями, герцогами и князьями), чувствовалъ себя на вершинѣ славы, превыше и могущественнѣе всѣхъ, исключительнымъ монархомъ на свѣтѣ.

„Deutschlands Kaiser über alles,
Über alles in der Welt!"
(„Deutsche Jägerzeitung").

Германецъ, опьяненный энтузіазмомъ момента, присоединилъ къ своему національному гимну «Deutschland über alles», спеціальный гимнъ обожаемому монарху своему— «Deutschlands Kaiser über alles».

Патентованные идеологи оффиціальной Германіи изо всѣхъ силъ восхваляли 25-лѣтнюю плодотворную дѣятельность Вильгельма II, посвященную возвеличенію и усиленію Гер-

маніи [1]). Всѣ крупно-буржуазныя партіи имѣли достаточно фактическихъ основаній привѣтствовать своего энергичнаго монарха оваціями, ибо 25-лѣтній юбилей управленія кайзера являлся одновременно юбилеемъ побѣдоносныхъ завоеваній германскаго капитализма, другими словами, обозначалъ *побѣдный день въ ходѣ развитія германскаго милитаризма и имперіализма.*

Въ Германіи была тогда только одна партія, которая безучастно и холодно наблюдала за шумными торжествами патріотовъ. Центральный органъ этой партіи, «Vorwärts», опубликовалъ въ этотъ день передовую статью подъ заглавіемъ «Праздникъ чужихъ» («Fest der Anderen») въ которой онъ, между прочимъ, писалъ: «Конечно, Вильгельмъ II не долженъ удивляться, что германская соціалъ-демократія, милліоны людей германскаго происхожденія, относятся къ юбилею его управленія только съ самымъ холоднымъ безучастіемъ. Пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы, видѣлъ въ немъ лишь одно *олицетвореніе реакціонныхъ тенденцій*, противъ которыхъ пролетаріатъ столь ожесточенно борется. Пролетаріатъ уже знаетъ, что ничто такъ не близко сердцу императора, какъ *алчный милитаризмъ*, который дѣлаетъ невозможнымъ какъ всякій культурный прогрессъ, такъ и развитіе соціальной политики» [2]).

Но какъ относился къ юбилейнымъ торжествамъ въ честь хозяина страны германскій Михель? та невѣжественная толпа, скованная монархическими инстинктами и традиціями, являвшаяся до сихъ поръ всегда жертвой крайняго политическаго недомыслія? та недалекая масса, для которой до сихъ поръ сохраняютъ свое полное значеніе слова Гервега:

„O treue Bundessouveräne
Wie euer Anblick uns erfrischt!
Yn Michel's Auge glänzt die Träne,
Und mit dem Aermel wird gewischt!“

---

1) По поводу юбилея группа извѣстныхъ спеціалистовъ, напримѣръ,—профессора Дитрихъ, Кайзерлингъ, Гельферихъ, Кауфманъ, Витовски, Эрлихъ, Биръ, Гюбнеръ и другіе—опубликовали солидный юбилейный сборникъ подъ заглавіемъ „Soziale Kulfur und Volkswirtschaft während der ersten 25 Regierungsjahre Kaiser Wilhelm II“. Въ этомъ сборникѣ рядомъ со страницами, заключаюшими реальное описаніе развитія явленій, вы находите другія, на которыхъ краски тенденціозно сгущены и замѣтны откровенныя стремленія къ созданію культа личности императора Вильгельма II.

2) „Vorwärts“, 1913 г. № 148 отъ 15 іюня.

Германскій Михель, разинувъ ротъ и обнаживъ голову, оретъ изо дня въ день на площадяхъ: «Hurra!» «Hoch unser Kaiser!». Жалкій Михель, нетребовательный и безропотный только и умѣетъ ползать подъ ногами могущественныхъ господъ и съ глубокимъ молитвеннымъ благоговѣніемъ цѣловать полы блестящей мантіи императора.

«Вѣрноподданный народъ привѣтствуетъ благодарными оваціями своего императора, какъ ангела-хранителя мира, какъ берегущаго начала благочестія и богобоязненности, содѣйствующаго благополучію государства, помогающаго бѣднымъ и униженнымъ, какъ бдительнаго стража права и справедливости» [1]).

Такими словами поспѣшилъ убаюкать Михеля представитель клерикаловъ (придворный проповѣдникъ Карлъ Сли), представивъ Вильгельма, какъ украшеннаго добродѣтелями и надѣленнаго всѣми достоинствами монарха.

Не меньшихъ похвалъ удостоился германскій императоръ также за-границей. Извѣстно, какимъ большимъ уваженіемъ и популярностью пользовался онъ въ теченіе ряда лѣтъ со стороны международныхъ пацифистическихъ организацій. Онъ удостоился многихъ почетныхъ званій и адресовъ. Германскому императору была предложена даже Нобелевская премія конкурса мира. А по случаю 25-лѣтняго юбилея его управленія изъ Америки пріѣзжаетъ въ Берлинъ со спеціальной цѣлью извѣстный представитель международныхъ пацифистовъ Андрэ Карнеджи, основатель роскошнаго дворца мира въ Гаагѣ, чтобы лично привѣтствовать императора при празднованіи юбилея, который являлся, съ точки зрѣнія пацифистовъ, и юбилеемъ миролюбія. Но этого не достаточно. Карнеджи написалъ по поводу этого юбилея и посвятилъ Вильгельму книжку подъ заглавіемъ «Dem Friedensfürsten Wilhelm II» («Князю мира Вильгельму II»), въ которой онъ хвалитъ кайзера, какъ бдительнаго стража международнаго мира и безстрашнаго рыцаря, повидимому, полагая, что этимъ онъ оказываетъ особую услугу пацифистическому движенію. Самодовольный Гогенцоллернъ въ такихъ случаяхъ имѣетъ всегда въ запасѣ пышныя фразы, чтобы свое прославляемое «я»

---

[1]) „Vorwärts", 1913 г., № 149 отъ 16 іюня.

сдѣлать объектомъ лишнихъ манифестацій. Въ своей рѣчи онъ отвѣчаетъ американскому филантропу, что, пока онъ живъ, онъ *не вынетъ меча изъ ноженъ до конца своего управленія.*

Въ 1913 году, въ іюнѣ, во время пышныхъ берлинскихъ празднествъ, лидеръ международныхъ пацифистовъ объявляетъ Вильгельма II «княземъ мира» европейскихъ націй, вручая ему свое позолоченное произведеніе. Но въ 1914 году, въ августѣ (н. ст.), тотъ же Карнеджи въ Нью-Іоркѣ называетъ публично императора Вильгельма «погромщикомъ европейскихъ народовъ».

Какая горькая иронія судьбы!

1913 г. пріобрѣлъ двойное значеніе въ жизни Вильгельма: онъ не только сталъ юбилейнымъ годомъ 25-лѣтняго управленія императора, но также *послѣднимъ годомъ* его знаменитаго и повсюду прославленнаго миролюбиваго управленія. Въ этомъ году не только заканчивается исторія опредѣленнаго періода политики императора, но и находитъ свое завершеніе трагикомедія международныхъ заблужденій и обманчивыхъ иллюзій пацифистовъ.

Въ чемъ, однако, надо искать тайну исключительной популярности этого представителя династіи Гогенцоллерновъ, секретъ его шумнаго успѣха какъ внутри своей страны, такъ и внѣ ея? Какой Вильгельмъ *настоящій* и какой *замаскированный*? Какова настоящая сущность его *рѣчей и дѣйствій*, и какова артистическая фальшь?

Эти вопросы и рядъ подобныхъ другихъ должны занимать насъ здѣсь.

2.

Въ современной Европѣ, въ послѣднія 25 лѣтъ, Вильгельмъ II являлся единственнымъ среди всѣхъ монарховъ, заставлявшимъ много говорить о себѣ. Разносторонность его любознательности, экспансивная и эксцентрическая натура, демонстративные позы и жесты, необыкновенная страсть къ рѣчамъ и путешествіямъ, чрезвычайно странныя привычки его какъ въ узкихъ рамкахъ семейной и придворной жизни,

такъ и внѣ ея, въ кругу представителей многообразныхъ отраслей управленія, а также на многообразныхъ поприщахъ общественной и государственной жизни [1]), многочисленныя противорѣчія между его словомъ и дѣломъ, неровности въ его отношеніяхъ къ окружающимъ,—все это представляло богатый разносторонній матеріалъ для біографіи Вильгельма; біографіи, которая не только давала обильную пищу для повременной печати и для обыденной бюргерской болтовни, но также послужила поводомъ для различныхъ критическихъ объясненій и характеристикъ. Вильгельму II давали многочисленныя прозвища, порою шутливыя и ироническія, вплоть до прозвища «дегенератъ нероновскаго типа» [2]) Но комментаторы обычно давали оцѣнку личности Вильгельма II разно. смотря по тому, какая сторона личности императора занимала ихъ. Но одна опредѣленная, наиболѣе яркая черта принималась всегда за критерій для всей его индивидуальности.

Это—старый, любимый идеалистами, односторонній и поверхностный методъ, посредствомъ котораго невозможно опредѣлить *подлинную величавость историческихъ фигуръ* въ рамкахъ дѣйствительности. Органическія и душевныя особенности, необыкновенныя черты характера могутъ представлять свой спеціальный интересъ, какъ біографическія подробности для данной личности, но онѣ никогда не могутъ служить фактическими данными для пониманія и оцѣнки историческаго значенія этой личности.

Для пониманія той роли, которую играла индивидуальность Вильгельма II, какъ прусскаго короля и германскаго императора, необходимо непосредственно связать ее съ *тен-*

---

1) Достойна рекомендаціи книжка „Вильгельмъ II“ Э. К. Пименова (Москва, 1914 г.). Авторъ въ первыхъ двухъ частяхъ подробно перечисляетъ странныя привычки германскаго императора.

2) Академикъ В. Бехтеревъ помѣстилъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ фельетонъ подъ заглавіемъ „Вильгельмъ II—дегенератъ нероновскаго типа“ (1914 г., № 14546 отъ 10 декабря). Принимая во вниманіе рядъ душевныхъ и органическихъ странностей германскаго императора, проф. Бехтеревъ приходитъ къ тому заключенію, что „Вильгельмъ II долженъ быть признанъ личностью, стоящей на границѣ здоровья и душевной болѣзни“... Но, указывая на наличность цинизма, жестокосердія, лживости въ характерѣ Вильгельма, на клятвопреступленія его и неуравновѣшенность его натуры, профессоръ Бехтеревъ прибавляетъ: „Вильгельмъ II не душевно-больной, а дегенератъ, и при томъ дегенератъ нероновскаго типа“.

денціями развитія общегосударственныхъ отношеній въ современной Германіи. Вильгельмъ II во всемъ своемъ историческомъ ростѣ является и продуктомъ этихъ тенденцій, и придающимъ имъ опредѣленный тонъ, и активнымъ носителемъ ихъ. Историкъ и біографъ, соціологъ и психологъ могутъ понять Вильгельма II легче, чѣмъ какого либо другого монарха, и оцѣнить его личность. Ибо ни одинъ правитель любой страны не выставлялъ публично на показъ своей духовной физіономіи въ столь полной и откровенной формѣ, не объявлялъ программы своей дѣятельности и цѣлей своего управленія въ столь демонстративномъ видѣ, какъ нынѣшній представитель династіи Гогенцоллерновъ. Вильгельмъ не былъ только закулиснымъ правителемъ. молчаливымъ кабинетнымъ совѣтникомъ и повелителемъ, а первокласснымъ *монархомъ-ораторомъ*,— «Wilhelm der Jmmer—Redende», — который публично, при всякомъ удобномъ случаѣ, во время почти всѣхъ своихъ посѣщеній и дорожныхъ встрѣчъ ораторствовалъ и читалъ лекціи, выражалъ свои чувства и мысли, свои мнѣнія и сужденія, говорилъ о своихъ стремленіяхъ и программахъ.

Поэтому лучшимъ средствомъ, точнѣйшимъ и оригинальнымъ источникомъ для характеристики Вильгельма II являются его рѣчи.

Какъ извѣсно, германскій императоръ высказывался чрезвычайно много, много до степени невѣроятнаго. Въ разное время и по тысяча и одной причинѣ онъ произносилъ многочисленныя рѣчи объ организаціи и развитіи вооруженныхъ силъ Германіи на сушѣ и на морѣ, о колоніальной и торговой политикѣ, о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности, о соціальныхъ и политическихъ вопросахъ, о проблемахъ моральной, религіозной (христіанской, языческой, магометанской) и канонической (протестанская и католическая церковь), о внѣшнихъ большихъ и малыхъ государствахъ. о различныхъ учебно-воспитательныхъ и научныхъ вопросахъ, объ университетахъ, народной пѣснѣ, поэзіи и музыкѣ, объ архитектурѣ, театрѣ и артистахъ, объ охотѣ и спортѣ и т. д.

Съ перваго взгляда читателю кажется, что Вильгельмъ— это «универсальная голова». Онъ умѣетъ всюду произносить нужное слово, при всякомъ случаѣ подчеркнуть соотвѣтствую-

щее мѣсто. Но только съ перваго взгляда. Присматриваясь поближе, знакомясь съ его рѣчами при яркомъ свѣтѣ, вы всюду видите передъ собою блестящаго дилетанта и не менѣе блестящаго комедіанта со своей исключительно ораторской, но никогда авторитетной и дѣйствительно знающей разносторонностью. Ораторская разносторонность, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ объ одной неоспоримой чертѣ натуры Вильгельма—о разносторонности его духовныхъ интересовъ, его внимательномъ отношеніи ко всему. Однако, *центральнымъ пунктомъ* всѣхъ рѣчей и вообще публичныхъ выступленій германскаго императора—пунктомъ, къ которому тяготѣютъ всѣ его устремленія и фактическія дѣла, являются тѣ мѣста въ нихъ, въ которыхъ онъ выступаетъ какъ *военный мыслитель и разсуждающій германецъ*. Вильгельмъ—военный, который съ кипучей энергіей и безграничной жаждой ожидаетъ, когда наступитъ время походовъ и военныхъ завоеваній, когда наступитъ день непобѣдимой военной мощи Германіи, часъ ея *безграничнаго міроваго господства*. Вотъ здѣсь, дѣйствительно, Вильгельмъ II является, какъ говорятъ нѣмцы, въ роли: «Der rechte Mann am rechten Fleck». Исключительно въ этомъ пунктѣ можно познать и понять *историческую роль и значеніе* Вильгельма. Въ этой области германскій монархъ дѣйствительно жилъ, думалъ и дѣйствовалъ во всей полнотѣ.

Германскій императоръ интересуетъ насъ въ своихъ рѣчахъ, главнымъ образомъ, какъ высшій представитель милитаризма и имперіализма.

3.

Милитаризмъ и имперіализмъ германскаго императора интересуютъ насъ въ настоящей главѣ съ точки зрѣнія идейной, но не практической. Это означаетъ, что пока насъ будетъ занимать только вопросъ о томъ, какіе взгляды и мысли высказывались и проводились Вильгельмомъ II относительно значенія военныхъ силъ Германіи и развитія ихъ, а также относительно міровой и колоніальной политики и ея успѣховъ. Здѣсь насъ интересуетъ Вильгельмъ скорѣе со

стороны его мыслей и сужденій, чѣмъ со стороны его программъ и дѣйствій.

Не прибѣгая къ стороннему комментированію, позволимъ прежде всего Вильгельму II высказаться собственными словами, сохранивъ лишь, по возможности, хронологическій порядокъ произнесенныхъ имъ рѣчей и систематизируя ихъ по содержанію [1].

Еще въ то время, когда Вильгельмъ былъ кронпринцемъ, внутри страны, а также и за границей распространилось очень неблагопріятное мнѣніе о его личности. Его не только называли «воодушевленнымъ другомъ солдатъ», но онъ слылъ также за «любителя войны», за «авантюриста», который готовъ въ легкомысленной войнѣ поставить на карту все, что было добыто германской имперіей. Чтобы опровергнуть это неблагопріятное мнѣніе и чтобы до нѣкоторой степени реабилитировать себя въ глазахъ общества, Вильгельмъ, тогда еще кронпринцъ произнесъ рѣчь во время торжественнаго обѣда провинціальнаго ландтага провинціи Бранденбургъ, 8 февраля 1888 года. Заключительныя слова этой рѣчи слѣдующія: «Я знаю, что въ широкихъ общественныхъ кругахъ и, главнымъ образомъ, за границей, приписываютъ мнѣ легкомысленные, жаждующіе славы военные планы; да избавитъ меня Богъ отъ такого преступнаго легкомыслія! Я, съ негодованіемъ отклоняю подобное обвиненіе! Но я, господа, солдатъ, и всѣ бранденбуржцы тоже солдаты, я это знаю. Потому разрѣшите мнѣ закончить словами нашего великаго канцлера [2], съ которыми 6 февраля онъ обратился къ рейхстагу, показавшему намъ въ тотъ день великую картину народнаго представительства, идущаго рука объ руку съ правительствомъ; я отношу это

---

[1]) Мы приведемъ къ дальнѣйшимъ тѣ рѣчи Вильгельма или тѣ отрывки изъ нихъ, которые характеризуютъ непосредственно, фактическимъ содержаніемъ своимъ, физіономію германскаго императора.

[2]) Въ моментъ опасной натянутости русско-германскихъ и французско-германскихъ отношеній Бисмаркъ произнесъ 6-го февр. 1888 г. большую рѣчь въ рейхстагѣ во время обсужденія военнаго законопроекта. Въ заключительныхъ словахъ онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Любовь и доброжелательность могутъ насъ легко подкупить, можетъ быть, слишкомъ легко, но угрозами насъ не подкупить. Мы, нѣмцы, боимся Бога, но больше никого въ мірѣ, и боязнь передъ Богомъ заставляетъ насъ любить и лелѣять миръ... (Kaiserreden. Собр. рѣчей Вильгельма II, изд. Weber. Лейпцигъ, 1902, стр. 4)

выраженіе къ провинціи Бранденбургъ: мы, бранденбуржцы, боимся только Бога, а больше никого въ этомъ мірѣ» [1]).

Характерно, что 28 лѣтъ тому назадъ германскій императоръ, будучи еще кронпринцемъ, своимъ поведеніемъ и своими выступленіями производилъ такое впечатлѣніе, что и внутри страны и за границей совершенно вѣрно распознали военную сущность его истинныхъ взглядовъ. Замѣчательно также, что Вильгельмъ назвалъ преступнымъ легкомысліемъ приписываемые ему «легкомысленные, жаждующіе славы военные планы». Какая иронія исторіи! А теперь именно въ этихъ преступныхъ, имъ самимъ вызванныхъ дѣяніяхъ Вильгельмъ II блещетъ какъ герой.

Въ остальномъ реабилитаціонная рѣчь германскаго императора, произнесенная за 4 мѣсяца до его выступленія на престолъ, страдаетъ тѣмъ дуализмомъ, который красной нитью проходитъ черезъ всѣ его болѣе позднія рѣчи: съ одной стороны, онъ выражаетъ въ нихъ неискренную лживую преданность идей мира, съ другой—онъ производитъ впечатлѣніе истиннаго императора солдатъ, военнаго вождя, нетерпимаго, не знающаго пощады, который «не боится въ этомъ мірѣ никого, кромѣ Бога».

Его безчисленныя рѣчи блестящими примѣрами подтвердятъ эту характеристику сущности германскаго императора.

Что думалъ императоръ Вильгельмъ о своей сухопутной арміи и какія надежды и ожиданія возлагалъ онъ на нее?

Въ первомъ же приказѣ по арміи только что восшедшій на престолъ (15 іюня 1888 года) 29-лѣтній молодой монархъ откровенно признается въ своей любви, въ особой преданности своему войску, для котораго онъ и появился на свѣтъ Божій.

«Итакъ, мы принадлежимъ другъ другу—я и армія. Мы родились другъ для друга и хотимъ быть неразрывно связанными другъ съ другомъ, въ мирѣ ли по волѣ Божьей, или въ бурѣ—все равно» [2]).

---

[1]) „Kaiserreden", стр. 5.

[2]) См. собраніе рѣчей Вильгельма II до 1907 года подъ заглавіемъ: „Das persönliche Regiment" von Wielhelm Schröder. Мюнхенъ, 1907 г., стр. 5. Мы будемъ пользоваться, главнымъ образомъ, этимъ сборникомъ рѣчей Вильгельма.

Спустя два мѣсяца, 16 августа, во время освященія памятника принца Фридриха Карла (въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ) Вильгельмъ отвѣчаетъ на рѣчь городского головы такъ: «Существуютъ люди, которые имѣютъ глупость думать, будто отецъ мой желалъ все то, что онъ завоевалъ вмѣстѣ съ блаженной памяти принцемъ силой меча, *вернуть снова обратно*. Мы слишкомъ хорошо знаемъ его, чтобы хоть на минуту повѣрить подобному оскорбленію его памяти. Онъ держался того же взгляда, что и мы всѣ—т. е., что ничто изъ завоеваній великихъ дней не надо упускать изъ рукъ. Я думаю, что мы, какъ въ третьемъ армейскомъ корпусѣ, такъ и во всей арміи, можемъ держаться только одного мнѣнія: мы скорѣе всѣ наши 18 корпусовъ войскъ и 42 милліона населенія *положимъ по всей боевой линіи* (auf der Strecke liegen lassen), чѣмъ уступимъ врагу хотя бы одинъ камень изъ всего того, что завоевали мой отецъ и принцъ Фридрихъ Карлъ» [1]).

Такимъ образомъ, еще въ первые мѣсяцы перваго года своего управленія императоръ Вильгельмъ далъ понять своему народу и всему міру, что въ случаѣ войны онъ выкажетъ рѣшительность и непреклонность воли и будетъ монархомъ, безпощаднымъ до крайности.

Предметомъ своей любви, полной преданности и непоколебимой любви, единственнымъ спасительнымъ оплотомъ своимъ Вильгельмъ II считаетъ свое войско, что онъ и выражаетъ на третьемъ году своего управленія, въ 1891 году, въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ во дворцѣ 18 апрѣля:

«*Солдатъ и армія*, но ни въ коемъ случаѣ не *парламентское большинство и резолюціи*, объединили и выковали германскую имперію [2]). Моя надежда и вѣра возложены исключительно на войско. Мы переживаемъ серьезный моментъ и, быть можетъ, въ послѣдующіе годы должны будемъ встрѣтить еще болѣе тяжелыя времена. Но я всегда помню слово моего блаженной памяти дѣда, произнесенное

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Здѣсь уже Вильгельмъ является настоящимъ ученикомъ Трейчке. Вотъ какъ выразился послѣдній объ этомъ вопросѣ въ своей „Politik“: „Самой реальной и самой дѣйствительной связью національнаго единства стало, безъ сомнѣнія, германское войско, а никакъ не германскій рейхстагъ“. (II т. стр. 356).

имъ передъ офицерами въ Кобленцѣ: «Это тѣ люди, на которыхъ могу *возложить всѣ мои надежды*». «Въ этомъ заключается и моя вѣра и упованіе» [1]).

Насколько Вильгельмъ II ненавидитъ законодательную волю народнаго представительства, съ точки зрѣнія своихъ воинственныхъ стремленій, видно изъ слѣдующаго. 6 мая 1893 года императоръ распускаетъ рейхстагъ, такъ какъ большинство отвергаетъ военный законопроектъ. Это вызываетъ волненія въ народѣ. Императоръ презрительно высказывается объ общественномъ мнѣніи, говоря: «Только незваные люди волнуютъ народъ». И Вильгельмъ возлагаетъ свои надежды на новый рейхстагъ. Въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ:

«Если и на этотъ разъ я буду обманутъ, я твердо рѣшилъ предпринять все, что могу, чтобы добиться своей цѣли. Ибо я глубоко убѣжденъ въ необходимости военнаго законопроекта для сохраненія всеобщаго мира. Говорятъ о волненіяхъ среди массъ. Но я не вѣрю, чтобы германскій народъ волновался изъ-за агитаціи незваныхъ людей. Наоборотъ. Я чувствую себя объединеннымъ, въ отношеніи этого законопроекта, съ союзными князьями, народомъ и арміей» [2]). (Рѣчь, произнесенная 9 мая въ окрестностяхъ Берлина передъ генералами, собравшимся на весенній парадъ).

«Единственный столпъ, на которомъ зиждется наше государство—это армія»,—говорилъ Вильгельмъ въ рѣчи, сказанной по адресу арміи 18 октября 1894 года. Въ тотъ же день, произнося за парадным обѣдомъ въ Потсдамскомъ дворцѣ тостъ за собравшихся военноначальниковъ и генераловъ, Вильгельмъ подчеркиваетъ, что усиленіе арміи необходимо не только для защиты отъ внѣшняго врага, но также и для того, чтобы «мой авторитетъ внутри страны оставался нерушимымъ и вѣчнымъ» [3]).

Въ сентябрѣ 1895 г. Вильгельмъ II въ тостѣ, обращенномъ къ своей лейбъ-гвардіи, дѣлаетъ намеки по адресу критикующей его дѣятельность соціалъ-демократіи въ слѣдующихъ словахъ: «Пусть весъ народъ сознаетъ въ себѣ доста-

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же, стр. 6.
[3]) Тамъ-же.

точно силы, чтобы отвергнуть неслыханныя обвиненія. Если же этого не случится, тогда я позову васъ, чтобы вы защитили насъ отъ этой *заговорщической банды*, чтобы вы начали такую борьбу, которая освободила бы насъ отъ подобныхъ элементовъ» [1]).

Тѣ же надежды и упованія возлагаетъ онъ на войско въ Бреславлѣ, въ одной рѣчи, сказанной 2 декабря въ 1895 года. Германская армія, увѣряетъ императоръ, готова всегда по желанію своего главы вести войну не только съ внѣшними, но и съ внутренними врагами.

30 августа 1897 года Вильгельмъ произноситъ въ Кобленцѣ, послѣ парада, обращаясь къ 8 корпусу, слѣдующій тостъ:

«На насъ лежитъ долгъ сохранить во всей цѣлости дѣло рукъ великаго императора (т. е. своего дѣда Вильгельма I)—войско—защитить его отъ всякихъ стороннихъ протестовъ. И я надѣюсь, что каждый изъ васъ, генераловъ, будетъ настолько искрененъ и вѣренъ, чтобы съ успѣхомъ стремиться достигнуть этого въ своей части» [2]).

Какъ высказывается германскій императоръ ко времени 10-лѣтія своего управленія, 16 іюня 1898 года,—видно изъ рѣчи, произнесенной въ Берлинѣ и обращенной къ его лейбъ-гвардіи. Тономъ, полнымъ жалобъ, вспоминаетъ онъ неблагопріятный, полный тяжелыхъ заботъ, періодъ своего восшествія на престолъ. «Всюду существовали *подозрѣнія* на мой счетъ, вездѣ я встрѣчалъ *неправильную оцѣнку*. Только одинъ элементъ былъ увѣренъ во мнѣ, только онъ вѣрилъ мнѣ, это—войско. Опираясь на него, возлагая надежды на нашего стараго Бога, я принялъ на себя свою тяжелую обязанность, глубоко сознавая, что армія—главная опора моей страны, основной столпъ прусскаго престола, на который я сѣлъ по совѣту Господа Бога» [3]).

8 сентября 1899 года, императоръ Вильгельмъ въ Карлсруэ, столицѣ Бадена, въ рѣчи, обращенной къ городскому головѣ, между прочимъ, говоритъ: «Пока теоріи всеобщаго мира осуществятся повсемѣстно, пройдетъ еще нѣсколько

[1]) Тамъ-же, стр. 7.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.

вѣковъ. Пока же *самый надежный стражъ мира*—это германская имперія, ея князья и войско» [1]).

Въ тотъ же день и въ томъ же мѣстѣ, во время парада баденской арміи, въ присутствіи великаго герцога, императоръ Вильгельмъ произноситъ другую рѣчь, въ которой мы, между прочимъ, читаемъ: «Сегодняшній парадъ занимаетъ свое достойное мѣсто въ ряду другихъ, какъ предметъ гордости для нашего народа и нашей страны и какъ *предостереженіе* для другихъ государствъ...» [2]).

Насколько офицерская форма удостаивается любви и уваженія со стороны Вильгельма II, расточающаго ей публично свои щедрыя похвалы,—видно изъ слѣдующей рѣчи императора, произнесенной имъ по поводу производства второго его сына, принца Эйтеля Фридриха, въ лейтенанты (7 іюля 1901 г.).

«... Сегодня мой сынъ, — говоритъ Вильгельмъ между прочимъ,—вступаетъ въ жизнь для осуществленія тѣхъ задачъ, во имя которыхъ онъ воспитывался. *Самая блестящая задача*—это защита отечества; *самое блестящее оружіе*—это мечъ; *самый блестящій мундиръ* — это мундиръ прусскаго солдата, мундиръ моего перваго лейбъ-гвардіи пѣхотнаго полка». Чего ожидалъ Вильгельмъ отъ своего 18-ти лѣтняго сына-юноши въ званіи офицера? Онъ ожидалъ «серьезнаго, опытнаго и вдумчиваго офицера, непреклоннаго и твердаго, какъ желѣзо, во всемъ, что требуетъ рыцарскій духъ офицерскаго сословія, требовательнаго въ отношеніи охраненія традицій династіи, *не задумывающагося и не прислушивающагося* къ тому, какія настроенія царятъ въ обществѣ и какіе голоса раздаются тамъ, стремящагося прямо къ своей цѣли, *съ сознаніемъ отвѣтственности только передъ Богомъ и передъ своимъ отцомъ*... Гренадеры этого полка сознаютъ честь, которой они удостоились тѣмъ, что молодой Гогенцоллернъ снова вступаетъ подъ ихъ знамя». [3]).

Въ глазахъ Вильгельма, какъ и надо было ожидать, прусская армія пользовалась среди германскихъ войскъ особеннымъ предпочтеніемъ. Въ этомъ признается самъ императоръ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 8.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же, стр. 9.

въ одной рѣчи, произнесенной имъ 29 мая 1903 года въ Деберицѣ, при открытіи памятника Фридриху Великому. Вильгельмъ жалуется, что германская натура слишкомъ «труслива» и «меланхолична». «*Единственно крѣпкой и несокрушимой осью* во всѣхъ явленіяхъ,—говоритъ Вильгельмъ въ своей рѣчи,—была и теперь еще остается *прусская армія*. Нынѣ войско является въ нашей жизни *національнымъ институтомъ:* генералы являются его руководителями, уважаемыми и почитаемыми какъ со стороны солдатъ, такъ и со стороны гражданъ. Это—институтъ, ставшій *великой школой для національнаго воспитанія нашего молодого поколѣнія*. Вы же, господа (обращается онъ къ генераламъ), являетесь воспитателями». Свою рѣчь заключаетъ Вильгельмъ слѣдующими многозначительными словами: «Тогда мое войско явится всегда въ качествѣ *инструмента*, въ которомъ я нуждаюсь, чтобы въ нужномъ случаѣ при моей политикѣ *я могъ прибѣгнуть къ его содѣйствію*. Тамъ, гдѣ одно перо не въ состояніи достичь цѣли, необходимо содѣйствіе *силы оружія*. Да здравствуетъ вся прусская армія!» [1]).

Ту-же нарочно подчеркнутую любовь къ прусскому войску выражаетъ германскій императоръ въ одномъ тостѣ, произнесенномъ 11 сентября 1905 г. послѣ маневровъ въ Кобленцѣ.

«Самое красивое оружіе, которое долженъ носить прусскій солдатъ—это *тотъ панцырь*, въ которомъ онъ побѣдоносно встрѣтитъ своего врага на полѣ брани. Это—прекраснѣйшій панцырь, который вообще должны носить пограничныя войска, когда они представляются своему императору. Что мои пограничныя войска *хорошо защитятъ посты на Рейнѣ*, въ этомъ я увѣренъ послѣ всего того, что я увидѣлъ сегодня. Да здравствуетъ 8-й армейскій корпусъ!» [2]).

Припоминая отдѣльные моменты изъ прошлыхъ войнъ, Вильгельмъ такимъ образомъ придавалъ своимъ рѣчамъ тонъ особой воинственности и воодушевленности. 27 октября 1905 года, при освященіи памятника Мольтке въ Берлинѣ, Вильгельмъ II произноситъ два тоста, посвященные памяти

---

[1]) Тамъ-же, стр. 11.
[2]) Тамъ-же, стр. 12

своего дѣда и фонъ-Мольтке. Вторую рѣчь свою онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Каково наше положеніе въ мірѣ — это вы знаете, господа! Пусть *порохъ поэтому остается сухимъ, мечъ отточеннымъ, цѣль осознанной, мощь напряженной*, пессимисты же (Schwarzscher) — въ опалѣ. Да здравствуютъ моя армія и генеральный штабъ!» [1]).

Во время пребыванія въ Мюнстерѣ, 8 августа 1906 г., послѣ парада, императоръ обращается къ войску со слѣдующими воинственными словами: «Обнажайте мечи всѣ вы, безразлично гусары, драгуны, уланы или кирассиры! Идите все впередъ!» [2]).

И такъ безъ конца. Рѣчей, подобныхъ приведеннымъ, было произнесено Вильгельмомъ II, королемъ прусскимъ и императоромъ германскимъ очень много. Если вы хотите познать подлинное «я» историческаго лица современннаго представителя Гогенцоллерновъ, лейтъ-мотивы систематической милитаристической политики его управленія, — прочтите внимательно военныя рѣчи Вильгельма и обращайте особенное вниманіе на подчеркнутое въ его рѣчахъ.

Но прежде чѣмъ выявить со всею полнотою специфическій характеръ милитаризма императора Вильгельма на основаніи его же рѣчей, познакомимся въ послѣдующемъ съ его такъ называемыми *инструкціями военнаго воспитанія*, данными имъ въ своихъ рѣчахъ новопризваннымъ солдатамъ (рекрутамъ).

4.

Первая рѣчь императора Вильгельма, произнесенная спустя три года (23 ноября 1891 г.) послѣ его восшествія на престолъ, по поводу присяги новобранцевъ, показываетъ, насколько терпимо общественное мнѣніе «конституціонной» Германіи, которое не только переноситъ и молчитъ по по-

---

[1]) Тамъ же. Эта рѣчь германскаго императора явилась косвенной угрозой, направленной противъ Англіи и особенно Франціи, въ связи съ политикой Делькассе въ Марокскомъ вопросѣ.

[2]) Тамъ-же.

воду подобныхъ выступленій Вильгельма, но и любитъ монарха, который на исходѣ XIX вѣка считаетъ возможнымъ обращаться къ молодому поколѣнію Германіи съ жестокими и циничными инструкціями, достойными средневѣковья.

«Дѣти моей лейбъ-гвардіи! — обращается Вильгельмъ къ новобранцамъ. Съ сегодняшняго дня вы вступаете въ ряды моего войска, подчиняетесь моимъ приказаніямъ и пріобрѣтаете преимущество носить мою форму. Носите ее съ честью. Помните всегда о славной исторіи нашей родины. Помните, что германское войско должно быть *во всеоружіи* как передъ *внутренними*, такъ и передъ *внѣшними* врагами. Нынѣ больше, чѣмъ когда-либо, въ нашемъ отечествѣ подняло голову невѣріе и злонамѣренность, такъ что можетъ случиться, что вы принуждены будете, по моему приказанію, *стрѣлять въ вашихъ родныхъ, братьевъ и даже родителей, обнажить на нихъ мечъ* [1]). Тогда ваша вѣрность будетъ запечатлѣна принесеніемъ въ жертву крови вашего сердца» [2]).

Слѣдующее наставленіе, которое Вильгельмъ далъ однажды молодымъ рекрутамъ, встрѣтивъ ихъ во дворѣ своего дворца носитъ на себѣ отпечатокъ прусскаго духа: «Самыя лучшія, достойныя отношенія могутъ существовать у военнаго съ военнымъ же, но не съ цивильнымъ». Это—приказъ императора солдатамъ объ изолированной казарменной жизни, доведенной въ Пруссіи болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой европейской странѣ, до степени полнаго совершенства.

---

[1]) Бѣдный Трейчке! Защищая со всей страстностью принципъ безусловнаго, почти рабскаго послушанія войска по отношенію къ начальству, онъ никакъ не могъ думать, что когда-нибудь отпрыскъ возвеличенной имъ династіи Гогенцоллерновъ превозойдетъ всякую мѣру, всякій предѣлъ въ смыслѣ драконовой жестокости. Германскій историкъ въ своей „военной педагогикѣ“ не пошелъ такъ далеко, какъ это сдѣлалъ германскій императоръ, который не щадитъ родителей и братьевъ солдатъ. „Нельзя говорить нашимъ солдатамъ,—пишетъ Трейчке съ полнымъ убѣжденіемъ,—что они должны по приказанію начальства убивать отца и мать. Развѣ можно приравнивать солдатъ народнаго войска къ наемникамъ царя Ирода, которые убивали дѣтей?“ (Politik“, II т. стр. 366). Сравнивая эти слова со словами вышеприведенной рѣчи императора, мы видимъ, насколько ученикъ въ своемъ милитаристическомъ рвеніи опередилъ своего учителя. Что думалъ старикъ Трейчке, когда за пять лѣтъ до своей смерти увидѣлъ, что Вильгельмъ II воспитываетъ свое постоянное войско и обращается съ нимъ гораздо хуже, нежели Иродъ со своими наемниками?

[2]) Тамъ же, стр. 12.

Спустя два года, 16 ноября 1893 года, Вильгельмъ повторяетъ тотъ же по существу драконовскій приказъ, но въ другой формѣ, обращаясь въ берлинскомъ Lustgarten-ѣ къ присягающимъ новобранцамъ со слѣдующими словами: «Передъ образомъ Господа Бога вы только что присягнули мнѣ и стали одновременно моими солдатами, моими камерадами. Вы имѣете честь принадлежать къ моей лейбъ-гвардіи... Вы призваны прежде всего *защищать меня отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.* Будьте вѣрны и не забывайте, что ваша честь—также моя честь» [1]).

Вильгельмъ часто эксплоатировалъ религію и христіанство, чтобы замаскировать духовно-мистическимъ покрываломъ и оправдать именемъ религіи свои, въ сущности анти-христіанскія, жестокія наставленія рекрутамъ. Изъ подобныхъ пріемовъ приведемъ два примѣра.

15 ноября 1894 года, по поводу присяги новобранцевъ, Вильгельмъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Если вы хотите быть *хорошими солдатами,* вы должны быть также *добрыми христіанами* и благоговѣйно беречь вѣру въ вашихъ сердцахъ. Не забывайте, что вы носите форму вашего короля. Берегите честь этой формы и помните, что вамъ дано преимущество проводить свою службу на моихъ глазахъ, что, вступивъ въ ряды моего войска, вы тѣмъ подняли ваше достоинство. Не позволяйте, чтобы развѣвающееся передъ вашими глазами побѣдное знамя было осквернено. Никогда не забывайте, что вы призваны быть защитниками нашего отечества и обязаны охранять въ странѣ *порядокъ и религію*» [2]).

12 ноября 1896 года императоръ Вильгельмъ сказалъ новобранцамъ, собраннымъ во дворѣ дворца въ Берлинѣ, слѣдующее: «Вотъ вы поклялись на знамени служить мнѣ, вашимъ высшимъ начальникамъ и отечеству правдой. Точно такъ же, какъ корона безъ алтаря и круцификса не имѣетъ значенія, и войско безъ христіанской религіи не представляетъ ничего. Помните всегда, что вы *носите оружіе для*

---

[1]) Тамъ-же, стр. 13.
[2]) Тамъ-же.

короны и алтаря. Вы обязаны давать хорошіе примѣры послушанія» [1]).

Но болѣе забавно слѣдующее сужденіе прусскаго короля, въ которомъ онъ взаимно обусловливаетъ истинное христіанство и настоящее пруссачество. 18 ноября 1897 года онъ говоритъ присягающимъ новобранцамъ: «Клятвой на знамени присягнули вы въ вѣрности мнѣ, какъ германскіе мужи; присягнули передъ Богомъ и подъ открытымъ небомъ, какъ то подобаетъ истымъ христіанамъ. Кто не истинный христіанинъ, тотъ не можетъ быть также храбрымъ человѣкомъ и *прусскимъ солдатомъ* и не можетъ ни въ коемъ случаѣ совершить то, что требуется отъ солдата въ прусскомъ войскѣ... Вашъ долгъ—оставаться вѣрными мнѣ, защищать наши высшія достоянія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, подчиняться, когда я буду приказывать, *но не оставлять меня*» [2]).

Ту же мысль повторяетъ онъ въ 1899 году, заключая рѣчь новобранцамъ, произнесенную 7 ноября, слѣдующими словами: «Хорошій солдатъ въ то же время добрый христіанинъ и обязанъ высоко чтить свою религію, какъ общее начало, объединяющее всѣхъ насъ. Исполняйте тотъ долгъ, который возлагается на васъ отъ моего имени» [3]).

7 ноября 1900 года Вильгельмъ обращается къ новобранцамъ по тому же поводу со слѣдующими словами: «Военное сословіе является *особымъ сословіемъ* и имѣетъ свои особыя физическія и духовныя требованія и ограниченія, къ которымъ вы должны приспособиться и имъ подчиняться... Ваши братья уже имѣли случай показать по ту сторону океана [4]) свою вѣрность. Вы должны низвергнуть врага, а также охранять внутри страны порядокъ и спокойствіе...» [5]).

6 ноября 1902 года въ загадочныхъ выраженіяхъ предостерегаетъ новобранцевъ, совѣтуя имъ быть осторожными и избѣгать пропаганды «внутреннихъ враговъ». «Помните вашу присягу, данную на знамени, *и изгоняйте изъ вашей*

---

[1]) Тамъ-же, стр. 14.
[2]) Тамъ-же, стр. 14—15.
[3]) Тамъ-же, стр. 15.
[4]) Рѣчь идетъ о германской экспедиціи подъ командою фельдмаршала Вальдерзее, отправленной въ Китай для подавленія возстанія боксеровъ.
[5]) Тамъ-же.

среды тѣхъ, кто вводитъ васъ въ заблужденіе. Не забывайте также вашего Бога; не стыдитесь молиться, ибо съ помощью Всевышняго будетъ облегчена ваша служба. Та форма, которую вы носите, является моей формой, и хвала тому, кто можетъ носить ее. Но не позволяйте, чтобы это платье чести было поругано, ибо оскорбленіе солдата является вмѣстѣ съ тѣмъ *оскорбленіемъ императора*» [1]).

Напоминая въ обычныхъ выраженіяхъ про присягу и привѣтствуя новобранцевъ, Вильгельмъ въ одной рѣчи, произнесенной 13 ноября 1904 г., особенно подчеркиваетъ передъ молодыми солдатами, что «высшимъ долгомъ германскаго солдата является, въ минуты нужды и опасности, *отдать съ радостью жизнь для повелителя страны*». Молодые рекруты должны брать примѣръ со своихъ братьевъ, которые устраивали кровавое зрѣлище при подавленіи возстанія въ Южной Африкѣ [2]).

И такъ безъ конца.

Мы не привели полнаго цикла рѣчей императора Вильгельма, обращенныхъ къ арміи, къ сухопутнымъ вооруженнымъ силамъ Германіи. Приведенное—лишь маленькій букетъ изъ наиболѣе яркихъ его рѣчей, рельефнѣйшимъ образомъ характеризующихъ сущность милитаризма германскаго монарха на сушѣ. Прежде, чѣмъ, однако, вполнѣ освѣтить этотъ вопросъ, необходимо дополнить характеристику милитаристическаго «я» Вильгельма, что возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы познакомимся съ содержаніемъ его рѣчей, посвященныхъ морскимъ силамъ Германіи, т. е. маринизму.

5.

То крупное и рѣшительное значеніе, которое имѣла эпоха Вильгельма II въ дѣлѣ развитія германскаго военнаго флота, характеризуется словами самого императора въ одной рѣчи (1 января 1900 г.), произнесенной въ собраніи офицеровъ берлинскаго гарнизона по случаю столѣтнихъ торжествъ.

«Какъ мой дѣдъ заботился и работалъ надъ сухопутными

---

[1]) Тамъ-же, стр. 16.

[2]) Тамъ-же. Рѣчь идетъ о подавленіи возстанія племени гереро въ Африканскихъ германскихъ колоніяхъ.

силами, такъ и я долженъ въ такомъ же духѣ и такъ же неуклонно продолжать *дѣло развитія и организаціи моихъ морскихъ силъ*, чтобы мой военный флотъ занялъ соотвѣтственно равное мѣсто на ряду съ сухопутными силами и чтобы этимъ путемъ германская имперія имѣла возможность занять *подобающее мѣсто за границей...»* [1]).

О томъ, что эти слова не были произнесены въ качествѣ пустой угрозы, а являлись выраженіемъ глубокаго убѣжденія цѣлесознательной дѣятельности реальнаго политика, свидѣтельствуетъ второй періодъ управленія Вильгельма, начиная съ конца 90-хъ годовъ, когда съ лихорадочной быстротой было положено начало германскому военному судостроенію.

Подлинность милитаристическаго «я» Вильгельма, которую мы видѣли въ каждой изъ отдѣльныхъ рѣчей его, обращенныхъ къ различнымъ частямъ сухопутныхъ войскъ, мы находимъ также сохраненной во всей послѣдовательности въ рѣчахъ, обращенныхъ къ военно-морскимъ силамъ. Здѣсь прибавляется, однако, еще одна сильно окрашенная тенденція— тенденція колоніальной политики и имперіалистическихъ завоеваній. Какъ, говоря о сухопутной арміи, Вильгельмъ часто упоминалъ о ея высшемъ долгѣ—бороться съ внѣшними и внутренними врагами, такъ и, говоря о морскихъ силахъ, императоръ всегда указываетъ на истинный смыслъ ихъ существованія—пріобрѣтеніе для Германіи прочныхъ позицій на заокеанскихъ материкахъ. И такъ какъ германскій императоръ оставилъ много матеріала для характеристики своего имперіализма или своей міровой политики, то было бы целесообразнымъ, съ точки зрѣнія правильной послѣдовательности, по возможности выдѣлить его военно-морскія рѣчи и рѣчи о колоніяхъ.

Вильгельмъ, какъ мы видѣли выше, поучаетъ новобранцевъ своей сухопутной арміи въ духѣ заповѣдей извѣстнаго намъ стараго евангелія прусскаго милитаризма. Съ такою же послѣдовательностью онъ поучаетъ морскихъ рекрутовъ, но уже въ духѣ заповѣдей новоявленнаго евангелія германскаго маринизма. Какъ начинаетъ свою проповѣдь основатель этого

---

[1]) Тамъ-же, стр. 21.

евангелія—видно изъ первой его рѣчи, произнесенной 3 декабря 1894 года въ Вильгельмсгафенѣ, по поводу присяги молодыхъ матросовъ.

«Присяга свята. Свято также то мѣсто, гдѣ вы присягаете. Это доказываютъ алтарь и круцификсъ. Это означаетъ, что мы, германцы,—христіане, что мы во всякомъ дѣлѣ сначала вспоминаемъ Бога, въ особенности въ такомъ высокомъ дѣлѣ какъ усовершенствованіе средствъ защиты отечества. Вы носите форму императора, поэтому вы ставитесь *выше всѣхъ остальныхъ людей* и наравнѣ съ вашими товарищами по арміи и флоту. Вы теперь *занимаете совершенно особое мѣсто* и берете на себя рядъ обязанностей. Другіе должны завидовать вамъ за ту форму, которую вы носите. Носите ее съ честью и не оскверняйте ея. Вы же это выполните лучше всего, если будете вспоминать вашу присягу. Будучи моряками, вы будете имѣть часто случай убѣждаться во всемогуществѣ Господа Бога».

Послѣ такихъ морально-воспитательныхъ совѣтовъ Вильгельмъ въ той же рѣчи переходитъ къ болѣе серьезнымъ военнымъ инструкціямъ.

«Въ чемъ заключается,—спрашиваетъ онъ,—тайна того, что мы, будучи численностью меньше, часто все-же *превосходимъ врага?* Тайна эта заключается въ *дисциплинѣ*. Но что-же такое дисциплина? Она—объединенное и централизованное сотрудничество, совмѣстное подчиненіе... Оставайтесь вѣрными своей присягѣ и помните ее всегда, будете-ли вы въ нашей странѣ или за предѣлами ея, безразлично. Высоко держите ваше знамя и всегда помните своего императора» [1]).

Вильгельмъ давалъ все время ново-призваннымъ морскимъ рекрутамъ, при каждой ихъ присягѣ, тѣ-же инструкціи и наставленія: Молитва Господу, религіозное благоговѣніе, отношеніе къ присягѣ, какъ къ святому обѣту, вездѣ и всегда вѣрность и преданность императору. Будьте храбрыми въ чужихъ странахъ и хорошо защищайте интересы отечества. Знайте хорошо, что *«если германскій орелъ залетѣлъ куда-нибудь и вонзилъ свои острые когти въ землю, то эта страна должна принадлежать Германіи и навсегда*

---

[1]) Тамъ-же, стр. 13—14.

останется германской» [1]),—этими многозначительными словами заключаетъ Вильгельмъ II одну изъ своихъ рѣчей (2 марта 1898 года), обращенную къ молодымъ морскимъ солдатамъ.

Ещё въ концѣ 90-хъ годовъ императоръ Вильгельмъ болѣзненно глубоко почувствовалъ, насколько германскій военый флотъ отсталъ отъ военныхъ флотовъ другихъ государствъ. Это ясно видно изъ одного письменнаго документа—изъ телеграммы, полной жалобъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составленной въ рѣшительномъ тонѣ, которую онъ отправилъ своему брату принцу Генриху, 24 апрѣля 1897 года. Императоръ поручаетъ своему брату присутствовать, въ сопровожденіи судна «König Wilhelm», на юбилейныхъ торжествахъ англійской королевы Викторіи. «Я глубоко скорблю,—телеграфируетъ Вильгельмъ,—что не въ состояніи предоставить тебѣ къ этимъ торжествамъ *лучшее судно*, чѣмъ «König Wilhelm», въ то время, какъ другія націи будутъ блистать своими гордыми военными кораблями. Это—печальный результатъ позиціи тѣхъ *лишенныхъ отечества элементовъ* [2]), которые интригуютъ противъ сооруженія самыхъ необходимыхъ кораблей. Но я не успокоюсь, *пока не доведу свой флотъ до той высоты, которой уже достигла армія»* [3]).

Всѣ рѣчи Вильгельма, какъ и всѣ его практическія стремленія, съ которыми мы познакомимся въ дальнѣйшемъ, выдаютъ его рѣшимость въ области военно-морской политики.

Въ томъ же году, 17 іюня, при освященіи въ Кельнѣ памятника своему дѣду, Вильгельмъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Съ того дня, какъ нашъ великій императоръ выковалъ нашу имперію, для насъ назрѣли на этомъ свѣтѣ также другія задачи: *мы должны думать и заботиться о германцахъ, находящихся повсемѣстно, мы должны блюсти за границей германскую честь, которая должна стоять высоко и быть незапятнанной.* Трезубецъ находится въ нашемъ кулакѣ, и я думаю, что граждане Кельна очень хорошо понимаютъ это» [4]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 25.
[2]) Рѣчь идетъ о соціалъ-демократахъ.
[3]) Тамъ-же, стр. 25.
[4]) Тамъ-же.

1898 годъ пріобрѣлъ значеніе года радостнаго торжества въ глазахъ Вильгельма. Въ этомъ году прошелъ въ рейхстагѣ сильнымъ большинствомъ взлелѣянный проектъ—первый военно-морской законопроектъ (Flottengesetz). Вильгельма поздравляли по телеграфу отовсюду, особенно изъ приморскихъ городовъ (Гамбургъ, Бременъ), считая совершившійся фактъ большой побѣдой господствующаго правительственнаго курса. Что и говорить, Вильгельмъ въ своихъ отвѣтахъ выражалъ свою радость вволю. Въ томъ же году, 23 сентября, въ присутствіи императора была освящена новая гавань въ Штеттинѣ. Вильгельмъ, отвѣчая городскому головѣ, произноситъ въ первый разъ ту знаменитую фразу, которая впослѣдствіи дѣлается руководящимъ лозунгомъ государственной политики въ области военно-морскихъ стремленій: «Unsere Zukunft liegt auf dem Wasser» («Наша будущность лежитъ на водѣ») [1],—сказалъ Вильгельмъ II.

18 октября 1899 года въ Гамбургѣ, въ присутствіи императора, состоялся спускъ линейнаго корабля «Kaiser Karl der Grosse». По этому случаю, отвѣчая городскому головѣ Монкебергу, Вильгельмъ, между прочимъ, говоритъ: «Мы присутствуемъ на торжественномъ актѣ спуска въ воду одной изъ плавающихъ единицъ, сооруженныхъ для военной защиты нашего отечества. Безъ сомнѣнія, горячее желаніе всѣхъ васъ видѣть, чтобы это гордое судно по возможности скорѣе исполнило свое *истинное назначеніе*. И мы повелительно чувствуемъ нужду въ этомъ. *Да, мы чувствуемъ нужду въ сильномъ германскомъ флотѣ!* Гамбургъ можетъ хорошо понять необходимость сильной морской защиты, настоятельность усиленія нашей морской мощи во имя нашихъ внѣшнихъ интересовъ». Затѣмъ Вильгельмъ жалуется на политическія партіи, которыя противодѣйствовали здоровому теченію проводимой имъ военно-морской политики. «Если бы усиленіе моего флота въ первыя 8 лѣтъ моего управленія не встрѣтило препятствій съ стороны партій, съ какой быстротой развились бы тогда наша цвѣтущая морская торговля и наши заморскія начинанія»! [2]).

На конгрессѣ евангельскихъ рабочихъ организацій, со-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 26.
[2]) Тамъ-же, стр. 27—28.

стоявшемся 30 апрѣля 1900 года въ Дрезденѣ, послѣ одобренія программы германскаго Flottenverein-а, этой сильной милитаристической организаціи, и послѣ включенія въ программу организацій практическихъ требованій, была принята и отправлена императору вѣрноподданнѣйшая телеграмма. Вильгельмъ выражаетъ черезъ министра двора свою радость и удовлетвореніе по поводу того, что «евангельскія рабочія организаціи сумѣли оцѣнить значеніе усиленія германскаго флота, имѣющаго большое значеніе и для благосостоянія рабочихъ, и записались членами германскаго Flottenverein-а»[1]).

Въ маѣ 1900 года нѣсколько германскихъ фельдмаршаловъ просили Вильгельма о томъ, чтобы онъ носилъ фельдмаршальскій орденъ. На парадѣ 29 мая Вильгельмъ впервые появляется украшенный этимъ орденомъ и въ своей рѣчи, посвященной спеціально этому обстоятельству, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующія знаменательныя слова: «По старому прусскому обычаю, фельдмаршаломъ можетъ быть только тотъ, кто выигриваетъ кампанію или беретъ первоклассную крѣпость. Я не имѣлъ этой чести, но о себѣ могу сказать, что *въ теченіе 12 лѣтъ моего управленія, я посвятилъ лучшія силы свои организаціи нашего войска*, и я думаю, что мнѣ удалось поставить его на должную высоту. Я надѣюсь черезъ немного лѣтъ *усилить также мощь Германіи на морѣ*, чтобы германское имя всюду въ мірѣ внушило чувство уваженія. Это новое Offensiv-Flanke, которое я созидаю, посредствомъ сильнаго флота, рядомъ съ моей арміей, дастъ намъ возможность *сопротивляться всякой опасности, все равно при какихъ бы комбинаціяхъ она ни возникла*» [2]).

Въ рейхстагѣ проходитъ другая военно-морская новелла. Вновь поздравляютъ телеграммами Вильгельма. И онъ по этому поводу отвѣчаетъ правленію Hamburg-Amerika-Linie въ слѣдующихъ словахъ (13 іюня 1900 года): «Я употребилъ всѣ средства и доволенъ и радъ, что достигъ своей цѣли. За неустанную и вѣрную помощь выражаю содѣйствовавшимъ мнѣ свою глубокую благодарность. Но надо стремиться все впередъ, дабы нашъ флотъ былъ поскорѣе спущенъ въ воду

[1]) Тамъ-же, стр. 29.
[2]) Тамъ-же, стр. 30.

и. *внушая почтеніе, какъ выраженіе увеличенія моей мощи*, могъ бы охранять на землѣ миръ» [1]).

3 іюня 1900 года Вильгельмъ присутствуетъ, совмѣстно съ баварскимъ принцемъ Рупрехтомъ, при спускѣ въ воду новаго линейнаго корабля «Wittelsbach». Вильгельмъ произноситъ рѣчь, въ которой внушительнымъ тономъ выражаетъ рѣшительную волю присяжнаго служителя милитаризма и имперіализма. «Я не того мнѣнія,—говоритъ онъ,—что нашъ германскій народъ, побѣждавшій и проливавшій свою кровь [2]) 30 лѣтъ назадъ подъ руководствомъ своихъ князей, способенъ нынѣ, при принятіи крупныхъ внѣшнихъ рѣшеній, отстраниться и изолироватъ себя. Если бы это было такъ, то навсегда бы изчезло *міровое господствующее положеніе Германіи* (Weltmachtstellung), чего я ни въ коемъ случаѣ не допустилъ бы. Мой долгъ и моя прекрасная привилегія— употребить всѣ соотвѣтствующія, и если будетъ нужно, то съ безпощадностью *самыя острыя средства*, чтобы уберечь въ неприкосновенности это положеніе» [3]).

И въ слѣдующихъ двухъ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Гамбургѣ и адресованныхъ городскому головѣ Монкебергу, Вильгельмъ придаетъ болѣе конкретную форму своимъ мыслямъ, особенно стараясь обезпечить сочувствіе свободнаго города своимъ военнымъ планамъ. Первую рѣчь произноситъ онъ 18 іюня 1901 г. на обѣдѣ въ честь спуска вновь выстроеннаго военнаго судна «Viktoria-Luise», и въ ней онъ, между прочимъ, говоритъ: «Вся моя забота о будущемъ должна состоять въ томъ, чтобы то, основы чего уже заложены твердо, въ будущемъ разрослось бы спокойно и обезпеченно. Несмотря на то, что мы не имѣемъ того флота, который должны были имѣть, тѣмъ не менѣе мы уже *завоевали подъ солнцемъ наше мѣсто* (den Platz an der Sonne erkämpft). Теперь моей задачей является забота о томъ, чтобы *занятое нами мѣсто безспорно было бы сохранено за нами*, дабы внутри страны могли процвѣтать промышленность и сельское хозяйство, а внѣ ея предѣловъ — внѣшняя торговля. Наша будущность на водѣ. Чѣмъ больше германцы

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Слово идетъ о франко прусской войнѣ 1870—1871 г.г.
[3]) Тамъ-же, стр. 31.

будутъ бороздить воды—будь это въ видѣ гонки парусныхъ судовъ, путешествій на океанахъ или подъ флагомъ службы на военныхъ судахъ, тѣмъ лучше». «Какъ глава государства, я могу только радоваться каждому ганзейцу—будь онъ изъ Гамбурга, Бремена или Любека—который уплываетъ въ море и зоркимъ взоромъ намѣчаетъ тамъ *новыя точки* (neue Punkte sucht), гдѣ мы водрузимъ свой стягъ и повѣсимъ на немъ наши доспѣхи...» [1]).

6 сентября 1904 года послѣ маневровъ 9-го корпуса, состоявшихся близъ Гамбурга, на парадномъ обѣдѣ Вильгельмъ произноситъ тостъ, въ которомъ, выражая свою глубокую благодарность гамбургскому обществу за блестящій пріемъ императорской четы, выражаетъ также глубокое удовлетвореніе тѣмъ обстоятельствомъ, что военно-морскія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, «зерно германскаго военнаго флота уже налицо». Къ этому Вильгельмъ добавляетъ весьма характерныя для него слова: «Германскій народъ вправѣ оберегать свой флотъ и армію, въ которыхъ онъ нуждается для представительства и защиты своихъ интересовъ и никто не долженъ мѣшать ему расширять и реорганизовывать свои сухопутныя и морскія силы, согласно своему желанію и своей волѣ. Вчерашній день показалъ каждому гамбургскому ребенку великолѣпную картину большого парада, и я *твердо* убѣжденъ, что блестящіе ряды полковъ 9-го армейскаго корпуса убѣдили каждаго гамбургскаго жителя въ томъ, что означаетъ армія и флотъ. Съ того дня, какъ мой дѣдъ приготовилъ и организовалъ войско, *какъ острое оружіе въ часъ опасности*, удалось также осуществить объединеніе германскаго народа. И съ того дня, когда германскій народъ объединился и отечество находится *въ состояніи полнаго вооруженія* (in vollster Rüstung), съ того же дня мы пользуемся миромъ. Но я бы хотѣлъ спеціально военный характеръ нашего посѣщенія особенно подчеркнуть въ одномъ—въ желаніи создать близкія отношенія между ганзейскими городами и моимъ войскомъ. Какъ вамъ извѣстно, каждый изъ новыхъ крейсеровъ моего флота получилъ по одному названію ганзейскихъ городовъ. Я приказалъ еще, чтобы съ вчерашняго

в) Тамъ-же, стр. 32.

дня каждый изъ кавалерійскихъ полковъ, причисленныхъ къ составу гарнизона трехъ ганзейскихъ городовъ, получилъ названіе даннаго города — Гамбургскій полкъ, Бременскій полкъ, Любекскій полкъ» [1]).

Мы уже достаточно ознакомились съ личностью Вильгельма II, изъ его же рѣчей, какъ верховнаго покровителя сухопутныхъ и морскихъ силъ Германіи, какъ первостепеннаго милитариста и мариниста. Но очеркъ характеристики цѣльной фигуры германскаго императора остался бы все же неполнымъ для насъ, если бы мы не ознакомились съ тѣми основными тенденціями, исповѣдуемыми имъ, которыми только и только обусловливается его милитаризмъ и его маринизмъ, со всѣми ихъ кричащими особенностями. Я говорю о колоніальной политикѣ Вильгельма, о его имперіализмѣ или міровой политикѣ. Уже изъ послѣднихъ его рѣчей мы видѣли, что Вильгельмъ весьма ясными намеками объясняетъ смыслъ быстраго и полнаго вооруженія Германіи одной конечной цѣлью—необходимостью представленія и защиты внѣшнихъ интересовъ германскаго отечества, необходимостью поисковъ новыхъ мѣстъ подъ солнцемъ и т. д. Но все же свою имперіалистическую программу — Вильгельмъ развиваетъ вполнѣ въ рѣчахъ, посвященныхъ именно колоніальной политикѣ.

6.

Въ отношеніи колоніальной политики Вильгельмъ II проявилъ не меньшее многословіе и краснорѣчіе, чѣмъ по поводу сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ Германіи. Онъ не пропустилъ ни одного удобнаго случая, отъ его взора не ускользнулъ ни одинъ болѣе или менѣе подходящій поводъ, когда бы онъ могъ сказать нужное слово, высказать свои мысли. Онъ даже создавалъ поводы, устраивая лекціонныя собранія, на которыхъ онъ выступалъ въ качествѣ знатока колоніальнаго дѣла: либо референта, либо диспутанта. Энергія Вильгельма II является наиболѣе положительной стороной его личности.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 33—34.

То, что думалъ и что пропагандировалъ Вильгельмъ II о мiровыхъ рынкахъ для германской торговли, о колонiальныхъ завоеванiяхъ, о стремленiи германскаго капитала за границу и объ обезпеченномъ обращенiи этого капитала,— изложено въ его многочисленныхъ рѣчахъ.

18 октября 1893 года, при освященiи памятника Вильгельму I въ Бременѣ, Вильгельмъ II произноситъ въ залѣ городского самоуправленiя слѣдующее: «Бременъ также можетъ быть достойнымъ моихъ постоянныхъ заботъ, моего неослабѣвающаго интереса и моей императорской защиты. Пусть торговля Бремена развивается и процвѣтаетъ, помня всегда лозунгъ старой Ганзы: если мы хотимъ прогрессировать на мiровомъ рынкѣ, мы должны сознавать, что «navigare necesse est, vivere non est necesse» («мореплаванiе необходимо—а жить не необходимо») [1].

Въ рѣчи по поводу 25-лѣтiя объединенiя германской имперiи (18 января 1896 г.) Вильгельмъ выразилъ въ весьма яркой формѣ тенденцiи убѣжденнаго имперiалиста. «Германская имперiя,—сказалъ онъ,—должна стать мiровымъ государствомъ. Германскiе товары, наука и промышленность переплываютъ океаны. Морская торговля Германiи достигаетъ тысячъ миллiоновъ марокъ. Господа—обращается Вильгельмъ къ депутатамъ рейхстага—на васъ лежитъ юбилейная обязанность, помочь мнѣ связать это великое германское государство съ внутренней имперiей».

Тѣ же тенденцiи выразилъ Вильгельмъ II, съ дальновидностью реальнаго колонiальнаго политика, въ слѣдующихъ своихъ рѣчахъ. 17 декабря 1898 года, принялъ въ аудiенцiи возвратившагося изъ германской колонiи въ Африкѣ, Камеруна, путешественника д-ра Эссера и выслушавъ его обстоятельный докладъ о положенiи этой колонiи, Вильгельмъ ркатко и рѣзко отвѣтилъ: «Пусть знаютъ эти господа (администрацiя колонiи), что они посланы туда только для того, чтобы *расчистить путь для развитiя германскаго капитала и защитить его»*. Затѣмъ, наградивъ путешественника коронным орденомъ II разряда, Вильгельмъ прибавляетъ: «Я глубоко цѣню, когда вижу, что такой богатый

[1]) Тамъ-же, стр. 24.

человѣкъ какъ вы, трижды подвергая свою жизнь опасности, и переносл лишенія и невзгоды, старается, чтобы и нашимъ колоніямъ перепала часть отъ благостей германскаго капитала. *И я буду охранять всячески нашъ германскій капиталъ.* Я бы хотѣлъ, чтобы въ нашихъ колоніяхъ находили пріютъ не лица, низко павшія и обанкротившіяся, но чтобы каждая изъ нашихъ колоній имѣла хоть одного такого человѣка, какъ вы» [1]).

Въ слѣдующемъ году, 17 іюня, на обѣдѣ по поводу спуска въ воду въ Гамбургѣ крейсера «Fürst Bismark» Вильгельмъ произноситъ тостъ въ отвѣтъ на рѣчь городского головы, въ которомъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Господа, я благодаренъ вамъ за то, что вы съ радостью слѣдуете нашей политикѣ, цѣня ее высоко. Мой принципъ— вездѣ, гдѣ я могу, *обнаруживать новые пункты и превращать ихъ въ колоніи,* гдѣ наши дѣти и внуки могли бы работать и получать пользу отъ всего того, что мы пріобрѣли для нихъ». «Германскій народъ похожъ на благородную чистокровную лошадь (ein edles Vollblutspferd) и не позволитъ, чтобы кто-нибудь дотронулся до ея подпруги. Онъ хочетъ сохранять свое мѣсто въ первыхъ рядахъ. И мое желаніе, чтобы мы всѣми помыслами, также какъ и вы гамбуржцы, всѣми вашими стремленіями и поступательными тенденціями шествовали во главѣ всѣхъ, какъ это было до сихъ поръ» [2]). Въ томъ же году, 18 октября, въ Гамбургѣ Вильгельмъ заключаетъ свою обширную рѣчь, обращенную къ городскому головѣ, слѣдующимъ образомъ: «Впередъ, взамѣнъ занятія безплодными спорами! Пусть нашъ народъ въ идеальномъ устремленіи слѣдуетъ за своимъ *вторымъ идеальнымъ императоромъ*! Гордый своей мощью, сознающій свои внутреннія достоинства, съ радостью давая всѣ тѣ жертвы, которыя требуетъ у него занимаемое имъ положеніе міровой мощи, отказываясь отъ духа партійности, сплоченный и плотными рядами стоящій за своимъ княземъ и императоромъ,— вотъ какимъ образомъ долженъ содѣйствовать благу своей родины нашъ германскій народъ» [3]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 37.
[2]) Тамъ-же, стр. 27.
[3]) Тамъ-же, стр. 29.

Слова Вильгельма II, произнесенныя въ присутствіи баварскаго принца Рупрехта 3 іюля 1900 года, содержатъ открытое признаніе своей роли, какъ монарха-имперіалиста: «Ваше королевское высочество убѣдились въ томъ, съ какой яростью волны океана бьются о двери нашего народа и заставляютъ его крѣпко охранять свое мѣсто на землѣ, иными словами: толкаютъ его на *арену міровой политики. Океанъ крайне необходимъ* для величія Германіи. Но океанъ также дастъ намъ знать, что на его даляхъ и по ту сторону отъ него *отнынѣ ничего крупнаго не можетъ быть рѣшено безъ согласія Германіи и германскаго императора»* [1]).

Въ томъ же году германскій посолъ въ Пекинѣ сталъ жертвой движенія боксеровъ. Вильгельмъ былъ взволнованъ, возмущенъ этимъ случаемъ. Первая же рѣчь, съ которой онъ обратился 2-го іюля къ снаряженной въ Китай карательной экспедиціи, заключала въ себѣ слѣдующія характерныя слова: «Нынѣ въ Китаѣ царятъ преступленія, непокорство и вопіющія звѣрства. Мой представитель, находившійся еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, убитъ благодаря безчестному коварству. Германское право было осмѣяно, самолюбіе германскаго народа было оскорблено,—и это требуетъ строжайшаго наказанія всѣхъ злодѣевъ. Я надѣюсь, что съ мечомъ въ рукахъ мы возстановимъ спокойствіе и *отомстимъ* такъ, какъ никогда міръ не видѣлъ... Не забывайте, что вы столкнетесь съ врагомъ, который не менѣе храбръ, чѣмъ вы, и научился у европейскихъ офицеровъ искусству воевать. Слава Богу, ваши товарищи въ Китаѣ побѣдоносно демонстрировали старую славу германскаго оружія. Васъ-же я отправляю туда, чтобы вы смыли позоръ и оскорбленіе, нанесенное нашему отечеству со стороны варваровъ. Я не успокоюсь, пока германскій флагъ не будетъ развѣваться надъ стѣнами Пекина, пока онъ не продиктуетъ условій мира» [2])...

Такую же угрозу по адресу Китая Вильгемъ II произнесъ еще за нѣсколько лѣтъ до движенія боксеровъ, когда онъ отправилъ на Дальній Востокъ экспедицію подъ начальствомъ своего брата принца Генриха, для захвата Циндао (Кіао-Чао).

---

1) Тамъ-же, стр. 40.
2) Тамъ-же, стр. 39.

Вотъ что говорилъ тогда еще Вильгельмъ своему брату: «Всѣ германскіе купцы въ Китаѣ могутъ быть убѣждены въ томъ, что «германскій Михель» прибилъ къ тѣмъ мѣстамъ свой щитъ съ изображеніемъ императорскаго орла, дабы во всѣ времена охранять всѣхъ нуждающихся въ его защитѣ. Наши соотечественники, священники, купцы и всѣ другіе могутъ оставаться тамъ въ спокойной увѣренности, что Германская имперія окажетъ имъ, съ помощью военнаго флота, крѣпкую защиту. Если-же кто-нибудь осмѣлится оскорбить насъ въ нашихъ законныхъ правахъ, подымите на того нашъ *бронированный кулакъ* и, по волѣ Господа, вѣнчайте ваше молодое чело терновымъ вѣнцомъ. о чемъ никто въ Германской имперіи не пожалѣетъ» [1]).

Такимъ образомъ, угроза бронированнымъ кулакомъ въ дѣлѣ колоніальныхъ завоеваній, какъ неизбѣжный отвѣтъ на оскорбленія, давно была предвидѣна со стороны императора Вильгельма. Интересно, какъ отвѣтилъ принцъ своему брату—императору и какъ онъ понималъ сущность своей миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

«Лишь одна цѣль тянетъ меня туда — сказалъ Генрихъ,— эта цѣль заключается въ томъ, чтобы проповѣдывать во всѣхъ странахъ *евангеліе вашего величества*—всѣмъ, кто услышитъ его, а также всѣмъ тѣмъ, кто не услышитъ. Это евангеліе начерталъ я на своемъ знамени и начертаю всюду, гдѣ буду. Призывая всѣхъ тѣхъ, на кого палъ жребій судьбы быть спутниками въ моемъ предстоящемъ путешествіи,—помнить этотъ день, запечатлѣть въ своихъ сердцахъ особу императора и громко провозглашать, міру во все услышаніе, лозунгъ: «Да здравствуетъ нашъ славный верховный вождь, нашъ обожаемый кайзеръ и повелитель нынѣ и во вѣки вѣковъ» [2])!

Во всей этой цитатѣ характернымъ является не похвалы брата принца по адресу Вильгельма, а въ высшей степени точно и чрезвычайно умѣстно употребленный терминъ «евангеліе его величества»,—терминъ, къ разъясненію значенія котораго мы еще вернемся.

Благодаря стеченію обстоятельствъ, въ 1900 г. пробилъ

---

1) См. русск. переводъ книги корреспондента „Times", у Джорджа Саундерса, „Послѣдній изъ гунновъ", Москва, 1914 г., стр. 46—47.
2) Джорджъ Саундерсъ, ibid, стр. 47.

часъ, когда Вильгельмъ долженъ былъ осуществить свои угрозы по адресу Китая. Тѣ весьма характерныя слова, обнажающія всю глубину цинизма Вильгельма II, которыя были сказаны въ томъ же году, послѣ отплытія карательной экспедиціи въ Китай, были въ свое время зафиксированы въ европейской печати. 27-го іюля въ Бременской гавани Вильгельмъ обращается къ направляющимся въ Китай полкамъ со слѣдующими словами:

«Какъ только вы доберетесь до мѣста, знайте, что *ихъ не должны миловать* («pardon wird nicht gegeben»). *Плѣнныхъ не берите.* Употребляйте ваши оружія такъ, чтобы даже черезъ тысячи лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣлился взглянуть на германца косо; точно такъ же, какъ тысячи лѣтъ назадъ гунны, въ дни Атиллы, оставили про себя память, которая и теперь ярко блистаетъ въ легендахъ и сказкахъ... да благословитъ Господь ваши знамена и да принесетъ эта война съ собою то благо, чтобы христіанство распространилось въ той странѣ!.. [1]) А 2-го августа, передъ отплытіемъ военныхъ судовъ «Rhein» и «Adria» кайзеръ обращается къ офицерамъ и говоритъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вы будете имѣть дѣло съ хитрымъ врагомъ, который, льстя съ одной стороны, съ другой стороны коварно нападаетъ на васъ. Въ дѣйствительности китаецъ отъ *натуры труслив, какъ собака,* но коваренъ. Китаецъ нападаетъ изъ за угла или ночью, имѣя на много превосходящія силы» [2]).

Таково было отношеніе Вильгельма II къ своимъ врагамъ 15 лѣтъ назадъ. Но все-же общественное мнѣніе христіанскаго міра отнеслось мягко и снисходительно къ коронованной особѣ, который вызывалъ къ звѣрскимъ инстиктамъ своихъ войскъ и приглашалъ ихъ къ разбою и грабежамъ. А международные пацифисты и филантропы все продолжали вѣнчать чело Гогенцоллерна завиднымъ титуломъ «рыцаря мира». Можетъ быть, по той причинѣ, что его жестокія рѣчи произносились по адресу родины боксеровъ, далекой и чуждой Европѣ, европейской культурѣ? Но что скажутъ они теперь,

---

1) „Das persönliche Regiment“. von Wilhelm Schröder, Берлинъ 1907 г., стр. 43.

2) Тамъ-же, стр. 45.

когда отправляемымъ въ Бельгію, Францію и Польшу корпусамъ Вильгельмъ и его приближенные даютъ тѣ же звѣрскія наставленія; теперь, когда германская армія въ европейскихъ странахъ производитъ болѣе гнусныя опустошенія и насилія, чѣмъ тѣ, которыя имѣли мѣсто въ 1900 г. въ Китаѣ и въ 1904 г. противъ гереро въ юго-западной Африкѣ?

Вильгельмъ не только проповѣдуетъ своимъ воинамъ, во имя христіанства, безпощадное уничтоженіе своихъ враговъ, но и облачается въ рясу служителя церкви, превращается въ пастора и, избравъ мѣсто изъ библіи, провозглашаетъ на Дальнемъ Востокѣ право «бронированнаго кулака» (Gepanzerte Faust), освящаетъ всѣ дѣйствія «сильной руки» и «остраго меча» въ Китаѣ, считая все это «Durchzug europäischen Handels» и «Siegeszug christlicher Sitte», т. е. проникновеніемъ европейской торгозли и побѣдой христіанскаго нрава. «Впередъ, тамъ—вдали ряды борцовъ, здѣсь на родинѣ молящихся ряды,—вотъ картина священныхъ битвъ нашихъ дней»! [1]) Такъ взывалъ «пасторъ» Вильгельмъ (29 іюля 1900 г.) къ молящимся воинамъ.

Однако жъ не только религію эксплоатировалъ Вильгельмъ въ цѣляхъ имперіализма, но и всѣ морально-умственныя цѣнности для него имѣли значеніе, лишь какъ средства, могущія оказать практическую услугу его завѣтнымъ цѣлямъ—усиленію Германіи и ея побѣдоноснымъ завоеваніямъ.

О вопросахъ воспитанія Вильгельмъ говорилъ часто и никогда почти не упускалъ случая объяснить молодому поколѣнію, какимъ стремленіямъ преданъ ихъ кайзеръ. Напримѣръ 9 января 1900 года въ Шарлотенбургскомъ политехникумѣ онъ высказался за цѣнность и необходимость техническихъ знаній, такъ какъ Германіи нужно огромное количество людей вполнѣ образованныхъ и подготовленныхъ въ этой области; нужны инженеры для колоній, телеграфныхъ кабелей и т. д.

Онъ не стѣснялся даже юношамъ-гимназистамъ пропагандировать свои имперіалистическія мысли. Такъ напр.

---

1) Тамъ-же, стр. 43 и 44.

19 августа 1911 года онъ обратился съ слѣдующими словами къ выпуску Кассельской гимназіи: «Мы живемъ въ иныя времена и передъ нами новыя задачи. Теперь, мы должны стремиться особенно къ политико-экономическимъ и финансовымъ знаніямъ, потому что намъ необходимо сохранить міровое положеніе Германіи, особенно на всемірномъ рынкѣ и всѣ мы должны содѣйствовать солидарно этому дѣлу». [1]).

Наоборотъ, совершенно отрицательно относится Вильгельмъ къ гимназистамъ, призываемымъ для иной дѣятельности въ жизни: «Всѣ, такъ называемые кандидаты на голодную смерть (Hungerkanditaten), особенно господа журналисты—это большей частью негодный, испорченный элементъ гимназистовъ, совершенно вредный для насъ»... [2]) Такими словами заканчиваетъ Вильгельмъ свою обширную рѣчь, прочитанную на училищной конференціи 4 декабря 1890 года въ Берлинѣ. Мы видимъ, какъ не по вкусу Вильгельму молодые люди занимающіеся умозрительными науками и общественно-государственными вопросами; очевидно публицистовъ и журналистовъ онъ также презираетъ, какъ и партійныхъ политиковъ. Субъективный мотивъ его оцѣнокъ вполнѣ понятенъ; для монарха, всецѣло стремящагося къ самостоятельному и самовластному управленію, естественно, должны быть ненавистны всякая общественная сознательная критика, свободное мнѣніе, разоблаченіе и бичеваніе произвола личнаго режима.

Практичному Гогенцоллерну нужны дѣльцы, люди практической карьеры. Еще съ самаго начала своего царствованія Вильгельмъ сознавалъ необходимость въ техникѣ, въ ловкихъ представителяхъ торговли и промышленности и въ готовыхъ къ услугамъ идеологахъ, способныхъ превратить нѣмецкаго Михеля въ слѣпое орудіе для осуществленіи идеаловъ Вильгельма. Съ этими идеалами читатель достаточно познакомился по вышеприведеннымъ рѣчамъ. Серію ихъ мы хотѣли бы закончить еще двумя очень характерными рѣчами. Обѣ рѣчи были сказаны имъ въ Гамбургѣ 20 іюня и 27 августа 1911 года. «Еще въ первый періодъ моего царствованія я понялъ, что молодой Германской имперіи придется

[1]) „Die Reden Kaiser Wilhelm's II", изд. Пенцлера, т. IV, стр. 260.
[2]) „Das persönliche Regiment" 154 стр.

разрѣшить ту проблему, къ которой раньше Ганза стремилась, но не сумѣла, потому что не имѣла за собой сильныхъ средствъ, надежной опоры. *Пядь за пядью мы должны завоевывать и вернуть себѣ то, что потеряли въ долгіе тяжелые годы.* Наша торговля и мореплаваніе могли достигнуть настоящихъ размѣровъ благодаря сильнымъ средствамъ *защиты и*, прежде всего, благодаря внушительному военному флоту. И вотъ теперь оправданы мои надежды» [1]).

А спустя два мѣсяца онъ сказалъ: «Народу какъ и человѣческому организму надо дышать, чтобы жить; дыханіе государственнаго организма даетъ ему жизнь и силу, дыханіемъ же государства является торговля. И не удивительно, что пышный расцвѣтъ торговли нашей молодой имперіи *безпокоитъ иныхъ въ мірѣ.* Но я думаю, что соперничество полезно и на коммерческомъ поприщѣ, государствамъ же и народамъ оно необходимо какъ стимулъ къ дальнѣйшему движенію, къ новымъ успѣхамъ и новымъ стремленіямъ». «Въ послѣднее десятилѣтіе нѣмецкій народъ защищалъ свою торговлю и мореплаваніе сильнымъ военнымъ флотомъ, колоссальное развитіе, составъ и дисциплина котораго всюду бросалась въ глаза. Въ этомъ флотѣ проявилась *вся мощная воля нѣмецкаго народа первенствовать на морѣ.* И Гамбургъ съ исключительнымъ интересомъ относится къ нашему молодому, непрерывно развивающемуся порту. Я не ошибаюсь, думая, что Гамбургъ и впредь будетъ содѣйствовать усиленію нашего флота, и мы будемъ убѣждены въ томъ, что никто *не посмѣетъ спорить съ нами* за то положеніе, которое мы завоевали себѣ подъ солнцемъ [2])».

7.

Предоставивъ такое большое мѣсто рѣчамъ Вильгельма мы хотѣли дать возможность читателю узнать «героя нашихъ дней» изъ собственныхъ его словъ и понять ту роль, въ

---

1) „Die Reden Kaiser Wilhelm's II", т. IV, стр. 252.
2) Тамъ-же, 265—267.

которой онъ «блистаетъ» сейчасъ. Эти рѣчи, своей внутренней логической связью, выявили передъ нами profession de foi Вильгельма II. Онъ предсталъ передъ нами во весь свой ростъ.

Всѣ остальныя его рѣчи, произнесенныя имъ по поводу разныхъ вопросовъ и событій, имѣютъ второстепенное значеніе или же косвеннымъ образомъ опять таки связаны съ *„главной цѣлью его жизни“*. Въ чемъ же сущность его „главной цѣли“. Мы увидѣли это изъ предыдущихъ рѣчей: довести до крайняго усовершенствованія военную мощь Германіи; военный флотъ—результатъ исключительно вильгельмовской эпохи—поставить на высоту равную высотѣ сухопутнаго войска; завоевать для внѣшней торговли, экспортнаго капитализма и эмигрующагося народонаселенія надежные рынки и собственныя колоніи и этимъ упрочить шансы міровового господства имперіи. Вотъ въ чемъ заключалась главная, если не сказать—единственная, цѣль жизни Вильгельма.

Вильгельмъ II—*въ роли убѣжденнаго милитариста и имперіалиста*. Онъ своими безконечными рѣчами, высокой авторитетностью и постепенно распространяющейся популярностью оказалъ огромную услугу германскому милитаризму и имперіализму въ расширеніи ихъ идей. Съ высоты своего трона кайзеръ Вильгельмъ игралъ роль идеолога-пропагандиста этихъ идей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не ограничивался одной только пропагандой, но, какъ глава полуконституціонной страны, наконецъ, какъ главнокомандующій надъ всѣми сухопутными и морскими военными силами, онъ, по мѣрѣ возможности, осуществлялъ на практикѣ эти идеи, ведя упорную борьбу за новые военные законопроекты противъ опозиціи. Вотъ почему мы назвали Вильгельма II яркимъ представителемъ германскаго милитаризма и имперіализма, въ смыслѣ идейной пропаганды и практической дѣятельности. Резюмируемъ рѣчи Вильгельма и подвергнемъ классификаціи основные принципы и тенденціи его милитаристическаго и имперіалистическаго мировоззрѣнія.

1. Стремленіе къ изоляціи войска и превращеніе его въ обособленную касту.—

«Военное сословіе—это особое сословіе», оно имѣетъ свои «особыя потребности». Военный долженъ всегда пред-

почитать имѣть сношеніе съ военнымъ, а не съ цивильнымъ. Самымъ красивымъ костюмомъ кайзеръ считаетъ военый костюмъ, особенно прусскій. И самымъ красивымъ оружіемъ— шпагу. Воины должны избѣгать другіе общественные элементы, вводящіе ихъ въ заблужденіе. Офицеры могутъ быть вполнѣ «безразличны къ общественному мнѣнію», потому что они «отвѣтственны только передъ кайзеромъ». Честь тому, кто носитъ форму кайзера и высокая честь тому—кто не дастъ въ обиду эту форму, а носящій ее—выше всѣхъ другихъ, онъ занимаетъ особое мѣсто, и всѣ ему завидуютъ.

2. Святость клятвы воина.—

Торжественными церемоніями акта клятвы и мистическою таинственностью своихъ рѣчей Вильгельмъ старался загипнотизировать новобранцевъ и нагнать чувство страха на неопытныхъ юношей. «Клятва новобранца свята и свято также то мѣсто, гдѣ онъ поклялся». «Священная клятва» новобранцевъ укрѣплялась и освящалась христіанской вѣрой и ея служителями; вѣрное средство загипнотизировать и очаровать— къ которому часто и такъ находчиво прибѣгалъ Вильгельмъ. Надъ знаменемъ и круцификсомъ клялись новобранцы въ «вѣрномъ служеніи отечеству». Въ чемъ значеніе круцификса? «Корона безъ круцификса и алтаря—ничто»,—объясняетъ Вильгельмъ. Въ чемъ же значеніе христіанства? «Войско безъ христіанской вѣры ничто», и кто хочетъ стать «хорошимъ воиномъ», тотъ долженъ быть «хорошимъ христіаниномъ и высоко держать знамя вѣры». Наоборотъ «не истинный христіанинъ не можетъ быть храбрымъ прусскимъ воиномъ и исполнить то, что требуется отъ прусскаго воина въ прусской арміи». Свои монархическіе и клерикальные принципы Вильгельмъ спасаетъ тѣмъ, что каждый разъ напоминаетъ новобранцамъ, что они «носятъ оружіе въ защиту короны и алтаря».

3. Войско—какъ основной институтъ имперіи и націи.—

Насколько Вильгельмъ II любилъ и почиталъ свое войско, какъ своевольное орудіе личнаго режима и при каждомъ удобномъ случаѣ демонстративнымъ образомъ проявлялъ свою симпатію къ офицерамъ, настолько онъ внутренне, всѣмъ своимъ существомъ ненавидѣлъ конституціонный строй го-

сударства и даже публично игнорировалъ права рейхстага [1]).

„Главное наслѣдство“, полученое Вильгельмомъ „съ гордостью и радостью“, это его войско. Войско тотъ „единственный столпъ имперіи“ на которой опирается непоколебимый авторитетъ Вильгельма внутри страны. Оно является „главной опорой, гордостью страны, вѣрнымъ столпомъ прусской короны“. Прусское войско въ частности «является *единственнымъ твердымъ, нерушимомъ полюсомъ страны*“, *„націо-*

---

[1]) Вильгельмъ II болѣе былъ склоненъ управлять страной совершенно самостоятельно и безконтрольно, какъ абсолютный монархъ, какъ второй Людовикъ XIV, чѣмъ ограничивать свою власть рѣшеніями парламента и основными законами конституціи. Часто онъ выходилъ изъ роли конституціоннаго монарха и своими безтактными рѣчами вызывалъ волненія и нападки со стороны рейхстага и прессы. Напримѣръ, его разговоръ съ англійскимъ корреспондентомъ, цѣликомъ вышедшій въ англійской печати, вызвалъ цѣлую бурю и въ рейхстагѣ, и въ обществѣ; критиковали всѣ безъ различія партіи, даже консерваторы. И желаніе имперскаго канцлера Бюлова подать въ отставку, по этому поводу, не было принято кайзеромъ. Но какое значеніе имѣютъ волненія и протесты. Нѣмецкій народъ, съ невѣжественнаго Михеля до самого утонченнаго интеллегента, слишкомъ отстали политически, чтобъ внушить существенный страхъ полуабсолютическимъ представителямъ династіи Гогенцоллерновъ. Несмотря на заявленіе Бюлова въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, что „впредь кайзеръ будетъ осторожен въ своихъ частныхъ бесѣдахъ“, черезъ 2 года (въ августѣ 1910 г.) въ одной изъ рѣчей въ Кенигсбергѣ онъ такъ пренебрежительно отзывается о правахъ народа и его представителяхъ: онъ называетъ себя „избранникомъ Бога“, идущимъ своихъ собственнымъ путемъ „не признавая преходящее мнѣніе народа и его представителей“. („Вильгельмъ II“, Э. Пименова, 1914 г., стран. 42—43). Однако, политическая физіономія Вильгельма II давно была знакома. Еще въ началѣ своего царствованія, на праздничномъ обѣдѣ Ландтага, онъ торжественно и опредѣленно заявилъ, что средневѣковый принципъ монархическаго института считаетъ своимъ основнымъ догматомъ который онъ, дѣйствительно, во все свое царствованіе лелѣялъ и проводилъ въ жизнь безъ стѣсненія. Вильгельмъ объясняетъ значеніе царствованія „милостью Бога“ („Königtum vom Gottes Gnaden“). Это значитъ—говоритъ онъ—что мы Гогенцоллерны отъ неба получили нашу корону и во всѣхъ обязанностяхъ, связанныхъ съ нею, мы отвѣтственны только передъ небомъ. Отъ этой страшной отвѣтственности передъ творцомъ не можетъ спасти императора ни одинъ человѣкъ, никакіе министры, парламентъ или народъ. Я самъ рѣшилъ руководствуясь этимъ принципомъ Гогенцоллерновъ управлять въ своей странѣ“. („Das persönliche Regiment“ стр. 181). Рѣчи Вильгельма часто пестрятъ афоризмами, хорактерными для обсолютнаго монарха, такъ напр. „Suprema lex regis voluntas“ (воля государя верховный законъ), „Sic volo, sic jubeo“ (какъ хочу, такъ и приказываю), „Einer nur ist Herr im Reich, keinem anderen dulde ich“ (только одинъ долженъ быть хозяйномъ страны, другого не потерплю). „Nur einer soll Herrcher sein, einer nur König“ (только одинъ долженъ властвовать—государь). И такъ безъ конца. Великій культурный народъ XX вѣка терпѣлъ этого яркаго представителя своевольнаго режима и не только терпѣлъ, но и наградилъ его широкой популярностью. Это очень характерно. Германскій монархъ и германскій бюргертумъ стоятъ другъ друга.

нальнымъ институтомъ"; „большой школой для національнаго воспитанія молодого поколѣнія". Кайзеръ полонъ благодарности этому національному институту. Прежде всего по той причинѣ, что „воинъ и войско, а не парламентскія большинства и рѣшенія создали Германскую имперію". Во вторыхъ потому, что при вступленіи на престолъ Вильгельмъ „встрѣтилъ недовѣрчивое и отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны всѣхъ, кромѣ войска" и съ тѣхъ поръ онъ часто повторялъ признаніе своего дѣда: „Офицера—это тѣ люди, на которыхъ я могу всецѣло положиться во всѣхъ своихъ *чаяніяхъ и надеждахъ*".

Часто онъ пытается точно объяснить причину такого довѣрія; „чувство безусловной, безпредѣльной довѣрчивости воина къ самодержцу передается отъ отца къ сыну, отъ рода къ роду",—говоритъ онъ. Вотъ почему такъ возвышаетъ онъ военное сословіе надъ гражданскимъ населеніемъ и чувствуетъ такую близость къ этой организаціи. „Мы принадлежимъ другъ другу, я и войско рождены другъ для друга и связь наша будетъ нерасторжима, всегда одинаково – пошлетъ-ли намъ Богъ войну или миръ". Нерѣдко, кайзеръ публично называлъ камерадами своихъ офицеровъ.

4. Борьба войска съ внутренними врагами.—

Лозунгъ борьбы съ внутренними врагами былъ любимой фразой въ рѣчахъ Вильгельма, особенно, когда онъ касался соціальныхъ вопросовъ и нерѣдко онъ его подчеркивалъ въ присутствіи рабочихъ депутацій. Но кто является внутреннимъ врагомъ въ глазахъ Вильгельма, въ борьбѣ съ которымъ онъ нуждается въ содѣйствіи войска? Въ этомъ вопросѣ взгляды германскаго императора болѣе чѣмъ ясны и опредѣленны. Во второй годъ своего царствованія въ своей рѣчи въ присутствіи военнаго министра онъ сказалъ слѣдующее: „Я признаю только двѣ политическія партіи; тѣхъ, которые *со мной* и тѣхъ, которые *противъ меня*, а черезъ годъ, по другому поводу, онъ воскликнулъ: „Душевно привѣтствую того, кто хочетъ помочь мнѣ въ моей дѣятельности, но противодѣйствующихъ мнѣ *я раздавлю*". Эти выраженія дополняютъ другъ друга. Кайзеръ послѣдователенъ и въ этомъ пунктѣ: подобно тому, какъ, вѣрный милитаристическимъ принципамъ, Вильгельмъ возвышалъ и выдѣлялъ военныхъ изъ остального

гражданскаго общества, возводя ихъ въ привилегированное сословіе, точно также вѣрный политическимъ *реакціоннымъ началамъ монархизма*, онъ расчленяетъ все общество н- двѣ категоріи: на приверженцевъ принципа прусско-германскаго монархизма и на противниковъ, въ корнѣ отрицающихъ эти принципы и составляющихъ постоянную оппозицію противъ политики Вильгельма. Къ первой категоріи относятся всѣ бюргерскія партіи, а къ второй—только соціалъ-демократическая партія.

Вильгельмъ II, какъ абсолютный монархъ по своимъ политическимъ возрѣніямъ, съ особенной антипатіей относился вообще къ всякой партійной борьбѣ, даже къ критическимъ выпадамъ умѣреннаго либерализма. Впрочемъ они являлись только мелкими непріятностями въ сравненіи съ тѣмъ страшнымъ зломъ, какимъ являлась для Вильгельма соціалъ-демократическая партія. Вотъ почему онъ никогда не упускалъ случая, чтобы во всеоружіи своего страстнаго паѳоса и ядовитаго сарказма, напасть на соціалъ-демократовъ [1]). Ихъ же

[1]) Въ настоящій моментъ, когда переброшенъ такой печальный мостъ мирной и дружной политики между соціалъ-демократической партіей и вильгельмовскимъ правительствомъ, интересно прослѣдить, каковы были отношенія Вильгельма къ эоой партіи въ періодъ до войны. Общій пароль эго отношенія извѣстенъ еще въ 1889 г., черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, когда кайзеръ принимая депутатовъ горнорабочихъ, коротко и внушительно сказалъ слѣдующее: „Каждый соціалъ-демократъ является для меня врагомъ родины и имперіи". Этотъ пароль послужилъ общей канвой для послѣдующихъ его отношеній и проявленій. Вильгельмъ нисколько не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ по отношенію такой солидной, огромной партіи и часто называлъ ее самыми оскорбительными именами. Въ глазахъ Вильгельма соціалъ-демократія нечто иное, какъ нѣкое „Umsturzpartoi", партія, члены которой составляютъ „какую то банду людей", недостойныхъ носить имя нѣмцевъ; они „враги божественнаго порядка". „Безслѣдно должна быть стерта та партія, которая дерзаетъ пошатнуть основы имперіи, религіи и неостанавливается даже передъ особой высочайшаго повелителя". Соціалъ-демократія, это „чума истребляющая нашъ народъ" и какъ таковую „надо искоренить ее до послѣдняго идіота". Съ точки зрѣнія Вильгельма соціалъ-демократія „преходящее явленіе", представители котораго „агитаторы, лищенные родины и сводящіе рабочихъ съ истинчаго пути", которые безпощадно эксплоатируютъ, унижаютъ рабочихъ и подвегаютъ ихъ террору, чтобъ упрочить свою силу, они, эти „безчестные люди, возбуждающіе рабочихъ не только противъ предпринимателей, но и противъ короны и алтаря". По примѣру своего отца и нынѣшній кронпринцъ еще въ 20-лѣтнемъ возрастѣ (1902 г.) не постѣснялся, въ своей рѣчи къ рабочимъ депутатамъ, назвать соціалъ-демократовъ „жалкими" („Elenden"). Нѣтъ сомнѣнія, что соціалъ-демократическая пресса и партія реагировали на подобныя выходки и каждый разъ направляли свое критическое слово противъ циничнаго представителя режима. Самой значительной, сенсаціонной критикой противъ нападковъ Вильгельма были обширныя рѣчи лиде-

онъ имѣлъ въ виду говоря о «внутреннихъ врагахъ», въ борьбѣ съ которыми онъ часто угрожалъ своимъ войскомъ. Въ обращеніяхъ къ новобранцамъ Вильгельмъ обычно напоминаетъ имъ о существенной обязанности ихъ: «Защиты родины не только отъ внѣшнихъ но и отъ внутреннихъ враговъ». Какія же цѣнности должно оберегать войско отъ внутреннихъ враговъ? «Корону, алтарь, вѣру, нравы и обычаи», короче «идейныя блага» (Ideale Güter) — вотъ, что должно оберегать войско отъ соціалъ-демократовъ. Вильгельмъ прямо подчеркиваетъ (въ 1896 г. новобранцамъ): «Помните, что вы носите оружіе за корону и алтарь». Нѣтъ сомнѣнія, что опасность, угрожающая монархическому институту (корона) и клерикализму (алтарь), идетъ не извнѣ, а со стороны оппозиціонно-революціонныхъ элементовъ страны, въ данномъ случаѣ отъ германской соціалъ-демократіи. Ясно, слѣдовательно, что съ точки зрѣнія Вильгельма защита родины отъ «внѣшнихъ враговъ» является такой же необходимой и священной обязанностью войска, какъ и защита короны и алтаря отъ «внутреннихъ враговъ»—соціалъ-демократовъ. Съ другой стороны, почему же Вильгельмъ объявляетъ соціалъ-демократовъ врагами «отечества и имперіи», въ то время, какъ они, являясь «внутренними врагами», не имѣютъ дѣла съ государствомъ и отечествомъ, а опасны только для короны и алтаря? Вполнѣ понятно: Вильгельмъ, какъ сознательный «коронованный идеологъ» существующихъ порядковъ, возводитъ интересы «короны» и «алтаря» на степень общегосударственныхъ и общенаціональныхъ интересовъ; неопытныхъ юношей онъ направлялъ въ томъ же духѣ, чтобъ всякая радикальная, протестующая мысль, направленная противъ старыхъ авторитетовъ, была бы воспринята войскомъ какъ измѣна противъ отечества и государства.

Однимъ изъ яркихъ проявленій «внутренняго врага». Вильгельмъ считаетъ *рабочую стачку*; сколько разъ онъ лично угрожалъ рабочимъ (черезъ ихъ представителей), силою оружія подавлять ихъ «противозаконныя» дѣйствія. Неодно-

ровъ партіи Бебеля и Фолмара, когда въ январѣ 1903 года въ рейхстагѣ, они противъ имперскаго канцлера Бюлова подвергли уничтожающей критикѣ рѣчи императора и кронпринца и выразили страстный протестъ партіи противъ своевольнаго самодержца.

кратно Вильгельмъ поощрялъ предпринимателей и покровительствовалъ штрейкбрейхерамъ. Во время крупной рабочей стачки въ Гамбургѣ (1896 года), кайзеръ счелъ нужнымъ высказать свое «удовлетвореніе и радость тѣмъ предпринимателямъ, которые сильно и стойко противостояли незаконнымъ требованіямъ возставшихъ рабочихъ» и даже посовѣтовалъ капиталистамъ организовать коалицію противъ рабочихъ. Затѣмъ въ 1897 году въ рѣчи, произнесенной въ промышленномъ городѣ Билефельдѣ, Вильгельмъ излагаетъ свою «соціальную программу», состоящую въ слѣдующемъ: «безпощадно подавлять всякое возстаніе (читайте забастовку) и подвергнуть тягчайшему наказанію того, кто осмѣлится помѣшать товарищу, желающему работать». Въ другой разъ на императорскомъ гала-тафелѣ, въ присутствіи многихъ приглашенныхъ высокопоставленныхъ бюрократовъ и крупныхъ капиталистовъ, онъ еще разъ возвращается къ этой темѣ и грозитъ закономъ подавить всякое движеніе. «Всякого, кто бы онъ ни былъ, возбуждающаго къ стачкѣ самостоятельно трудящагося нѣмецкаго рабочаго, должны наказать каторжной тюрьмой» (Zuchthaus). Подобными мѣрами—войскомъ, судомъ и полиціей—часто угрожалъ Вильгельмъ «внутреннимъ врагамъ» [1]) не только въ рѣчахъ но и въ своихъ телеграммахъ и писаніяхъ. Онъ всегда вѣренъ себѣ. Въ глазахъ кайзера, «внутренніе враги» являются врагами не только въ томъ случаѣ, когда они возстаютъ противъ «короны» и «алтаря», но и въ тѣхъ случаяхъ, когда они борятся противъ эксплоатаціи крупнаго капитала. Очевидно, «внутренними врагами» являются не одни соціалъ-демократы, а весь рабочій классъ, если въ послѣднемъ просыпается элементарное стремленіе улучшить свое положеніе. Ясно, что Вильгельмъ II коронованный идеологъ не только *защиты «короны» и «алтаря»*, но и *покровительства экономической эксплоатаціи* крупныхъ капиталистовъ. И во всѣхъ случаяхъ, онъ угрожаетъ «внутреннимъ врагамъ», располагая такимъ послушнымъ орудіемъ, какъ войско.

---

[1]) Въ этомъ направленіи произнесенныя рѣчи Вильгельма см. въ книгѣ „Das persönliche Regiment“, главу „Der Kaiser und die soziale Frage“, стр. 49 и слѣд.

5. Драконовскіе приказы по адресу войска.—

Выше мы познакомились съ «воспитательнымъ» значеніемъ приказовъ Вильгельма, обращенныхъ къ присягающимъ новобранцамъ, въ коихъ кайзеръ даетъ христіанскіе завѣты смиренія, повиновенія и безусловной преданности. Но помимо «отеческихъ», мирно-воспитательныхъ увѣщеваній, Вильгельмъ давалъ войску приказанія *боевой рѣшимости*, приказанія строгаго, драконовскаго характера, напоминающія собою обращенія средневѣковыхъ властителей, къ своему войску. Съ точки зрѣнія милитаризма Вильгельма II, необходимо подчинить нѣмецкое войско такой дисциплинѣ, такъ сильно внѣдрить въ немъ чувство покорности и вѣрности, что если представится необходимость ихъ кайзеру приказать—«стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ и даже родителей»—то они безпрекословно обязаны выполнить свою клятву, заключающуюся въ безусловномъ исполненіи воли кайзера. Развѣ считается кайзеръ съ тѣмъ, что онъ стоитъ во главѣ конституціоннаго государства? Какую цѣнность представляетъ для него германская конституція, когда прусскій милитаризмъ прочно сохраняетъ свою гнусную старую систему, а онъ вѣдь лишь представитель и выразитель этой господствующей системы?

Но когда и въ какихъ случаяхъ обязанъ солдатъ стрѣлять и убивать своихъ близкихъ, братьевъ и родителей? Это онъ долженъ дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе входятъ въ составъ такъ называемыхъ «внутреннихъ враговъ»; слѣдовательно воины, вышедшіе изъ рядовъ трудящагося класса, въ случаѣ приказа обязаны убивать своихъ близкихъ родственниковъ, только потому, что они принадлежатъ къ соціалъ-демократическому лагерю, протестующихъ противъ «идеальныхъ порядковъ», защищаемыхъ кайзеромъ.

Вспомните суровые приказы Вильгельма, имѣющіе въ виду внѣшняго врага. Они строги и внушительны по своему характеру. Нѣмецкій воинъ долженъ держать всегда сухимъ свой порохъ, готовымъ свой мечъ, напряженнымъ свои силы. Да здравствуетъ войско и генеральный штабъ! «И нѣмецкій генеральный штабъ долженъ проявить на полѣ брани рѣшительность и самоотверженность; онъ долженъ быть всегда готовъ скорѣе оставить тамъ всю нашу армію и многомил-

ліонный народъ, чѣмъ уступить хоть одинъ камень изъ того, что завоевано Германіей въ прошломъ».

Вотъ съ какой суровой рѣшимостью вводитъ Вильгельмъ свои войска въ вражескую страну (рѣчь идетъ о движеніи боксеровъ въ Китаѣ въ 1900 году). Въ хроникѣ военныхъ событій врядъ ли можно указать на такой случай, когда коронованный представитель какой либо культурной страны обращался бы съ такимъ напутственнымъ словомъ къ своему войску, вторгающемуся въ непріятельскую страну, какъ это дѣлалъ Вильгельмъ, желая возстановить свою «поруганную честь» при подавленіи возстанія опредѣленной группы [1]).

«Лишь только вы придете туда—сказалъ Вильгельмъ военной экспедиціи направлявшейся въ Китай—вспомните, что не нужно щадить никого, въ плѣнъ никого не берите, а поступайте съ ними такъ, чтобы по прошествіи и тысячи лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣлился бы косо посмотрѣть на нѣмца». «Китаецъ отъ роду трусъ какъ собака». И Атилла XX вѣка ставитъ себѣ въ примѣръ своего средневѣковаго прототипа—Атиллу.

Пусть не думаетъ читатель, что приведенный случай исключителенъ и объясняется лишь душевнымъ волненіемъ кайзера въ тотъ моментъ. Совершенно напротивъ; онъ выявляетъ лишь всегда вѣрную себѣ индивидуальность, которая во всѣхъ подобныхъ случаяхъ проявлялась въ томъ же тонѣ. Войску, отправлявшемуся для подавленія возстанія туземцевъ въ германскихъ колоніяхъ, находящихся въ юго-западной Африкѣ (1904 г.), Вильгельмъ поручилъ задать возставшимъ такой урокъ, чтобы «никогда, впредь, не повторялся подобный случай» [2]).

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что местью за убитаго германскаго посла, Вильгельмъ хотѣлъ воспользоваться для своихъ матеріальныхъ гешефтовъ, точно также, какъ въ 1897 г. онъ использовалъ убійство двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ въ Китаѣ и отправивъ экспедицію во главѣ съ своимъ братомъ занялъ Циндао. Вотъ что пишетъ сотрудникъ „Times" въ своей книгѣ: „Вильгельмъ обращается къ одному изъ главныхъ офицеровъ отправлявшихся въ Китай со слѣдующими словами: „Помните, что это можетъ быть послѣдній благопріятный случай, найти по ту сторону морей имперію, которая могла бы стать соперницей Британіи въ Индіи" (Русскій переводъ его труда „Послѣдній изъ гунновъ", Джорджъ Саундерса, Москва 1915 г., стр. 59).

[2]) „Das persönliche Regiment", стр. 38.

А какъ поступилъ тотъ-же кайзеръ въ дни современной міровой войны? Избѣгалъ онъ своихъ жестокихъ выраженій, несмотря на то, что въ данномъ случаѣ уже не имѣлъ дѣло съ желтокожими азіатами и чернокожими африканцами, а съ тѣми же культурными европейцами, какъ и онъ самъ и его нѣмецкіе сородичи? Въ 1914 г. (18/31 іюля, въ 7 час. вечера) въ рѣчи, обращенной къ толпѣ, собравшейся передъ белинскимъ дворцомъ, кайзеръ говорилъ: «Мы покажемъ нашимъ противникамъ, что значить затрагивать Германію». А 22 іюля (4 Августа) передъ членами рейхстага, собравшимся во дворцѣ, Вильгельмъ не стѣсняется выразиться слѣдующимъ образомъ по адресу воюющихъ странъ: «Теперь, однако, начнемъ мы ихъ молотить» («Nun, aber, wollen wir sie dreschen!») [1]).

Таковъ Вильгельмъ. Онъ одинаково циниченъ и жестокъ въ своихъ рѣчахъ, будь онѣ обращены къ войску, къ депутатамъ парламента или же къ народной толпѣ. Своими «христіанскими» завѣтами воспитывалъ Вильгельмъ новобранцевъ въ томъ духѣ, что для того, чтобы быть «хорошимъ воиномъ», надо быть и «хорошимъ христіаниномъ», а послѣ уже обученному войску онъ кровожадно приказалъ «не жалѣть врага, въ плѣнъ не брать», т. е. убивать и вырѣзать безжалостно всѣхъ — вѣроятно, для того, чтобы стать лучшимъ христіаниномъ.

Когда этотъ отвратительный представитель милитаризма читаетъ нравоученіе въ христіанскомъ духѣ, онъ является ловкимъ артистомъ, всецѣло притворяющимся, но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о пулѣ и шпагѣ, тогда Вильгельмъ *снова находитъ самаго себя*, является въ своей *истинной роли*, во весь свой ростъ.

6. Будущность Германіи на водѣ.

Эта, слишкомъ краснорѣчивая и многозначительная фраза, сдѣлалась постояннымъ девизомъ для личныхъ стремленій и правительственной политики Вильгельма. Если въ Германіи

---

[1]) П. Х., „Воюющая Германія", Петроградъ, 1915 года, стр. 26 и 52. Крайне любопытные факты и документы собраны въ этомъ трудѣ, разоблачающіе правокаціи германскаго правительства наканунѣ войны. Авторъ книги нѣкоторое время послѣ начала войны жилъ въ Германіи, такъ что его сообщенія должны исходить изъ достовѣрныхъ и непосредственныхъ источниковъ.

существуетъ предпріятіе, происхожденіе и развитіе котораго всецѣло принадлежитъ вильгельмовской эпохѣ, — это политика пріобрѣтенія господствующаго положенія на водѣ и подготовки будущности. Германія временъ Бисмарка, почти лишенная флота, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ десятилѣтій, къ концу 900-хъ годовъ, при Вильгельмѣ II, стала второй имперіей въ Европѣ, сильной своимъ боевымъ флотомъ. Императоръ Вильгельмъ былъ слишкомъ сознательнымъ въ своей новой, многообѣщающей миссіи. Еще въ 1900 году онъ признавался, что подобно тому, какъ Вильгельмъ I позаботился и организовалъ сухопутныя силы, точно такъ же «долженъ онъ неуклонно вести и развивать дѣло организоціи морскихъ силъ, чтобы со-временемъ Германія сумѣла пріобрѣсти достойное положеніе за границей». Иначе говоря, дѣдъ его былъ основателемъ сухопутнаго милитаризма въ молодой Германіи, а внукъ сталъ основателемъ имперскаго морского милитаризма.

Какъ сильно страдало самолюбіе Вильгельма передъ лицомъ другихъ европейскихъ государствъ, когда въ 1897 году по случаю юбилея королевы Викторіи, онъ не имѣлъ лучшаго крейсера для отправленія въ Англію, кромѣ стараго «König Wilhelm», въ то время, какъ «другіе народы должны были блистать своими гордыми крейсерами». «Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока мой флотъ не достигнетъ той высоты, на которой стоитъ сухопутное войско». Какъ радовался онъ, когда въ 1898 г., послѣ долгой борьбы въ рейхстагѣ, прошелъ первый проектъ военнаго флота. Въ слѣдующій годъ онъ горько жалуется на партійныя препятствія, которыя помѣшали ему еще въ первые годы своего царствованія развить морскія силы и дать толчокъ развитію морской торговли и расширенію сферы ея операцій. А въ 1900 г. Вильгельмъ снова въ самодовольномъ настроеніи; прошелъ новый проектъ флота. «Я достигъ своей цѣли»—говоритъ онъ. Конечно, не въ томъ смыслѣ, что онъ уже исчерпалъ программу военнаго флота и Германія не нуждается больше въ новыхъ проектахъ. Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, онъ только положилъ начало осуществленію своей программы. Въ томъ году онъ достигъ своей цѣли только въ томъ смыслѣ, что поборолъ сильную оппозицію и привлекъ многочисленныхъ сторонн-

ковъ среди интеллигенціи и особенно среди представителей прессы. Такая сильная организація, какъ «Flottenverein», явившаяся тогда на свѣтъ, вела пропаганду и нравственно и матеріально способствовала развитію этого дѣла. Возгордившись такой побѣдой Вильгельмъ еще разъ подчеркиваетъ свою рѣшительность. «Въ теченіи 12-ти лѣтъ я тратилъ свои лучшія силы на организацію войска и поднялъ его на высоту его призванія; того же я достигну на морѣ за нѣсколько лѣтъ, чтобы Германія повсюду въ мірѣ пользовалась почетомъ».

Черезъ 4 года, въ 1904 г., Вильгельмъ заявляетъ, что «основа германскаго военнаго флота — уже готова». Очевидно, онъ не считаетъ еще, что осуществленіе программы грандіознаго предпріятія уже закончено, только основа готова. И онъ, гордый и надменный, восклицаетъ: «Впередъ, да разовьются мои силы! Никто не смѣетъ препятствовать германскому народу въ дѣлѣ реорганизаціи и расширенія арміи и флота»! Это уже намеки, которые дѣлаетъ Вильгельмъ по адресу другихъ государствъ, въ которыхъ не разъ подвергались критическимъ нападкамъ его военные проекты, касающіеся арміи и флота, а также его чрезвычайныя мѣропріятія на сушѣ и на морѣ. Вотъ этимъ-то критикамъ даетъ онъ косвенный отвѣтъ лаконическими и враждебными намеками. «Волны океана ударяются о двери нашего народа, — говоритъ Вильгельмъ убѣжденнымъ тономъ, — и заставляютъ его крѣпко держаться за свое мѣсто въ мірѣ». Вильгельмъ глубоко убѣжденъ въ необходимости своей своеобразной миссіи. Онъ хорошо знаетъ, что «германское *мореплаваніе и торговля развились*, благодаря внушительному военному флоту». Онъ замѣтилъ и понялъ также, что «быстрое развитіе германской торговли вызываетъ непріязнь въ другихъ». Но ропотъ и критика заграничныхъ конкуррентовъ не могли нисколько поколебать Вильгельма; онъ упорно продолжалъ осуществлять намѣченную и взлелѣянную имъ программу. Съ особеннымъ самодовольствіемъ и гордостью отмѣчаетъ кайзеръ, что «германскій флотъ выдѣляется среди другихъ флотовъ своими качествомъ и дисциплиной». Онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что «флотъ его воплощаетъ въ себѣ стремленіе нѣмецкаго народа господствовать на морѣ». Какая боль-

шая перемѣна въ 14 лѣтъ! Въ 1897 году Вильгельмъ буквально стѣснялся во время юбилея королевы Викторіи отправить къ берегамъ Лондона старый, почти негодный крейсеръ, наилучшій, однако, въ его флотѣ и съ завистью предвидѣлъ, какъ другіе народы будутъ блистать своими крейсерами, а въ 1911 году тотъ же Вильгельмъ успѣлъ настолько поднять свой флотъ, что, сравнивая его съ флотами другихъ государствъ, онъ отводилъ ему первое мѣсто. Повторяемъ, что это является плодомъ 14-тилѣтней лихорадочной военной подготовки. Но алчность Вильгельма *шла еще* дальше. Въ томъ-же году (1911 г.), стоя на берегу *своего* первокласснаго порта, во время одного торжества, Вильгельмъ самодовольно восклицалъ: «Пусть Гамбургъ и впредь способствуетъ развитію нашего флота, чтобъ укрѣпить наше убѣжденіе въ томъ, что никто не посмѣетъ оспаривать у насъ то мѣсто, которое занимаемъ мы подъ солнцемъ». Очевидно, что слова эти относятся къ Англіи.

7. Германія, какъ міровая держава.

Мы ознакомились съ взглядами и стремленіями Вильгельма, выражающими сущность его милитаристическихъ тенденцій на сушѣ и на морѣ. И намъ думается, что фигура Вильгельма II, какъ блестящаго выразителя германскаго милитаризма и его *коронованнаго идеолога*, обрисована нами въ его существенныхъ чертахъ.

Но какова цѣль этихъ непрерывныхъ, лихорадочныхъ военныхъ приготовленій? Въ чемъ миссія милитаризма современной Германіи? На этотъ вопросъ мы отвѣтили во второй главѣ настоящаго труда, гдѣ охарактеризовали господствующую милитаристическую идеологію въ Германіи. Какъ для обычныхъ классовыхъ идеологовъ, такъ и для «стоящаго надъ классами» коронованнаго идеолога, милитаризмъ не представлялся самоцѣлью, а разсматривался какъ средство къ осуществленію *высокихъ задачъ государственной и національной важности.* Германская имперія давно перешла черезъ ту ступень развитія, когда она опасалась внѣшняго врага, дѣлала лишь оборонительныя подготовленія, когда милитаризмъ, слѣдовательно, служилъ пассивнымъ и весьма скромнымъ цѣлямъ, а страхъ передъ такъ называемымъ «внутреннимъ врагомъ» являлся еще неопредѣленнымъ, туман-

нымъ вопросомъ будущаго, ради котораго Германія не нуждалась въ такихъ колоссальныхъ приготовленіяхъ. Несомнѣнно, германскій милитаризмъ долженъ былъ преслѣдовать *внѣшнія, завоевательно-активныя цѣли*. И никогда эти тенденціи не поставлены столь остро и опредѣленно, столь повелительнымъ тономъ и лозунгами, какъ въ эпоху царствованія Вильгельма II. И быть можетъ никто изъ идеологовъ господствующаго класса не пропагандировалъ эту миссію мірового господства съ такимъ паѳосомъ и вліяніемъ, какъ «надклассовый» идеологъ ея Вильгельмъ. Будучи смѣлымъ и надменнымъ, гибкимъ и безусловно рѣшительнымъ какъ милитаристъ, императоръ-идеологъ отличался тѣми же качествами какъ имперіалистъ.

«Тотъ народъ, который 30 лѣтъ тому назадъ пролилъ кровь и побѣдилъ, нынѣ не долженъ изолироваться или воздерживаться во время разрѣшеній крупныхъ, внѣшнихъ вопросовъ, въ противномъ случаѣ Германія потеряетъ свое мировое положеніе; моя привилегія и обязанность—употребить всѣ крайнія средства, для гарантированія прочности этого положенія».

Очевидно, что слова Вильгельма относятся къ Франко-Прусской войнѣ, въ результатѣ которой Берлинъ занялъ мѣсто Парижа, какъ центръ европейской политики и германская имперія пріобрѣла міровое положеніе. Вильгельмъ считаетъ себя призваннымъ упрочить и защищать это положеніе. Это являлось одной изъ основныхъ тенденцій мировой политики кайзера, о чемъ онъ неоднократно повторялъ. «Мы завоевали уже подъ солнцемъ достаточное мѣсто, моя задача состоитъ въ томъ, чтобы сохранить за нами это мѣсто».

Но Вильгельмъ не ограничивается только этимъ. Сохранять и защищать то, что завоевано въ первоначальный періодъ германской имперіи, въ эпоху Вильгельма I и Бисмарка, значило вести консервативно-оборонительную, если хотите, пассивно-имперіалистическую линію, т. е. ограничиться только политикой Бисмарка. Но сила и значеніе Вильгельма II заключались не въ этомъ. Онъ былъ призванъ къ активной и рѣшительной дѣятельности; онъ стремился къ осуществленію такого *агрессивнаго, завоевательнаго имперіализма*, о которомъ Германія никогда еще не мечтала. Въ этомъ заключалось принципіальное разногласіе между нимъ

и Бисмаркомъ. «Германская имперія—сказалъ Вильгельмъ въ день юбилея 25-лѣтія его царствованія—должна стать *міровой державой*» («Weltreich»).

Эта мысль проходитъ красной нитью въ имперіализмѣ Вильгельма. Образцомъ міровой имперіи являлась для него Англія, до высоты которой хотѣлъ онъ поднять Германію; и даже подчеркивалъ, что будущая великая (колоніальная) Германія должна быть связана съ внутреннимъ ядромъ имперіи, что значитъ, подобно Англіи, надо создать тѣсную связь между метрополіей и колоніями. Если молодая Германія до вильгельмовской эпохи пріобрѣла себѣ міровое положеніе и стала одной изъ главныхъ силъ въ концертѣ европейскихъ державъ, разрѣшающихъ крупные міровые вопросы, тѣмъ болѣе въ эпоху Вильгельма окрѣпшая и вооруженная съ ногъ до головы германская имперія должна была стремиться къ созданію достойнаго своему положенія мірового господства à la Англія.

Міровое положеніе—міровое владычество,—міровая держава. Черезъ всѣ эти ступени развитія должна была пройти германская имперія. Первую она уже прошла, второй она достигла въ началѣ нашего вѣка. «Нѣмецкіе товары переходятъ океанъ, морская торговля наша достигла милліардовъ, развитіе нашей промышленности вызываетъ явную непріязнь въ другихъ странахъ». Вотъ какъ перечисляетъ самъ кайзеръ *экономическія основы мірового владычества* своей имперіи. Въ первой главѣ настоящаго труда мы уже отмѣтили то обстоятельство, которое дальше будетъ доказано фактами, что, дѣйствительно, нѣмецкій экспортный индустріализмъ и капитализмъ проникли во всѣ рынки міра и послѣ Англіи Германія играетъ самую крупную роль въ міровомъ хозяйствѣ. Но мирныя экономическія завоеванія не могутъ исчерпать имперіалистическую программу Вильгельма. Онъ представитель такого ненасытнаго, агрессивнаго капитализма, для котораго необходимой потребностью является *политика крупныхъ колоніальныхъ завоеваній и заокеанскихъ пріобрѣтеній.* «Мой принципъ,—говоритъ императоръ Вильгельмъ—вездѣ находить новыя мѣста для заселенія нѣмцами, чтобы въ будущемъ наши дѣти могли использовать то, что пріобрѣли мы для нихъ. Германія хочетъ сохранить свое

мѣсто *въ первыхъ рядахъ* и мое желаніе—чтобы она шла *впереди всѣхъ*».

Этимъ яснымъ и опредѣленнымъ принципомъ руководствовался Вильгельмъ въ вопросѣ колоніальной политики. Онъ заявляетъ агитаторскимъ тономъ, что «нѣмецкій народъ пойдетъ за своимъ *вторымъ идеальнымъ императоромъ* (т. е. за нимъ) и съ радостью принесетъ всѣ жертвы, необходимыя для нашего мірового положенія».

Здѣсь интересно не наивное самохвальство Вильгельма, а косвенный намекъ на то обстоятельство, что вильгельмовское покровительство колоніальной политикѣ является идеальнымъ для нѣмецкаго народа. Подчеркнутая Вильгельмомъ сила мірового положенія — столь любимая нѣмцами Weltmachtstellung—представляетъ собою нечто иное, какъ съ одной стороны экспансивную способность высоко-развитаго капитализма, а съ другой—чрезвычайное усиленіе военной мощи, слѣдовательно—*матеріальные и физическіе первоначальные факторы завоевательнаго имперіализма.* Это—тѣ факторы, которые поставили Германію въ положеніе, угрожающее одинаково всѣмъ державамъ, какъ дальнимъ такъ и близкимъ, и заставляющее преклоняться передъ нею. Но этотъ имперіализмъ не осуществилъ еще своей миссіи въ мірѣ—ему еще предстоитъ завоеваніе многочисленныхъ колоній въ заокеанскихъ даляхъ; завоеваніе колоній, въ которыхъ германская имперія «должна защищать нѣмецкій капиталъ и пробивать путь для его эксплоатацій» и «и гдѣ нашихъ коммерсантовъ будутъ оберегать наши грозные крейсера». Короче говоря, имперіализмъ долженъ завоевать колоніи, которыя явятся необходимой основой для будущаго мірового господства. Вотъ почему Вильгельмъ ждетъ жертвъ отъ своего народа, послуживъ имъ самъ примѣромъ «идеальнаго императора»; и вотъ почему принимая то положеніе, что «будущее положеніе Германіи основано на морѣ», онъ съ особенной заботливостью и вниманіемъ развивалъ германскій военный флотъ.

«Океанъ намъ необходимъ. Онъ дастъ понять, что на немъ и по ту сторону его впредь не могутъ разрѣшаться крупные міровые вопросы безъ согласія Германіи и ея императора». Такъ смѣло и угрожающе выражался Вильгельмъ

и въ 1900 году, когда Германія еще не представляла изъ себя болѣе или менѣе значительной силы на морѣ и не обладала «по ту сторону» океана тѣми колоніями, на которыя она могла бы опереться въ случаѣ фактическаго вліянія на разрѣшеніе «крупныхъ вопросовъ». Но не забудемъ, что на сушѣ Германія уже обладала необыкновеннымъ бронированнымъ кулакомъ, а на морѣ у Вильгельма были всѣ шансы, какъ онъ говорилъ «черезъ немного лѣтъ поднять флотъ на ту высоту, на которой стоитъ войско».

Будучи увѣреннымъ въ силѣ бронированнаго кулака, онъ не стѣснялся въ своихъ совѣтахъ другимъ государствамъ. «Трезубецъ (Dreizack) принадлежитъ нашему кулаку». «Мѣста, куда взлетитъ германскій орелъ и вонзитъ свои когти, должны навсегда остаться за Германіей». Эти слова въ устахъ монарха не простая, разсчитанная на эффектъ угроза, они скрываютъ въ себѣ обнаруживающуюся и раскрывающуюся передъ нашими глазами програму опасныхъ, таинственныхъ и упорныхъ стремленій его. Они зловѣще указывали на то, что Германія можетъ пріобрѣсти колоніи и стать міровой державой лишь съ оружіемъ въ рукахъ и имѣя на готовѣ пушки, иными словами *побѣдоносное завершеніе* миссіи германскаго имперіализма должно совершиться посредствомъ германскаго милитаризма.

Вотъ почему Вильгельмъ является одновременно блестящимъ представителемъ милитаризма и имперіализма, такъ какъ онъ глубоко сознавалъ взаимную зависимость этихъ явленій. Не только это. Онъ беретъ на себя высшее покровительство надъ различнаго рода колоніальными обществами, военными и морскими организаціями и поощряетъ ихъ дѣятельность. Усилить военную мощь Германіи на сушѣ и на морѣ, расширить ея колоніи въ мірѣ, «думать и заботиться о нѣмцахъ, гдѣ бы они ни находились, высоко и неприкосновенно держать престижъ Германіи»,—вотъ въ чемъ заключаются основные и руководящіе принципы того новаго евангелія, которое возвѣстилъ Вильгельмъ нѣмецкому народу.

8.

Въ первой и въ особенности во второй главѣ настоящаго труда, давая общую характеристику милитаризма и имперіализма, а также и ихъ идеологическихъ представителей, мы показали, что *своеобразная военщина и агрессивная тенденція* современной Германіи обусловливаются соотношеніемъ тѣхъ соціально-экономическихъ силъ, которыя въ теченіе какихъ-нибудь 40—50 лѣтъ быстро и необычайно способствовали развитію этой страны. Мы показали также, что своеобразность германскаго милитаризма и имперіализма обусловливается своеобразіемъ обстоятельствъ развитія германскаго капитализма; затѣмъ мы указали на то обстоятельство, что громадное большинство интеллигенціи, настроенній на имперіалистическій и милитаристическій ладъ, по своимъ соціальнымъ воззрѣніямъ образуетъ лагерь идеологовъ—защитниковъ капиталистическаго строя и буржуазныхъ порядковъ. Въ главѣ этой, довольно подробно останавливаясь на личности Вильгельма, мы показали, что въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ и стремленіяхъ онъ является яркимъ коронованнымъ выразителемъ милитаристическихъ и имперіалистическихъ тенденцій современной Германіи. А это означаетъ, въ свою очередь, что Вильгельмъ является вмѣстѣ съ тѣмъ par excellence—защитникомъ германскаго капитализма, т. е. коронованнымъ идеологомъ крупной германской агрессивной буржуазіи. Никто иной, какъ Вильгельмъ II, блестящимъ образомъ разрушилъ легенду о «надклассовомъ вѣнценосцѣ» демонстративнымъ выраженіемъ своихъ симпатій къ различнымъ слоямъ германской буржуазіи. И его многочисленныя рѣчи имперіалистическаго характера показываютъ, что кайзеръ является такимъ же роднымъ дѣтищемъ своего времени, какъ и патентованные идеологи господствующаго класса.

Но здѣсь возникаетъ въ высшей степени интересный вопросъ; вѣдь Вильгельмъ II по своему происхожденію, по своимъ сословнымъ инстинктамъ, по средневѣковымъ традиціямъ, по своимъ государственно-правовымъ понятіямъ и политическимъ стремленіямъ болѣе всего склоненъ къ *абсолютному монархизму, феодальной реакціи*, нежели къ бур-

жуазному конституціонализму, съ его принципами свободы и равноправія новѣйшаго гражданства. Будучи самъ крупнымъ помѣщикомъ [1]), Вильгельмъ вдвойнѣ былъ заинтересованъ и въ классовыхъ привиллегіяхъ и съ точки зрѣнія аграрныхъ интересовъ поддерживать дружескія сношенія [2]) съ землевладѣльческой аристократіей. Наконецъ, вѣдь прусскій король и германскій императоръ управляетъ страной черезъ своихъ юнкеровъ, аграрныхъ аристократовъ [3]).

Въ такомъ, повидимому, двойственномъ положеніи находился Вильгельмъ II въ продолженіе всего своего царствованія. Это—антогонизмъ, существующій между аграрнымъ государствомъ съ одной и индустріальнымъ съ другой стороны. Затѣмъ глубокая принципіальная разница между началами средневѣковаго феодальнаго и полицейскаго государства и современнымъ гражданско-правовымъ государствомъ,—этими двумя антогонистическими элементами, являющимся объективнымъ слѣдствіемъ реальныхъ соотношеній, можно объяснить тотъ дуализмъ, которой наложилъ свою неизгладимую печать на практику и образъ мышленія Вильгельма.

Какъ поступить, въ какомъ направленіи идти? Какъ примирить эти два враждебныхъ начала? Какимъ образомъ можно было бы сочетать другъ съ другомъ *интересы крупнаго землевладѣнія и капиталистической индустріи*,

[1]) На собраніи всѣхъ землевладѣльцевъ восточной Пруссіи (1894 г.), гдѣ разсматривался вопросъ о таможенномъ тарифѣ хлѣба, Вильгельмъ въ своей рѣчи говоритъ имъ: „То, что притѣсняетъ васъ, я также чувствую какъ и вы, потому что я *самый крупный землевладѣлецъ въ нашей странѣ* и отлично знаю, что мы, крупные землевладѣльцы, переживаемъ тяжелое время. Я постоянно озабоченъ вопросомъ облегченія вашей участи; но вы должны содѣйствовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ, всецѣло довѣряя суверену". (См. „Das persönliche Regiment" стр. 78).

[2]) Въ рѣчи обращенной къ крупнымъ аграріямъ берлинской провинціи (1891 г.) Вильгельмъ говоритъ: „Я не сомнѣваюсь, что землевладѣльцы не только этой области, но и всей имперіи полны тѣмъ чувствомъ, что мы принадлежимъ другъ другу, работаемъ и чувствуемъ вмѣстѣ". (Тамъ-же стр. 76). Этими словами Вильгельмъ старается успокоить возбужденное настроеніе аристократіи, протестующей противъ торговаго договора не выгоднаго для нихъ. Въ другой разъ Вильгельмъ говоритъ такъ: „Я съ болью замѣчаю, что мои лучшія намѣренія вызвали недоразумѣнія въ рядахъ аристократіи, близко стоящей ко мнѣ. Изъ ихъ рядовъ дошло до меня даже слово оппозиція. Господа, оппозиція прусской аристократіи противъ своего короля—это невозможная вещь. Это имѣетъ смыслъ только тогда, если во главѣ оппозиціи стоитъ вашъ государь." (Стр. 78).

[3]) Для управленія страной и народомъ Вильгельмъ нуждается въ содѣйствіи „только самой аристократической части общества".

интересы юнкеровъ восточной Эльбы съ интересами крупныхъ каменоугольныхъ и металлургическихъ промышленниковъ береговъ Рейна? Какъ можно было бы примирить на почвѣ практической политики интересы консервативныхъ аграріевъ и либеральныхъ индустріалистовъ-коммерсантовъ?

Вильгельмъ, какъ истинный сынъ своей эпохи, обладалъ наибольшею возможностью, при своеобразныхъ условіяхъ нѣмецкой жизни разрѣшить эту трудную проблему. И это не потому, что онъ обладалъ какой то магической тайной сдѣлать невозможное возможнымъ, а единственно въ силу того обстоятельства, что онъ смогъ понять основные движущіе интересы и стремленія двухъ господствующихъ въ странѣ общественныхъ классовъ и создать на почвѣ компромисса этихъ интересовъ общій курсъ имперской политики.

Вильгельмъ всегда былъ готовъ воспользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ для проявленія своихъ чувствъ близости и симпатій по адресу крупнаго феодальнаго землевладѣнія. Вѣдь онъ самъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ и аристократомъ, швабскимъ феодаломъ и бранденбургскимъ маркграфомъ, прусскимъ королемъ и германскимъ кайзеромъ [1]). Являясь носителемъ титуловъ династіи Гогенцоллеровъ, Вильгельмъ глубоко сознавалъ и повсюду декретировалъ, что аристократія — это столпъ прусскаго королевства, сохраненіе и упроченіе котораго равносильно сохраненію и упроченію его властей [2]). Онъ всѣми силами старался, насколько возможно это въ передовой капиталистической странѣ, защищать интересы крупнаго землевладѣнія вообще. Съ 1903 года правительство Вильгельма провело въ рейхстагѣ новый таможенный тарифъ — такъ называемый «Wucher Tarif», удовлетворивъ этимъ требованія консерваторовъ, а въ 1905—1906 г. Германія принудила Россію заключить торговый договоръ, также весьма благопріятный для нѣмецкихъ аграріевъ. Однако, Вильгельмъ защищалъ съ той-же энергіей интересы крупныхъ капиталистовъ, что очевидно изъ его

[1]) Л. Мовичъ даетъ въ своей статьѣ („Вильгельмъ II въ его рѣчахъ", „Современный міръ". 1915 г., № 1, стр. 66) блестящую характеристику этихъ титуловъ. Онъ останавливается болѣе на психологической сторонѣ дуалистическихъ стремленій Вильгельма, чѣмъ на обусловленныхъ временемъ, объективныхъ причинахъ.

[2]) „Das persönliche Regiment", стр. 77.

многочисленныхъ имперіалистическихъ рѣчей. Каждый удачный торговый договоръ, обѣщающій нѣмецкой индустріи и торговлѣ большія выгоды, Вильгельмъ привѣтствовалъ съ радостью побѣдителя [1]). Съ тѣхъ поръ онъ старался поддерживать близкія и дружескія отношенія со всѣми крупными банкирами, индустріалистами и коммерсантами такъ-же какъ и съ феодалами. Для того, чтобы приблизить денежную аристократію standesmässig къ родовой аристократіи, Вильгельмъ съ необыкновенной щедростью награждалъ буржуазію всевозможными титулами и орденами [2]).

Если имѣть въ виду, какую страсть питаютъ въ Германіи къ титуламъ и какими особенными привилегіями и почетомъ пользуются въ жизни титулованные люди [3]), то намъ будетъ понятнѣе эта спекуляція классовой политики Вильгельма. Впрочемъ, важно не это обстоятельство. Личныя старанія Вильгельма, перебросить мостъ совмѣстной политики между землевладѣльцами (юнкертумъ) и крупной бур-

---

[1]) Для маклерской ловкости Вильгельма характеренъ слѣдующій случай: когда на собраніи аграріевъ (1891 г.), протестующихъ противъ торговаго договора, благопріятнаго только для промышленности, Вильгельмъ успокаивалъ ихъ обѣщаніями въ будущемъ и словами, что „кайзеръ и его аграріи принадлежатъ другъ другу, вмѣстѣ должны работать и чувствовать“, вдругъ получается сообщеніе отъ имперскаго канцлера Каприви, что торговый договоръ съ Австро-Венгріей, Италіей и Бельгіей удачно прошелъ въ рейхстагѣ; кайзеръ ликуетъ, хвалитъ ревность канцлера и его побѣду называетъ „спасительнымъ дѣломъ“. („Das pers. Regiment“ стр. 77). Иначе говоря, побѣду крупныхъ индустріалистовъ празднуетъ онъ на собраніи аграріевъ.

[2]) На ряду съ титулами Geheimrat u Kommerzienrat, Вильгельмъ не скупится награждать такимъ титуломъ, какъ, напр., „von“ своихъ буржуевъ, даже евреевъ. Напримѣръ, von Bleichröder, von Mendelsohn, и др. евреи получили свои титулы отъ Вильгельма II.

[3]) Проф. Рейснеръ по этому поводу дѣлаетъ правильное замѣчаніе. „Въ такой странѣ титулованнаго романтизма, какой является Германія, само собой, сословныя различія играютъ совершенно исключительную роль. И тотъ, кто къ своей фамиліи можетъ прибавить „von“, „auf“, „zu“—чувствуетъ себя человѣкомъ совершенно изъ другого тѣста, нежели какой нибудь человѣкъ безъ этихъ частицъ“. О магической силѣ орденовъ пишетъ Рейснеръ слѣдующее: „Не менѣе магическое дѣйствіе имѣютъ въ Германіи ордена... И удивительное дѣло, эти знаки отличія до сихъ поръ не пріѣлись и не надоѣли нѣмцамъ. Напротивъ это цѣлое событіе, когда къ какому нибудь крестику спеціально жалуется еще вѣночекъ и корона: съ гордостью чувствуетъ себя гражданинъ, великой имперіи на вершокъ выше людей, лишенныхъ и ленточки и вѣночка, и короны“. См. его книгу „Вильгельмъ II и жел. имперія“, стр. 59 и 60. Насколько новѣйшая буржуазія, награжденная титулами и орденами, приближается къ родовой аристократіи, настольло она отдаляется отъ народа и съ презрѣніемъ смотритъ на низшіе классы.

жуазіей, едва ли увѣнчались бы успѣхомъ, если бы не было объективныхъ данныхъ для такого примиренія. Эти данныя лежатъ на той реальной почвѣ, откуда Вильгельмъ II избралъ «главную цѣль своей жизни». Это та милитаристическая и имперіалистическая политика во всей своей сложности, т. е. дѣло развитія тѣхъ грозныхъ государственныхъ факторовъ, въ которое Вильгельмъ, какъ мы увидѣли, безумно влюбленъ.

Реакція крупныхъ землевладѣльцевъ-феодаловъ исходя изъ политическихъ интересовъ была заинтересована въ развитіи нѣмецкаго милитаризма: необходимаго, во-первыхъ, для сохраненія и поддержанія своего соціальнаго господства въ странѣ, надъ «внутренними врагами», ведущими борьбу съ старыми авторитетами и господствующими традиціями; во-вторыхъ, для того, чтобы его грозной боевой силой воспрепятствовать начавшемуся въ Европѣ процессу демократизаціи общественной жизни. Но юнкерская реакція хорошо знала, что высокое развитіе военной техники непосредственно обусловлено развитіемъ общихъ производительныхъ силъ. Поэтому аграрные феодалы во главѣ съ Вильгельмомъ, идя навстрѣчу потребности времени, восприняли пріемы развитія капитализма, чтобы, съ одной стороны, спасти свои старыя святыни отъ «новыхъ духовъ» и прочнѣе укрѣпить физическія основы своей реакціонной системы, а съ другой стороны сблизить и примирить себя съ соціально господствующимъ классомъ крупныхъ капиталистовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено все богатство страны.

Также конкретны и существенны мотивы интересовъ буржуазіи: для защиты ея внѣшней торговли и колоніальныхъ завоеваній она была заинтересована не только въ сильномъ развитіи боевыхъ силъ на сушѣ и на морѣ, но и въ сближеніи съ старымъ соціальнымъ классомъ—родовой аристократіей, чье господство такъ прочно было обосновано и освящено вѣковыми традиціями, въ чьихъ рукахъ былъ сосредоточенъ весь механизмъ прусско-германскаго правительства и вся боевая организація,—рядъ преимуществъ, въ помощи которыхъ нуждалась буржуазія для притѣсненія и подавленія «внутреннихъ враговъ», а именно эксплоатируемаго имъ класса.

Вотъ на почвѣ гармонизаціи какихъ интересовъ смогъ Вильгельмъ въ своей *примирительной политикѣ* сочетать на основахъ взаимной симпатіи интересы господствующихъ классовъ, разрѣшивъ ту самую дуалистическую проблему, которая возникала въ вопросахъ внутренней и внѣшней жизни имперіи [1]).

Своими классовыми инстинктами, политическими и государственно-правовыми возрѣніями представитель Гогенцоллерновъ является такимъ же консервативнымъ носителемъ принциповъ реакціоннаго средневѣковаго феодализма, какимъ является реакціонное прусское юнкерство. А своими экономическими стремленіями и воззрѣніями Вильгельмъ является такимъ-же апологетомъ и „практическимъ пособникомъ расширенія сферы вліянія и господства революціонизирующаго капитала, какимъ и являются либеральные представители современной нѣмецкой буржуазіи. Всякій разъ, когда Вильгельмъ въ своихъ рѣчахъ высказывался въ пользу сельскаго хозяйства, то это онъ дѣлалъ, имѣя въ виду интересы крупнаго землевладѣнія, а не крестьянства. Послѣднее настолько занимало Вильгельма, насколько этого требовали интересы аграріевъ. А когда германскій императоръ говорилъ по вопросамъ «національнаго производительнаго труда» и о «соціальной охранѣ», то онъ всегда имѣлъ въ виду не охрану

---

[1]) Эти два господствующихъ класса Германіи, крупная землевлад. арист. и крупная капиталистич. бурж., имѣютъ на политической почвѣ двѣ ярко выраженныя группировки. Блестящимъ представителемъ перваго класса является „Deutsche Konserwative Partei" (Германск. консерват. партія), а второго класса „Nationalliberale Partei" (національно-либеральная партія). Во время обсужденія и разрѣшенія внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ имперской политики, въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти двѣ политическія партіи дѣйствуютъ солидарно. Но есть еще другая партія, занимающая промежуточное положеніе и называющая „Freie konservative Partei (свободно-консерват. партія). Она лѣвѣе крайнихъ правыхъ, но правѣе націоналъ-либераловъ и составляетъ среднее примиряющее звено, основывающее свою программу на компромиссѣ, на нѣкоторомъ примиреніи интересовъ двухъ упомянутыхъ выше классовъ. Эта серединная партія является собою представительницу военнаго сословія въ законодательномъ органѣ. Столпами его идеологіи являются генералы Бернгарди и графы Ревентловы. Символъ вѣры ея исчерпывается выраженіями: милитаризмъ, маринизмъ и имперіализмъ. Пропагандистами и популяризаторами этихъ идей являются слѣдующія органы „Die Post" и „Tägliche Rundschau". Изъ органовъ этихъ первый является выразителемъ лѣвыхъ элементовъ консерватизма, а органомъ правыхъ элементовъ либерализма является второй. Оба органа эти стоятъ на почвѣ примирительной платформы.

классовыхъ интересовъ пролетаріата [1]), а лишь интересы свободнаго, безпрепятственнаго и интенсивнаго развитія крупнаго капитала. Подобно тому, какъ юнкерамъ Вильгельмъ давалъ клятвенныя обѣщанія оберегать «священные устои» нѣмецкаго народа отъ опасности, грозящей снизу, давая въ то самое время приказъ войску быть всегда готовымъ къ защитѣ «короны и алтаря» отъ «внутренняго врага», грозя рабочимъ строгими репрессіями за ихъ мятежный духъ,— предпринимателямъ же онъ предлагалъ посредствомъ организаціи локаутовъ дезорганизовывать рабочую стачку. И все это дѣлалось якобы въ интересахъ охраны «національнаго труда».

Для веденія *политической борьбы* противъ «мятежныхъ духовъ» Вильгельмъ съ своими рецептами обращался къ правой землевладѣльческой аристократіи, а для веденія *экономической борьбы* онъ взывалъ къ стоящимъ влѣво капиталистамъ.

Вотъ эти соціально-политическія группировки стали для Вильгельма правой и лѣвой рукой въ его милитаристической и имперіалистической политикѣ.

9.

Вильгельмъ блеснулъ также и другими, не менѣе важными качествами. Онъ былъ провозглашенъ современниками *миротворцемъ, вѣнценоснымъ и страстнымъ апологетомъ идей мира.* „Hoch unser Friedenskaiser!" («Да здравствуетъ

[1]) Еще въ первые годы своего царствованія, а именно въ 1890 г., Вильгельмъ II въ области соціальной политики произвелъ сенсацію. Казалось, будто бы онъ былъ озабоченъ экономическимъ положеніемъ рабочихъ: съ этой цѣлью въ Берлинѣ имъ была созвана международная конференція. Этотъ шагъ германскаго монарха въ свое время былъ отмѣченъ, какъ какое-то крупное, изъ ряда вонъ выходящее явленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что патентованнные идеологи усмотрѣли въ этомъ шагѣ кайзера результатъ его безкорыстныхъ душевныхъ движеній, имѣющихъ въ виду лишь облегченіе участи рабочаго класса. На самомъ же дѣлѣ это была хитрая уловка, имѣющая въ виду затемненіе сознанія рабочаго класса и совращеніе его съ пути классовой борьбы. Это была попытка перебросить мостикъ между антагонистическими интересами рабочихъ и предпринимателей, преслѣдующая задачи свободнаго и безпрепятственнаго развитія капитала. Вильгельмъ расчитывалъ этимъ дезорганизовывать соціалъ-демократію, а рабочихъ превратить въ покорныхъ слугъ кайзера. Онъ откровенно заявилъ объ этомъ въ томъ же году, сказавъ: „съ соціалъ-демократіей позвольте справиться мнѣ". Такимъ образомъ мы видимъ, что „рабочелюбіе" Вильгельма было лишь ложью и то не продолжительною.

нашъ кайзеръ мира»!)—кричали нѣмецкіе филистры, когда имъ нужно было отвести глаза другихъ государствъ. Съ особенной страстью международные пацифисты чествовали «рыцаря мира Вильгельма II» («Friedensfürst Wilhelm II»), награждая его почетнымъ дипломомъ и нобелевской преміей мира.

Гдѣ искать причину заблужденія европейскихъ пацифистовъ и филантроповъ, когда они въ теченіе десятковъ лѣтъ связывали идеи защиты мира въ Европѣ и во всемъ свѣтѣ съ именемъ и дѣятельностью монарха, который ничѣмъ въ продолженіе своего 25-лѣтняго управленія страной не доказалъ того, что онъ является достойнымъ носителемъ этихъ хвалебныхъ и возвеличивающихъ гимновъ.

Два основныя условія послужили причиной всеобщаго заблужденія Европы. Одна изъ этихъ причинъ заключается въ пріобрѣтеніи Германіей высшаго военнаго положенія, котораго она достигла съ 1866 и въ особенности начиная съ 1871 года своими побѣдами надъ двумя европейскими великими державами—Австріей и въ особенности Франціей; побѣды эти сдѣлали Германію первенствующей державой въ европейскомъ концертѣ.

Объединенная и окрѣпшая въ военномъ отношеніи Германія привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе,—отчасти подъ вліяніемъ страха, отчасти же подъ вліяніемъ зависти. Враждебныя Германіи государства съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея политикой и врутренними приготовленіями, будучи сильно озабочены своей самозащитой. Апологеты же мира, въ свою очередь, все больше и больше убѣждались въ томъ, что отъ Германіи зависитъ, главнымъ образомъ, *будетъ ли въ Европѣ миръ или война.*

Насколько Германія своей военной подготовкой превосходила другія государства, настолько прочнѣе укрѣплялась это убѣжденіе въ рядахъ пацифистовъ. Если Германія первая не обнажитъ своего меча,—такъ полагали они—то ни одна изъ европейскихъ державъ не рискнетъ взять на себя роковыя послѣдствія войны подъ угрозой, конечно, прежде всего военной мощи Германіи. Не кто иной какъ самъ глава Германской имперіи еще въ 1899 году увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что «пока, до сихъ поръ, самымъ вѣрнымъ защитни-

комъ мира является Германія, правители ея и войско», [1]). Вотъ эти то часто повторяющіяся увѣренія Вильгельма II послужили вторымъ, важнымъ основаніемъ всеобщей европейской вѣры въ миръ, хотя выраженіе «пока» въ устахъ Вильгельма имѣло весьма характерный и таинственный смыслъ съ точки зрѣнія германскихъ экономическихъ отношеній. Германскій кайзеръ болѣе чѣмъ кто-либо изъ европейскихъ монарховъ имѣлъ случай высказаться въ своихъ рѣчахъ о мирѣ. Въ особенности во время обсужденія законопроектовъ военнаго и морского вѣдомствъ, а также во время своихъ встрѣчъ съ различными суверенами, Вильгельмъ увѣрялъ, что самой главной его заботой является сохраненіе мира въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Мы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія рѣчи его, произнесенныя по этому поводу и удовлетворимся одной весьма характерной его рѣчью, наиболѣе полно отражающей въ себѣ его принципіальныя взгляды на миръ. Рѣчь эту произнесъ онъ ровно 11 лѣтъ тому назадъ, 23-го марта 1905 г., какъ разъ передъ отъѣздомъ въ Марокко во время открытія памятника своему отцу въ Бременѣ.

«Вступая на престолъ,—говорилъ Вильгельмъ,—на знамени я поклялся, что послѣ бурнаго періода своего дѣда я долженъ оставить въ покоѣ штыки и пушки, конечно, если это будетъ зависѣть только отъ меня. Но штыки и пушки мы всегда должны держать наготовѣ, чтобъ и косой взглядъ извнѣ не помѣшалъ бы намъ заботиться о воздѣлываніи нашего сада и приведеніи въ порядокъ нашего прекраснаго дома. Я далъ обѣщаніе, на основаніи своихъ историческихъ опытовъ, никогда не стремиться къ *безсмысленному міровому господству* (nach einer öden Weltherrschaft). Во что превратились и что осталось отъ такъ называемыхъ міровыхъ державъ? Александръ Великій, Наполеонъ I и всѣ геніи военнаго искусства *купались въ рѣкахъ крови*, оставляя послѣ себя порабощенные народы, которые при первомъ же удобномъ случаѣ поднимали знамя возстанія и разрушали міровыя имперіи. Та міровая имперія, о которой мечтаю я, должна заключаться, въ томъ, чтобы новообразовавшаяся Германская имперія *прежде всего пользовалась бы повсюду*

[1]) Das persönliche Regiment, стр. 8.

безусловной репутацiей спокойнаго, честнаго, мирнаго сосѣда; если же когда-либо исторiя заговоритъ о мiровомъ господствѣ Германiи или династiи Гогенцоллерновъ, то тогда это должно *совершиться не посредствомъ меча и завоеванiй*, но взаимнымъ довѣрiемъ народовъ, стремящихся къ той цѣли или, какъ говоритъ поэтъ, ограниченные извнѣ и неограниченные внутри («Aussenhin begrenzt, im innern unbegrenzt»). Свою пространную рѣчь Вильгельмъ заканчиваетъ словами: «мы соль земли, и должны показать себя достойными этого званiя. Отъ всего сердца желаю, чтобы, *золотой миръ*, который до сихъ поръ поддерживается Божьей милостью, сохранился бы и впредь». [1]).

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что устами Вильгельма говоритъ убѣжденный и маститый пацифистъ. Думается, что Вильгельмъ II сжегъ за собой безвозвратно всѣ корабли, въ корнѣ измѣнилъ свои милитаристическiе и имперiалистическiе принципы и съ 1905 года изъ страстнаго вояка превратился въ не менѣе страстнаго пацифиста. Понятно, почему высокопарныя рѣчи Вильгельма по вопросамъ мира производили на европейскихъ апологетовъ его благотворное впечатлѣнiе и вселяло въ нихъ надежды на будущее. Съ одной стороны болѣе чѣмъ сорокалѣтняя политика терпѣнiя и приспособленiя Германской имперiи, съ другой стороны миролюбивыя рѣчи ея коронованнаго головы— создали среди всѣхъ пацифистовъ благопрiятное для Германiи мнѣнiе относительно ея роли и значенiи въ дѣлѣ сохраненiя мира. И хвалебные гимны пацифистовъ, расточаемые по адресу Вильгельма II, казалось, еще болѣе поощряли его въ миролюбивой его политикѣ.

Но всѣ эти надежды и упованiя были лишь печальной видимостью. И это не потому, что сегодня мы находимъ возвеличеннаго пацифистами Вильгельма въ дiаметрально-противоположной роли. Еще въ перiодъ мира, въ продолженiе всего своего царствованiя, германскiй императоръ *ни однимъ конкректнымъ фактомъ* не доказалъ, что онъ является дѣйствительно искреннимъ защитникомъ мира, точно также и въ дѣлѣ упроченiя мира ничего не было имъ

[1]) Das persönliche Regiment, стр. 35 и 36.

сдѣлано. Вильгельмъ даже лично не могъ психологически питать симпатіи къ идеѣ мира и мирнаго сожительства народовъ; онъ не чувствуетъ въ себѣ абсолютно никакого уваженія къ интересамъ другихъ государствъ и народовъ. Нисколько! Объ этой-то чертѣ менѣе всего зналъ міръ, отчего и неправильно его оцѣнивалъ, приписывая ему миролюбивыя чувства, и представлялъ самаго свирѣпаго вояку «рыцаремъ мира». И въ продолженіе 25 лѣтъ Вильгельмъ проявилъ искусство геніальнаго артиста въ этой остро-двойственной роли, съ одной стороны своими пустозвонными рѣчами въ пользу мира, введя въ заблужденіе миролюбивое общество и за кулисами смѣясь надъ ними насмѣшливымъ смѣхомъ Буало, а съ другой стороны ведя *активную работу въ пользу вооруженія*, т. е. противъ мира.

«Si vis pacem para bellum» — этотъ обманчивый принципъ древне-римской политики служитъ до сихъ поръ основой политики вооруженія въ капиталистическихъ странахъ. Но ни одна изъ этихъ странъ въ такой степени не использовала эту діалектическую фразу въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ, какъ официальная Германія и тѣмъ болѣе ея современный императоръ. Знаете ли вы въ какихъ случаяхъ пестрятъ рѣчи Вильгельма дешевыми, миролюбивыми фразами? Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась необходимость публичнымъ увѣреніемъ замаскировать очевидный фактъ непрерывнаго вооруженія Германіи; указывалось на то, что послѣдняя желаетъ мира и вооружается лишь для упроченія его. Всякій разъ, когда представлялась необходимость заранѣе подготовить почву для проведенія какого-либо важнаго законопроекта военнаго и морского вѣдомствъ или являлась необходимость по поводу какого либо, изъ ряда вонъ выходящаго, явленія, въ сферѣ внѣшней или колоніальной политики, принять невинный видъ; наконецъ всякій разъ, когда приходилось сталкиваться съ представителями другихъ государствъ и произносить по поводу этихъ встрѣчъ рѣчь полную увѣренія, что Германія желаетъ лишь мира, — повторяемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ Вильгельмъ II, какъ будто бы, забывалъ свое настоящее «я» и для видимости отрицалъ основы своего милитаристическаго и имперіалистическаго евангелія; это онъ дѣлалъ потому, что не-

обходимо было такъ поступать: этого требовало дипломатическое искусство даннаго момента.

Возьмемъ хотя бы приведенную нами выше рѣчь его, которая является самой значительной изъ рѣчей его о мирѣ. 1904—1905 г. Отношеніе между Франціей и Германіей обострились въ виду Марокскаго вопроса. Германія никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что Марокко подпалъ подъ протекторатъ Франціи. Вначалѣ отношенія сильно обострились и только благодаря мирнымъ переговорамъ удалось ихъ нѣсколько смягчить. И вотъ Вильгельмъ II, чтобы показать, что Германія не представляетъ собою никакой опасности, произноситъ 23-го марта 1905 г. свою рѣчь о мирѣ, увѣряя всѣхъ, что Германія желаетъ быть лишь, «спокойнымъ, честнымъ и мирнымъ сосѣдомъ» и «пользоваться отовсюду всеобщимъ довѣріемъ».

Какая иронія! Рѣчь эту Вильгельмъ произнесъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Марокко. Но отправляться въ путешествіе въ чужую колонію какъ разъ въ то время, когда она служила объектомъ раздора между Германіей и Франціей, это значило выказать самое грубое и оскорбительное отношеніе къ враждующему государству. Но это еще не все. Десять дней спустя послѣ своей знаменитой рѣчи, кайзеръ-любящій произноситъ проповѣди добрососѣдскихъ отношеній и якобы уважающій чужія права,—въ гавани Марокко, а именно въ гор. Тангръ, 2 апрѣля, во время пріема представителя султана Марокко, по имени Абдулъ-Мазекъ, произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: «Я посѣщаю султана, какъ *независимаго владыку* и питаю надежду, что подъ владычествомъ султана *свободное* Марокко будетъ *открытымъ поприщемъ для конкуренціи всѣхъ народовъ,* безъ привилегій въ пользу какого нибудь изъ нихъ». На прощаніе Вильгельмъ сказалъ тому же представителю султана слѣдующее: «Цѣлью моего посѣщенія было дать знать, что интересы Германіи въ Марокко должны быть защищаемы и охраняемы. О томъ, какія средства наиболѣе подходящи для этой цѣли, объ этомъ я вступлю въ переговоры съ султаномъ, котораго считаю свободнымъ владыкой» [1]).

---

[1]) „Das persönliche Regiment“ стр. 136—137.

Ясно, слѣдовательно, что Вильгельмъ не считается съ интересами Франціи въ Марокко и не чувствуетъ къ нимъ никакого уваженія, это очевидно изъ его выраженій «свободно-Марокко». «свободный и независимый владыка»—выраженія полныя цинизма и враждебнаго отношенія къ Франціи. Такъ онъ попираетъ права ея во время конфликта. Такъ демонстративно угрожающе онъ ведетъ себя всего десять дней спустя послѣ своей знаменитой миролюбивой рѣчи. Судите же сами, читатель, въ какомъ изъ этихъ случаевъ Вильгельмъ выражалъ свою подлинную сущность.

Годъ спустя, въ 1906 г. 28 марта, когда въ Алжирѣ происходила конференція великихъ державъ по поводу Марокскаго вопроса, Вильгельмъ отправляетъ благодарственную телеграмму австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ—графу Голуховскому, такого содержанія—«Въ то время, когда я съ согласія вашего всемилостивѣйшаго владыка (т. е. императора Францъ-Іосифа) посылаю Grosskreuz des Roten Adlerordens Вельферсгайму (представитель Австріи на конференціи) въ знакъ благодарности за его усердія въ Алжирѣ, считаю нужнымъ выразить вамъ свою искренную и глубокую благодарность за то содѣйствіе, которое вы оказали моимъ представителямъ. Прекрасный поступокъ вѣрнаго союзника! Въ бою мензура вы оказались брилліантовымъ секундантомъ, и можете быть увѣрены, что въ подобномъ случаѣ я отблагодарю вамъ той же услугой» [2]).

Три года спустя марокскій вопросъ снова выплываетъ на сцену. Германія осталась не довольной постановленіями

1) Тамъ же, стр. 137.—Какъ въ самой Германіи, такъ и за границей эта нетактичная и угрожающая телеграмма вызываетъ панику. Вѣнская газета „Die Zeit“ считаетъ невѣроятнымъ и невообразимымъ, чтобы чужой глава государства въ такихъ выраженіяхъ и съ такими словами выражалъ бы свою благодарность министру иностранныхъ дѣлъ. Стиль телегр. газета считаетъ дѣтскимъ. И австрійскій либеральный органъ выражаетъ свое недовольство тѣмъ, что германскій кайзеръ считаетъ Австрію простымъ секундантомъ, удѣляя ей второстепенную роль, благодаря чему получается впечатлѣніе, что участіе ея въ конфер. состоялась по уполномочію Германіи. А „Times“ по поводу той же телегр. замѣчаетъ, что Вильгельмъ далъ тяжелый урокъ Италіи за ту благопріятную Франціи позицію, которую она заняла. А урокъ полученный Франціей отъ этой телегр., былъ настолько чувствителенъ, что подъ вліяніемъ ужаса она устраняетъ Делькассе. Урокъ же, данный Россіи, заключался въ томъ, что Герм. не приняла участія въ русскомъ займѣ. Газета „Chronicle“ справедливо замѣчаетъ, что телегр. Вильгельма“ есть проявленіе злобы кайзера изолированной Германіи.

конференціи и «миротворецъ» Вильгельмъ вновь угрожаетъ Франціи. Это настроеніе его выражается въ рѣчи его произнесенной по поводу новаго года, 2 января 1909 г. и обращенной къ корпусному командиру. «Франкфуртскій миръ,— говорилъ Вильгельмъ,—которымъ въ 1871 г. закончилась война между Германіей и Франціей, только наружно прекратилъ борьбу между этими государствами. Хотя оружіе было сложено, но скрытая война продолжалась»[1]).

И такъ, въ своихъ рѣчахъ Вильгельмъ II выростаетъ передъ нами во всей своей сущности, выявляя свою подлинную политическую и нравственную физіономію. Смѣлыми и яркими штрихами вырисовываются основныя черты его символа вѣры, а именно:—*реакціонный мистицизмъ* о божественномъ происхожденіи его власти: необходимость суровыхъ репрессій въ борьбѣ противъ демократическихъ стремленій внутренняго врага; *откровенный пангерманизмъ*, выражающійся въ стремленіи объединить разсѣянныхъ по всему свѣту нѣмцевъ на почвѣ общаго національнаго самосознанія и культуры подъ гегемоніей фатерланда; *агрессивный милитаризмъ* въ различныхъ его формахъ—при условіи развитія сухопутныхъ, морскихъ и воздушныхъ военныхъ силъ; готовность при случаѣ вести *наступательную войну; воинственный имперіализмъ*, съ чудовищной программой—нарушать нейтралитетъ государствъ, отрывать цѣлыя ихъ территоріи, порабощать и превращать ихъ въ своихъ вассаловъ, пріобрѣтать заокеанскія колоніи, открывать новые источники для эксплоатаціи нѣмецкаго капитала.

Вотъ тотъ идеалъ, который лелѣялъ въ себѣ Вильгельмъ II съ момента восшествія на престолъ по сей день, когда онъ нашелъ условія подходящими для осуществленія своихъ завѣтныхъ задачъ, имѣющихъ въ виду интересы юнкерства и агрессивной буржуазіи.

Вотъ монархъ, который своей фразеологіей о мирѣ жестоко обманулъ наивныхъ представителей международнаго пацифизма, увѣривъ всѣхъ, что лучшій способъ охраны мира, это слѣдовать прицицу—si vis pacem para bellum.

Вильгельмъ обманывалъ весь свѣтъ, когда говорилъ, что

[1]) А. Ладыженскій „Тройственный союзъ и тройственное согласіе“, Москва 1914 г., стр. 2.

непрестанное вооруженіе необходимо для упроченія мира, ибо для него оно было необходимо для нарушенія мірового равновѣсія.

Вотъ подлинная сущность Вильгельма—этого глашатая «золотого мира»,

Подобно тому, какъ Вильгельмъ, стараясь внушить завѣты христіанской вѣры и чувства религіознаго мистицизма неопытнымъ новобранцамъ, самъ былъ весьма далекъ отъ всего этого и думалъ лишь о томъ, чтобы укрѣпить въ нихъ чувства благоговѣнія и страха къ освященнымъ вѣками авторитетамъ; подобно тому, какъ говоря объ интересахъ крестьянства , онъ все время имѣлъ въ виду лишь интересы крупнаго землевладѣнія; касаясь въ своихъ рѣчахъ «національнаго производительнаго труда» имѣлъ въ виду не улучшеніе положенія рабочаго класса, а лишь интерессы капиталистическаго класса; подобно этому говоря о развитіи военныхъ и морскихъ силъ, Вильгельмъ вездѣ попиралъ интересы мира и думалъ лишь о побѣдоносной войнѣ [1]).

[1]) Дуализмъ всегда былъ характерной чертой Вильгельма. Онъ былъ способенъ одинаково патетически относиться къ самымъ противоположнымъ фактамъ и явленіямъ, Онъ одинаково защищалъ и одинаково симпатизировалъ напримѣръ и протестантизму, и католитизму и магометанству. Вильгельмъ считалъ „высшей цѣлью своей жизни объединеніе протестантской церкви въ Германіи“ и относился съ осужденіемъ культу святыхъ у католиковъ. Но тотъ же Вильгельмъ считалъ необходимымъ указать католическому духовенству, что оно „благороднѣйшій представитель церкви“ и что отъ него ждетъ онъ вліянія на народъ въ дѣлѣ покорности и уваженія къ власти. Въ 1903 г. во времл посѣщенія папы Льва XIII Вильгельмъ сказалъ его епископамъ слѣдующее: „Я могу лишь молиться объ одномъ, чтобы Господь Богъ во имя спасенія міра на долгіе годы продлилъ жизнь папы“.— Во время своего путешествія въ Палестину Вильгельмъ обѣщаетъ свое высокое покровительство мусульманамъ и разсѣяннымъ по всему миру адептамъ ислама. Вильгельмъ, который въ одной своей застольной рѣчи просилъ о продленіи жизни Абдулъ-Гамида и въ 1901 г., во время землетрясенія въ Константинополѣ молился о спасеніи драгоцѣнной жизни султана, этотъ самый Вильгельмъ привѣтствуетъ младотурокъ въ ихъ борьбѣ противъ своего „друга“—Абдулъ-Гамида. Скажемъ больше. Во время англобурской войны Вильгельмъ съ одной стороны расточалъ похвалы бурамъ за ихъ храбрость, съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ королевѣ Викторіи желалъ побѣды англійской арміи.—Во время русско-японской войны Вильгельмъ преподноситъ высшую военную награду Orden Pour le mérite и русскому генералу Стесселю и японскому генералу Ноги.

Подобную фальшивую черту замѣчаемъ мы въ политическомъ характерѣ Вильгельма въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ съ особенной страстью желаетъ реабилитировать себя передъ общественнымъ мнѣніемъ за границы Политика личнаго режима Вильгельма никогда не пользовалась довѣріемъ въ Англіи и во Франціи. Подъ вліяніемъ его многочисленныхъ демонстра-

Было бы гораздо правильнѣе подобнаго кайзера назвать не «кайзеромъ мира», а «кайзеромъ солдатчины», какъ справедливо назвалъ его французскій генералъ Бональ. Идеалисты пацифисты, которые видѣли, слышали и оцѣнили лишь офиціальную ложь Вильгельма, должны быть болѣе осторожны и замѣнить благородный титулъ «миротворца» — титуломъ опаснаго нарушителя европейскаго мира.

Будущій же историкъ современной міровой трагедіи — мы увѣрены — дастъ болѣе отрицательную характеристику Лильгельма II, чѣмъ это сдѣлали мы.

тивныхъ выступленій составлялось то справедливое убѣжденіе, что Вильгельмъ скрытый непріятель Англіи и Франціи. Кайзеру хотѣлось оправдаться и онъ искалъ повода для этого. Во время своего сѣвернаго путешествія (3-го августа 1906 года) Вильгельмъ встрѣчается съ французскимъ крейсеромъ и въ бесѣдѣ съ однимъ изъ офицеровъ объ антимилитаристическомъ движеніи во Франціи, выражаетъ свою скорбь по этому поводу и прибавляетъ: „Распространяютъ, будто германскій кайзеръ съ радостью принимаетъ эти вѣсти, дошедшія изъ Франціи. Большей ошибки не можетъ быть. Если, дѣйствительно, войско и флотъ Франціи будутъ дезорганизованы,—это яленіе скорѣе обезпокоить насъ. Анти-милитаризмъ—міровое зло". („Das persönliche Kegiment"; стр. 197).—Еще характернѣе слѣдующій фактъ. Въ 1908 г. Вильгельмомъ былъ принятъ сотрудникъ одного солиднаго англійскаго органа въ интервью, съ которымъ онъ высказалъ свои „дружескія" чувства къ Англіи такими словами. „Коварство и ложь чужды моей натурѣ; пусть факты говорятъ за себя. Но въ Англіи слышите только тѣхъ, которые коверкаютъ факты и не правильно освѣщаютъ. Я смотрю на это какъ на личное оскорбленіе. Эти вѣчно ложныя толкованія, ревнивое недовѣріе ко всѣмъ моимъ завѣреніямъ дружбы,—все это можетъ положить конецъ моему терпѣнію. Десять разъ я повторялъ, что *я другъ Англіи*, а между тѣмъ ваши газеты, если не всѣ, то въ большей части, требуютъ чтобъ англійскій народъ оттолкнулъ мою дружбу, и бросаютъ мнѣ оскорбленіе, заявляя, что, протягивая Англіи одну руку, въ другой я держу для нея кинжалъ. Какъ могу я переубѣдить въ этомъ англичанъ, если они не желаютъ мнѣ вѣрить. Повторяю *я—другъ Англіи*, но благодаря вамъ, журналистамъ, повторять это приходится мнѣ все труднѣе". („Вильгельмъ II" Пименова, стр. 38). Какъ правильно поняли Вильгельма англичане, несмотря на его лицемѣрныя, лживыя завѣренія!

Спрашивается въ какомъ изъ этихъ многочисленныхъ случаевъ Вильгельмъ искрененъ. Ни въ одномъ изъ нихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ руководствовался интересами момента. Всякій, умѣющій ловко играть, лгать и говорить неправду, считается моралистами нашего времени величайшимъ дипломатомъ.

Часть вторая.

Вооруженная и агрессивная Германія.

ГЛАВА I.

Политика вооруженій.

1.

Въ первой части нашего труда мы попытались дать общую характеристику идеологіи германскаго милитаризма и имперіализма. Это была *теоретическая часть*, заключавшая въ себѣ изложеніе идейнаго содержанія имперіалистическихъ тенденцій и боевого исповѣданія на родинѣ Вильгельма.

Столь же,—съ точки зрѣнія настоящаго момента быть можетъ еще болѣе—интересно познакомиться *съ практическимъ курсомъ* той господствующей политики, которая была сосредоточена вокругъ *военныхъ приготовленій Германіи*. Въ послѣдующихъ частяхъ предстоящая намъ задача заключается въ томъ, чтобы осязательными фактами изобразить: во первыхъ тотъ процессъ лихорадочнаго вооруженія, который пережила Германія на сушѣ и на морѣ въ царствованіе Вильгельма II; во-вторыхъ расточеніе тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя поглотило чудовищное развитіе милитаризма и маринизма и, наконецъ, въ третьихъ тѣ реальныя завоеванія колоніальной политики или имперіалистическихъ

стремленій, которыя сдѣланы Германіей за послѣднія десятилѣтія.

Здѣсь, однако, мы прежде всего должны познакомиться со специальными усиліями, сдѣланными въ области вооруженія Германіи. Въ предѣлахъ нашихъ наблюденій мы не можемъ удѣлить особаго мѣста тѣмъ, чисто дипломатическимъ комбинаціямъ въ междугосударственныхъ сношеніяхъ, которыми такъ богата исторія европейскаго политическаго концерта въ періодъ послѣднихъ десятилѣтій.

2.

«По всякому поводу правительства подчеркивали свои заботы о сохраненіи мира; они съ радостнымъ удовольствіемъ и торжественно объявляли себя готовыми всячески постараться избѣгнуть взрыва войны. Даже колоссальный военный аппаратъ, весь институтъ войска оправдываются какъ средства миролюбія и упорнаго желанія избѣжать войны». [1])

«Но можно ли оправдать этимъ гигантскія жертвы вооруженнаго мира?»—возражаетъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ противъ вышеупомянутыхъ доводовъ.—«Только неразумный можетъ утверждать, что эти вооруженія необходимы, потому что они дѣлаютъ войну невозможной, и что разоруженіе увеличиваетъ опасность войны. Неужели есть надобность сперва внушать культурнымъ людямъ страхъ передъ звѣрствами, а потомъ уже мѣшать имъ сдѣлаться звѣрями? Неужели разумъ не можетъ указать болѣе высокаго и правильнаго пути? Кромѣ того, искать въ вооруженномъ мірѣ единственнаго залога мира, значитъ отрицать сущность послѣдняго. Наоборотъ, *равновѣсіе вооруженій* не даетъ той гарантіи, которая, по теоріи сторонниковъ войны, должна бы была обусловливаться вооруженіями. Для державъ главное не въ томъ, чтобы быть сильными, а въ томъ только, *чтобы быть сильнѣе сосѣдей*. Этимъ именно объясняется постоянное соперничество въ вооруженіяхъ». [2])

Это мнѣніе одного изъ извѣстныхъ европейскихъ паци-

---

[1]) Alfred H. Fried, „Handbuch der Friedensbewegung". Вѣна и Лейпцигъ, 1905 г., стр. 15.

[2]) ibid, стр. 73.

фистовъ (родомъ нѣмца) даетъ вѣрную характеристику хода политики вооруженій въ отношеніи всѣхъ государствъ. Но онъ, какъ идеалистъ, затрудняется разоблачить *реальныя тенденціи* этихъ неустанныхъ вооруженій державъ; онъ какъ будто довѣряетъ громкимъ заявленіямъ представителей державъ относительно цѣли вооруженій и считаетъ нужнымъ съ своей стороны указать «болѣе высокіе и правильные пути» для сохраненія мира.

Между тѣмъ фактически эти громогласныя заявленія, — дѣлаются ли они премьеромъ, военнымъ и морскимъ министрами въ законодательныхъ учрежденіяхъ или главой страны въ его официальныхъ тостахъ,—представляютъ собою лишь удобнѣйшее средство, съ одной стороны *ввести въ заблужденіе и успокоить* населеніе собственной страны, дабы оно всегда было готово ко все новымъ и новымъ жертвамъ во имя вооруженій и откликалось на новые военные законопроекты, съ другой стороны—завѣрить внѣшній міръ, другія государства, что усиленіе военныхъ силъ новыми законопроектами отнюдь не является угрозой тому или иному государству, потому что эти вооруженія дѣлаются исключительно для обороны страны, а не для нападенія.

Это есть признанная политика, санкціонированная и всегда вѣнчающаяся успѣхомъ во всѣхъ безъ различія государствахъ, особенно въ великихъ державахъ, одержимыхъ лихорадкой соревнованія и маніей первенства или желанія превзойти другъ друга. Внутри страны огромное большинство населенія, ни на волосъ не заинтересованное въ лихорадочныхъ вооруженіяхъ, всегда обманывается и какъ *неразумный скотъ* подаетъ свой голосъ въ пользу классовой политики господствующаго и эксплоатирующаго меньшинства. А внѣшній міръ, сосѣднія государства не нуждаются въ успокоеніи, они не вѣрятъ искренности громкихъ словъ, потому что каждое изъ этихъ государствъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же обманнымъ средствамъ, каждое изъ нихъ старается обмануть другое, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что противникъ не обманывается, и съ своей стороны выступаетъ съ тѣми же ложными завѣреніями, имѣющими ввиду скрыть истинные мотивы своего вооруженія; одно государство слѣдуетъ за другимъ, одно откликается на другое и разрабаты-

ваетъ болѣе демонстративные законопроекты для увеличенія военныхъ силъ.

Есть одно государство, которое чаще всѣхъ обращалось въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ къ этимъ совершенно фальшивымъ и обманнымъ средствамъ,—это Германія. Развѣ существуетъ другое государство, глава и правительство котораго столь обильно произносили бы рѣчи о необходимости вооруженій Германіи во имя сохраненія мира, сколько произнесено рѣчей по различнымъ поводамъ германскимъ императоромъ и его канцлерами въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Эти quasi миролюбивыя рѣчи сверху такъ часты, что милитаристы типа генерала Бернгарди и ультра-милитаристскіе органы вродѣ «Die Post»,—болѣе откровенные и искренніе въ признаніи политическихъ цѣлей и военныхъ стремленій Германіи,—выражаютъ по этому поводу ропотъ и досаду, называя все это «Friedensschwärmerei» и „Friedensduselei". [1]) Но германскіе милитаристы напрасно думаютъ, что между ними и официальными представителями государства лежитъ большое разстояніе. Кайзеръ и канцлеръ желаютъ того же, что исповѣдуютъ и проповѣдуютъ патентованные идеологи милитаризма и имперіализма, съ той лишь разницей, что первые, въ видахъ осторожной тактики, прикрываютъ тонкимъ дипломатическимъ флеромъ агрессивныя цѣли вооруженій. Цѣлью всѣхъ ихъ является *боевое усиленіе Германіи, превосходство ея силъ надъ силами остальныхъ державъ, поступательное движеніе и завоеванія въ различныхъ частяхъ свѣта подготовленной съ ногъ до головы вооруженной Германіи.* Какъ господствую-

1) „Совершенно ошибочно,—пишетъ газета „Die Post",—объявляется постоянно усиленіе нашей арміи лишь средствомъ защиты отъ войны, постоянно подчеркиваютъ что сохраненіе мира считается самой существенной задачей государства, для выполненія которой не нужно останавливаться передъ жертвами; это не вѣрно, и не подабаетъ отравлять мысли народа ложными и малодушными представленіями". (См. „Die Post" 1913 г. отъ 25 апрѣля, статью подъ заглавіемъ „Die Wehrvorlage und die internationale Lage"). Въ этой статьѣ критикуется рѣчь Бетмана Гольвега въ защиту новаго военнаго законопроекта, сказанная въ рейхстагѣ. И нужно благодарить свободорѣчивый органъ юнкеровъ за то, что онъ безъ оговорокъ разоблачаетъ миролюбивыя завѣренія германскаго правительства, называя ихъ ложными, невѣрными, значитъ несоотвѣтствующими дѣйствительности. Органъ милитаристовъ считалъ положеніе Германіи въ военномъ отношеніи настолько прочнымъ и моментъ „Losschlagen" настолько назрѣвшимъ, что ему представлялась излишней логика софиста и фарисея.

щая идеологія черезъ своихъ различныхъ представителей съ безпримѣрнымъ усердіемъ старалась довести до совершенства культъ милитаризма въ германскомъ населеніи, такъ и правительство съ исключительной энергіей стремилось сдѣлать политику вооруженій центральной осью всѣхъ своихъ заботъ.

3.

Объединенная примѣненіемъ грубой силы и авторитетомъ Пруссіи, Германія должна была и впослѣдствіи пользоваться дѣйствіемъ тѣхъ же факторовъ, чтобы сохранить незыблемо свою цѣлость, прежде всего внутри въ корнѣ подавляя всякое возможное партикуляристическое и сепаратистическое движеніе, какъ въ западной (Эльзасъ-Лотарингія) и восточной (Польская Познань) окраинахъ, такъ и даже въ сѣверной (Шлезвигъ-Гольштинія) и южной (непокорная Баварія) частяхъ.

Однако, мощность, напряженность и подготовленность физической силы, какъ и гегемонія истинной носительницы режима «крови и желѣза» Пруссіи, были столь же, если не болѣе—необходимы не только для сохраненія пріобрѣтеннаго имперіей величія и первенствующаго положенія противъ внѣшняго міра, но и для активной политики въ грядущемъ на аренѣ мірового соперничества.

Успѣшно веденныя и съ блестящими побѣдами законченныя прусско-германскія войны—съ Даніей (1864 г.), съ Австріей (1866 г.) и затѣмъ съ Франціей (1870—1871 г.г.)— не только вознаградили новосозданную имперію очень крупными осязательными пріобрѣтеніями: національно - государственное объединеніе, территоріальные захваты, матеріальное обогащеніе (5 милліардовъ франковъ) и внушительное политическое вліяніе, но и вкоренили въ нѣмецкій народъ исключительныя традиціи насчетъ войны и ея идей. Война была провозглашена созидательнымъ, творческимъ факторомъ, возрождающей и обновляющей, объединяющей и сливающей силой, и даже источникомъ нравственныхъ добродѣтелей, который очищаетъ пороки и воспитываетъ національный духъ.

Мы уже видѣли въ первой части нашего труда, что цѣлое поколѣніе идеологовъ, главнымъ образомъ изъ прусскихъ и опрусаченныхъ мыслителей и дѣятелей, развило и довело до господства школу, которая вела пропаганду въ этомъ направленіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти традиціи и систематическая идеологическая проповѣдь подготовляли очень *благопріятную почву* для политики вооруженій въ Германіи. Имперское правительство во главѣ съ «желѣзнымъ канцлеромъ», въ свою очередь, держало себя очень гордо въ отношеніи населенія страны за увѣнчанную успѣхами внѣшнюю политику; съ другой стороны Германія, опиравшаяся на побѣдоносную армію, стала проявлять по отношенію къ внѣшнему міру большое высокомѣріе. Однако дипломатическому генію Бисмарка была слишкомъ чужда всякая авантюра, чтобы онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ состояніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній для обнаженія меча противъ другихъ государствъ. Изъ его замѣчательныхъ двухтомныхъ мемуаровъ ясно видно («Gedanken und Erinnerungen», особенно изъ 28/II и 29/III главъ второго тома—«Берлинскій конгрессъ» и «Тройственный союзъ»), что великій пруссакъ не потерялъ головы въ опьяненіи славой отъ внутреннихъ удачъ и внѣшнихъ побѣдъ. Напротивъ, онъ былъ серьезно озабоченъ и не жалѣлъ усилій для созданія такихъ надолго прочныхъ условій, въ которыхъ новосозданная имперія могла бы окрѣпнуть внутренно и оплодотворить пріобрѣтенные результаты.

Въ теченіе менѣе чѣмъ десятилѣтія Германія, вѣрнѣе—Пруссія пріобрѣла среди окружающихъ сосѣдей трехъ военныхъ враговъ: съ сѣвера—Данію, съ запада—Францію, съ юго-востока—Австрію. Со стороны своей восточной сосѣдки—колосса Россіи, Германія не могла ждать прежняго добрососѣдскаго отношенія, потому что ей *не было желательно чрезмѣрное усиленіе Германіи* въ средней Европѣ подъ гегемоніей Пруссіи. [1]). Столь же невозможно было разсчиты-

[1]) Когда въ 1875 г. Бисмаркъ думалъ о новомъ нашествіи на Францію съ цѣлью окончательно разгромить ее, Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Горчаковымъ поѣхали въ Берлинъ и принудили прекратить военныя приготовленія. А за пять лѣтъ до того, какъ извѣстно, та же Россія угро-

вать на доброжелательство Англіи. Мысль о возможной коалиціи враждебныхъ державъ стала кошмаромъ для Бисмарка. Онъ откровенно признается въ этомъ страхѣ въ своихъ мемуарахъ. «Если бы теперь,—говоритъ онъ,—составилась коалиція противъ Пруссіи по примѣру семилѣтней войны, составленная изъ Россіи, Франціи и Австріи, то она была бы гибельной для нашего существованія, а для нашего благосостоянія, въ случаѣ ихъ побѣды, это было бы гораздо убійственнѣе, чѣмъ въ то время».

Для предупрежденія подобной опасной группировки, Бисмаркъ напрягаетъ все свое дипломатическое Kunststück. Онъ совершенно не опасался ослабленной Франціи и особенно Австріи. Опасной противницей онъ считалъ Россію и былъ готовъ не упустить ни одного повода, для ослабленія Россіи. Въ этомъ причина того, что Бисмаркъ съ радостью присоединился къ рейхштатскому русско-австрійскому соглашенію (1876 г.), давъ возможность Россіи воевать съ Турціей. Этой политикой Бисмаркъ одновременно достигъ двухъ большихъ дипломатическихъ успѣховъ: съ одной стороны онъ ослабилъ Россію въ военномъ отношеніи, политически изолировалъ ее на берлинскомъ конгрессѣ (1878 г.), а съ другой стороны—обострилъ отношенія между Австріей и Россіей на почвѣ ближне-восточной политики и перебросилъ мостъ дружбы между Берлиномъ и Вѣной, тѣмъ самымъ разрушивъ мостъ, соединявшій Вѣну съ Петроградомъ.

Почва для австро-германскаго союза уже была готова. Въ слѣдующемъ 1879 г. заключается «оборонительный союзъ» между двумя германскими государствами; это, по Бисмарку, представляетъ фактъ publici juris, направленный прежде всего противъ Россіи, въ случаѣ нападенія съ ея стороны. О томъ, въ какой степени въ это время въ Германіи царило боевое настроеніе, направленное именно противъ Россіи, свидѣтельствуютъ демонстративныя слова Вильгельма I и одного прусскаго принца, сказанныя извѣстному русскому генералу Скобелеву, когда послѣдній прощался съ

зами удержала Австрію отъ нарушенія нейтралитета и тѣмъ дала возможность Пруссіи спокойно и вѣрно расчитаться съ Франціей. О русско-германскихъ отношеніяхъ изъ новѣйшихъ изданій, см. книжку В. Н. Бочкарева „Россія и Германія", Москва. 1914 г.

престарѣлымъ монархомъ послѣ маневровъ нѣмецкихъ войскъ. «Вы видѣли только два корпуса,—сказалъ Вильгельмъ I русскому генералу, но скажите Его Величеству, что всѣ пятнадцать сумѣютъ въ случаѣ надобности исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два». А прусскій принцъ какъ бы для того, чтобы дополнить слова императора, прибавляетъ слѣдующее, пожимая руку Скобелева: «Дѣлайте, что хотите, Австрія должна идти на Салоники». [1])

Этимъ подчеркивается солидарность интересовъ Австріи и Германіи на Ближнемъ Востокѣ и указывается та линія, которая отдѣляла Россію отъ ея двухъ соперницъ. Все больше и больше росъ антагонизмъ русско-германскихъ интересовъ и вліяній. Это обстоятельство нашло свое идейное выраженіе въ упорной борьбѣ пангерманизма съ панславизмомъ, а его *оффиціально-политическимъ* результатомъ были группировки великихъ европейскихъ державъ: съ одной стороны—тройственный союзъ (съ 1883 г.), составленный изъ Германіи, Австріи и Италіи, а съ другой стороны—двойственный (съ 1892 г.), составленный изъ Россіи и Франціи, основаніе къ сближенію которыхъ было положено еще въ 1891 г.

Такимъ образомъ, кошмаръ подавлявшій Бисмарка, разсѣялся въ началѣ 80-хъ годовъ. На этотъ разъ также побѣдилъ курсъ его внѣшней политики. Прошедшая сквозь горнило военныхъ «славъ» Германія не только не изолируется противъ коалиціи соперниковъ, какъ началѣ предполагалъ и чего боялся Бисмаркъ, но даже укрѣпляетъ свой *дипломатическій тылъ* союзомъ великими державами центральной Европы, [1]) и раньше всту-

[1]) В. Н. Бочкаревъ, „Россія и Германія", Москва, 1914 г. стр. 30.

[1]) Бисмаркъ не признавалъ того мнѣнія и въ случаѣ надобности старался опровергнуть его, что нѣмецкая политика стала искать союзниковъ съ агрессивной цѣлью. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ страстнымъ тономъ противъ распространеннаго въ Россіи по этому поводу мнѣнія. „Нужно имѣть столько глупости и лживости, сколько высказываютъ общественное мнѣніе и пресса въ Россіи, чтобы вѣрить и утверждать, что нѣмецкая политика, заключая оборонительный союзъ сперва съ Австріей, а потомъ съ Италіей, руководствовалась агрессивными тенденціями. Здѣсь лживость имѣетъ болѣе польско-французское происхожденіе, а глупость—русское". Этотъ паѳосъ ничего не говоритъ. Вѣрно только одно: Германія Бисмарка поторопилась заключеніемъ союза и предупредила возможныя неожиданности противогерманской коалиціи западнаго и восточнаго соперниковъ. Въ этой мѣрѣ и въ этомъ смыслѣ только этотъ союзъ былъ средствомъ защиты, пріобрѣтенной Германіей позиціи. Однако впослѣдствіи тотъ же союзъ развязалъ руки Германіи и далъ ей возможность играть ту роль въ ея міровой политикѣ, какую она въ дѣйствительности сыграла.

паетъ въ коалицію, чѣмъ ея враги съ запада и востока. Въ теченіе какихъ нибудь двухъ десятилѣтій (1864—1883 г.г.) крупные успѣхи Германіи — побѣдныя, прибыльныя войны, національно-государственное объединеніе и прочная дипломатическая позиція въ политическомъ концертѣ,—создаютъ для нея такое внушительное положеніе первенства въ центральной Европѣ, что каждый шагъ ея *активной политики* разсматривается какъ *опасная угроза* противникамъ.

4.

Однако бисмарковская политика Германіи не довольствовалась однѣми дипломатическими комбинаціями. Дипломатическіе успѣхи, какъ бы ни были они значительны, имѣютъ лишь условное значеніе въ предѣлахъ внѣшней политики. Ихъ крѣпкое обезпеченное состояніе и внушительное продолжительное вліяніе въ международныхъ сношеніяхъ необходимо обусловлены тѣми *матеріяльно-физическими реальными отношеніями*, которыми обладаетъ данное государство.

Для бисмарковской дипломатической мудрости это было элементарной истиной. Заключеніе тройственнаго союза было не завершеніемъ какого-либо курса, а только началомъ послѣдующей политики Германіи. Для того, чтобы сдѣлать безспорнымъ и прочнымъ то первенствующее положеніе, которое пріобрѣла Германія въ результатѣ франко-прусской войны, недостаточно было имѣть только крѣпкій дипломатическій тылъ. На родинѣ Бисмарка самыми главными факторами считались, какъ и нынѣ, подготовленность и вооруженность нѣмецкаго ойска съ ногъ до головы. Германія должна всегда быть, по ыра женію Бисмарка, въ роли «бодрствующаго стража», чтобы «ея порохъ всегда былъ сухъ, а мечъ — заостренъ». Боевое усиленіе Германіи было необходимо не только въ видахъ созданія новыхъ сильныхъ точекъ опоры для вліяній внѣшней политики имперіи — въ періоды мира, но и для того, чтобы быть въ силахъ встрѣтить неожиданныя катастрофы въ будущемъ. Франко-прусское столкновеніе было не послѣдней войной для удовлетворенія агрессивныхъ тенденцій новосозданной имперіи, а началомъ военныхъ нашествій современной Германіи.

Послѣ франкфуртскаго мира въ Германіи начались новыя военныя приготовленія. Въ крѣпости Шпандау кладется на храненіе солидный военный фондъ изъ милліардовъ полученныхъ отъ Франціи. Обновляется и вновь строится цѣлый рядъ значительныхъ крѣпостей въ западной и восточной частяхъ имперіи. Одновременно строятся многочисленные стратегическіе желѣзнодорожные пути. Въ 1874 г. рейхстагъ утвердилъ военный законопроектъ, предрѣшивъ размѣръ военнаго бюджета и контингентъ арміи мирнаго состава для послѣдующаго семилѣтія. Черезъ годъ появляется новый законъ о ландверѣ [1]).

Однако въ срединѣ 80-ыхъ годовъ дѣло вооруженій въ Германіи получаетъ еще болѣе сильный темпъ. Пропаганда реванша усилилась во Франціи, буланжизмъ временно обуялъ политическіе круги. Въ 1886 г. французскій парламентъ принялъ смѣлое рѣшеніе; утвердивъ такъ называемый «законъ Буланже», парламентъ французскую армію мирнаго состава довелъ до болѣе чѣмъ 500.000 человѣкъ, и это въ то время, кагда нѣмецкая армія равнялась 427,000, а русская—550.000. Бисмаркъ не торопился однимъ прыжкомъ превзойти французовъ; онъ въ послѣдующее семилѣтіе доводилъ количество нѣмецкихъ войскъ до 468.000, прибавивъ новымъ законопроектомъ 41.000 человекъ къ прежнимъ кадрамъ [1]). Но германское правительство нуждалось въ новыхъ военныхъ кредитахъ въ 1886—1888 г.г., а рейхстагъ упорствовалъ. Внушивъ населенію страхъ передъ якобы неизбѣжной войной съ Россіей и Франціей, правительство добилось своего, но не иначе какъ роспускомъ рейхстага. Лишь въ слѣдующихъ главахъ мы затронемъ процессъ послѣдовательнаго развитія сухопутныхъ и морскихъ силъ Германіи въ цифровыхъ данныхъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ ходомъ политики вооруженій.

Съ конца 80 и начала 90 годовъ темпъ военныхъ приготовленій чувствительно ускоряется. Уже не было престарѣлаго императора; удаленъ былъ также первый рейхсканцлеръ, правая рука стараго императора. На престолѣ сидѣлъ

---

[1]) Подробности см. у А. Лихтенберже, „Современная Германія“, перев. Н. Попова, Москва, 1914 г., стр. 140.

[1]) Цифровыя данныя см. въ изд. профессоровъ Оксфордскаго Университета. „Изъ-за чего мы воюемъ“. Петроградъ, 1915 г. стр. 37.

29 лѣтній Вильгельмъ, а Бисмарка замѣнилъ графъ Каприви. Такимъ образомъ кормило управленія попало въ руки новыхъ людей, которые скорѣе были послѣдовательными, неистовыми поклонниками военщины, чѣмъ осмотрительными и чуткими дипломатами. Къ этому прибавьте также политическое сближеніе между противниками Германіи. Союзъ Россіи съ Франціей получилъ симптоматическое значеніе для Германіи, которая не только не могла отнестись равнодушно къ совершившемуся факту, но и должна была вдвойнѣ напрячь свои усилія въ дѣлѣ систематическихъ приготовленій. Въ 1890 г. была преобразована германская артиллерія. Въ 1890—1893 г.г. вводится въ современномъ смыслѣ всеобщая воинская повинность и срокъ службы сокращается на одинъ годъ,—вмѣсто трехъ лѣтъ устанавливается два. Въ томъ же 1893 г. графъ Каприви новымъ законопроектомъ довелъ количество арміи мирнаго состава до 479,000 человѣкъ, а въ 1899 г. число это достигаетъ 495.000.

Съ конца 90 годовъ и съ начала нашего вѣка политика германскихъ вооруженій носитъ на себѣ *глубокую печать специфически-вильгельмовской эпохи.* До этого времени Германія была первокласснымъ милитаристическимъ государствомъ только на сушѣ. Морской подготовки у нея не было,— она стояла позади всѣхъ. Какъ знаемъ изъ ропота Вильгельма въ его рѣчахъ, «всѣ націи имѣютъ право гордиться своими военными кораблями, но только не нѣмцы».

Необычайный темпъ разносторонняго экономическаго развитія, въ частности обширный ростъ морской торговли, принудили имперское правительство обратить особое вниманіе на развитіе военно-морскихъ силъ. Мы знаемъ уже, что первокласснымъ идеологомъ этого новаго курса политики вооруженій и верховнымъ покровителемъ его проведенія былъ самъ Вильгельмъ II. *Новая политика требовала новыхъ жертвъ* отъ германскаго населенія, къ которымъ послѣднее не привыкло, потому упорствовало, — отсюда необходимость растолковать населенію, пріучить его къ мысли о новыхъ жертвахъ. Эта новая обязанность всеобщей пропаганды ложилась на сознательныхъ идеологовъ промышленной и торговой буржуазіи, и, дѣйствительно цѣлое поколѣніе съ рвеніемъ отдалось этому дѣлу. Одинъ изъ этихъ идеологовъ, крупный

представитель нѣмецкой экономической науки, Адольфъ Вагнеръ (профессоръ берлинскаго университета) дѣлаетъ слѣдующее весьма характерное признаніе о разсматриваемомъ періодѣ.

«Въ виду колоссальной сверхсилы (Uebermacht) англійскаго военнаго флота, гигантскаго усиленія французскаго, развитія русскаго и, хотя маленькихъ, но достаточныхъ для охраны Срециземныхъ береговъ флотовъ нашихъ союзницъ Италіи и Австріи, — мы нѣмцы также охотно могли бы оказать содѣйствіе морскому бюджету и усиленію нашихъ кораблей». Но нѣмецкій народъ,—жалуется нашъ профессоръ, «ненавидитъ налоги и повинности, и онъ обладаетъ этимъ качествомъ болѣе, чѣмъ какой либо другой великій народъ [1])». «Если мы. —пишетъ онъ далѣе,— сообразно съ нашими финансами, съ финансово-хозяйственной силой не приступимъ къ усиленію нашего флота, что такъ необходимо и является требованіемъ важнѣйшихъ національныхъ интересовъ, такъ кто же долженъ позаботиться объ этомъ? Мы можемъ и сможемъ, если есть надобность, и большее сдѣлать, напримѣръ, построить такой же сильный флотъ, какъ французскій» [2]).

Спустя два года этотъ старый, пламенный патріотъ обращается къ тому же вопросу въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ съ большими аппетитами. Онъ доволенъ организаціей сухопутныхъ силъ, жалуется только на отсталость морскихъ силъ.

«Безъ сильнаго флота, который могъ бы *внушать уваженіе и внимательное отношеніе* даже самой сильной морской державѣ или коалиціи среднеразрядныхъ морскихъ государствъ, мы нынѣ походимъ, не смотря на наши мощныя сухопутныя силы, на того человѣка, у котораго только одна рука для защиты и нападанія. Безъ сильнаго флота мы подвержены опасностямъ вражеской блокады, особенно въ нашихъ гаваняхъ Сѣвернаго моря. Безъ сильнаго флота наша національная честь не можетъ имѣть прочной защиты на земномъ шарѣ въ широкихъ границахъ нашихъ развертывающихся интере-

---

1) См. ст. Ад. Вагнера „Flotte und Finanzen“ въ журналѣ М, Гардена „Die Zuknnft“ 189• г., янв. № 14, стр.31.

2) Ibid, стр. 33.

совъ» [1]). И Вагнеръ убѣдительно проситъ своихъ соотечественниковъ послѣдовать примѣру Франціи и имѣть такой хотя бы флотъ, какъ французскій. «Франція давно уже позаботилась о созданіи сильнаго флота и много средствъ затратила на это. Имѣть германскій флотъ, равный французскому, можетъ и должно быть нашей цѣлью» [2]). Онъ завидуетъ готовности французовъ на жертвы и клеймитъ инертность своихъ соотечественниковъ. «Несмотря на то, что существованіе Франціи не подвергается такой опасности, какъ наше, все же она идетъ на финансовыя жертвы, для усиленія государства прибѣгаетъ къ займамъ или налогамъ. Это дѣлаетъ честь странѣ и народу и должно устыдить насъ, такъ какъ, не смотря на то, что мы гораздо меньше обременены, мы, при всякомъ требованіи во имя нашихъ военныхъ силъ, поднимаемъ бабій плачъ и ропотъ» [3]). Вагнеръ заключаетъ свою статью слѣдующей агитаціей пламеннаго патріота: «Каковы мы на сушѣ, такими же должны сдѣлаться на морѣ, чтобы могли въ 20 вѣкѣ сохранить, обезпечить и развить то, что 19 вѣкъ чудеснымъ образомъ оставилъ намъ въ наслѣдство,—политическое возрожденіе нашей націи, возстановленіе Германской имперіи, міровое экономическое положеніе въ рядахъ первоклассныхъ народовъ земного шара. Покажемте же мы, внуки, что исторія насъ кой чему научила и будемте жертвовать безропотно» [4]).

Мы намѣренно удѣлили столько мѣста словамъ знаменитаго финансиста, потому что они характернѣйшее выраженіе настроеній царившихъ въ правительственныхъ и буржуазно-партійныхъ кругахъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣковъ. Адольфъ Вагнеръ, ученый, удостоившійся личной дружбы и почестей со стороны Вильгельма II, отдалъ свой научный авторитетъ въ распоряженіе политики вооруженій, ведя неустанную устную и письменную пропаганду необходимости усиленія военнаго флота. Характерно то обстоятельство, что въ видѣ примѣра постоянно упоминалось тогда

[1]) См. „Handels—und Machtpolitik", сборникъ рѣчей и статей, изд. Г. Шмоллера, М. Зиринга, Ад. Вагнера. Штутгардтъ, 1900 г., ст. Вагнера: „Die Flottenverstärkung und unsere Finanzen" стр. 47, и слѣд.

[2]) Ibid, стр. 57.

[3]) Ibid, стр. 64.

[4]) Ibid, стр. 126.

усиленіе французскаго флота. Это дѣлалось, конечно, съ извѣстнымъ умысломъ; во первыхъ, чтобы легче возбудить патріотическія чувства германскаго народа, показавъ ему, какъ разбитая Германіей Франція лучше подготовлена на морѣ, чѣмъ побѣдная и усилившаяся Германія, а во-вторыхъ, чтобы убѣдить, кого слѣдуетъ, что Германія, какъ континентальное государство, способна въ финансовомъ отношеніи и заинтересована экономически и политически—подобно Франціи—наряду съ большими приготовленіями на сушѣ, развить также морскія крупныя силы. Опять таки характерно то, что въ 90 годахъ «идеаломъ» для германскаго флота выставлялся французскій, «имѣть такой хотя бы флотъ, какъ французскій», повидимому дальше не шли стремленія флотскихъ патріотовъ (Flottenpatrioten) Германіи.

Эта временная скромность германскихъ милитаристовъ и имперіалистовъ вполнѣ понятна. При восшествіи на престолъ Вильгельма II германскій флотъ имѣлъ очень жалкій составъ: кромѣ нѣсколькихъ крейсеровъ и подводныхъ лодокъ, онъ насчитывалъ еще 12 посредственныхъ военныхъ кораблей. Но даже въ то время личный составъ флота обладалъ превосходными качествами, какъ дисциплиной такъ и спеціальной подготовкой [1]).

Въ 90 годахъ идеологія «морского» милитаризма призваніе бороться противъ упорства рейхстага и «предразсудковъ» общества, которое нужно было примирить съ мыслью о необходимости новыхъ жертвъ. Въ такой періодъ, естественно, конечная цѣль морскихъ приготовленій и судостроительнаго соревнованія Германіи не могла идти дальше тогдашняго состоянія французскаго флота. Лишь въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій, начиная съ 1900 г., политика правительства Вильгельма и идеологія агрессивной буржуазіи выставляютъ идеальную цѣль военно-морского сопер-

[1]) Вотъ что пишетъ „Times“ о личномъ составѣ германскаго флота въ 1888 г. (15 окт.) „Нѣтъ теперь флота съ лучшимъ составомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, чѣмъ нѣмецкій. Офицеры, почти безъ исключеній, представляютъ собой людей высокаго научнаго образованія, первоклассныхъ моряковъ и образцово дисциплинированы. Нижніе чины имѣютъ отличную выправку, и хотя большинство ихъ не природные моряки и родомъ изъ удаленныхъ отъ моря провинцій, тѣмъ не менѣе, въ морскомъ смыслѣ, во всѣхъ они ни сколько не уступаютъ нашимъ матросамъ“.—См. Б Б. Жерве „Германія и ея морская сила“. Петроградъ, 1914 г., стр. 35.

ничества: шагъ за шагомъ слѣдовать за морскимъ владычествомъ Англіи.

5.

Въ 1897—98 г.г. начинается новый періодъ германскаго судостроительнаго дѣла. Во главѣ морского вѣдомства становиться извѣстный адмиралъ фонъ-Тирпицъ. Онъ представляетъ въ рейхстагъ и въ томъ же 1898 году проводитъ первый въ Германіи морской законопроектъ, согласно которому германскій флотъ долженъ былъ имѣть въ 1903 году слѣдующій составъ: 19 линейныхъ кораблей, 8 броненосцевъ береговой обороны и 30 легкихъ крейсеровъ; соотвѣтственно этому, конечно, увеличивается и личный составъ. Въ томъ же году учреждается извѣстная морская лига («Deutscher Flotten-Verein»), о которой мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Но это было лишь скромнымъ началомъ того будущаго, во имя котораго господствующая патентованная идеологія неустанно старалась подготовить благопріятную политическую ситуацію и сочувствующее общественное мнѣніе. Въ этомъ важномъ дѣлѣ пропаганды, какъ знаемъ уже, самымъ крупнымъ и авторитетнымъ идеологомъ является самъ императоръ Вильгельмъ. Еще не прошли предопредѣленныя закономъ шесть лѣтъ (до 1903 г.), а морское министерство уже вноситъ новый законопроектъ въ рейхстагъ въ 1900 году, которымъ фактически почти удваивается составъ нѣмецкаго флота. Это со стороны Англіи было признано косвенной угрозой по ея адресу, особенно въ такое время, когда Англія была занята войною противъ буровъ, обошедшейся ей такъ дорого. На критику соціалистическихъ депутатовъ оффиціально заявлялось со стороны германскаго правительства, «что Германія должна быть такъ сильна на морѣ, чтобы наиболѣе сильная держава не могла угрожать ей съ малѣйшей надеждой на успѣхъ» [1]). До выступленія Германіи морскими соперницами Англіи въ Европѣ (съ 1889 г.), считались Франція и Россія. Англійская теорія морской самообороны стояла, какъ извѣстно, на той точкѣ зрѣнія, что Англія всегда

[1]) См. Изд. англійскихъ профессоровъ „Изъ-за чего мы воюемъ“, стр. 44.

должна стоять на уровнѣ подготовленности «двухъ державъ». А теперь передъ Англіей встаетъ *новая морская соперница* и проявляетъ всѣ тенденціи сдѣлаться постепенно болѣе угрожающей, чѣмъ ея старыя соперницы. И начиная съ первыхъ годовъ нашего столѣтія Англія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за морской политикой Германіи. Она съ одной стороны старается изолировать послѣднюю на дипломатической почвѣ, а съ другой стороны, въ свою очередь, дѣлаетъ новыя приготовленія. «Какъ та, такъ и другая форма этой политики,—признаются сами англичане,—являлись отвѣтомъ на тѣ открытые *вызовы и угрозы* (со стороны Германіи), которые нельзя было оставить безъ вниманія» [1]).

Однако германскіе имперіалисты, въ свою очередь, иначе объясняли смыслъ новой интенсивной политики имперскаго правительства. «Проектъ новаго (морского) закона (1900 г.),— говоритъ Пауль Рорбахъ,—является только политическимъ выраженіемъ сильно измѣнившагося хозяйственнаго положенія» [2]). Если такъ, то значитъ, по мнѣнію германскаго имперіалиста, совершенно напрасно безпокойство Англіи. «Англійскіе руководящіе политики серьезно вѣрили въ такую невѣроятную и непонятную вещь, какъ агрессивные планы Германіи» [3]), говоритъ тотъ же Рорбахъ.

Націоналистъ часто грѣшитъ противъ элементарныхъ правилъ логики. Съ одной стороны Рорбахъ очень правильно замѣчаетъ, что морскія приготовленія Германіи суть политическое выраженіе ея измѣнившихся экономическихъ отношеній, а съ другой стороны—онъ не дѣлаетъ вывода, необходимо вытекающаго изъ его научно формулированнаго тезиса, фальшивымъ тономъ старается завѣсить истинныя намѣренія, читая противникамъ заповѣдь мира и спокойствія. И тутъ оправдываются слова Трейчке: патріотъ опровергаетъ и побѣждаетъ ученаго. Развитіе экономической жизни Германіи, въ частности чрезвычайно интенсивный расцвѣтъ ея заокеанской торговли сдѣлали жизненной потребностью вопросъ о соотвѣтственномъ развитіи военнаго флота. Въ такой странѣ, гдѣ

---

[1]) Ibid, стр. 26.

[2]) См. П. Рорбахъ „Война и германская политика", Москва, 1915 г. стр. 18.

[3]) Ibid, стр. 21.

промышленность только начинала *пролагать себѣ путь къ завладѣнію позиціи на міровомъ рынкѣ*, гдѣ капитализмъ только теперь долженъ былъ *сдѣлать колоніальныя пріобрѣтенія* для эксплоатаціи,—строящійся военный флотъ естественно могъ и долженъ былъ имѣть только *миссію захватовъ и завоеваній*, а значитъ, главнымъ образомъ, агрессивные планы прежде всего противъ той державы, въ рукахъ которой были сосредоточены какъ міровые рынки, такъ и крупнѣйшія колоніи. Англія въ такомъ смыслѣ понимала морскія приготовленія Германіи и имѣла основаніе понимать такъ.

Развивающаяся съ лихорадочной быстротой политика вооруженій Германіи, особенно съ перваго десятилѣтія настоящаго вѣка, направляла свои *агрессивныя стрѣлы* въ сторону великихъ соперницъ на морѣ и сушѣ, съ одной стороны—Англіи, а съ другой—Россіи и Франціи. Какъ бы Германія ни чувствовала на сушѣ свою подготовность и ни сознавала свое превосходство на континентѣ Европы, она все же должна была новыми военными законопроектами и новоизобрѣтенными чудесами Круппа пугать и обуздывать (im Zaume halten) двойственный союзъ, что-бы имѣть возможность съ другой стороны быстро и напряженными силами осуществить свою грандіозную программу морскихъ вооруженій. Каждый активный шагъ берлинскихъ политиковъ въ томъ или иномъ направленіи разсматривался со стороны какъ угрожающій вызовъ и давалъ поводъ соперницамъ къ новымъ приготовленіямъ. Примѣръ германскихъ вооруженій и лозунгъ «нѣмецкая опасность» были самыми крупными и сильными аргументами самооправданія для англійскаго, французскаго и русскаго правительствъ, когда послѣднія тоже выступали съ новыми военными и морскими законопроектами. Эта постоянно увеличивавшаяся, все болѣе и болѣе угрожающая опасность, естественно, подготовила почву для созданія тройственнаго согласія. Англія, укрѣпивъ свой тылъ союзомъ съ Японіей, уладила спорные колоніальные вопросы съ Франціей (1904 г.) и Россіей (1907 г.) и вступила въ европейскій политическій концертъ въ дружбѣ съ ними, стараясь все болѣе и болѣе изолировать Германію. Съ своей стороны Германія сочла за угрозу самый фактъ существованія тройственнаго согласія,

направленнаго исключительно противъ нея. Германія убѣдилась во время марокскаго конфликта (1905 и 1911 г.г.) болѣе, чѣмъ когда-либо, что «блестящее изолированіе» Германіи, достигнутое дипломатическими ударами, есть извѣстный курсъ, рекомендованный англійскими рецептами, которому систематически слѣдуетъ тройственное согласіе. Это явленіе не только ускорило въ чрезвычайной степени военныя приготовленія оффиціальной Германіи, но и послужило поводомъ для милитаристовъ и имперіалистовъ начать ядовитый, порывистый, провокаціонный походъ противъ отдѣльныхъ членовъ тройственнаго согласія, чѣмъ подготовлялось боевое настроеніе въ Германіи и внушалась нѣмецкому народу мысль, что война для Германіи неизбѣжна, и притомъ на нѣсколькихъ фронтахъ. Мы уже познакомились съ формами этого похода въ первой части нашего труда.

6.

До 1905 г. французское войско мирнаго состава (500.000 человѣкъ, по «закону Буланже») превосходило нѣмецкое (495.000 чел.) только на 5000 человѣкъ. Въ упомянутомъ году нѣмецкое правительство новымъ военнымъ законопроектомъ доводитъ составъ арміи до 505.000 ч., оправдываясь тѣмъ, что французская армія до этого превосходила нѣмецкую. Это увеличеніе со стороны Франціи было принято какъ новый вызовъ, особенно въ періодъ марокскаго конфликта. Въ отвѣтъ на новое увеличеніе Германіи, французскій сенатъ выпускаетъ въ томъ же 1905 году новый законъ, отвергнувъ всѣ смягчающія измѣненія, сдѣланныя парламентомъ.

Однако энергія соревнованія со стороны Франціи была напрасна. Франція, если бы даже желала, не могла бы шагъ за шагомъ слѣдовать за прусско-германской политикой на почвѣ соперничества вооруженій. Какъ чрезвычайно медленное приращеніе народонаселенія, и слабое развитіе промышленной техники, такъ и демократическій строй народнаго представительства — сдѣлали невозможнымъ для Франціи столь быстрое движеніе въ военныхъ приготовленіяхъ. Всѣ усилія французскаго правительства насчетъ увеличенія состава арміи имѣли тотъ результатъ, что оно съ 1886 г. до 1912 г. едва

смогло увеличить армію мирнаго состава до 545.000 челов. (въ томъ числѣ находящееся во Франціи колоніальное войско въ 28,000 ч.), что даетъ увеличеніе лишь въ 45,000 чел., въ теченіе 26 лѣтъ; количество арміи въ военное время доходило до 4.000.000. Между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ времени нѣмецкая армія дошла до 800.000 чел. въ мирное время и 5.400.000 чел. во время войны, т. е. имѣла гигантское приращеніе въ 373.000 чел. или въ 87,35%, въ то время какъ относительный приростъ французской арміи равнялся въ 8,10%.

Новый нѣмецкій военный законъ 1912 г. былъ громкимъ отвѣтомъ и таинственнымъ сигналомъ предостереженія по адресу двухъ сухопутныхъ противницъ Германіи, направленнымъ прежде всего противъ Франціи въ отвѣтъ на понесенное дипломатическое пораженіе въ мароккскомъ конфликтѣ (1911 г,) и затѣмъ противъ Россіи, какъ предостереженіе за ея позицію въ сербскомъ вопросѣ (австро-сербскій конфликтъ). «Германія твердо рѣшила не позволить оттолкнуть себя въ сторону»[1]). —Эту характерную фразу произнесъ въ своей защитительной рѣчи Бетманъ-Гольвегъ по поводу военнаго законопроекта.

Совершенно такое же соперничество существовало между Германіей и Англіей на морѣ. О зарожденіи этого явленія мы уже говорили. Какъ на сушѣ, такъ и на морѣ *первый шагъ* къ приготовленіямъ сдѣлала Германія, съ одной только разницей. На сушѣ родина Вильгельма сознала свою мощь и вполнѣ полагалась на свои силы противъ каждаго изъ противниковъ въ отдѣльности, но стремилась довести степень превосходства до того, чтобы имѣть возможность вести наступательную войну на континентѣ «на нѣсколько фронтовъ». Иное на морѣ. Здѣсь Англія безусловно превосходитъ Германію благодаря своимъ долголѣтнимъ приготовленіямъ. Сухопутная держава, хотя бы то была Германія, не могла имѣть шансы фактической возможности когда либо превзойти царицу морей. Германія, будучи первой на сушѣ, не довольствовалась ролью второй на морѣ, а шагъ за шагомъ слѣдуя за Англіей, вырабатывала новыя грандіозныя морскія программы, стремясь

---

[1]) „Изъ за чего мы воюемъ“, стр. 40.

достичь степени англійской подготовленности. А если какое либо государство займетъ первоклассное мѣсто *и на сушѣ и на морѣ,* то значитъ его положеніе представляетъ *первоклассную угрозу* для всѣхъ его соперниковъ.

Такъ и понимала Англія секретъ необычайныхъ приготовленій своей новой опасной противницы. Сила Англіи и счастіе ея существованія заключается въ ея морскомъ положеніи. Для государства, армія котораго въ мирное время не превышала 250.000 ч., въ которомъ не проведенъ принципъ обязательной воинской повинности,—для такого государства вопросъ о морскомъ превосходствѣ естественно долженъ имѣть значеніе вопроса жизми и смерти. Вотъ почему морская политика Англіи рѣшила на каждую новую програму Германіи отвѣчать вдвойнѣ широкой программой.

Англія (впервые въ 1905 г.) приступила къ усовершенствованію типа военныхъ кораблей: стала строить дредноуты. Это судно новаго типа по быстроходности и силѣ обладаетъ большими преимуществами противъ старыхъ (одинъ дредноутъ по силѣ равенъ тремъ старымъ броненосцамъ), однако оно обходится страшно дорого. Англія вѣроятно разсчитывала на то, что этими новыми усовершенствованіями она разобьетъ планы морской политики Германіи. Но, наоборотъ, этотъ новый англійскій курсъ былъ вполнѣ желателенъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. Вѣдь благодаря дредноутамъ судна стараго типа по большей части обезцѣниваются и для обѣихъ сторонъ; принявъ новый англійскій курсъ (черезъ три года послѣ Англіи—съ 1908 г.), Германія могла бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе слѣдовать за Англіей, чѣмъ суднами стараго типа, которыми Англія превосходила Германію. Вотъ какое признаніе дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ германскій имперіалистъ. До постройки дредноутовъ, «Англія обладала безусловнымъ многократнымъ превосходствомъ надъ германскимъ флотомъ. Для того, чтобы догнать ее въ этомъ отношеніи, съ нашей стороны потребовались бы невѣроятныя усилія, которымъ Англія въ свою очередь могла бы или противопоставить повышенныя затраты на флотъ или рѣшиться на борьбу, пока она еще располагала безспорнымъ перевѣсомъ силъ. Однако, если бы одновременно съ постройкой первыхъ англійскихъ дредноутовъ Германія въ свою очередь создала себѣ флотъ этихъ броне-

носцевъ-гигантовъ, то она могла по численности новаго флота гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, приблизиться къ Англіи, между тѣмъ, какъ старыя суда для обѣихъ сторонъ въ сильной степени утратили-бы свое значеніе, что, очевидно, было гораздо чувствительнѣе для Англіи, чѣмъ для Германіи» [1]).

Это открытое признаніе Рорбарха не лишено основанія. Несмотря на то, что флотъ новаго типа требовалъ страшныхъ расходовъ,—Германія, которой и безъ того такъ дорого обходится сухопутный милитаризмъ, не остановилась передъ жертвами. Новыя приготовленія требовали отъ Германіи затратъ сотенъ милліоновъ только на Кильскій каналъ и перестройку многочисленныхъ гаваней. И все же, новая судостроительная программа осуществилась въ Германіи успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. По Рорбаху теперь (1914 г.) соотношеніе крупныхъ военныхъ кораблей Германіи и Аглліи можно выразить, какъ 10 : 16. И германскій имперіалистъ, видимо, настолько доволенъ политикой строительства этихъ кораблей новаго типа, что онъ этотъ опытъ Англіи считаетъ столь же ошибочнымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, какъ уступка ею Германіи Гельголанда (1890 г.).

Нужно сознаться, что Рорбахъ не преувеличиваетъ успѣховъ нѣмецкой судостроительной политики. Это признаютъ сами англичане. «Въ 1909 г.,—говорятъ англійскіе профессора,—наша страна открыла, что въ отношеніи линейныхъ кораблей, которые теперь стали разсматриваться, какъ рѣшающій факторъ въ морской войнѣ, Германія, дѣйствительно, будетъ превосходить Англію въ 1914 г., если не будутъ приняты особыя мѣры» [2]).

Это былъ рѣшительный моментъ судостроительнаго соперничества (начиная съ 1908 года), которое такъ тревожило Англію. Всѣ предложенія о прекращеніи дальнѣйшаго увеличенія вооруженія, сдѣланныя ею Германіи, какъ мы увидимъ послѣ, проходятъ безрезультатно. Англія увеличиваетъ бюджетъ морского министерства. Германія отвѣчаетъ на это новымъ

[1]) П. Рорбахъ. „Война и германская политика", Москва, 1915 года, стр. 41—42.
[2]) „Изъ за чего мы воюемъ". Стр. 45.

закономъ 1912 г., по которому на шесть лѣтъ подрядъ ассигнуется на судостроеніе специальная сумма въ 1.000.000 фунтовъ стерлинговъе жегодно, благодаря чему почти 4/5 германскаго флота постоянно были въ боевой готовности. Англія выступила противъ Германіи съ угрозой, что если послѣдняя ускоритъ осуществленіе новаго судостроительнаго плана, то она, Англія, приступитъ къ постройкѣ двойного количества судовъ. У Германіи не было уже какого-либо страха. Она на англійскія угрозы отвѣчала своеобразной угрозой, вырабатывая новыя и новыя программы морского усиленія.

Итакъ, та самая Германія, которая въ лицѣ такихъ «морскихъ патріотовъ», какъ напримѣръ, Ад. Вагнеръ, всего только 15—17 лѣтъ тому назадъ (1898—900 г.г.), мечтала, какъ мы видѣли, о томъ, чтобы имѣть флотъ, равный французскому,— теперь далеко опередила всѣ континентальныя государства своею морскою подготовленностью и шагъ за шагомъ угрожающе слѣдовала за самой гигантской морской силой. У поколѣнія, слѣдующаго за Вагнерами, у патріотовъ рорбаховскаго типа, аппетиты гораздо болѣе возбуждены; они свысока смотрятъ на морскую силу Франціи; ихъ конечная цѣль—англійскій флотъ, съ которымъ и надо конкурировать силы котораго нужно достичь. Какъ неоснователенъ взглядъ Вагнера по вопросу о *сравнительной готовности* французскаго и нѣмецкаго народовъ *жертвовать* на дѣло вооруженій? Онъ примѣромъ ставилъ нѣмцамъ «морской» патріотизмъ французскаго народа и призывалъ слѣдовать ему. Теперь мы видимъ противоположное соотношеніе; французскіе патріоты должны теперь завидовать нѣмецкому народу и брать съ него примѣръ [1]). Однако, въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ вопроса о патріотизмѣ или жертвахъ. Различіе какъ раньше, такъ и нынѣ—обусловлено лишь степенью развитія *экономическихъ отношеній* въ данные періоды. Отно-

[1]) Французы, въ свою очередь, жалуются на то, что они очень отстали въ морскихъ вооруженіяхъ. „Le Iacht“ утверждаетъ, что французскій военный флотъ больше уже не считается „первокласснымъ“. Chaumet жалуется, что французскій флотъ отброшенъ съ занятаго имъ второго мѣста (послѣ англійскаго). Всѣ эти намеки заключаютъ въ себѣ скрытую зависть противъ германскаго флота. Подробности см. въ статьѣ извѣстнаго нѣмецкаго военнаго писателя Persius—а подъ заглавіемъ „Die französische Flotte“ въ журналѣ генерала Кайма — „Die Iahrbücher für die deutsche Armee und Marine“ 1911 г. т. II, № 478, стр. 41.

шеніе нѣмецкаго народа, вѣрнѣе, его господствующихъ классовъ къ вопросу о морскихъ вооруженіяхъ, соотвѣтствовало той ступени развитія, на которой находился германскій капитализмъ въ концѣ 90-ыхъ годовъ. Выразителемъ недовольства по поводу неблагопріятныхъ настроеній этого періода былъ Вагнеръ. Во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка это отношеніе мѣняется. Тотъ же нѣмецкій народъ, особенно его господствующіе классы такъ воодушевлены дѣломъ морскихъ вооруженій, проявляютъ такую готовность на новыя жертвы, что самодовольный выразитель этихъ благопріятныхъ настроеній, Рорбахъ, удивляется, уязвленный въ своемъ націоналномъ самолюбіи, что въ Англіи думаютъ. будто германскій народъ откажетъ въ кредитахъ правительству на новыя усовершенствованія во флотѣ [1]). Рорбахъ былъ самымъ новѣйшимъ идеологомъ —широко развившихся экспортъ-индустріализма и экспортъ-капитилизма, для которыхъ были необходимы морскія вооруженія въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ.

7.

До сихъ поръ мы лишь въ общихъ чертахъ представили ходъ политики вооруженій. Фактическую величину вооруженныхъ, силъ съ ихъ физической и матеріальной стороны, мы разсмотримъ въ главахъ слѣдующей части нашего труда. Однако не можемъ считать исчерпаннымъ вопросъ о вооруженіяхъ, не остановившись особенно на 1913 годѣ. Этотъ годъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ, такъ что заслуживаетъ особеннаго вниманія.

---

[1]) Очень характерно признаніе генерала фонъ-Бернгарди относительно готовности германскаго народа приносить новыя матеріальныя жертвы для вооруженія. Въ предисловіи (написано въ февралѣ 1913 г.) къ шестому изданію своего извѣстнаго труда—„Deutschland und der nächste Krieg“—онъ говоритъ слѣдующее: „Если въ предисловіи (написанномъ въ октябрѣ 1911 г.) къ первому изданію (вышедшему въ 1912 г.) я долженъ былъ выразить сомнѣніе въ томъ, будетъ-ли германскій народъ готовъ принести тѣ денежныя жертвы, которыя требуются для полной реорганизаціи войска, то *теперь это сомнѣніе исчезло безслѣдно*“. Почему? Потому, что „въ общественномъ мнѣніи Германіи произошелъ сильный переворотъ“. (Bernhardi „Deutschland und der nächste Krieg“, 6-ое изд., 1913. стр. VII). Это опять-таки яркое доказательство того, какимъ образомъ было приподнято военное настроеніе Германіи именно въ 1913 г.

Онъ былъ прежде всего самымъ опаснымъ періодомъ балканскаго кризиса, когда рядъ вопросовъ общеевропейскаго характера, возбужденныхъ ходомъ войны, развили *грозные моменты* на аренѣ соперничества великихъ державъ и чрезвычайно обострили ихъ отношенія. Въ этомъ году лихорадка вооруженій была всеобща, военные законопроекты—экстраординарны.

Во-вторыхъ, 1913-й годъ знаменателенъ своимъ историко-хронологическимъ значеніемъ съ той точки зрѣнія, что онъ заключаетъ столѣтній періодъ общеевропейскаго мира (начиная съ трагическаго конца наполеоновскихъ нашествій), является *послѣднимъ годомъ* этого мира и вмѣстѣ съ тѣмъ прологомъ теперешней общеевропейской трагедіи, благодаря повсюду возбужденнымъ боевымъ настроеніямъ.

Вотъ почему 1913-й годъ достоенъ особеннаго вниманія. Однако кромѣ этого общаго значенія, годъ этотъ имѣетъ также спеціальное значеніе для той страны, развитію боевыхъ силъ которой посвященъ нашъ трудъ. 1913-й годъ былъ датой пышнаго торжества по случаю столѣтняго юбилея освобожденія германскихъ народовъ (1813 г.). Для такой чисто милитаристической страны, какъ Германія, это празднество освободительнаго юбилея должно было имѣть прежде всего *значеніе боевой славы*. Вѣдь въ этой странѣ въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія со всей тщательностью сохраняются, лелѣются и передаются традиціи военной славы прошлаго, раскрашенныя пышнѣйшими легендами.

Но еще одно обстоятельство придало особый блескъ 1913 году въ Германіи. Это 25-тилѣтній юбилей правленія Вильгельма II, о чемъ у насъ была рѣчь въ другой связи. Германскій юнкертумъ и бюргертумъ могли праздновать и славить своего императора главнымъ образомъ или почти исключительно—какъ верховнаго представителя милитаризма и имперіализма. Такимъ образомъ празднованіе этого 25-ти лѣтняго юбилея также стало поводомъ для возбужденія настроеній и боевыхъ инстинктовъ въ Германіи.

Вотъ рядъ моментовъ, благопріятное стеченіе которыхъ подготовило желанную почву для военной политики Германіи въ 1913 году. Имперское правительство легко смогло

использовать, съ одной стороны, обусловленную результатами балканской войны *новую внѣшне-политическую ситуацію*, а съ другой стороны—*филистерскій* патріотизмъ германскаго народа, вызванный торжественными празднествами по поводу 100-лѣтняго и 25-тилѣтняго юбилеевъ. Моментъ былъ до того благопріятенъ, что фонъ-Бетманъ-Гольвегъ счелъ возможнымъ внести въ рейхстагъ законопроектъ, требовавшій небывалыхъ до того жертвъ. Въ иныхъ условіяхъ этотъ законопроектъ могъ провалиться или, по крайней мѣрѣ, подвергнуться измѣненіямъ и тѣмъ, можетъ быть, дать поводъ къ роспуску рейхстага, какъ то произошло въ 1907 году. На этотъ же разъ, всѣ буржуазныя партіи, за исключеніемъ соціалъ-демократической фракціи, подали голосъ за правительственный законопроектъ, начиная съ крайнихъ консерваторовъ и католическаго центра и кончая «рѣшительными» либералами. Въ созданіи этой благопріятной ситуаціи немаловажную роль сыграли также алармистскія свѣдѣнія націоналистическихъ органовъ печати и умышленныя провокаціи профессіональныхъ демагоговъ противъ сосѣднихъ великихъ державъ, какъ мы видѣли въ отдѣлѣ, посвященномъ господствующей милитаристической и имперіалистической идеологіи. Каковъ этотъ новый военный законопроектъ и какими фактами старалось германское правительство обосновать его необходимость? Законопроектъ предлагалъ увеличеніе арміи мирнаго состава не болѣе не менѣе какъ на 136,000 чел., для чего требовалось отъ рейхстага ассигнованіе правительству колоссальной суммы въ 1 милліардъ 300 милліоновъ марокъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1913, 1914 и 1915 г.г.). Выступить передъ народнымъ представительствомъ три года подрядъ (1911, 1912 и 1913) съ законопроектами одинъ другого сложнѣе и обременительнѣе и абсолютнымъ большинствомъ голосовъ сдѣлать ихъ законами,—это возможно только для германскаго правительства и въ германскомъ рейхстагѣ. О томъ, каковъ былъ составъ высшаго офицерскаго персонала въ связи съ требовавшимся увеличеніемъ, даютъ представленіе слѣдующія данныя (сравнительныя цифры изъ законопроектовъ 1912 и 1913 г.г.).

	Законопроектъ 1912 года требовалъ:	Законопроектъ 1913 г. требовалъ:
Генераловъ	25	27
Полковыхъ командировъ.	11	33
Штабъ-офицеровъ . . .	262	589
Капитановъ и ротмистровъ . . . . ,	422	890
Оберъ - лейтенантовъ и лейтенантовъ	582	1935 [1])

Въ теченіе двухъ лѣтъ одна только каста нѣмецкихъ высшихъ офицеровъ (Offizierskaste) обогатилась 4776 новыми членами [2]).

Что же принудило правительство Вильгельма внести въ рейхстагъ такъ спѣшно подобный законопроектъ.

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ имперскимъ канцлеромъ и военнымъ министромъ (въ засѣданіи рейхстага 7-го апр. 1913 г.) въ защиту законопроекта, особенно подчеркиваются два основныхъ момента, которые якобы даютъ поводъ Германіи ускорить дѣло вооруженій. Это, по мнѣнію Бетмана-Гольвега, «перемѣна военной и политической ситуаціи» на Балканахъ, и, какъ слѣдствіе войны, «усилившееся теченіе панславистскаго движенія». «Если когда нибудь суждено,—говоритъ канцлеръ,—столкнуться славянскимъ и германскимъ народамъ, то тогда намъ невыгодно то обстоятельство что территорія, занятая до сихъ поръ европейской Турціей, нынѣ захвачена славянскими государствами». «Русскимъ государственнымъ дѣятелямъ также хорошо извѣстно, какъ и намъ, что панславистскія теченія, на которыя жаловался еще Бисмаркъ и которыя его еще тревожили, въ очень сильной степени разрослись, благодаря побѣдѣ балканскихъ государствъ. Болгарскія побѣды празднуются панславистами какъ побѣда славянской идеи надъ германской». «Въ Россіи идетъ такая организація арміи, которой не было до сихъ поръ».

---

[1]) См. „Vorwärts" 1913 г. № 76, 2 апр.

[2]) „Vorwärts" въ томъ же номерѣ говоритъ по этому поводу: „Очень важнымъ основаніемъ, офиціально скрываемымъ, для колоссальнаго увеличенія германскихъ вооруженныхъ силъ, является стремленіе дать кастѣ офицеровъ новыя блага, повышая ихъ чинами. Съ какой стати буржуазнымъ партіямъ возражать противъ этого, когда офицеры происходятъ изъ тѣхъ круговъ, которые задаютъ тонъ этимъ партіямъ.

«Вотъ какая новая военно-политическая ситуація создана на континентѣ Европы. Теперь, когда произошла подобная перемѣна, мы были бы безсовѣстными, если бы не сдѣлали изъ этого нужныхъ выводовъ». [1])

Это первый моментъ, доказывающій необходимость законопроекта. Второй моментъ, который будто заставляетъ Германію остерегаться, это усиленіе вооруженій Франціи.

«Шовинистическіе элементы по ту сторону Вогезовъ направили противъ насъ свои стрѣлы. Пораженія турокъ при Кир-Килисэ и Люле-Бургасѣ съ точки зрѣнія французовъ считаются нѣмецкими пораженіями, побѣдой французскихъ инструкторовъ надъ Германіей. Французы стремятся если не превзойти насъ, то догнать, опираясь съ одной стороны на союзъ съ Россіей, съ другой стороны, быть можетъ, надѣясь на помощь Англіи. Франція теперь хочетъ ввести законъ о трехлѣтней службѣ, чтобы усилить свою мощь въ военномъ отношеніи» [2]).

Дальше? Гдѣ-жъ kurzer Sinn langer Rede? Первый чиновникъ германской имперіи сообщаетъ также истинный смыслъ своей длинной рѣчи.

«Никто,—говоритъ канцлеръ, не можетъ поручиться, что не будетъ войны. Насколько можетъ позволить человѣческая дальновидность, можно сказать, что въ случаѣ европейской войны мы должны вмѣшаться. Никто не можетъ утверждать, что мы достаточно сильны и готовы къ подобной войнѣ. *Мы обязаны быть гораздо болѣе сильными.* Мы предлагаемъ военный законопроектъ не потому, что мы хотимъ войны, а потому что хотимъ мира (sic!), и если будетъ война, то мы желаемъ быть стороной побѣждающей». «Прошу оставить въ сторонѣ всѣ затрудненія,—заключаетъ канцлеръ свою рѣчь,—и не забывать слѣдующаго: если кто-нибудь будетъ угрожать нашимъ жилищамъ, то мы готовы до послѣдняго человѣка подняться на ноги». [3])

Обычай, говорить на такомъ языкѣ, принадлежитъ къ исконнымъ традиціямъ германской политики вооруженій. Въ

---

[1]) Стенографическія подробности засѣданія рейхстага приведены въ „Vorwärts“, № 82, отъ 8-го апр. 1913 г.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

какой бы ни было періодъ, при всякихъ условіяхъ, кто бы ни былъ канцлеромъ вмѣсто фонъ-Бетмана-Гольвега, все равно; для того, чтобы ввести въ заблужденіе филистеровъ бюргеровъ и Михелей — совѣтчикъ Вильгельма долженъ изображать печальныя, опасныя картины на черномъ фонѣ и выставлять тяжелую заботу защиты дорогого фатерланда. Эта воображаемая опасность угрожаетъ со стороны Англіи, если законопроектъ относится къ дѣлу развитія морскихъ силъ, и съ запада и востока (Франція и Россія), когда законопроектъ касается вопроса усиленія сухопутныхъ силъ. И такъ безъ конца. Въ каждомъ данномъ случаѣ представители германскаго правительства приноравливаютъ свои «обоснованія» къ господствующему моменту и характеру законопроекта.

А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой опасности, направленной противъ «жилища» нѣмцевъ, ихъ національной самостоятельности или существованія государства. Никто иной, какъ самъ офиціальный выразитель господствующаго курса, канцлеръ, подчеркнулъ въ той же своей рѣчи, что Германія находится въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ великими сосѣдами востока и запада. Отношенія съ Россіей «дружественны», [1]) съ Франціей — «хороши», съ Англіей — тоже «хороши» [2]).

Значитъ Triple-Entante или какой нибудь его членъ не угрожали въ дѣйствительности германскому фатерланду агрессивной политикой. Слѣдовательно, германскія перманентныя вооруженія не вытекаютъ изъ естественныхъ стимуловъ государственнаго сохраненія или *національной самозащиты*.

---

[1]) „Наши отношенія съ великой славянской сосѣдкой нашей, Россіей, дружественны (аплодисменты справа). Я не нахожу противорѣчія непосредственныхъ интересовъ между Германіей и Россіей. Германія и Россія безъ треній могутъ работать надъ экономическимъ и культурнымъ усиленіемъ своимъ. Одни расовыя противорѣчія не могутъ вызвать войну между нами и Россіею".

[2]) Тѣ же завѣренія дѣлаетъ канцлеръ и въ отношеніи Англіи: „Всѣ мы знаемъ тѣ слова, которыми Асквитъ и сэръ Эдуардъ Грей характеризовали англо-германскія отношенія. То утвержденіе, что эти отношенія теперь хороши, я могу только подтвердить и радъ, что я дѣлаю это". Далѣе канцлеръ подчеркиваетъ, что Европа, вмѣстѣ съ ней и Германія, обязаны и благодарны англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, который смогъ „съ необычайной энергіей и въ духѣ мира руководить Лондонской мирной конференціей" (по поводу балканской войны).

а являются исключительно продуктомъ агрессивныхъ тенденцій имперіалистической политики. Именно въ этомъ направленіи и подвергла критикѣ соціалъ-демократическая фракція рѣчи Бетмана-Гольвега и военнаго министра фонъ-Гееринга, пославъ на трибуну лучшихъ своихъ ораторовъ. [1])

Какъ думала и разсуждала соціалъ-демократическая фракція за годъ до войны объ офиціальной политикѣ своей родины. Имѣя въ виду всѣмъ извѣстную позицію фракціи въ періодъ войны, начиная съ перваго военнаго кредита (1914 г., 4-го августа), мы думаемъ, что очень интересно хоть въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ точкой зрѣнія, которой придерживалась фракція относительно сущности Вильгельмъ-Бетмановской политики въ 1913 году.

Предсѣдатель соціалъ-демократическаго центральнаго комитета и фракціи, Гаазе, прежде всего разоблачаетъ скрытыя тенденціи правительственныхъ «обоснованій» при разсмотрѣніи всякаго военнаго законопроекта, все равно, будетъ ли требованіе увеличенія въ 10.000 ч. или въ 136,000 чел. — всегда тѣ же фантастическія описанія небывалыхъ опасностей, та же націоналистическая фразеологія. При разсмотрѣніи законопроекта 1911 года военный министръ сказалъ: „Съ принятіемъ этого законопроекта можно гарантировать безопасность государства. А въ 1912 году имперскій канцлеръ въ своемъ объясненіи по поводу законопроекта того же года высказалъ мысль, что Германія уже готова къ войнѣ («ist kriegsbereit»), если она будетъ принуждена воевать».

Гаазе замѣчаетъ[2]): «Если Германія была уже готова къ войнѣ (годъ, два тому назадъ), тогда непонятно, къ чему теперь требуютъ этихъ колоссальныхъ, безумныхъ жертвъ». Далѣе Гаазе показываетъ, что канцлеръ дѣлаетъ источникомъ своихъ «обоснованій» тенденціозныя провокаціи низкопробныхъ органовъ по поводу балканской войны. «Имперскій канцлеръ такъ представляетъ положеніе вещей, какъ будто балканскіе народы своей борьбой разбили какой-нибудь гер-

---

[1]) Со стороны соц. демократической фракціи большія рѣчи произнесли противъ законопроекта депутаты Гаазе, Шейдеманъ, Носке, Франкъ Ледебуръ.

[2]) См. рѣчь Гаазе въ „Vorwärts“, 1913 г. № 82.

манскій народъ, а не государство османовъ. Мы не признаемъ всѣхъ тѣхъ пророчествъ, будто когда-нибудь балканскіе народы и другіе славяне выступятъ противъ насъ». «Если, по мнѣнію имперскаго канцлера, наши отношенія хороши съ Россіей, тогда никто не можетъ убѣдить насъ, что со стороны Россіи намъ угрожаетъ *опасность наступательной войны*» (Совершенно правильно!—со скамей соц.-дем.).

Относительно Франціи Гаазе между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Утверждаютъ, что мы должны усилить свою армію, потому что Франція вводитъ трехлѣтнюю службу. Кто утверждаетъ это, тотъ фальсифицируетъ истину. Не будь нашего военнаго законопроекта, французы не подумали бы предлагать парламенту законопроектъ о трехлѣтней службѣ. Французскіе шовинисты лишь тогда получили воду на свою мельницу, когда въ газетѣ «Die Post» было сообщено о нашемъ военномъ законопроектѣ». Гаазе доказываетъ неопровержимыми и убѣдительными фактами, что въ основѣ правительственнаго законопроекта нѣтъ никакой заботы о самозащитѣ родины, Германія сама угрожаетъ другимъ своими новыми вооруженіями, имѣя явныя тенденціи имперіалистическихъ завоеваній. «Настоящій военный законопроектъ есть продуктъ пропаганды, веденной всесильнымъ военнымъ союзомъ и пангерманическими органами». Не только это. Даже правительственный органъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» не постѣснялся явно признать, что «не простыя настроенія, а глубокое убѣжденіе въ его необходимости, вызвало къ жизни этотъ законопроектъ, который нуженъ для того, чтобы Германія могла идти впередъ въ различныхъ частяхъ свѣта». И болѣе: Гаазе разоблачаетъ намѣренія правительства даже рѣчью самого канцлера, въ которой тотъ говоритъ, что Германія «должна усилить *наступательную силу свою*». («Offensivkraft»). «Слѣдовательно,—съ полнымъ правомъ прибавляетъ Гаазе,—здѣсь вопросъ касается *не защиты границъ нашей страны, а устрашенія другихъ народовъ*». «Я не сомнѣваюсь вовсе въ томъ, что *огромное большинство германскаго народа откажется идти на войну изъ-за насилій* (рѣчь объ австро-сербскомъ конфликтѣ 1913 г.) *австрійской политики престижа.* (Общее одобреніе со стороны соціалъ-демократовъ). Подобное легкомысленное предпріятіе

вызоветъ въ Германіи такое волненіе, котораго мы еще никогда не переживали въ Германіи». (совершенно вѣрно!— со стороны соц.-демокр.).

Съ такимъ же горячимъ темпераментомъ и въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ критикуетъ военную политику германскаго правительства Шейдеманъ въ своихъ обширныхъ, обоснованныхъ рѣчахъ. Шейдеманъ говоритъ о томъ, что въ Германіи милитаристическій авторитетъ всегда побѣждалъ и презиралъ парламентскій контроль. Но безпримѣренъ данный— неслыханный, небывалый, жестокій законопроектъ, который попираетъ всѣ принципы рейхстага и еще болѣе усиливаетъ націоналистическій духъ въ Германіи. «Однако какой же цѣли мы достигаемъ этимъ новымъ законопроектомъ. Франція, Бельгія, Россія, какъ и весь міръ вооружаются, принужденныя къ тому этимъ нашимъ законопроектомъ. Мы увеличиваемъ свою армію на 136.000 человѣкъ, а Франція увеличиваетъ свою армію тѣмъ, что удлиняетъ на годъ военную службу. Друзья нашего законопроекта утверждаютъ, будто онъ является отвѣтомъ на французскую трехлѣтнюю службу. Нѣтъ *большей неправды и худшей нечестности*, какъ говорить подобную вещь. Нѣтъ, это неправда. Правда только то, что Франція, отчаявшаяся и исчерпавшая всѣ свои силы, принуждена была вслѣдствіе намѣренныхъ вооруженій Германіи сдѣлать приготовленія къ самозащитѣ». «Мы, соціалъ-демократы, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, считаемъ своимъ главнымъ долгомъ бороться противъ всѣхъ видовъ вооруженій, чтобы не мѣшали развитію добрыхъ отношеній между Германіей и Франціей. Мы должны всячески постараться по сію или по ту сторону границы по мѣрѣ нашихъ силъ воспрепятствовать возникновенію какой бы то ни было войны. (Общее живое одобреніе со стороны соціалъ-демократовъ). Мы *непремѣнно сдѣлаемъ все, что можемъ сдѣлать*». Въ послѣдней части своей рѣчи онъ даже дѣлаетъ слѣдующее чрезвычайно умѣстное и харарактерное замѣчаніе: «Народъ долженъ воспрепятствовать, какъ это дѣлаемъ мы, тому, чтобы Германія болѣе не оставалась agent provocateur *міровыхъ вооруженій*» [1]).

[1]) См. рѣчи Шейдемана въ „Vorwärts“ № 83, 9-го апрѣля и № 162, 29 іюня 1913 г. Слова „agent provocateur“, эта классическая характеристика вооруженной Германіи, надѣлала много шуму на правыхъ скамьяхъ

Другіе соціалъ-демократическіе ораторы также — особенно Ледебуръ — подвергли критикѣ новый военный законопроектъ. Послѣ принятія законопроекта соціалъ-демократическая фракція устами своего предсѣдателя Гаазе дала слѣдующее офиціальное объясненіе:

«Большинство рейхстага рѣшило совершенно безсознательно увеличить въ колоссальной мѣрѣ вооруженіе арміи. Мы доказали, что это не есть путь для защиты нашей страны отъ военной опасности и сохраненія мира между культурными народами. Мы особенно подчеркивали и теперь повторяемъ, что провокаціи безпрерывныхъ вооруженій (Rüstungstreiberei) *усиливаютъ недовѣріе* между народами, *нарушаютъ международныя сношенія* и наконецъ, вопреки всѣмъ миролюбивымъ завѣреніямъ, вызываютъ *опасность міровой войны* во вредъ интересамъ и стремленіямъ трудящагося люда всѣхъ странъ» [1])...

Кромѣ того, согласно инструкціямъ центральнаго комитета партіи, во всѣхъ крупныхъ городахъ организуются многочисленные массовыя собранія и митинги, на которыхъ принимаются пламенныя резолюціи противъ военнаго законопроекта.

Германскій законопроектъ потрясаетъ, образумливаетъ всѣ государства. «Agent provocateur» производитъ свое дѣйствіе на милитаристическій міръ Европы. И безъ того балканская буря создала грозный кризисъ въ европейскомъ политическомъ концертѣ. Когда въ періодъ этого кризиса Германія вноситъ новый законопроектъ для огромнаго усиленія арміи то это означаетъ, что «agent provocateur» косвенно бросаетъ перчатку своимъ соперникамъ [2]).

рейхстага. Отвѣчая Шейдеману, Бетманъ-Гольвегъ по поводу упомянутыхъ словъ сказалъ слѣдующее: „Я не нахожу удобныхъ словъ для отраженія подобнаго выраженія депутата германскаго рейхстага". Больно сознаться, что Шейдеманъ, котораго многіе считали замѣстителемъ Бебеля, очень скоро забылъ, что нужно было сдѣлать ему и его фракціи въ общеевропейскую войну и солидарно съ Бетманъ-Гольвегомъ далъ свое согласіе на военный кредитъ въ десятки милліардовъ.

[1]) „Vorwärts" 1913 г., № 164, отъ 1 іюля.

[2]) Осенью того же года, когда принятый законъ еще не былъ вполнѣ проведенъ, высочайшія учрежденія германскаго милитаризма—Генеральный Штабъ и Wehrverein (отъ которыхъ такъ зависитъ военный министръ) уже публично говорятъ о необходимости внесенія новаго военнаго законопроекта и ведутъ горячую пропаганду въ этомъ смыслѣ, прежде всего

Изъ соперниковъ этихъ болѣе всѣхъ волнуются и безпокоятся Франція и Англія. Вотъ что пишетъ французскій соціалистъ Альбертъ Тома о тѣхъ откликахъ, какіе вызвалъ во Франціи новый германскій законопроектъ. «Лишь только германское правительство внесло въ рейхстагъ свой новый военный законопроектъ, съ ликованіемъ выступила у насъ вся шовинистическая, антирабочая печать. Она старалась создать панику и внушить правительству германскую опасность.. И такимъ образомъ появляется законопроектъ о трехлѣтней службѣ»[1]).

Читатель видитъ, что двоякими и троякими свидѣтельствами—изъ германскихъ и французскихъ источниковъ—фактически опровергается та большая ложь германскихъ милитаристовъ, будто ихъ новый законопроектъ отчасти является отвѣтомъ и средствомъ предосторожности противъ французскаго законопроекта о трехлѣтней службѣ. Германскій законопроектъ и задуманъ и проведенъ раньше французскаго: первый возбудилъ и вызвалъ второй, слѣдовательно второй есть продуктъ перваго. Въ этомъ фактическомъ исправленіи намъ помогаетъ ни кто иной, какъ самъ фонъ Бетманъ Гольвегъ своимъ невольнымъ самоопровергающимъ признаніемъ[2]).

требуя удлиненія срока службы на полгода (вмѣсто 2—2½ года). (См. подробн. „Vorwarts" 1913 г. № 256, окт. 1, и „Berliner Tageblatt" 1913 г. № 540, окт. 23-го. въ обѣихъ газетахъ передовицы). Даже нѣмецкіе либералы критиковали этотъ новый провокаціонный шумъ военнаго союза. „Интересно знать, гдѣ та новая натянутость политическихъ отношеній, которая бы оправдала новый законопроектъ",—спрашиваетъ майоръ Моратъ въ „Berliner Tageblatt". Этотъ новый шумъ еще болѣе безпокоилъ сосѣднія государства, давая новые поводы къ предосторожности.

[1]) См. слова Ал. Тома въ рѣчи Ледебура „Vorwarts" 1913 г. № 146, 13 іюня.

[2]) Имперскій канцлеръ, стараясь опровергнуть направленные противъ правительства депутатами-соціалистами упреки въ томъ, что оно лишено самостоятельности и подвергается провокаціямъ генеральнаго штаба и военнаго союза, въ своей послѣдней рѣчи сдѣлалъ такое самоубійственное признаніе: „Здѣсь различные ораторы совершенно ошибочно изобразили происхожденіе военнаго законопроекта. Ни Wehrverein и ни генеральный штабъ не диктовали правительству внести новый законопроектъ. Исходя изъ военно-политическихъ основаній, я еще въ *ноябрѣ прошлаго года* (1912) убѣдился въ необходимости для нашей арміи новыхъ вооруженій. Это убѣжденіе раздѣляли также военный министръ и шефъ генеральнаго штаба и въ этомъ направленіи *еще тогда* были произведены предварительныя работы". (См. рѣчь канцлера „въ Vorwärts" 1913 г. № 84, отъ 10 апр.). Внимательно прочтите эти слова перваго министра императора Вильгельма. Въ первой своей „сбосновывающей" рѣчи онъ говорилъ о томъ, что побѣды балканскихъ народовъ, усиленіе панславистскаго движенія, новыя при-

Въ то время, какъ военный законопроектъ въ Германіи давно уже былъ разработанъ и извѣстенъ черезъ посредство газеты «Die Post», во Франціи только 5 марта 1913 года высшій военный совѣтъ высказался опредѣленно въ пользу трехлѣтней военной службы. И между тѣмъ какъ новый военный законопроектъ утверждается германскимъ рейхстагомъ *30 іюня* 1913 г., во Франціи законопроектъ проходитъ въ парламентѣ лишь *16 іюля*, такъ какъ тамъ оппозиція была сильнѣе и состояла не только изъ соціалистовъ во главѣ съ пламеннымъ Жоресомъ, но и отчасти изъ радикаловъ лѣвыхъ республиканцевъ.

Характерны слова, произнесенныя тогдашнимъ французскимъ министромъ-президентомъ Барту въ его защитительной рѣчи противъ критики соціалистическаго депутата Тома: «Высшій военный совѣтъ разобралъ всѣ предложенія, которыя могли бы *пойти навстрѣчу германскимъ вооруженіямъ*, и взвѣсивъ всѣ возможныя возраженія, свободно и единогласно высказался за трехлѣтнюю военную службу». Затѣмъ министръ-президентъ прибавляетъ къ этому: «Эти усилія Франціи не должны разсматриваться какъ вызовъ, а только какъ отвѣтъ. Союзная Россія также должна сдѣлать эти усилія, чтобы французскія и русскія войска были готовы встрѣтить всякаго рода неожиданности» [1].

Также и Жанъ Жоресъ, это живое воплощеніе идеала мира, высказался о рѣчи германскаго канцлера и вообще о политикѣ вооруженій. «Для чего, — писалъ онъ между прочимъ, — это безумное положеніе вооруженнаго мира, если ни одно правительство не желаетъ войны? Имперскій канцлеръ увѣряетъ, что у Германіи нѣтъ агрессивныхъ намѣреній и она только прибѣгаетъ къ средствамъ предосторож-

готовленія Франціи послужили основаніемъ для Германіи болѣе усилить свою военную мощь. Побѣды балканскихъ народовъ, потеря Турціей европейскихъ провинцій и связанныя со всѣмъ этимъ другія обстоятельства, какъ извѣстно, относятся къ 1913 году; ноябрь 1912 г. былъ лишь начальнымъ періодомъ балканской войны (вторымъ мѣсяцемъ), а слѣдовательно политическія событія на Балканахъ въ 1913 г., „измѣненія военно-политической ситуаціи“, какъ и французская реформа трехлѣтней службы, ни въ коемъ случаѣ не могли бы быть основаніемъ для происхожденія германскаго законопроекта, разъ послѣдній былъ задуманъ въ ноябрѣ 1912 г. Это лишній уничтожающій фактъ, который разоблачаетъ германскую тенденціозную политику съ ея циничными представителями.

[1]) „Vorwärts“ 1913 г., № 150, отъ 17 іюня.

ности противъ заливающаго Россію панславистскаго движенія и пробужденнаго во Франціи шовинизма. Завтра и французское правительство для защиты своего военнаго законопроекта будетъ увѣрять, что у Франціи совсѣмъ нѣтъ наступательныхъ намѣреній, а она лишь хочетъ защититься отъ возможнаго нѣмецкаго нападенія или какого-либо подобнаго насилія со стороны Германіи. Но съ какой слѣпотой эти два правительства,—которыя будто съ одинаковой искренностью желаютъ мира,—осуждены вѣчно вооружаться другъ противъ друга и истощать силы народныя именемъ грядущей войны? Настанетъ, несомнѣнно, день, когда народы удивятся, какъ они могли такъ долго переносить господство этого безумнаго положенія» [1]).

Кромѣ соціалистическихъ депутатовъ и прессы германскій законопроектъ и рѣчь канцлера сильно занимаютъ французскіе крупные органы печати и круги, задающіе политическій тонъ.

И не только во Франціи. Еще германскій военно-морской законопроектъ 1912 года до того встревожилъ Англію, что она не только прилагала усилія къ увеличенію флота, но и просила содѣйствія колоній въ дѣлѣ вооруженій. Новая Зеландія подарила метрополіи большой боевой крейсеръ, отъ Канады были обѣщаны въ даръ 3 дредноута. Вотъ что говоритъ по этому поводу морской министръ Черчиль въ парламентѣ (1913 г., 31-го марта): «Я долженъ повторить, что ожидаемыя отъ Канады суда безусловно необходимы для whole-world defence», т. е. для защиты британской имперіи, начиная съ конца 1915 г, или съ начала 1916-го... Если мы не получимъ этихъ судовъ, то тогда будемъ имѣть такой пробѣлъ, который необходимо нужно заполнить другими жертвами» [2]). Въ той же рѣчи Черчилъ разъясняетъ программу предстоя-

---

1) „Vorwärts“, 1913 г. № 83, отъ 9-го апрѣля.

2) См. передовицу „Vorwärts“: „Koloniale Dreadnoughts“ 1913 г. № 143, отъ 10 іюня.—Когда въ 1912 году англійское правительство предлагаетъ Канадѣ сдѣлать эту жертву, тогдашній министръ-президентъ Канады по имени Бордонъ, произноситъ такія горячія слова по адресу метрополіи: „Великобританія не есть военное государство. Ея безопасность основывается на флотѣ. Прежнее положеніе, когда Англія господствовала на моряхъ, нужно вновь возстановить. Мы должны наши суда всецѣло поставить въ распоряженіе англійскаго адмиралтейства, какъ дѣлаютъ другія колоніи“. (См. статью капитана Л. Персіуса въ Berliner Tageblatt“, 1912 г. № 628 отъ 10 декабря).

щаго англійскаго судостроенія; въ теченіе 24—30 мѣсяцевъ въ Англіи должно быть выстроено 10 или 11 военныхъ судовъ исключительно для нуждъ Великобританіи, не считая тѣхъ 5-ти судовъ, строящихся въ Англіи, которыя заказаны другими государствами.

Въ такомъ напряженномъ состояніи находилась Англія, когда появился германскій военный законопроектъ. Не важно, что послѣдній относится къ усиленію сухопутныхъ силъ, т.е. находится внѣ области непосредственнаго соревнованія Англіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разностороннѣе возрастала заинтересованность Англіи въ большемъ и большемъ укрѣпленіи связей съ сухопутными союзницами, особенно съ Франціей. Англія прекрасно знала, что въ случаѣ общеевропейской катастрофы она не можетъ остаться пригвожденной къ своимъ островамъ, сознавая, что главное поле для сведенія счетовъ съ ея великой соперницей лежитъ на сушѣ. Потому и она не могла быть равнодушной къ германскому вызову по адресу Франціи и Россіи. Подобно сухопутной Европѣ и Англія стала нервничать и безпокоится по поводу германскаго законопроекта и рѣчи канцлера. Консервативные органы повели яростную агитацію въ пользу усиленія британскихъ сухопутныхъ силъ. Въ частности новый германскій законопроектъ о воздушномъ флотѣ поднялъ головокружительный шумъ у англичанъ [1]).

[1]) Если Англія на морѣ была внѣ конкуренціи, то не было сомнѣнія, что она первенство въ воздухѣ должна была уступить Германіи. Эта новая область вооруженій, этотъ, такъ сказать, воздушный милитаризмъ развивался въ Германіи чрезвычайно быстро. По новому законопроекту того же 1913 г. рейхстагъ рѣшилъ въ теченіе пяти лѣтъ затратить на постройку новыхъ воздушныхъ судовъ 150 милліоновъ марокъ (съ 30-ю милліоннымъ бюджетомъ въ годъ) и увеличить служебный персоналъ, количество такъ называемыхъ, „воздушныхъ солдатъ“, до 5000 человѣкъ. Быстрое развитіе авіаціоннаго дѣла въ Германіи было непосредственной угрозой для островной Англіи, такъ какъ оно чувствительно понижало цѣнность ея огромныхъ морскихъ приготовленій. Вотъ что пишутъ англійскія газеты по поводу германскаго законопроекта: „Извѣстіе, полученное изъ Берлина,—пишетъ „Daily Telegraph“,—создаютъ новую ситуацію и требуютъ отъ насъ новыхъ рѣшеній. Предложенія нашего правительства относительно воздушнаго флота были понятны недѣлю тому назадъ, но сегодня неудовлетворительны“. „По мнѣнію „Daily Mail“ преимущество островного характера Великобританіи перестало существовать съ того дня, какъ появился воздушный флотъ. Германскій фоздушный флотъ-пистолетъ, направленный противъ головы Великобританіи. Въ такомъ же тонѣ жалуется „Times“, что Англія мало подготовлена въ воздухѣ, между тѣмъ, какъ Германія все болѣе и болѣе усиливается для воздушной войны. „Это серьезный фактъ и было бы чрезвычайно большой глупостью, пренебрегать этимъ фактомъ“. (См. „Vorwärts“ 1913 г., № 75, отъ 1-го апрѣля).

Послѣ всего этого естественно, что англійскій министръ финансовъ, Ллойдъ Джорджъ, дѣлаетъ слѣдующее горькое признаніе: «Нѣтъ малѣйшей надежды на *ограниченіе расходовъ по вооруженіямъ*. Наоборотъ, было бы безсмысленно скрывать этотъ фактъ. Всѣ страны соперничая другъ съ другомъ, дѣлаютъ колоссальные расходы. Это безумное волненіе создало атмосферу, въ которой народы не могутъ разумно взвѣшивать событій. Вслѣдствіе возбужденнаго безпокойства народы волнуются до такой степени, что не могутъ судить о своемъ національномъ положеніи такъ, какъ могъ бы сдѣлать спокойный и понимающій народъ. Какъ слѣдствіе получилось то *взаимное недовѣріе*, которое въ извѣстныхъ условіяхъ можетъ довести до ужасной катастрофы; лишь немногіе знаютъ, насколько близка была Европа къ этой катастрофѣ въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ» [1]).

Мы намѣренно остановились на столькихъ цитатахъ, чтобы по признаніямъ авторитетныхъ источниковъ составить близкое представленіе о томъ, какія настроенія царили въ Европѣ въ знаменательный годъ, по большей части, конечно, подъ вліяніемъ грозныхъ приготовленій Германіи. Однако германскій сигналъ нашелъ ожидаемый откликъ не только среди западныхъ соперницъ. Повсюду стали готовиться въ той или иной мѣрѣ, какъ бы въ предчувствіи какой то грозной опасности. Недаромъ французскій министръ президентъ заявлялъ въ своей рѣчи, что союзная Россія тоже должна сдѣлать шаги для усиленія арміи. Германскій законопроектъ,—сообщаетъ изъ Петрограда германскій корреспондентъ,—даетъ поводъ русскому правительству къ реорганизаціи и формированію русской арміи, къ усиленію полковъ на германской границѣ [2]). И дѣйствительно, изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ премьеръ-министромъ Коковцовымъ и представителемъ военнаго министерства ясно видно, насколько обезпокоилъ германскій военный законопроектъ также восточную соперницу Германіи. Русское правительство проектируетъ продлить на три мѣсяца военную службу въ арміи и флотѣ (съ 1-го января до 1 апрѣля). Кромѣ того постановляется

[1]) „Vorwärts". 1913 г. № 208, 14-го августа.
[2]) См. „Vorwärts". 1913 г. № 161 отъ 1-го іюля и № 233 отъ 28 октября.

сформировать новые полки, усилить артиллерію и т.д. Пессимизмъ, зловѣщія предчувствія относительно смутнаго будущаго овладѣли также русскимъ обществомъ и прессой.

Россія безпокоилась еще и потому, что тѣсно связанная съ Германіей ея союзница Австрія также энергично слѣдовала политикѣ приготовленій. Ея высокомѣріе въ отношеніи Сербіи, съ угрозой мобилизаціи, само по себѣ было косвеннымъ вызовомъ по адресу Россіи еще 1913 года. Часть австрійской арміи цѣлые мѣсяцы находилась на военномъ положеніи. А это для нея было подготовительной школой. Правительство дѣлало серьезныя приготовленія къ усиленію и реорганизаціи арміи. «Австрійская армія»,—писало «Новое Время» въ 1913 г.,—въ теченіе послѣдней зимы превратилась въ другую армію; кромѣ того, что всѣ резервисты внесены въ кадры, она увеличила свою артиллерію и боевые припасы. Въ военныхъ кругахъ Германіи признаютъ, что австрійская армія въ сентябрѣ прошлаго года (1912) и теперь, представляетъ изъ себя *двѣ совершенно* различныя величины». Приводя эти слова русской газеты, сотрудникъ «Berl. Tagebl.» майоръ Моратъ прибавляетъ, что «это правда» [1]).

Австрійское правительство разрабатываетъ въ 1913 году новый военный законопроектъ, согласно которому годовой контингентъ новобранцевъ увеличивается на 40.000 человѣкъ а бюджетъ военнаго министерства въ соотвѣтствіи съ этимъ на 15-20 милліоновъ кронъ. Вообразите, Австрія, контингентъ новобранцевъ которой до 1912 года былъ въ 133.570 ч., а въ этомъ году былъ доведенъ до 212,500 ч., по новому военному законопроекту 1913 года еще болѣе усиливалась, имѣя количество новобранцевъ почти 260.000 ч. Эти спѣшныя приготовленія дунайской монархіи, несомнѣнно, имѣли свой смыслъ. «Цѣлью австрійской политики должно быть въ будущемъ *подавленіе Сербіи*». Вотъ смыслъ этихъ военныхъ приготовленій, выраженный органомъ сильной военной партіи («Militär-Wochenblatt»). А такое преднамѣренное приготовленіе къ нашествію на Балканы, разумѣется, инспирированное Германіей, конечно, не могло оставить Россію индифферентной.

---

[1]) Major a. D. Morat „Der Heeresverstärkungsplan Oesterreich-Ungarns", въ „Berl. Tagebl." 1913 г. № 421. отъ 20-го августа.

Наконецъ, не осталась чужда эпидеміи вооруженій 1912 г.; самая младшая изъ великихъ державъ, Италія [1]).

Такимъ образомъ, никогда сигналъ систематическихъ вооруженій «agent-provocateur»—а не вызывалъ такого тревожнаго набата въ Европѣ, какъ въ 1913 г.

Но кто могъ вообразить, что вызванный милитаристическимъ міромъ всеевропейскій ужасъ найдетъ откликъ также въ маленькой, трудолюбивой и прогрессивной, цвѣтущей Бельгіи, которая стояла *на пути мірнаго культурнаго развитія*! Когда она слѣдовала бѣшенному соревнованію въ дѣлѣ вооруженій? Къ чему этому передовому народу культуръ-трегеровъ расточать силы и средства на чудовищный институтъ милитаризма, когда ея нейтралитетъ гарантированъ международными трактатами? 1913 годъ вызвалъ нервное возбужденіе и въ Бельгіи. Безпокойство и страхъ, царившіе въ этой странѣ, далекой отъ политики вооруженій и агрессивныхъ стремленій, лучшее доказательство—съ одной стороны того, насколько былъ зловѣщимъ этотъ годъ для войны 1914 года, а съ другой стороны того обстоятельства, что Европа и съ ней вмѣстѣ Бельгія ждали именно отъ Германіи военной опасности. Въ этомъ смыслѣ Ледебуръ сдѣлалъ очень вѣрныя замѣчанія въ рѣчи, посвященной разбору военнаго законопроекта въ засѣданіи рейхстага.

«Если еще есть опасность войны,—сказалъ Ледебуръ,—то это потому главнымъ образомъ, что имперскій канцлеръ и его помощники изъ министерства иностранныхъ дѣлъ не догадываются разсѣять страхъ, царящій за границею, гдѣ думаютъ, что можетъ произойти *германское нападеніе*. Благодаря военнымъ провокаціямъ нашихъ милитаристовъ, многіе изъ сосѣднихъ государствъ стали безпокоиться. Хотя правительство разъяснило по поводу *бельгійскихъ страховъ*, что оно признаетъ нейтралитетъ Бельгіи, однако оно не высказалось публично ясно и неопровержимо по вопросу о

---

1) Итальянскій парламентъ вотировалъ военный законопроектъ, по которому контингентъ новобранцевъ увеличивается на 27.000 чел., а военный бюджетъ на 15 милліоновъ лиръ (см. „Vorwärts" 1913 года № 138, отъ 5 іюня).

Бельгіи, дабы навсегда исчезъ въ ней страхъ передъ германскимъ нападеніемъ» [1]).

Эти слова ясно показываютъ, что, во-первыхъ, въ Бельгіи еще въ 1913 году были серьезные страхи, во-вторыхъ, эти страхи внушались исключительно съ германской стороны и въ третьихъ, германская опасность до того была очевидна для бельгійцевъ, что опи почувствовали необходимость въ полученіи офиціальнымъ путемъ завѣренія о томъ, насколько Германія уважаетъ право нейтралитета Бельгіи. Очень характерно то обстоятельство, что германское правительство публично не подтвердило своихъ дипломатическихъ завѣреній. Даже послѣ рѣчи Ледебура, въ которой ставился конкретный вопросъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ, имперскій канцлеръ не счелъ нужнымъ хотя бы косвенно высказаться по этому вопросу.

Бельгія имѣла полное основаніе не только *предчувствовать опасность* со стороны Германіи, но и *не вѣрить* ея офиціальнымъ завѣреніямъ. Еще годъ тому назадъ (1912 г.), какъ мы знаемъ, нашумѣвшая книга генерала Бернгарди поставила на карту нейтралитетъ Бельгіи въ случаѣ наступленія на Францію [2]). А Бернгарди, какъ извѣстно, не простой авторъ, а одинъ изъ извѣстнѣйшихъ стратеговъ, вліятельныхъ членовъ главнаго штаба (Grosser Generalstab). И все же ни одинъ изъ близко стоящихъ къ германскому правительству органовъ не опровергъ смѣло и рѣзко высказанное мнѣніе Бернгарди.

Имѣя въ виду все это, мы найдемъ естественнымъ, что и маленькая Бельгія поддалась лихорадкѣ приготовленій въ 1913-мъ зловѣщемъ году. Бельгійскій парламентъ принялъ законопроектъ объ увеличеніи арміи, который требовалъ добавочныхъ расходовъ въ 284 милліона франковъ, что для подобнаго государства является солидной суммой. Премьеръ-

---

1) Vorwärts 1913 г. № 146, отъ 13-го іюня.

2) Бернгарди не только высказался противъ сохраненія нейтралитета Бельгіи, но и вообще противъ принципа нейтралитета государствъ. Вотъ какое дикое, но и чисто прусское понятіе у него въ этомъ вопросѣ: „Идея продолжительнаго нейтралитета противорѣчитъ вообще сущности государства“... (см. „Deutschland und der nächste Krieg“, стр. 123).

министръ de Broqueville мотивировалъ свое требованіе передъ сенатомъ слѣдующими знаменательными словами:

«Усиленіе арміи необходимо, потому что въ случаѣ неудовлетворительной защиты нейтралитета страны, Бельгія можетъ *сдѣлаться ареной борьбы въ случаѣ европейскаго конфликта»* [1]).

Чрезвычайно печальное предчувствіе, но и, къ несчастію, очень правильное предположеніе. Всего только годъ тому назадъ глава правительства Бельгіи вѣрнымъ предчувствіемъ изрекъ невольный приговоръ о разоренной и разрушенной будущности Бельгіи. Но кто могъ ожидать, что кромѣ обычныхъ ужасовъ и разрушеній войны, мученическая страна героическаго народа перенесетъ *особо-нѣмецкіе ужасы и разоренія,* свидѣтелемъ которыхъ былъ весь міръ.

---

[1]) „Vorwärts" 1913 г. № 144, отъ 11-го Іюня.

II ГЛАВА.

Попытки ограниченія вооруженій и позиція Германіи.

1.

Если «agent provocateur»—омъ разростающихся европейскихъ вооруженій являлась Германія, то, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что она должна была явиться также *самой крупной противницей* всѣхъ тѣхъ офиціальныхъ попытокъ и общественныхъ стремленій, которыя имѣли цѣлью тѣмъ или инымъ способомъ и въ той или иной мѣрѣ ограничить увеличеніе безумныхъ вооруженій. Къ несчастью такъ и было. Одна позиція Германіи вытекала изъ другой. Если какое-либо государство въ дѣлѣ вооруженій играетъ роль agent provocateur—а, то оно необходимо должно являться Friedensfeind und Friedensstörer (врагъ и нарушитель мира) при всѣхъ попыткахъ ограниченія вооруженій. Это не предвзятое мнѣніе, а, какъ увидимъ, истина, удостовѣренная историческими фактами.

Понятіе разоруженія ими ограниченія вооруженій (такъ называемое Rüstungsstillstand) не нужно путать со смежными понятіями—съ одной стороны *перемирія* (Waffenstillstand), съ другой стороны—*распущенія войскъ* (Abrüstung).

Состояніе перемирія относится къ тому времени, когда по соглашенію воюющихъ сторонъ прекращаются военныя дѣйствія и начинаются переговоры объ условіяхъ мира.

Распущеніе войскъ можетъ быть тогда, когда даже въ мирное время распускается стоящая подъ ружьемъ армія или

часть ея,—такъ что и рѣчи не можетъ быть о вооруженіяхъ. Состояніе, когда вводится ограниченіе вооруженій или разоруженія, занимаетъ среднее положеніе между указанными. Это можетъ быть тогда лишь, когда государства по взаимному соглашенію и коллективному рѣшенію останавливаютъ ходъ развитія вооруженій, отказываясь отъ усиленія арміи, и отъ новыхъ заказовъ и увеличенія бюджета—или одновременно на сушѣ и на морѣ, или только въ какой-нибудь одной области.

Проблемы распущенія армій и ограниченія вооруженій тѣсно связаны съ международнымъ пацифистскимъ движеніемъ и съ вопросомъ о такъ называемыхъ третейскихъ мирныхъ трибуналахъ (Schiedsgerichte). Вотъ почему представители международнаго пацифизма всегда были горячими сторонниками и пропагандистами осуществленія идей разоруженія и распущенія армій. Съ ихъ точки зрѣнія ограниченіе вооруженій является необходимымъ начальнымъ этапомъ въ дѣлѣ освобожденія отъ *экономическаго бремени и политической опасности* милитаризма,—ограниченіе, конечно, одновременное во всѣхъ странахъ и въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ господствующимъ отношеніямъ. А въ какихъ условіяхъ возможно, по мнѣнію пацифистовъ, осуществить распущеніе армій. Одинъ изъ извѣстныхъ представителей пацифизма на этотъ вопросъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Распущеніе армій мы считаемъ естественно—необходимымъ слѣдствіемъ той международной правогруппировки (internationale Rechtsvereinigung), къ осуществленію которой мы стремимся,—слѣдствіе, которое само по себѣ должно осуществиться и во всѣхъ государствахъ одновременно, какъ только образуется эта правогруппировка, и будетъ имѣть свое значеніе» [1]).

Эта правогруппировка относится къ третейскимъ судамъ, миротворческой силѣ которыхъ пацифисты приписываютъ большое значеніе. Они предполагаютъ, что постепенно настолько укрѣпятся юридическія основы этихъ миротворческихъ институтовъ, что для всѣхъ государствъ станетъ обя-

---

[1]) См. Alfred H. Fried, „Handbuch der Friedensbewegung", Вѣна и Лейпцигъ, 1905 г. стр. 26.

зательнымъ улаженіе всякаго рода конфликтовъ посредствомъ третейскихъ судовъ, такъ что споры не обострятъ отношеній и не создадутъ возможности и поводовъ къ войнѣ. И такимъ образомъ, развиваясь, укрѣпляясь и получая полноцѣнное содержаніе, эта правогруппировка сдѣлаетъ то, что станутъ излишними дорого стоющія постоянныя арміи и осуществится принципъ распущенія армій.

Однако официальная Европа не идетъ подобно филантропамъ—пацифистамъ такъ далеко. Государства поставили и возбудили лишь вопросъ объ условномъ, временномъ ограниченіи вооруженій и о третейскомъ судѣ. Они старались посредствомъ высшей международной инстанціи *хоть временно* остановить въ бѣшенномъ соревнованіи и съ лихорадочной быстротой усиливающіяся вооруженія. Но удались-ли ихъ попытки, смогли ли великія державы хоть на одинъ годъ провести принципъ разоруженія или ограниченія вооруженій?

И въ этомъ отношеніи мы видимъ въ высшей степени характерныя отношенія между державами. И въ этомъ вопросѣ Германія обособляется и занимаетъ исключительную позицію.

Мы останавливаемся передъ интереснымъ явленіемъ и многочисленными фактами убѣждаемся въ томъ, кто является *настоящимъ смутьяномъ и постояннымъ противникомъ идеи мира.* Подобно тому, какъ идеологія германскаго милитаризма и инперіализма со своимъ кровожаднымъ корыстолюбіемъ и горячею проповѣдью агресивныхъ нашествій занимаетъ безпримѣрное мѣсто среди всѣхъ странъ, подобно тому какъ политика вооруженій имперскаго правительства своею *активностью, темпомъ соревнованія и грознымъ распространеніемъ* занимаетъ исключительное мѣсто среди всѣхъ великихъ державъ,—точно такъ же и своимъ *отрицательнымъ отношеніемъ* къ какимъ-либо ограниченіямъ въ вооруженіяхъ, даже къ слабымъ попыткамъ въ этомъ смыслѣ, Германія прокладываетъ *совершенно особые пути.*

Съ другой стороны, именно тѣ государства явились иниціаторами возбужденія вопроса объ ограниченія вооруженій, которымъ прежде всего угрожали чрезвычайныя приготовле-

нія Германіи, съ суши—Россія (конечно, съ одобренія союзной Франціи), а съ моря—Англія.

Значитъ тѣ государства и были заинтересованы болѣе всѣхъ въ ограниченіи вооруженій посредствомъ *обязательныхъ рѣшеній юридической инстанціи*, по адресу которыхъ были направлены германскіе вызовы.

Позиція, занятая Германіей по отношенію къ сдѣланнымъ ея противниками предложеніямъ, была столь же отрицательна, какъ отношеніе германскаго милитаризма къ международному пацифизму и вопросу третейскихъ судахъ, о чемъ мы говорили въ первой части нашего труда.

Ни въ одномъ парламентѣ господствующія партіи и правительство не принимали такой холодной, презрительной и въ случаѣ надобности демонстративно-отрицательной позы въ отношеніи парламентской критики милитаризма и въ пользу ограниченій въ вооруженіяхъ и третейскихъ судовъ, какъ это бывало въ германскомъ рейхстагѣ. Мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ международное пацифистское движеніе, потому что оно находится внѣ офиціальныхъ рамокъ государственной политики, оно дѣло свободныхъ общественныхъ организацій, которыя безпрестанно преслѣдовались прусско-германской полиціей и патентованной идеологіей которыя называютъ пацифистовъ «Friedenshetzer» [1]).

Здѣсь же пока удовольствуемся офиціальными актами европейскихъ правительствъ, посколько въ нихъ нашло свое яркое выраженіе офиціальное отношеніе Германіи.

2.

Первымъ значительнымъ актомъ была Гаагская конференція 1899 года 18-го мая, основаніемъ и поводомъ къ которой, какъ извѣстно, является манифестъ Императора Николая II, 28-го августа 1898 г. [2]). Этотъ манифестъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ характеризуетъ и отрицательно

---

[1]) Подробн. см. у Alfred H. Fried, ilid, стр. 268—274.

[2]) Второй разъ обращается къ правительствамъ тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Муравьевъ 11-го янв. 1899 г. съ предложеніемъ созвать конференцію. Это предложеніе было принято и въ конференціи 28-го мая приняли участіе 26 государствъ.

квалифицируетъ милитаристическую систему. Никто иной, какъ Августъ Бебель, величайшій врагъ и критикъ милитаризма, въ своей рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ, назвалъ этотъ манифестъ «приговоромъ милитаризма и современнаго положенія Европы, невыносимость котораго не можетъ быть спорной ни для кого» [1]).

Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ одинъ характерный пунктъ манифеста, гдѣ сказано слѣдующее: «По международному соглашенію найти самые дѣйствительные способы, которыми бы возможно было *гарантировать* всѣмъ народамъ *блага истиннаго и продолжительнаго мира* и прежде всего *ограничить* поступательное развитіе современныхъ вооруженій» [2]).

Принципіально осудить милитаризмъ, какъ систему, объявить его существованіе паразитическимъ, учредить высокую инстанцію, которая бы мѣшала взрыву войны и поставить запретительную грань развитію и распространенію вооруженій—значить направить стрѣлы прежде всего противъ той страны, которая считается классическимъ горниломъ милитаризма во всей Европѣ, во всемъ мірѣ и съ особеннымъ усердіемъ и преднамѣреніемъ дѣлаетъ спѣшныя приготовленія.

Эта страна—Германія и особенно Пруссія.

Авторомъ манифеста былъ не какой-нибудь кружокъ пацифистовъ или утопистъ-теоретикъ. Милитаризмъ осуждается и для облегченія его бремени предлагаются средства не кѣмъ инымъ, какъ главой одной изъ величайшихъ соперницъ Германіи. Оставить фактъ безъ вниманія и пройти мимо него, было невозможно. Поэтому Германія также приняла предложеніе участвовать въ Гаагской конференціи и послала своихъ представителей.

Отрицательный пріемъ, оказанный германскимъ общественнымъ мнѣніемъ царскому манифесту и Гаагской конференціи — былъ опредѣленнымъ симптомомъ, по которому можно было предугадать позицію оффиціальныхъ представителей Германіи въ Гаагѣ [3]).

---

[1]) Alfred H. Fried, ibid, стр. 302.
[2]) Alfred H. Fried, ibid, стр. 161.
[3]) Профессоръ международнаго права въ Мюнхенскомъ университетѣ, Штенгель, пишетъ памфлетъ противъ манифеста и подвергаетъ его самой

Изъ восьми вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію конференціи, два относились къ *ограниченію вооруженій и разрѣшенію мирнымъ путемъ* (посредствомъ третейскихъ судовъ) *междугосударственныхъ споровъ*. Оба, безъ сомнѣнія, были кардинальными вопросами, но оба, къ несчастью, блестяще провалились на конференціи. Думается намъ, что для читателя не будетъ неожиданнымъ, если скажемъ, что исключительно Германія была причиной провала этихъ вопросовъ.

По вопросу объ ограниченіи вооруженій съ русской стороны предлагается сдѣлать для державъ обязательнымъ слѣдующее: въ продолженіе пяти лѣтъ не увеличивать состава арміи мирнаго времени и военнаго бюджета; въ отношеніи морскихъ силъ—то же рѣшеніе, только на три года. Это предложеніе въ такой конкретной формѣ не прошло на конференціи, чему способствовало сильнѣйшее противодѣйствіе представителей Германіи. Принимается лишь одна *платоническая резолюція*, выражающая пожеланіе, чтобы государства облегчили бремя милитаризма во имя развитіи матеріальнаго и моральнаго благосостоянія человѣчества. Лишь общія, отвлеченныя фразы безъ осязательнаго содержанія.

Но болѣе интересна судьба вопроса о третейскомъ судѣ. Третейскій судъ въ своей случайной и факультативной формѣ существовалъ и раньше, задолго до Гаагской конференціи. Реальное значеніе послѣдней должно было быть именно въ томъ, чтобы она вызвала къ жизни *высшее учрежденіе—постоянное и обязательное*, которое бы разсматривало всѣ возникшіе споры и конфликты и выносило судебныя рѣшенія, тѣмъ самымъ предотвращая военныя вспышки. Это учрежденіе должно было быть «самымъ дѣйствительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ справедливымъ средствомъ для улаженія тѣхъ спорныхъ случаевъ, которые не разрѣшаются между сторонами дипломатическимъ путемъ».

Но, представьте, благопріятное разрѣшеніе этого вопроса также подвергается самому сильному противодѣйствію со сто-

ядовитой насмѣшкѣ. Очень характерно, что германское правительство именно этого самаго профессора посылаетъ въ Гаагу, въ качествѣ одного изъ своихъ представителей. А пресса господствующихъ партій съ самаго начала насмѣхается надъ конференціей, считая ея работу „молоченіемъ пустого самана“.

роны Германіи, несмотря на убѣдительныя объясненія русскихъ, французскихъ, англійскихъ и американскихъ представителей. Съ точки зрѣнія германскаго милитаристическаго мышленія прямо-таки классическое значеніе имѣютъ тѣ слова, которыми обосновалъ свое отрицательное отношеніе къ обязательному мирному учрежденію представитель страны режима «желѣза и крови». Одинъ изъ германскихъ представителей, профессоръ Цорнъ, считаетъ непріемлемымъ подобное учрежденіе, потому что оно не соотвѣтствуетъ традиціямъ Бисмарковской политики [1]).

Коротко и внушительно. То же отрицательное отношеніе проявило германское правительство на второй Гаагской конференціи (1907 г.), когда всѣ государства,—на этотъ разъ особенно Англія—предложили разсмотрѣть вопросъ объ ограниченіи вооруженій и вынести обязательное постановленіе.

3.

Вопросъ разоруженія постоянно занималъ англійское правительство, конечно, главнымъ образомъ по отношенію къ морскимъ вооруженіямъ. Англія взяла на себя иниціативу въ этомъ вопросѣ и формулировала свои конкретныя предложенія. И такъ какъ вторымъ, по силѣ морскимъ государствомъ была Германія съ ея опасными планами, то и Англія свои предложенія дѣлала прежде всего непосредственно Германіи.

---

[1]) Подробности о трагической судьбѣ этого вопроса см. у Alfred H. Fried, стр. 178—179. Конференція прервала свои занятія на цѣлыхъ 14 дней пока проф. Цорнъ въ сопровожденіи американскаго делегата доктора Холла поѣхалъ въ Берлинъ для полученія новыхъ инструкцій отъ своего правительства по этому важному вопросу. Разумѣется, правительство Вильгельма рѣшительно отвергло принципъ обязательности третейскаго суда. Отрицательной позиціи одной Германіи было достаточно, чтобы этотъ огромной важности вопросъ провалился. Отсюда ясно, насколько державы считали для себя опаснымъ желательное разрѣшеніе этого вопроса безъ участія Германіи. Съ другой стороны, какіе уничтожающіе это факты для опроверженія пустозвонной миролюбивой фразеологіи Вильгельма II, когда на дѣлѣ онъ самый непримиримый врагъ мира. Весьма показательно, что какъ разъ въ дни конференціи Вильгельмъ произнесъ слѣдующія слова въ рѣчи, сказанной въ Висбаденѣ: „Только ярко блестящій мечъ“ можетъ служить залогомъ мира. Вотъ истинно-прусская точка зрѣнія по вопросу о мирѣ. И такой монархъ получилъ премію за свою миротворческую дѣятельность...

Еще въ 1906 году, во время либеральнаго министерства Кампель-Баннермана, Англія обращается къ Германіи съ предложеніемъ ограничить, остановить вооруженія, на что германское правительство отвѣчаетъ въ томъ же году новымъ морскимъ законопроектомъ [1]). Если на предложеніе, ограничить вооруженія, Германія отвѣчаетъ законопроектомъ объ усиленіи вооруженій, то это является уже не презрѣніемъ, а прямой угрозой. Ту же попытку сдѣлала Англія и въ 1909 году но опять безрезультатно. Чѣмъ болѣе угрожающихъ размѣровъ достигло англо-германское соревновеніе на морѣ, тѣмъ болѣе назрѣвала и дѣлалась популярной въ Англіи проблема ограниченій вооруженій. Въ дни нынѣшняго либеральнаго министерства морской министръ Черчиль трижды пытался установить взаимное соглашеніе между германскимъ и англійскимъ правительствами съ цѣлью пропорціонально сократить судостроеніе, хотя бы временно. Въ 1912 году министръ Черчиль обращается отъ имени своего правительства къ Гермміи и предлагаетъ «не строить въ этомъ году ни одного линейнаго британскаго корабля, если Германія также не будетъ строить» [2]). На это, по выраженію англійскаго министра, «открытое и свободное» предложеніе не только получается отрицательный отвѣтъ, — этого мало, германское правительство разрабатываетъ новый морской законопроектъ, на который, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, англійское правительство отвѣтило еще болѣе сложнымъ законопроектомъ.

Въ слѣдующемъ, знаменательномъ 1913 году министръ Черчиль дѣлаетъ Германіи новыя предложенія въ томъ же смыслѣ 26 го марта и 18 го октября.

Въ чемъ суть этихъ предложеній? Черчиль въ обширной рѣчи обосновываетъ свою программу и мы считаемъ важнымъ привести здѣсь нѣсколько характерныхъ пунктовъ изъ этой рѣчи.

---

1) „Изъ-за чего мы воюемъ“. Изд. англ. профессоровъ, стр. 45.

2) Это предложеніе было сдѣлано дипломатическимъ путемъ. Объ этомъ германское общество узнало лишь спустя годъ (въ 1913 г.) изъ рѣчи того же Черчиля. „Характерно для нашихъ отношеній и господствующаго во внѣшней политикѣ абсолютизма, что германское правительство не нашло достойнымъ доложить о столь важномъ дѣлѣ (т. е. объ англійскомъ предложеніи) рейхстагу и народу“, — замѣчаетъ „Vorwärts“ по этому поводу въ № 72, 1913 г. (отъ 28-го марта).

Жалуясь на колоссальное возрастаніе расходовъ на флотъ, онъ говоритъ между прочимъ:

«Нельзя ожидать чтобы въ послѣдующіе годы было возможно сокращеніе непрерывно растущихъ, гигантскихъ расходовъ морского бюджета, если періодъ техническаго прогресса и соревнованій не будетъ имѣть конца. Однако есть, къ счастью, *одинъ путь*, который открытъ и остается открытымъ, и по которому народы міра хоть на моментъ могутъ внести смягченіе въ то *рабство*, въ которое они попали». «Вопросъ, который великія державы и великія націи должны себѣ поставить, заключается въ слѣдующемъ: если въ продолженіе цѣлаго года не будетъ выстроено ни одного военнаго корабля для какого бы то ни было флота, то неужели этимъ въ какой-либо мѣрѣ подвергнутся опасности интересы флота или національной безопасности? У насъ сегодня хорошіе корабли,—они лучшіе въ мірѣ. Но развѣ они не смогутъ сохранить свое господство въ теченіе года, если не будутъ строиться новые? Почему бы намъ не объявить въ дѣлѣ судостроенія *праздника* на годъ? (т. е. перерыва)». «Вотъ тотъ вопросъ, который я поставилъ въ прошломъ году и то предложеніе, которое я повторяю теперь. Это предложеніе не вноситъ никакого измѣненія въ относительную мощность флота. Оно не отрицаетъ ни одного плана морской организаціи. Оно не противорѣчитъ никакому военно-морскому закону. Оно не ограничиваетъ дѣйствительной мощи флота. Оно такъ просто, что не можетъ дать повода къ какимъ-либо недоразумѣніемъ. Этимъ облегчится финансовое положеніе каждой страны. Ни одинъ флотъ не пострадаетъ благодаря этому даже въ самой ничтожной мѣрѣ. Въ Великой Британіи мы искренно можемъ говорить о такомъ предметѣ».

И чтобы этотъ открытый призывъ къ ограниченію вооруженій не оставилъ ложнаго впечатлѣнія, будто онъ диктуется чувствомъ страха и сознаніемъ стѣснительности положенія,—англійскій министръ прибавляетъ къ своему предложенію слѣдующее: «Это не есть жалоба слабаго отставшаго, а призывъ мощности несущагося впередъ, призывъ, съ которымъ мы обращаемся ко всѣмъ націямъ и съ особенною искренностью къ нашей великой сосѣдкѣ по ту сторону Сѣвернаго моря».

Но въ чемъ конкретное содержаніе предложенія министра Черчилля? Англійское правительство готово какимъ бы то ни было способомъ ограничить судостроеніе, если только Германія согласится: или объявить на годъ морской праздникъ и ничего не строить, или, если Германія согласится, въ продолженіе шести лѣтъ уменьшать на два ежегодно количество предполагаемыхъ къ постройкѣ военныхъ судовъ, то Англія готова въ теченіе того же времени строить ежегодно на четыре судна меньше. Подобно тому, какъ Англія въ дѣлѣ морскихъ вооруженій шла сугубо усиленнымъ темпомъ. такъ и въ дѣлѣ ограниченія вооруженій она готова была уменьшать свои силы въ двойномъ размѣрѣ. Стало быть, отношеніе между военно-морской мощностью Германіи и Англіи оставалось то же самое и Германія ни на волосъ не пострадала бы—если бы приняла предложеніе Англіи. Но воинственная Германія поставила бы крестъ на прусскія милитаристическія традиціи, если бы согласилась какимъ-либо способомъ провести въ жизнь принципъ ограниченія вооруженій. Въ отвѣтъ на это предложеніе она проектируетъ постройку новыхъ судовъ въ 1913 г. Англія пошла на новыя уступки, предлагая ограничить судостроеніе въ 1914 или 1915 г.г. Столь уступчиво, въ своемъ предложеніи англійское правительство! «Достаточно лишь, чтобы Германія выразила свое согласіе»,—подчеркиваетъ Черчилль.—«Ясно, конечно, что кромѣ Англіи и Германіи другія государства также должны присоединиться къ этому предложенію. Судостроительныя программы—съ одной стороны Франціи и Россіи, а съ другой стороны, Австро-Венгріи и Италіи—должны быть приняты въ расчетъ. Здѣсь я не вижу особыхъ затрудненій, которыя бы не могли устранить англійское и германское правительства своимъ объединеннымъ начинаніемъ. Миръ и благополучіе міра цѣннѣе и выше всего,—и, если между двумя государствами состоится соглашеніе, хотя бы спеціально на одинъ годъ, чтобы помѣшать *расточительному, безцѣльному, тщетному* безумію, —то возможно будетъ достичь болѣе *широкой международной цѣли*». [1])

Мы намѣренно и съ особымъ удовольствіемъ останавли-

---

[1]) Подробности рѣчи Черчилля см. „Vorwärts", 1913 г. № 72, отъ 28-го марта.

ваемся такъ долго на объясненіяхъ англійскаго министра, чтобы дать возможность читателю рельефно представить громадную разницу милитаристическихъ тенденцій обоихъ соперниковъ (Англіи и Германіи).

Конечно, не нужно быть наивнымъ, и думать, будто англійское правительство, произносящее миролюбивыя рѣчи, чуждо милитаристическихъ тенденцій. Мы уже объяснили въ первой части нашего труда, что пресыщенный англійскій имперіализмъ, естественно *консервативенъ* по своему направленію, и Англія для сохраненія заокеанскихъ колоніальныхъ владѣній принуждена держать на готовѣ военныя силы. Слѣдовательно ея милитаризмъ отнюдь не агрессивенъ, онъ — *оборонительный*. Но когда англійская буржуазія видитъ, что расходы на флотъ все растутъ въ необычайныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ передъ флотомъ стоитъ все та-же старая миссія охраненія колоній и островного отечества, которой удовлетворялъ флотъ, требовавшій гораздо меньшихъ расходовъ; когда она видитъ, что тяжелое бремя новыхъ расходовъ есть исключительно продуктъ приготовленій Германіи, сравнительно недавно выступившей на арену военнаго соперничества съ агрессивными цѣлями, тогда она, эта буржуазія, какъ обороняющаяся сторона, весьма заинтересована въ поднятіи вопросовъ объ ограниченіи вооруженій, объ уменьшеніи расходовъ на флотъ, объ облегченіи экономическаго бремени.

Однако надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть тѣхъ обще-международныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя обѣщаетъ предложеніе Англіи по вопросу объ ограниченіи вооруженій. Въ этомъ пунктѣ политика англійской буржуазіи солидарна съ программными тенденціями международнаго пацифизма и съ критическими требованіями соціалистическихъ партій, направленными противъ вооруженій. Поэтому рѣчь министра Черчилля повсюду была встрѣчена сочувственно, но не со стороны офиціальныхъ представителей и господствующихъ классовъ Германіи, которымъ именно и было сдѣлано предложеніе англійскаго министра.

Германія, этотъ безпримѣрный источникъ общеевропейскихъ ужасовъ и страховъ и непримиримый врагъ всемірнаго мира, и на этотъ разъ презрѣла англійское предложеніе. Фонъ-Бетманъ-Гольвегъ въ своей (уже намъ извѣстной рѣчи),

не удовлетворившей пародныхъ представителей, касается предложенія Черчилля, ограничившись пустыми, неопредѣленными фразами. Онъ выражаетъ свое платоническое чувство предложенію Черчилля, считая послѣднее «великой прогрессивной идеей». Но, что существенно, онъ находитъ, что «осуществленіе проблемы ограниченія вооруженій *подвержено большимъ трудностямъ*».

Вотъ практическій отвѣтъ германскаго канцлера. И только. Могъ ли онъ имѣть смѣлость перечислить эти трудности, когда ихъ нѣтъ совсѣмъ. Бетманъ-Гольвегу было необходимо какъ нибудь замять вопросъ. Онъ ничѣмъ не рисковалъ, потому что его устами говорило *абсолютное большинство* рейхстага, тренированные идеологи имперіалистической буржуазіи и юнкертума. Представителями трудящейся Германіи, соціалъ-демократами, можно было пренебречь, какъ это дѣлалось не разъ.

Англійскій морской министръ повторилъ то же предложеніе отъ имени своего правительства въ томъ же году (18-го октября 1913 г.). И на этотъ разъ Германія отвѣтила отрицательно, конечно, опять въ тѣхъ же мягкихъ, льстивыхъ выраженіяхъ. Оффиціозная «Kölnische Zeitung» напечатала 21 октября телеграмму изъ Берлина въ которой нужно отмѣтить слѣдующіе существенные пункты: «Сколько бы мы ни желали возражать противъ осуществленія мысли Черчилля, все же невозможно сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ и въ искренности объясненій англійскаго морского министра. Но признаніе этого факта не мѣшаетъ намъ открыто высказаться о сдѣланномъ предложеніи; тотъ путь, которымъ министръ Черчилль старается облегчить морскія вооруженія, *врядъ-ли можетъ привести къ цѣли до непредвидѣннаго будущаго*».

«Это уже значитъ прямо отвергнуть,—замѣчаетъ соц.-дем. «Vorwärts» по этому поводу,—германское правительство избѣгаетъ всякой положительной работы и занимаетъ совершенно отрицательную позицію, а это, конечно, обнаруживаетъ его дурную волю» [1]). «Осмѣлится ли, наконецъ, г. фонъ-Бетмамъ-Гольвегъ,—восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ газета,—

[1]) „Vorwärts" 1913 г. № 277, отъ 22-го октября.

объявить борьбу націоналистамъ? Будетъ ли у него мужество послѣдовать той политикѣ (предложенію ограниченія вооруженій), которая направлена въ пользу интересовъ широкихъ народныхъ слоевъ и противъ интересовъ сильныхъ имперіалистическихъ круговъ» [1]).

Либеральная пресса также, напримѣръ, въ лицѣ «Berliner Tageblatt», сочувственно отнеслась къ предложенію англійскаго правительства. Извѣстный знатокъ морскихъ вопросовъ, капитанъ Л. Персіусъ, вотъ какъ высказывается по этому вопросу: «Англійское предложеніе *отнюдь не является утопіей*,—наоборотъ, оно самымъ яснымъ образомъ указываетъ путь, какимъ образомъ можно положить конецъ соревнованію въ разрушительныхъ и безумныхъ вооруженіяхъ. Можно опровергнуть всѣ возраженія, которыя направлены противъ предложенія Черчилля, и въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія спеціально-технической нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, которое бы дѣлало это предложеніе непріемлемымъ» [2]).

Здѣсь говоритъ спеціалистъ, который одновременно обладаетъ здоровымъ политическимъ мышленіемъ. И вы видите, насколько фальшивы и вымышлены возраженія германскаго правительства о томъ, будто бы есть трудности, будто-бы предложеніе ограниченія вооруженій не достигнетъ цѣли и т. д. [3]).

Берлинскіе политики стараются хитро обосновать свой отказъ. Съ одной стороны платоническое сочувствіе къ предложенію, какъ къ предложенію, къ идеѣ,—а съ другой стороны отрицательная позиція въ отношеніи практической сто-

---

1) „Vorwärts“ 1913 г. № 276, отъ 21-го окт.

2) „Berliner Tageblatt“ 1913 г. № 534, отъ 20-го окт.

3) На это мы обращаемъ особое вниманіе такъ называемыхъ русскихъ „германофиловъ“. Мы здѣсь, разумѣется, не имѣемъ въ виду русскихъ реакціонеровъ, которые готовы сдѣлать все въ интересахъ сохраненія прусско-германскаго монархизма. Мы подразумѣваемъ тѣхъ лѣвыхъ господъ, которые имѣютъ смѣлость и безцеремонность приписывать агрессивно-военныя тенденціи англійскому имперіализму, а не германскому. Они идутъ дальше и ищутъ причины возникновенія нынѣшней войны на сторонѣ англичанъ, а не на сторонѣ нѣмцевъ. Яркій примѣръ этихъ стараній даетъ г. Ник. Сухановъ въ своей брошюрѣ: „Почему мы воюемъ?“, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно попала въ наши руки. Изъ приведенныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ фактическихъ данныхъ г. Суханову, будетъ, вѣроятно, ясно, что все сказанное имъ въ видахъ реабилитаціи германскаго милитаризма и имперіализма есть не что иное, какъ огромное qui pro quo.

роны вопроса; позиція, якобы вынужденная препятствующими осуществленію идеи трудностями, т. е. объективными причинами.

Однако вуаль, прикрывающая германскую хитрость, слишкомъ прозрачна, чтобы было трудно узнать чисто политическія мотивы постояннаго отрицательнаго отношенія Германіи ко всякой миролюбивой попыткѣ ограничить вооруженія. Правительство, представители котораго держались явно враждебной миру позиціи на Гаагской конференціи, чѣмъ и провалили резолюцію объ обязательномъ третейскомъ судѣ, за которую стояли делегаты всѣхъ остальныхъ государствъ; правительство, которое отвергло русское предложеніе объ ограниченіи сухопутныхъ вооруженій,—вполнѣ естественно было ждать, что то же германское правительство по тѣмъ же агрессивнымъ политическимъ мотивамъ должно было отвергнуть многократныя англійскія предложенія объ ограниченіи вооруженій [1].

Милитаризмъ—*душа* официіальной Германіи, ея *сфинксъ, высочайшій объектъ культа*, къ которому можно подходить съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, а не съ критическими замѣчаніями, которыя помрачаютъ его величіе. Въ то время, какъ русскій манифестъ осуждаетъ милитаризмъ, разоблачая его чудовищныя стороны, а англійскій и французскій министры считаютъ положеніе народовъ, стонущихъ подъ бременемъ милитаризма, «рабскимъ состояніемъ», называя безуміемъ и сумасбродствомъ неустанныя вооруженія, германскій имперскій канцлеръ, наоборотъ, не стѣсняется дѣлать въ рейхстагѣ такое заявленіе: что «германскій народъ ищетъ и находитъ въ чести арміи свою собственную честь». По-

[1]) Какая горькая иронія по адресу мира и идеи истиннаго миролюбія, когда даже послѣ этихъ фактовъ представители всемірнаго пацифизма позволяютъ себѣ званіе рыцаря мира преподнести германскому монарху! Въ августѣ зловѣщаго 1913 года была конференція пацифистовъ въ Гаагской великолѣпной палатѣ мира. Карнеджи, на средства котораго была выстроена эта палата, въ своей торжественной рѣчи провозгласилъ Вильгельма „Weltfriedensfürst" (князь всемірнаго мира). Два предположенія можно сдѣлать относительно этой странности пацифистовъ-аристократовъ: или они настолько слѣпы, что въ германскихъ вооруженіяхъ не видятъ угрозы будущей войны, или же настолько наивны, что думаютъ, будто подобными комплиментами можно такъ польстить самолюбію Вильгельма, что онъ не вынетъ меча, а будетъ довольствоваться положеніемъ „вооруженнаго мира".

чему? Потому что «арміи Германія обязана своимъ возрожденіемъ».

Такъ діаметрально-отрицательно выражается милитаристическая точка зрѣнія офиціальной Германіи. Не наивно-ли было бы послѣ этого предположить. что Германія могла бы какимъ-либо образомъ согласиться на третейскій трибуналъ или ограниченіе вооруженій въ той или иной мѣрѣ.

4.

Но не одно германское правительство держалось отрицательной позиціи при всѣхъ попыткахъ ограничить вооруженія. Вѣдь въ основѣ его образа мыслей и дѣйствій лежатъ воля и настроеніе тѣхъ господствующихъ классовъ, выразителями стремленій и повѣренными интересовъ которыхъ являются представители правительства. Политическія группировки этихъ классовъ не только восторженно шли навстрѣчу военнымъ законопроектамъ и поддержали своимъ довѣріемъ правительство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно отвергало предложенія извнѣ объ ограниченіи вооруженій, но и сами, эти группировки поступали такъ же, когда непосредственно къ нимъ бывали обращены предложенія о солидарномъ сближеніи народовъ.

Самый конкретный и характерный случай, который, подобно предложенію министра Черчилля, лишній разъ вскрылъ германскую *фальшь* и *антимиролюбивыя стремленія*, произошелъ въ томъ же знаменательномъ 1913 году.

Швейцарія сдѣлала прекрасный жестъ. Видя опасную натянутость франко-германскихъ отношеній, смѣшанный комитетъ изъ представителей различныхъ партій швейцарскаго Національнаго Совѣта [1]) разослалъ офиціальное приглашеніе всѣмъ фракціямъ парламентскихъ партій обѣихъ странъ съ призывомъ явиться на «конференцію франко-германской солидарности» («Deutsch - französische Verständigungskonferenz»). Конференція была назначена на 20-е апрѣля въ

---

[1]) Составъ этого комитета слѣдующій: 3 консерватора, 4 либерала, 4 демократа, 3 соціалъ-демократа—всего 14 человѣкъ.

Бернѣ. Вотъ содержаніе этого приглашенія: «Сосѣднія страны, Германія и Франція, намѣрены новыми законопроектами увеличить свои постоянныя войска. Подписавшіе далеки отъ всякой мысли *вмѣшаться во внутреннія дѣла дружественныхъ націй*, однако, мы съ болѣзненнымъ интересомъ слѣдимъ за развитіемъ вооруженій, такъ какъ наша страна связана съ двумя народами безчисленными экономическими и культурными нитями, потому мы считаемъ своимъ нравственнымъ правомъ предложить свою благожелательную услугу. Не столько содержаніе французскаго и германскаго законопроектовъ, сколько время ихъ проведенія таково, что можетъ вызвать безпокойство и даже угрожать европейскому миру. Всѣ тѣ народные представители (члены парламентовъ), кто признаютъ нашу точку зрѣнія, должны счесть самой важной и достижимой цѣлью установленіе соглашенія по поводу вооруженій между Германіей и Франціей. Чтобы создать удобство членамъ парламентовъ двухъ странъ для обмѣна мыслей на нейтральной почвѣ и чтобы этимъ средствомъ найти путь къ сближенію между Германіей и Франціей,—мы, члены различныхъ партій Швейцарскаго Національнаго Совѣта, призываемъ принять участіе на конференціи франко-германскаго соглашенія на Бернѣ, 20-го апрѣля» [1]).

Конференція, дѣйствительно, состоялась 11-го мая въ Бернѣ и единогласно приняла слѣдующую резолюцію:

«Первая конференція германскихъ и французскихъ парламентаріевъ, созванная въ Бернѣ 11-го мая 1913 года, рѣшительнѣйшимъ образомъ высказываетъ свое возмущеніе противъ всякаго рода достойныхъ порицанія шовинистическихъ провокацій, которыя угрожаютъ по обѣимъ сторонамъ границы ввести въ заблужденіе трезвую мысль населенія и исказить любовь къ родинѣ.

«Конференція знаетъ и объявляетъ, что оба народа въ своемъ *огромномъ большинствѣ* желаютъ *мира*, этого *высшаго условія* всякаго прогресса. Конференція беретъ на себя обязанность всѣми силами стараться разсѣять недоразумѣнія для предотвращенія конфликтовъ. Она призываетъ своихъ членовъ всѣми силами воздѣйствовать на правительства вели-

[1]) „Vorwärts“ 1913 г. № 84 отъ 10-го апр.

кихъ державъ въ смыслѣ *ограниченія расходовъ на флотъ и армію.* Конференція горячо откликается на сдѣланное министромъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Бріаномъ предложеніе относительно мирнаго третейскаго суда. Она требуетъ также, чтобы конфликты, возникающіе между двумя государствами, передавались на разрѣшеніе Гаагскаго третейскаго суда, если невозможно уладить ихъ дипломатическимъ путемъ. Конференція убѣждена, что сближеніе между Франціей и Германіей можетъ облегчить соглашеніе между группировками великихъ державъ и тѣмъ создать краеугольный камень для продолжительнаго мира» [1]).

Конференція не ограничивается этимъ. Она избираетъ постоянный комитетъ, какъ исполнительный органъ и предписываетъ ему поддерживать живую связь съ депутатами обѣихъ странъ и въ случаѣ надобности созвать конференцію.

Конечно, рѣшенія и постановленія подобной конференціи не могли имѣть особаго практическаго значенія прежде всего въ Германіи. Въ полуабсолютистской Германіи даже высшее законодательное учрежденіе не имѣетъ рѣшающаго значенія парламентаристской инстанціи; тѣмъ болѣе не могла имѣть значеніе свободная конференція, созванная внѣ Германіи.

Однако въ данномъ случаѣ вопросъ не въ практическихъ послѣдствіяхъ, а въ томъ огромномъ *морально-общественномъ значеніи,* какое могла имѣть свободная миролюбивая инициатива народныхъ представителей для широкихъ слоевъ населенія двухъ соперничающихъ странъ. Здѣсь существенно, повторяемъ, то, какой *пріемъ* былъ оказанъ въ партійно-политическихъ кругахъ двухъ странъ—соперницъ миролюбивому призыву о взаимномъ сближеніи и солидарности, призыву, идущему изъ нейтральной страны.

Отношенія Германіи и Франціи къ Бернской конференціи были діаметрально противоположны [2]).

---

[1]) „Vorwärts" 1913 г. № 115, отъ 13-го мая.

[2]) При защитѣ всякаго новаго военнаго законопроекта, германскій канцлеръ обычно ссылался на французскій шовинизмъ, на непримиримыя нападки французскихъ органовъ на Германію и пр. Бернская конференція, какъ опытъ къ расширенію пути франко-германскаго сближенія, лишній разъ доказала, какъ ложны и тенденціозны утвержденія германскаго правительства и гдѣ нужно искать настоящій шовинизмъ, враждебное отношеніе и непримиримый духъ. Всѣ германскіе официальные и партійные органы, за исключеніемъ соціалъ-демократическихъ и нѣкоторыхъ лѣво-либеральныхъ

Количественная разница между участвовавшими депутатами обѣихъ странъ уже говоритъ все.. Отъ французскаго парламента участвовали 185 депутатовъ, изъ которыхъ 21 человѣкъ сенаторовъ, а отъ германскаго рейхстага участвовало всего 41 депутатъ и отъ Эльзасъ-Лотарингскаго ландтага 4 депутата. Далѣе,—въ то время, какъ не только соціалистическая, но и всѣ другія французскія партіи также радостно откликнулись на швейцарскій призывъ, пославъ своихъ вліятельныхъ лидеровъ, среди которыхъ не мало бывшихъ министровъ,—отъ Германіи участвовали только соціалъ-демократы и нѣсколько человѣкъ отъ мелкой, незначительной партіи лѣвыхъ либераловъ. Партіи, задающія тонъ политикѣ рейхстага,—правая аграрная, католическій центръ и крупно-капиталистическій націоналъ-либерализмъ—никакого участія не приняли [1]). И болѣе того. Между тѣмъ какъ господствующее французское общественное мнѣніе привѣтствуетъ берн-

(„Berliner Tageblatt", «Frankfurter Zeitung» и др.), выразили недовольство, презрѣніе и враждебное отношеніе къ бернской конференціи, тѣмъ самымъ проявивъ политическія настроенія господствующихъ и задающихъ тонъ круговъ и направленіе правительственнаго курса. Между тѣмъ какъ по ту сторону Рейна не только соціалистическая пресса, но и вся Франція почти отозвались сочувственно на созывъ конференціи. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу парижскій корреспондентъ „Vorwärts'a": „Цѣлый рядъ большихъ радикальныхъ газетъ, каковы: „Petite Republique", „L'Evénement", «Lanterne», націоналистически окрашенная „Action" и прежде всего офиціальный органъ радикальной партіи „Radical"—въ большихъ статьяхъ высказались благопріятно о бернской конференціи. Однако удивительнѣе всего то, что даже такой реакціонно-націоналистическій органъ, какъ „Eclair" г. Индэ съ похвалой отозвался объ идеѣ конференціи. Даже самыя большія капиталистическія газеты Франціи, какъ „Temps" и „Journal des Debats" привѣтствовали бернскую конференцію. По мнѣнію „Temps" какъ бы ни раздѣляло историческое прошлое двѣ великія націи, все равно онѣ должны сблизиться экономически, поэтому газета привѣтствуетъ бернскую конференцію и желаетъ ей успѣха". (Подр. см. „Vorwärts" 1913 г. № 97, отъ 24-го апр.). Вотъ отношеніе французскихъ „шовинистовъ" и это въ то время, когда Германія разработала новый большой военный законопроектъ, создавая страшную угрозу международному миру и въ частности Франціи. Утвержденія германскаго канцлера являются лишь ложнымъ маневромъ обмануть Михелей и бюргеровъ-филистеровъ.

[1]) И на этотъ пунктъ обращаемъ мы вниманіе г. Суханова. Онъ идетъ такъ далеко, что ищетъ „козла отпущенія" въ возникновеніи войны не только въ англійской, но и во французской политикѣ. Вышеуказанный конкретный примѣръ долженъ показать г. Суханову, въ какой странѣ существовали непосредственно передъ войной мирныя настроенія, чувство солидарности и стремленіе итти другъ другу навстрѣчу. Онъ долженъ вѣдь убѣдиться, что посредническая попытка нейтральнаго государства наладить французско-германскія отношенія, которую такъ энергично поддерживали соціалистическія партіи обѣихъ странъ, нашла живой откликъ только во Франціи, а никакъ не въ военно-настроенной Германіи.

скую конференцію, а самая сильная парламентская партія выноситъ сочувственное бернскому предпріятію рѣшеніе на своемъ съѣздѣ (съѣздъ радикальной партіи въ гор. Пау, 1913 г.),—въ Германіи мы замѣчаемъ совершенно противоположное отношеніе. Только соціалистическая пресса горячо привѣтствуетъ и оцѣниваетъ по достоинству эту симпатичную иниціативу общественныхъ дѣятелей [1]). Вся националистическая пресса дѣлаетъ бернскую конференцію предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства, называя участниковъ ея «фантастами», «иллюзіонистами». Патентованные идеологи режима «крови и желѣза» даже не постѣснялись оскорбить самыми грубыми словами германскихъ депутатовъ, отправившихся въ Бернъ, и швейцарцевъ, созвавшихъ конференцію и даже самую конференцію [2]).

Вотъ отношеніе *офиціальной* и *идейной Германіи* (правительства и господствующаго общественнаго мнѣнія), ко

---

[1]) Собственно говоря, первоначальная мысль о противодѣйствіи франко-германскимъ натянутымъ отношеніямъ и вооруженіямъ принадлежитъ германскимъ и французскимъ соціалистическимъ партіямъ, которыя еще 1 марта, послѣ того какъ стали извѣстны военные законопроекты обѣихъ странъ, выпустили на обоихъ языкахъ манифестъ, подписанный центральными комитетами и партійными фракціями подъ заглавіемъ—„Gegen den Rüstungswahnsinn“ (Противъ безумія вооруженій). Здѣсь мы удовольствуемся лишь двумя цитатами съ начала и съ конца манифеста: „Въ Германіи и Франціи правительства подготовляютъ законопроекты, которыми огромные расходы на милитаризмъ еще болѣе должны повыситься. Въ этотъ моментъ французская и германская соціалъ-демократія считаютъ своимъ долгомъ объединиться еще тѣснѣе, чтобы совмѣстными силами вести борьбу противъ дошедшихъ до безумія вооруженій господствующихъ классовъ“. Манифестъ заканчивается слѣдующими словами: „Тотъ же призывъ противъ войны, то же осужденіе вооруженнаго мира,—звучатъ одинаково въ обоихъ странахъ. Подъ знаменемъ интернаціонала, для котораго необходимое условіе—свобода и независимость каждой націи,—германскіе и французскіе соціалисты будутъ съ еще большей силой бороться противъ ненасытнаго милитаризма, противъ войны, разоряющей страны, во имя мира и взаимной солидарности народовъ“. (См. „Vorwärts“ 1913 г. № 51, отъ 1-го марта).

[2]) И безъ того очень слабое участіе нѣмцевъ, отрицательное отношеніе крупныхъ буржуазныхъ партій къ конференціи слишкомъ бросались въ глаза, не мало удивляя французовъ. Но германскіе реакціонеры даже это малое участіе считали чрезмѣрнымъ и называли участвовавшихъ 40—45 депутатовъ людьми, стоящими „ниже національнаго достоинства“. „Приглашающіе швейцарцы—безстыдники, разъ они осмѣливаются обращаться съ такимъ предложеніемъ къ германскимъ народнымъ представителямъ“. „Предложенія, идущія изъ-за границы противъ нашихъ необходимыхъ вооруженій, надо отвергнуть, какъ оскорбленіе по адресу нашей родины и нашего народа“. Много подобныхъ перловъ разсѣяно, по поводу бернской конференціи, въ номерахъ отъ 8-го и 19-го мая 1913 г. въ ультра-реакціонномъ органѣ аграріевъ „Deutsche Tageszeitung“.

всѣмъ тѣмъ попыткамъ, съ помощью которыхъ державы старались облегчить тяжелое, давящее бремя милитаризма, къ предложеніямъ объ ограниченіи вооруженій, къ усиліямъ установленія мирныхъ и солидарныхъ отношеній между странами, къ идеѣ созданія третейскаго суда.

И мы видѣли, на бьющихъ въ глаза фактахъ, что во время всѣхъ этихъ попыткахъ *единственнымъ недовольнымъ, отвергающимъ государствомъ* была Германія Бисмарка и Вильгельма, родина Круппа и Бернгарди, милитаризмъ, юнкертума и имперіализмъ бюргертума.

Такимъ огромнымъ зломъ была вооруженная Германія для народовъ Европы, мечтавшихъ о мирѣ.

III. ГЛАВА.

Скандалъ милитаризма.

(Разоблаченіе о Круппѣ и прочихъ).

1.

Подобно тому, какъ въ современныхъ милитаристическихъ странахъ самымъ цѣннымъ, высшимъ и желаннымъ для всѣхъ *институтомъ* считается *постоянное войско*, такъ и въ отрасляхъ капиталистическаго производства предпочтительное мѣсто отводится *военной промышленности*. Оружейные заводы и заводы боевого снаряженія, особенно если они являются государственными предпріятіями, подлежатъ такому же указу, охраненію и надзору, какъ самыя священныя тайны въ жизни государства.

Съ точки зрѣнія милитаристовъ, армія только тогда можетъ стоять на высотѣ своего призванія въ отношеніи той миссіи, которую она призвана выполнитъ какъ внутри страны, такъ и внѣ ея,—когда она вооружена новѣйшими оружіями и можетъ удовлетворить стратегически-техническимъ требованіямъ лучше, чѣмъ армія враждебнаго государства. Значитъ насколько милитаристическое государство стремится *численно увеличить* свое войско, настолько же оно заинтересовано въ томъ, чтобы одновременно развить свою *военную технику*.

Что же слѣдуетъ изъ этого? А то, что патріотизмъ, который исповѣдуется патентованными идеологами милитаризма,

выражающійся въ восхваленіи арміи, захватываетъ также учрежденія военной индустріи, арсеналы, потому что *въ современныхъ условіяхъ казарма ничто безъ арсенала.* Если присяжные милитаристы поютъ хвалу арміи за ту услугу, которую, по ихъ мнѣнію, она оказываетъ націи, «престолу и алтарю» отечества, то они не забываютъ одновременно объявить, что родина, вся нація должны быть благодарны также тѣмъ фирмамъ, которыя заботятся о дѣлѣ вооруженій новѣйшими способами совершенной техники. Насколько въ какой либо странѣ развивается милитаризмъ, какъ система, и культъ его дѣлается популярнымъ, какъ господствующая идеологія, настолько же, въ свою очередь, достигаетъ высокихъ степеней развитія военная индустрія и настолько же крупныя фирмы, представляющія эту индустрію, объявляются *національными институтами.*

Классическій примѣръ этого явленія мы имѣемъ въ Германіи съ ея *знаменитымъ Круппомъ.* Конечно, всѣ великія державы имѣютъ развитой милитаризмъ. Но мы видѣли, что система, существующая въ *идейной* и *практической* жизни Германіи, совершенно своеобразна по размѣрамъ господства и характеру выраженія. Конечно, всѣ милитаристическія страны имѣютъ крупные заводы, но то, что представляетъ изъ себя Круппъ, имѣется только въ Германіи. «Король пушекъ» (Kanonenkönig) Круппъ могъ появиться, развиться и дойти до исключительной высоты въ военной индустріи только въ Германіи, въ классической странѣ европейскаго милитаризма. Лѣтопись современной міровой трагедіи показала уже, что именно и сколько произвели мелкіе и крупные Круппы для германской арміи. Поэтому, естественно, что восторженное отношеніе къ институту войска, къ этому національному культу, отражается и на Круппѣ. Германскіе патріоты сложили патріотически-милитаристическій гимнъ въ честь Круппа: «Krupps Ehre—Deutschlends Ehre» (Честь Круппа—честь Германіи); такимъ образомъ крупповская фирма объявлена однимъ изъ самыхъ почетныхъ національныхъ институтовъ. Не только выдаются Круппу и его фирмѣ подобныя почести простыми бульварными демагогами или сервильно настроенными журналистами изъ рептильной прессы. Они только расцвѣчиваютъ, распространяютъ и популяризируютъ

тотъ патріотическій панегирикъ по адресу Круппа, творцомъ котораго является не кто иной, какъ самъ *верховный глава страны*, императоръ Вильгельмъ II. Германскій монархъ не только постоянно оказывалъ честь представителямъ Круппа, одаривая ихъ всякаго рода титулами, но и громогласно называлъ себя «самымъ интимнымъ личнымъ другомъ» основателя фирмы Фридриха Круппа. О томъ, какія чувства питалъ къ послѣднему кайзеръ, ясно показываетъ его рѣчь, сказанная по поводу смерти Круппа въ Эссенѣ, куда Вильгельмъ спеціально ѣздилъ, чтобы лично присутствовать на похоронахъ Круппа. Въ присутствіи членовъ дирекціи фирмы и представителей ея рабочихъ Вильгельмъ произнесъ хвалебную рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: «Я чувствую потребность выразить вамъ, какую глубокую боль чувствуетъ мое сердце по поводу смерти покойнаго. То же соболѣзнованіе выражаетъ вамъ ея величество императрица и королева и тоже чувство она выразила въ письмѣ къ г-жѣ Круппъ. Я и императрица часто пользовались гостепріимствомъ въ домѣ Крупповъ. Въ теченіе годовъ такъ сложились наши отношенія, что я могу считать себя *другомъ покойнаго* и его дома. Поэтому я пожелалъ присутствовать на печальномъ торжествѣ, чувствуя обязанность выразить сочувствіе вдовѣ моего друга и его дочерямъ. Тѣ своеобразныя условія, которыя сопровождаютъ печальный случай, одновременно дали мнѣ поводъ явиться сюда въ качествѣ *главы Германской имперіи*, чтобы держать щитъ германскаго императора надъ домомъ и памятью покойнаго. Кто былъ знакомъ съ нимъ близко, тотъ зналъ, какую тонкую натуру имѣлъ онъ».

Затѣмъ Вильгельмъ страстнымъ тономъ порицаетъ тѣхъ, которые, по его мнѣнію, были причиной смерти Круппа [1]).

«Въ германской странѣ,—продолжаетъ Вильгельмъ,—произошло происшествіе, столь низкое и позорное, что оно взволновало сердца всѣхъ, и каждый нѣмецкій патріотъ дол-

[1]) 15-го ноября 1902 г. „Vorwärts“ сообщилъ на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ иностранныхъ газетъ, что жившій тогда на островѣ Капри Фр. Круппъ обличенъ въ безнравственныхъ поступкахъ. Черезъ недѣлю 22-го ноября Круппъ умеръ отъ разрыва сердца. Нареканіе Вильгельма направлено противъ соціалъ-демократической газеты.

женъ краснѣть *изъ-за оскорбленія нанесеннаго нашему народу.* Оскорбить *чистокровнаго нѣмца,* который *всегда жилъ только для другихъ,* который всегда имѣлъ въ виду *благосостояніе родины,* и прежде всего *благосостояніе своихъ рабочихъ;* это оскорбленіе со своими послѣдствіями есть не что иное, какъ убійство... Кто же совершилъ такое позорное дѣяніе противъ *нашего друга?* Тѣ люди, которые до сихъ поръ считались нѣмцами, а теперь *недостойны этого имени»* (обратите особенное вниманіе на слова, подчеркнутыя нами).

Послѣ этого Вильгельмъ обращается спеціально къ представителямъ крупповскихъ рабочихъ и говоритъ имъ между прочимъ слѣдующее:

«Вы, рабочіе Круппа, всегда были вѣрны вашему *хозяину-работодателю* и чувствовали свою зависимость отъ него; чувство благодарности не погасло въ вашемъ сердцѣ. Повсюду за-границей я съ гордостью видѣлъ, какъ имя нашей германской родины *прославляется* благодаря произведеніямъ вашихъ рукъ (значитъ, благодаря крупповскимъ пушкамъ. Б. И.). Тѣ люди, которые хотятъ быть руководителями германскихъ рабочихъ (рѣчь идетъ о соц.-дем. партіи. Б. И.). *похитили у васъ вашего дорогого хозяина.* Теперь вамъ остается защитить честь вашего хозяина, защитить его память отъ оскорбленій. Я увѣренъ, что вы примете мѣры для того, чтобы дать почувствовать нѣмецкимъ рабочимъ, и показать, что вы отнынѣ мужественные и самолюбивые германскіе рабочіе, *щитъ чести которыхъ опороченъ,* порвутъ всякія связи съ авторами этого *позорнаго дѣла.* Кто не порветъ своихъ связей съ этими людьми, тотъ значитъ въ извѣстной мѣрѣ нравственно становится причастенъ къ этому дѣлу. Я увѣренъ, что германскіе рабочіе сознательны и понимаютъ тяжесть момента и, какъ нѣмцы, найдутъ рѣшеніе тяжелаго вопроса» [1]).

Особенно просимъ читателя съ глубокимъ вниманіемъ прочитать эту всесторонне любопытную рѣчь германскаго императора. Это первый случай, когда монархъ,—будь онъ

---

1) См. собраніе рѣчей Вильгельма II—„Das persönliche Regiment“, стр. 65—66.

вояжеръ и болтливый Вильгельмъ,—не только лично присутствуетъ на похоронахъ частнаго человѣка, хотя бы онъ былъ первымъ заводчикомъ и богачомъ въ государствѣ, но и произноситъ тенденціозную политическую рѣчь на его свѣжей могилѣ.

Секретъ, бросающій свѣтъ на это чрезвычайно рѣзко бьющее въ глаза явленіе и разъясняющій его внутренній смыслъ, опять-таки имѣетъ специфически-германскій характеръ.

Императоръ, абсолютный монархъ и главнокомандующій надъ всѣми войсками страны, оплакиваетъ потерю своего друга, *абсолютнаго монополиста—короля пушекъ.*

Что здѣсь страннаго съ точки зрѣнія чисто-германскаго милитаристическаго міровоззрѣнія? Вѣдь при современномъ общественномъ строѣ «абсолютные владыки и авторитеты» въ политической и экономической жизни существуютъ другъ для друга и одинъ съ помощью другого сохраняютъ господствующія позиціи. А такихъ крупныхъ и малыхъ «абсолютистовъ» съ ихъ *средневѣковыми и новѣйшими оплотами*, въ Германіи гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Очень характерно то обстоятельство, что Вильгельмъ не довольствуется выраженіемъ личнаго соболѣзнованія, а своему присутствію придаетъ официіально-политическій характеръ. Въ лицѣ его на траурномъ торжествѣ участвуетъ не только личный «другъ» покойнаго, но и «германскій императоръ», «глава Германской имперіи», который считаетъ необходимымъ взять подъ защиту имперскаго щита домъ и память покойнаго. «Особыя условія», сопровождавшія печальное происшествіе, заставили Вильгельма придать официіальный характеръ его участію. Это условія не что иное, какъ то, что соціалъ-демократическіе органы разоблачили безнравственные поступки Круппа. «Оскорбили» честь короля пушекъ, развѣ могъ смолчать король прусскій? Послѣдній долженъ былъ показать своеобразнымъ демонстративнымъ жестомъ, что германскій монархъ является защитникомъ-покровителемъ единственнаго владѣльца эссенскаго пушечнаго завода; и онъ порицаетъ, считаетъ недостойными нѣмцами всѣхъ «внутреннихъ враговъ», несмотря на то, что представительство этихъ «враговъ» составляетъ самую большую партію въ Германіи.

«Чистокровный нѣмецъ»—онъ только, Круппъ, который «жилъ для другихъ» и всегда имѣлъ въ виду благосостояніе своей родины и своихъ рабочихъ. Оскорблять честь Круппа, значитъ заставить краснѣть «всѣхъ германскихъ патріотовъ», значитъ позорить и оскорблять весь германскій народъ.

Трудно представить болѣе циничную, милитаристическую рѣчь. *Настоящій позоръ современной Германіи*, если хотите, представляютъ именно эти слова Вильгельма, его вся рѣчь о Круппѣ. Возвести на высокій пьедесталъ чистокровнаго патріотизма и соціальныхъ добродѣтелей человѣка, фирма котораго *ежегодно поглощала сотни милліоновъ* изъ государственныхъ финансовъ и эксплоатировала *силу десятковъ тысячъ рабочихъ* изъ несостоятельныхъ народныхъ слоевъ для того, чтобы въ гигантскихъ заводахъ производить орудія для организованнаго массоваго убійства! Сказать по адресу Круппа, что онъ «всегда жилъ только для другихъ», про человѣка, который всегда производилъ крупнѣйшія пушки, *чтобы ураганнымъ огнемъ сѣять смерть и разрушеніе!* И величайшій циникъ 20-го вѣка осмѣливается во имя патріотизма требовать отъ эксплоатируемой рабочей массы повиновенія и любви по отношенію къ хозяину *самой преступной фирмы* 19-го и 20-го вѣковъ.

2.

Такимъ образомъ все больше и больше растетъ популярность Круппа, все болѣе и болѣе углубляется общественное и правительственное уваженіе къ этой безпримѣрной фирмѣ. Круппъ сталъ гранитнымъ столпомъ прусско-германскаго милитаризма, завѣтнымъ символомъ германскаго боевого патріотизма. Но вотъ, по прошествіи 11-ти лѣтъ съ того дня, когда Вильгельмъ произнесъ свой восторженный цифирамбъ памяти «покойнаго друга», произошелъ знаменательный случай, который разбилъ гармонію безумныхъ хваленій по адресу Круппа.

Опять поднялись на горизонтѣ «внутренніе враги» Вильгельма и на этотъ разъ *съ уничтожающими документами въ рукахъ срываютъ покровъ и разоблачаютъ истиннаго Круппа, тѣмъ самымъ попирая его культъ въ Германіи.*

Тѣ разоблаченія, которыя сдѣлалъ соціалъ-демократическій

депутатъ Либкнехтъ въ германскомъ рейхстатѣ въ апрѣлѣ 1913 года, можемъ назвать *скандаломъ милитаризма* или *панамой капитала вооруженій* (Rüstungskapital). Судебнымъ слѣдствіемъ было установлено публично на основаніи вполнѣ удостовѣренныхъ документовъ, что оружейные, пушечные и другіе военные заводы, эти неисчерпаемые резервуары капиталистическаго милитаризма, не только поглощаютъ колоссальныя суммы изъ государственной казны, въ высокой мѣрѣ эксплоатируя податное населеніе, но и тайными провокаціями черезъ агентовъ травятъ правительство другъ противъ друга, сѣютъ вражду между націями, чтобы тѣмъ ускорить повсюду темпъ вооруженій. На бурныхъ засѣданіяхъ рейхстага 18-го и 19-го апрѣля 1913 года, К. Либкнехтъ сдѣлалъ слѣдующія сенсаціонныя разоблаченія, изъ которыхъ мы приведемъ лишь нѣсколько существенныхъ пунктовъ.

Съ давнихъ поръ Круппъ содержитъ въ Берлинѣ свое спеціальное бюро. Съ половины перваго десятилѣтія нашего вѣка у монополиста Круппа появляются конкуренты въ той же Германіи (напр. фирма Эргарда) и правительство иногда дѣлаетъ заказы также конкурентамъ Круппа, что заставляетъ нервничать «короля пушекъ». Но напряженныя усилія публичнаго соперничества оказалось недостаточными. Дирекція Круппа организуетъ тайные пути подпольной работы. При берлинскомъ бюро организуются тайныя агентства (1906), во главѣ котораго ставится нѣкто Брандъ (бывшій военный — фельдфебель при арсеналѣ). Миссія Бранда состояла въ слѣдующемъ: завести знакомства, создать близкую связь съ чиновниками канцеляріи *военнаго и морского министерствъ и черезъ нихъ посредствомъ подкупа получить копіи съ секретныхъ документовъ и рѣшеній.*

Рѣшенія эти относятся какъ къ вопросу вооруженій такъ и къ намѣреніямъ высшихъ инстанцій относительно новыхъ заказовъ и конструкцій, причемъ особенное вниманіе удѣляется предлагаемымъ другими фирмами условіямъ и отношенію высшихъ инстанцій къ доставляемымъ товарамъ и ихъ цѣнамъ.

Благодаря ловкой дѣятельности своего тайнаго агента, въ распоряженіи котораго эссенская фирма предоставляла огромныя средства, она имѣла полную возможность заранѣе и де-

тально знакомиться со всѣми этими безусловно *чисто-военными секретами.* Всѣ эти секретные документы и писанія подъ общимъ названіемъ «Kornwalzer», Брандъ отсылалъ въ эссенскую дирекцію, которая, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, передавала ихъ одному важному и высшему должностному лицу фонъ-Девицу для сохраненія въ особомъ, тайномъ шкафу.

Разоблаченія Либкнехта произвели потрясающее впечатлѣніе на всѣ партіи рейхстага [1]... Это вѣроятно первый случай во всей исторіи рейхстага, когда крайніе правые произносятъ слова осужденія и возмущенія по адресу виноватаго на основаніи разоблаченій, сдѣланныхъ соціалъ-демократомъ.

Также поступилъ католическій центръ.

Рѣзко выступила буржуазная лѣвая (радикалы-либералы) [2], а національ-либералы воздержались до окончанія слѣдствія по дѣлу. Ультра милитаристскіе органы, которые прежде неустанно пѣли,—«Krupps Ehre—Deutschlands Ehre», теперь

[1]) До своихъ публичныхъ разоблаченій (подробн. см. „Vorwärts", №№ 93. 94 отъ 19 и 20 го апрѣля 1913 года) Либкнехтъ сообщилъ секретно военному министру имѣющіяся у него свѣдѣнія для производства обыска, обнаруженія нужныхъ документовъ и задержанія виновныхъ. Такъ и было сдѣлано. За два мѣсяца до разоблаченій сыскная полиція нашла у помянутаго служащаго Девица около тысячи документовъ, секретныхъ, а у арестованнаго берлинскаго агента, Бранда—три полныхъ ящика важныхъ документовъ и писемъ. Одновременно были арестованы изобличенные въ передачѣ военныхъ секретовъ военно-служащіе А. Пфейферъ, Гоге, Дрезе, Адольфъ Тиліанъ, Гинстъ, Гельмутъ Шлейдеръ, Юргенъ Шмидтъ, которыхъ Брандъ сумѣлъ подкупать. Слѣдствіе по дѣлу тянулось цѣлыхъ четыре мѣсяца, послѣ чего судомъ была доказана тайная агентурная дѣятельность, организованная фирмою Круппа, и арестованные были наказаны. Однако для германскихъ отношеній характерно то обстоятельство, что по особому распоряженію правительства была пощажена дирекція фирмы, значитъ былъ пощаженъ ея престижъ, несмотря на то, что тайное агентство было организовано съ полнымъ сознаніемъ его значенія именно фирмой. Наказаніе понесли лишь низшіе служащіе.

[2]) Либеральная газета Frankfurter Zeitung въ передовой статьѣ по поводу разоблаченій Либкнехта пишетъ между прочимъ (21-го апрѣля): „Разоблаченіями этими прибавился документъ, который имѣетъ столь-же историко-культурное, сколько большое историко-государственное значеніе. Конечно, документъ, для квалификаціи котораго никакое выраженіе возмущенія не можетъ быть суровымъ. Въ противоположность прикрывающей тактикѣ реакціонной печати рейхстагъ единодушнымъ мнѣніемъ осудилъ на основаніи разоблаченій депутата Либкнехта фирму военной индустріи. Этимъ дано было Круппу ясно понять, что никакія объясненія и завѣренія фирмы больше не помогутъ, что теперь, наоборотъ, безпощадно будутъ разоблачены всѣ его дѣйствія"...

взволнованно запѣли тревожнымъ тономъ безумную мелодію— «Krupps Schande—Deutschlands Schande»,—«Позоръ Круппа, позоръ Германіи»,—но не противъ преступника, а противъ разоблачителя, считая его дѣйствія направленными прежде всего противъ Германіи. Въ одномъ они были совершенно правы. Поскольку Круппъ, какъ исключительный гигантъ въ военной индустріи, своимъ происхожденіемъ, развитіемъ и образомъ дѣйствія является специфическимъ порожденіемъ германской милитаристической системы, постолько *всѣ отрицательныя стороны дѣятельности его отражаются на всей офиціальной Германіи*. И въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, «позоръ Круппа—позоръ Германіи».

По тѣмъ же соображеніямъ германскій судъ такъ скоро закончилъ крупный процессъ противъ Круппа, принявшій характеръ панамы. Тѣми же соображеніями продиктована рѣчь военнаго министра фонъ Геернига, который въ рейхстагѣ выразилъ глубокое удивленіе и сожалѣніе по поводу поступка Либкнехта, рѣшившагося объявить во всеуслышаніе, передъ всѣмъ міромъ факты противъ Круппа. Правительству было бы очень желательно, чтобы не все стало извѣстно, чтобы грязные поступки Круппа, милитаристскій скандалъ, *германская система* не были разоблачены, а чтобы все было разобрано негласно, при закрытыхъ дверяхъ. Смѣлость министра дошла до того, что онъ даже нашелъ слово защиты для Круппа въ этой позорной исторіи. Онъ просилъ рейхстагъ воздержаться отъ осужденія фирмы, которой «германская армія многимъ обязана, сотрудничая съ ней въ теченіе вѣковъ».

Либкнехтъ далъ достойный отвѣтъ прусскому юнкеру, уничтожающими фактами разоблачивъ все банкротство милитаристскаго патріотизма.

Не Германія должна быть благодарна Круппу, а послѣдній долженъ благодарить нѣмецкій народъ, изъ кармановъ котораго Крупъ расцвѣтшій, развившійся на счетъ благосостоянія нѣмецкаго народа, загребаетъ сотни милліоновъ. Какъ у всякаго спекулянта-гешефмахера, у Круппа патріотизмъ исключительно «процентный» (Prozentpatriotismus). И Либкнехтъ показалъ, что Круппъ продаетъ свои орудія Германіи дороже, чѣмъ иностраннымъ государствамъ, потому

что внутри онъ почти монополизировалъ рынокъ продуктовъ военной индустріи, а въ другихъ государствахъ онъ принужденъ продавать дешевле, чтобы побѣдить мѣстныхъ конкурентовъ.

Крупповская фирма—патріотическая фирма! Для характеристики этой обанкротившейся идеологіи милитаристовъ Либкнехтъ приводитъ два чрезвычайно характерныхъ документа: письмо Фридриха Круппа къ Наполеону III отъ 29-го апрѣля 1868 г. и отвѣтъ, полученный отъ послѣдняго. Письмо Круппа такого содержанія:

«Польщенный тѣмъ интересомъ, который Ваше Величество выказываетъ по отношенію къ простому заводчику и благопріятнымъ результатамъ его усилій и несказанныхъ жертвъ, вновь осмѣливаюсь просить Ваше Величество соизволить принять присылаемый при семъ атласъ. Онъ заключаетъ въ себѣ собраніе различныхъ рисунковъ относительно изготовляемыхъ на моихъ фабрикахъ и заводахъ предметовъ. Я надѣюсь, что особенно послѣднія четыре страницы на минуту привлекутъ вниманіе Вашего Величества; онѣ представляютъ *вылитыя стальныя пушки*, какія я изготовилъ *для различныхъ высокихъ правительствъ Европы.* Съ глубочайшимъ почтеніемъ, величайшимъ восхищеніемъ остаюсь Вашего Величества всеподанный и всепокорный слуга». На это письмо Круппъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ Наполеона: «Императоръ съ большимъ интересомъ принялъ атласъ, и Его Величество приказали выразить вамъ благодарность за ваше сообщ. и сказать вамъ, что Его Величество *съ живымъ интересомъ желаетъ успѣха и развитія индустріи, призванной оказать большую услугу человѣчеству»* [1]).

Это тотъ самый Фридрихъ Круппъ, смерть котораго съ такимъ сожалѣніемъ оплакивалъ Вильгельмъ II, какъ хорошаго пріятеля, чистокровнаго нѣмца и истиннаго патріота. Нѣмецкій «нищій патріотъ» обращается съ унизительными просьбами къ «высокимъ правительствамъ», имѣя въ виду

---

[1]) См. Эти письма въ „Vorwärts“ № 94 отъ 20 апрѣля 1913 года. Письма эти Либкнехтъ взялъ изъ извѣстнаго сборника: „Briefe deutscher Bettelpatrioten“ „Письма германскихъ нищихъ патріотовъ“. Фридрихъ Круппъ за свое письмо попалъ въ разрядъ такихъ „нищихъ патріотовъ“.

только *полученіе выгодныхъ заказовъ и господство надъ пушечнымъ рынкомъ*, ничего больше. Будетъ ли то или иное государство врагомъ или другомъ Германіи,—это не имѣетъ никакого значенія съ точки зрѣнія международнаго оборота военно-индустріальнаго капитала? Фирма, владѣлецъ которой не стѣснялся угодничать передъ самымъ крупнымъ врагомъ Германіи—Наполеономъ, не остановилась и передъ созданіемъ тайной агентурной дѣятельности для вывѣдыванія военныхъ секретовъ съ помощью подкупа. Въ томъ и въ другомъ случаѣ руководящимъ мотивомъ для Круппа были интересы высокопроцентной эксплоатаціи, политика собственныхъ гешефтовъ.

Вотъ съ какой фирмы сорвалъ маску Либкнехтъ въ 1913 году.

3.

Не меньшее значеніе имѣли и другія разоблаченія Либкнехта. Было установлено, что военно-промышленныя фирмы не только эксплоатируютъ спекулятивными гешефтами государственную казну, слѣдовательно, также податное населеніе, но и берутъ на себя миссію преступной политической агитаціи, возбуждая одну страну противъ другой на почвѣ вооруженій, искусственно разжигая національно-враждебныя настроенія. Примѣры этого позорнаго милитаристскаго скандала опять-таки даетъ Германія. Либкнехтъ обнародовалъ одинъ въ высшей степени краснорѣчивый документъ, который показываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ германскія фирмы для провокаціонныхъ выступленій на столбцахъ французскихъ органовъ.

Рѣчь идетъ объ очень извѣстной фирмѣ «Deutsche Munitions— und Waffenfabriken». Эта фирма считала добродѣтелью подкупъ редакцій французскихъ вліятельныхъ органовъ черезъ своего парижскаго представителя съ тѣмъ, чтобы въ этихъ органахъ печатались *создающія панику сенсаціонныя новости*, якобы со стороны французскаго правительства, относительно новыхъ вооруженій французской арміи, чтобы этимъ создать стимулъ къ новымъ вооруженіямъ для Германіи,

другими словами, чтобы обезпечить фирму новыми заказами на боевые припасы и оружіе. Ниже мы приведемъ такой чрезвычайно любопытный документъ въ подробностяхъ подлинника. Упомянутая фирма обращается къ своему парижскому представителю со слѣдующимъ письмомъ.

Personalakten.
Abschrift.
Bl. 15.
Herrn...
Paris
G. 8236.
(G.—Geheimregistratur).

Wir drahteten Jhnen soeben: «Bitten unseren heutigen Brief in Paris abwarten».

Grund dieser Depesche war, dass wir die Aufnahme eines Artickels in einer der gelesensten französischen Zeitungen, möglichst im «Figaro», durchsetzen möchten, welcher folgenden Jnhalt haben soll.

«Die französische Heeresverwaltung hat sich entschlossen, die Neubewaffnung der Armee mit Maschinengewehren erheblich zu beschleunigen und die doppelte Anzahl als zuersf beabsichtigt zu bestellen».

Wir bitten sie alles aufzubieten, um die Aufnahme eines derartigen Artickels zu erreichen.

Hochachtungsvoll
Deutsche Munitions—und Waffenfabriken
von Gontard.
Posegarten [1]).

---

[1]) См. „Vorwärts“ 1913 г. № 94, отъ 20-го апрѣля. Содержаніе письма таково: „Мы сію минуту телеграфировали вамъ слѣдующее: „просимъ, подождать нашего письма, въ Парижъ“. Телеграмма эта вызвана тѣмъ, что намъ желательно помѣстить въ одной изъ самыхъ читаемыхъ французскихъ газетъ, по возможности, въ „Figaro“, статью, которая должна имѣть слѣдующее содержаніе: „французское военное управленіе рѣшило ускорить новое вооруженіе арміи механическими ружьями и прежде всего дать заказы въ двойномъ количествѣ“. „Просимъ вась прнмѣнить всѣ средства, чтобы статья эта была принята. Съ уваженіемъ „Германскій заводъ боевыхъ припасовъ и огнестрѣльнаго оружія“ фонъ Гонтардъ, Позегартенъ.

Либкнехтъ доказалъ, что содержаніе этого писанія было извѣстно военному министру года 2—3 тому назадъ, но онъ не огласилъ этого позорнаго документа и никакихъ мѣръ не принялъ противъ фирмы Гонтарда. Изъ этого вытекалъ *логическій выводъ*, котораго не сдѣлалъ въ свое время Либкнехтъ, но съ полнымъ основаніемъ можемъ сдѣлать мы, очевидцы міровой трагедіи. Одну ли экономическую подкладку имѣла эта провокація вышеупомянутой фирмы? Нѣтъ ли тутъ *глубоко осознанныхъ политическихъ мотивовъ*, за которыми скрываются уже не представители фирмы, а военные столпы германской военной партіи, патентованные представители милитаризма? Въ оправданіе быстрыхъ вооруженій и подготовленій къ желанной войнѣ германскіе милитаристы имѣютъ обыкновеніе указывать на военныя приготовленія сосѣдей—соперниковъ. Значитъ для нихъ, напримѣръ, для генеральнаго штаба и всѣхъ руководителей «Kriegs- und Wehrverein» — а столь же желательно *съ военной и политической точекъ зрѣнія* возбужденіе населенія вымышленными газетными алармистскими свѣдѣніями для подготовки почвы, для новыхъ военныхъ законопроектовъ, насколько это желательно для военнаго завода съ точки зрѣнія матеріальныхъ гешефтовъ,—чѣмъ быстрѣе темпъ вооруженій, тѣмъ больше правительственные заказы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что военно-промышленныя фирмы и руководители военной партіи имѣютъ всѣ основанія *работатъ солидарно во славу милитаризма*, Нельзя объяснить недоразумѣніемъ или безпечностью, что германскій военный министръ не предпринялъ никакого активнаго шага противъ фирмы по поводу провокаціоннаго письма съ которымъ онъ понакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кто же, наконецъ, военный министръ, какъ не *выразитель воли высшей офицерской камарильи*, политическій представитель *генеральнаго штаба*, по своимъ стремленіямъ никогда не расходящійся съ ними. А стало быть министръ и Ко знаютъ и сознаютъ, какой позиціи нужно держаться передъ народнымъ представиельствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Эти утвержденія наши становятся еще болѣе вѣроятными и обоснованными фактически, если принять во вниманіе, какіе

крупные тузы политическаго и финансоваго міра сидятъ въ совѣтѣ упомянутой фирмы [1]).

Подобно крупповскому случаю, скандалъ съ «заводами военнаго снаряженія и огнестрѣльнаго оружія" вызвалъ большую сенсацію и сталъ объектомъ общественнаго осужденія. Замѣтивъ разоблаченіе своей подпольной дѣятельности, милитаристы на нѣкоторое время почувствовали себя обезоруженными. Либеральная печать не преминула выступить съ рѣзкой критикой [2]).

Но этимъ не кончаются разоблаченія Либкнехта. Выясняется, что заводъ военнаго снаряженія и огнестрѣльнаго оружія старался не только *получить большіе военные заказы* съ помощью политической провокаціи, но и стремился *объединить фирмы той же отрасли въ одинъ крупный синдикатъ*, чтобы тѣмъ устранить всякую конкуренцію и имѣть возможность свободно и односторонне диктовать правительствамъ свои условія, иными словами, чтобы *въ болѣе крупномъ масштабѣ и на болѣе прочномъ основаніи грабить государственную казну.*

Три большихъ фирмы—«Deutsche Munitions-und Waffenfabriken» (въ Берлинѣ), «Waffenfabrik Mauser» (акціон. общество въ нѣмецкомъ Оберндорфѣ) и «Fabrique Nationale d'Armes de Guerre» (бельгійское общ. близь Льежа), по иниціативѣ первой и во главѣ съ ней образовали группу (I) и вошли въ картель (въ 1905 г.) съ крупной австрійской

---

[1]) Въ числѣ членовъ контрольнаго совѣта имѣются представители первоклассныхъ германскихъ банковъ (напр. Diskontogesellschaft, Dresdener Bank и др.), а также князь Гвидо Бенкель фонъ Донкерсмаркъ, вице-адмиралъ Гансъ Заккъ и др.

[2]) Извѣстная либеральная газета „Frankfurter Zeitung" считаетъ дѣятельность этого завода болѣе крупнымъ скандаломъ и болѣе опасной, чѣмъ случай съ Круппомъ. „Первый разъ выяснилось для всѣхъ,—пишетъ газета по поводу упомянутаго письма—что, дѣйствительно, легкомысленная игра ведется со счастіемъ народовъ, съ миромъ и благоденствіемъ по той лишь причинѣ, чтобы этимъ нѣсколько промышленныхъ предпріятій могли получать большіе заказы. Едва ли можно представить себѣ что-нибудь болѣе постыдное для капиталистической культуры и современныхъ политическихъ отношеній европейскихъ народовъ. Но этимъ нельзя исчерпать случай. Мы хотимъ знать, нѣтъ-ли другихъ писемъ подобнаго рода, укрытыхъ въ тайныхъ архивахъ военно-промышленныхъ предпріятій. Мы хотимъ знать, какими нитями связаны эти предпріятія съ провокаторами безумныхъ вооруженій по ту и по сю сторону границы". И для всесторонняго освѣщенія этихъ вопросовъ либеральный органъ предлагалъ учредить парламентскую слѣдственную комиссію, облеченную судебной компетенціей. Требованіе, осуществленіе котораго было въ Германіи невообразимо.

фирмой „Oesterreichische Waffenfabriks-Gesellschaft“ (II группа[1]). Эти двѣ группы условились соединенными силами защищать интересы друга друга во всѣхъ тѣхъ странахъ, куда онѣ доставляютъ военные припасы и оружіе. Было рѣшено вмѣстѣ содержать агентовъ, вмѣстѣ выработать тарифъ и дѣлить выгоды. Въ общую кассу I группа внесла 62½% общаго капитала (первая, главная 30%, вторая—21¼%, а третья бельгійская—11¼%), а вторая (II) группа австрійская 37½%. Было установлено основное, для всѣхъ обязательное условіе: чтобы ни одна фирма не конкурировала съ другой на родинѣ послѣдней, оставивъ ее въ монополію отечественнымъ фирмамъ: Германію съ ея колоніями—германскимъ заводамъ, Австрію—австрійскимъ и Бельгію—бельгійской. И, наоборотъ, другія страны остаются въ *общей эксплоатаціи* этой международной военно-промышленной картели. Подъ другими странами въ данномъ случаѣ нужно понимать всѣ тѣ страны, гдѣ еще слабо развита капиталистическая промышленность, такъ что онѣ какъ въ отношеніи другихъ товаровъ, такъ и въ отношеніи пушекъ и оружія осуждены быть рынкомъ для экспортной индустріи чужихъ странъ. Картель упомянутыхъ фирмъ доставляетъ боевые припасы и оружія слѣдующимъ странамъ: въ Россію, Японію, Китай, Турцію, Испанію, Болгарію, Сербію, Грецію, Румынію, Абиссинію и т. д.

4.

Разоблаченія Либкнехта нашли большой откликъ заграницей, особенно въ конкурирующихъ государствахъ. Прогрессивная и демократическая печать горячимъ словомъ привѣтствуетъ смѣлую критику народнаго представителя, его *безпощадные моральные удары* по адресу чудовищнаго вампира, сосущаго соки населенія, все равно будетъ то милитаризмъ германскій или какой-либо другой страны. „Господинъ Либкнехтъ—замѣчаетъ очень разумно англійская газета «Daily News»—далъ въ руку каждому гражданину-налого-

[1]) Подробн. данныя объ этомъ см. въ „Vorwärts“ № 102, отъ 28 апрѣля 1913 г.

плательщику,—будь онъ англичанинъ, нѣмецъ или французъ—документъ, который можетъ послужить поводомъ къ спасенію всѣхъ демократій Европы» [1]).

Но англійскіе органы печати, болѣе, чѣмъ печать какой-либо другой страны, поднявшіе шумъ вокругъ нѣмецкихъ разоблаченій, подчеркивали очень таинственнымъ тономъ, что подобный скандалъ вооруженія болѣе или менѣе характеренъ для всѣхъ милитаристскихъ странъ. Напримѣръ, «Daily Chronicle» въ своей передовицѣ по этому поводу замѣчаетъ: «Взаимныя отношенія между англійскимъ адмиралтействомъ и крупными судостроительными фирмами не менѣе интимны, чѣмъ отношенія, существовавшія между Круппомъ и германскимъ правительствомъ» [2]).

«Было бы большой ошибкой,—пишетъ та же газета въ другомъ мѣстѣ,—думать, что разоблаченія, сдѣланныя въ рейхстагѣ д-ромъ Либкнехтомъ о тѣхъ способахъ, съ помощью которыхъ германскіе заводчики на вооруженіи выращивали свою смертоносную промышленность, относятся только къ Германіи и ея плательщикамъ налоговъ. Отношенія между нашими военными и военными заводчиками общеизвѣстны и становятся все болѣе и болѣе интимными,—бывшіе служащіе по военной части назначаются директорами фирмъ».

А, газета «Labour Leader», ободренная германскими разоблаченіями, со своей стороны, на основаніи документовъ дѣлаетъ рядъ разоблаченій относительно англійскихъ фирмъ, о чемъ стоитъ здѣсь упомянуть вкратцѣ. Такъ, подобно тому, какъ производство пушекъ, боевыхъ припасовъ и всякаго вооруженія сосредоточилось въ крупныхъ фирмахъ и получило характеръ монополіи прежде всего въ *самомъ сильномъ контитентальномъ государствѣ*, такъ и дѣло военнаго судостроенія сосредоточилось и монополизировалось въ гигантской картели въ *сильнѣйшей морской державѣ*.

«Мы признаемся совершенно открыто,—пишетъ вышеупомянутая англійская газета,—что британское правительство, британская нація находятся въ когтяхъ военнаго треста, который столь же силенъ и антипатріотиченъ, какъ германскій» [3]).

---

[1]) См. „Vorwärts", корреспонденціи изъ Лондона въ № 100, отъ 26 апрѣля 1913 г.

[2]) „Vorwärts" № 96 отъ 22-го апрѣля.

[3]) „Vorwärts" 1913 г. № 100.

Этотъ трестъ поглотилъ или погубилъ всѣ фирмы, работавшія на вооруженіе, и онъ одинъ получаетъ всѣ заказы, какъ изъ-за границы такъ и внутри страны. Сохранилась только одна фирма, подъ названіемъ „Scott in Greenock", которая выдержала борьбу съ трестомъ. Въ этотъ трестъ входятъ: Vickers Ltd., John Brown and C° Ltd., Armstrong, Whitworth and C° Ltd., и т. д. Всѣ эти фирмы объединены и совершенно монополизировали англійскій рынокъ. Этотъ трестъ такъ же близокъ съ морскимъ министерствомъ, какъ Круппъ—съ нѣмецкимъ военнымъ министерствомъ, несмотря на то, что трестъ выполняетъ англійскіе заказы по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ заграничные; точь въ точь такъ, какъ Круппъ поступаетъ въ Германіи.

Англійскій трестъ стремился всячески сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ заграничные заказы. Онъ въ англійскихъ судостроительныхъ заводахъ строилъ суда для Японіи, Чили, Бразиліи, Турціи и Греціи; на средиземноморскихъ своихъ заводахъ трестъ строилъ суда для Испаніи, Италіи, Австріи и Россіи. Въ Канадѣ трестомъ выстроены судостроительные заводы для мѣстныхъ нуждъ.

Вотъ какова сила и степень распространенія англійскаго треста.

Что показываютъ всѣ подобнаго рода разоблаченія?

Полное банкротство милитаристскаго патріотизма.

Столпы милитаризма и маринизма, фирмы сухопутнаго и морского вооруженій, скрываясь подъ ложнымъ флагомъ защиты отечества, на самомъ дѣлѣ лишь заботятся о спекулятивныхъ гешефтахъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ собственныхъ интересовъ. Какъ для всякаго рода капиталистической эксплуатаціи, такъ и для военной индустріи не существуетъ ограниченная извѣстными предѣлами территорія по имени *отечество*. Ихъ родина вездѣ, служители этой индустріи всѣхъ „любятъ", выражаютъ свое почтеніе всѣмъ, при посредствѣ которыхъ ихъ гешефты могутъ расцвѣсти, они могутъ получать крупные заказы, и накапливать милліоны. Фридрихъ Круппъ такъ же вѣрноподданнически унижался передъ врагомъ своего „отечества", какъ передъ монархомъ своего «отечества». *Врагъ Германіи не былъ вра-*

томъ Круппа, потому что пушки нужны были всѣмъ, и Круппъ долженъ былъ улыбаться всѣмъ.

Эти фирмы, плавающія въ широкомъ океанѣ интернаціональной эксплуатаціи, лишь тогда выставляютъ *національный флагъ и клянутся его именемъ,* когда имъ нужно силой устранить опасныхъ конкурентовъ или завоевать новые рынки и колоніи, т. е., когда необходимо прибѣгнуть къ помощи вооруженнаго кулака отечественнаго государства.

Это тѣ „патріотическія“ фирмы, которыя ради полученія крупныхъ и частныхъ заказовъ не останавливаются ни передъ какимъ преступнымъ средствомъ: подкупаютъ чиновниковъ, вступаютъ съ ними въ заговоръ для систематической выдачи военныхъ секретовъ, печатаютъ провокаціонныя статьи въ иностранныхъ газетахъ съ цѣлью обостренія международныхъ отношеній и ускоренія темпа вооруженій.

На какой только скандалъ не способенъ милитаризмъ!

Третья часть.

Вооруженная Германія—въ цифровыхъ величинахъ.

I. ГЛАВА.

Развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Германіи

(статистическія данныя и критическія освѣщенія).

1.

Мы теперь дошли до того пункта, когда нужно представить вооруженную Германію въ цифровыхъ величинахъ. Каковы осязательные признаки спѣшныхъ приготовленій этой милитаристической страны? Каковъ былъ ходъ развитія ея сухопутныхъ и морскихъ силъ за послѣднія десятилѣтія, когда ихъ *верховнымъ главнокомандующимъ* сталъ Вильгельмъ II?

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали къ каждому германскому шагу по пути вооруженія приводить сравнительныя данныя относительно другихъ государствъ. Такія сравненія мы сдѣлаемъ только въ отношеніи извѣстныхъ періодовъ.

На всѣ справедливыя возраженія противъ необходимости безпрерывнаго увеличенія германскихъ военныхъ силъ, обыкновенно вы слышите со стороны офиціальнаго политика и общественнаго идеолога все тотъ же шаблонный отвѣтъ. Они ищутъ якобы справедливое основаніе къ усиленію военныхъ

силъ въ увеличеніи германскаго населенія: германская армія должна сохранять въ своемъ развитіи правильное отношеніе (пропорцію) къ нѣмецкому населенію. «Увеличивающійся народъ долженъ быть защищаемъ увеличивающимся войскомъ [1]). Эта обманчивая фраза въ устахъ нѣмца имѣетъ значеніе аксіомы.

Этотъ принципъ въ дѣйствительности не проводится ни въ одной странѣ, ни даже въ опруссаченной Германіи. Его легко эксплоатируютъ новѣйшіе милитаристы для сокрытія агрессивныхъ мотивовъ своихъ вооруженій.

Еслибъ, дѣйствительно, такая пропорція сохранялась въ германскихъ государствахъ между численной величиной арміи и количествомъ народонаселенія, то они, и прежде всего Пруссія—были-бы въ прошломъ самыми жалкими странами въ отношеніи военныхъ силъ. А между тѣмъ извѣстно изъ исторіи, что Пруссія довела до такого безпримѣрнаго размѣра свои вооруженныя силы, что она одна съ своимъ немногочисленнымъ населеніемъ очень часто была въ силахъ выставить больше войска, чѣмъ самое сильное и самое большое государство того времени. Слѣдующія числа краснорѣчиво подтверждаютъ наши слова.

Пруссія имѣла:

	населенія:	войскъ:	
1688 г. . .	1 милліонъ	30.000	чел.
1713 г. . .	$1^1/_2$ «	40.000	«
1740 г. . .	2,2 «	80.000	«
1786 г. . .	5,4 «	200.000	«

Въ этотъ почти столѣтній періодъ населеніе Пруссіи возросло на 440% (главнымъ образомъ, благодаря завоеваніямъ), армія же увеличилась приблизительно на 600%. Разумѣется, тутъ и рѣчи не можетъ быть о пропорціи.

И болѣе того. Во вторую половину XVIII вѣка (приблизительно въ 60—80-ыхъ годахъ) слѣдующія страны имѣли (по возможности въ круглыхъ числахъ):

---

[1]) См. извѣстную намъ книгу: „Изъ-за чего мы воюемъ"—англійскихъ префессоровъ, стр. 39.

[2]) Цифровыя данныя см. у проф. В. Зомбарта: „Krieg und Kapitalismus", 1913 года, Мюнхенъ, стр. 41 и 42.

	Населеніе.	Количество арміи.
Австрія	18 милліоновъ	297.000
Россія	26 «	224.500
Пруссія	5 «	190.000
Франція	24 «	182.000
Великобританія	12 »	21.000
Испанія	10 [1]) »	85.000 [2])

Читатель ясно видитъ изъ этихъ краснорѣчивыхъ чиселъ, что германскія страны—Австрія и Пруссія—содержали арміи, вовсе не соотвѣтствующія количеству ихъ населенія и превосходившія военныя силы всѣхъ другихъ странъ. Населеніе Австріи на восемь милліоновъ было меньше россійскаго, но, несмотря на это, австрійская армія на 73000 чел. превосходила русскую. Жалкая Пруссія съ 5-ти миліоннымъ населеніемъ осмѣливалась содержать большую армію, чѣмъ сильнѣйшая въ то время въ Европѣ держава—Франція со своимъ 24-25-и милліоннымъ населеніемъ. Характерно признаніе французскихъ офицеровъ. Въ 1789 г. офицеры страсбургскаго французскаго гарнизона преподнесли адресъ національному собранію и Людовику XVI; въ этомъ адресѣ французскіе офицеры провозглашаютъ прусскую армію *образцовой*. Въ это время Франція имѣла 10.200 квадр. миль пространства, 25,300.000 населенія и всего 181359 ч. постояннаго войска, между тѣмъ какъ Пруссія занимала пространство въ 3600 кв. миль, имѣла 6.000.000 населенія и, обратите вниманіе, 207.224 чел. постояннаго войска! Въ это время Франція имѣла государственныхъ доходовъ 300 милліон. марокъ въ годъ, а Пруссія—69 милліоновъ [3]). Ясно, какимъ тяжелымъ бременемъ являлась прусская армія для народнаго и государственнаго хозяйствъ.

Чтобы сдѣлать болѣе осязательнымъ колоссальное различіе между отношеніями населенія къ количеству арміи въ

[1]) О количествѣ народонаселенія см. трудъ извѣстн. англ. статистика: The Dictionary of statistics by Michael G. Mulhall, Лондонъ 1899, отдѣлъ „Population“ стр. 441.

[2]) О количествѣ войскъ см. вышеупомянутую книгу Зомбарта стр. 42—43.

[3]) См. Kurt Eisner: „Das Ende des Reiches“, Берлинъ, 1907 г. стр. 360.

вышеупомтнутыхъ 6 государствахъ изобразимъ это различіе въ процентахъ.

Процентное отношеніе между войскомъ и количествомъ населенія:

Въ Пруссіи	3,8 %	Въ Испаніи	0,85%
» Австріи	1,7 »	» Франціи	0,76 »
» Россіи	0,86 »	» Великобританіи	0,17 »

Какъ видите, Пруссія стоитъ на первомъ мѣстѣ, 3,8% ея населенія призывалось подъ ружье въ мирное время. Это невиданный ни въ какой странѣ фактъ въ исторіи до нашихъ дней, если даже взять современную Пруссію и Германію. Даже Австрія со своимъ 1,7%-омъ не имѣла такого отношенія между населеніемъ и количествомъ арміи. А въ остальныхъ странахъ армія не составляла даже одного процента населенія страны.

Подобное процентное отношеніе между прусскимъ войскомъ и населеніемъ не было случайнымъ явленіемъ въ какой-либо короткій періодъ, оно имѣло вѣковую продолжительность съ большими или меньшими колебаніями, особенно со смерти Великаго Курфюрста, когда Пруссія едва имѣла одинъ милліонъ населенія. Значитъ особенность прусскаго милитаризма заключается не только въ его дисциплинѣ, въ его специфическомъ казарменномъ «воспитаніи», какъ это мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, но и въ томъ, что Пруссія, по извѣстному замѣчанію Беренгорста, не была только страной, имѣвшей свою армію, а являлась *настоящей казармой.*

Эта маленькая историческая экскурсія была необходима, хотя она нѣсколько уклонила насъ отъ нашей темы съ хронолигической точки зрѣнія.

2.

Современная объединенная Германія не могла содержать армію по давнему прусскому масштабу. По произволу прусскихъ королей государственная казна выжималась и истоща-

лась для нуждъ арміи. Болѣе половины общихъ государственныхъ расходовъ, даже болѣе, чѣмъ 2/3 поглащалось арміей. Это было государство *для арміи, арміей обусловленное.*

Количественная мощь арміи современной Германіи росла сравнительно медленно, и долго этотъ ростъ былъ слабѣе роста французской арміи, несмотря на то, что населеніе Германіи росло быстрѣе и своимъ количествомъ превышало населеніе Франціи. Напримѣръ въ 1888 году, въ годъ воцаренія Вильгельма II, Германія имѣла 48 милліоновъ населенія и 492000 штыковъ настоящаго войска, между тѣмъ какъ въ тотъ же годъ Франція имѣла 38 милліоновъ населенія и 555000 штыковъ войска. Франція, готовившаяся по «Закону Буланже» къ реваншу, свыше своихъ силъ тратила энергію на армію и военнымъ законопроектомъ 1886 года она сдѣлала большой прыжокъ въ увеличеніи количества арміи.

Однако тотъ *упорный и неотступный темпъ* въ усиленіи арміи, тѣ *планомѣрные, твердые шаги* на этомъ пути, то *перманентное состояніе*,—что мы находимъ въ Германіи, мы не наблюдаемъ ни въ одной странѣ. Этотъ темпъ во Франціи чрезвычайно колеблется, очень часто останавливается въ зависимости отъ господствующаго режима и политическихъ условій. Тамъ одна политическая система измѣняла созданное другой системой и проектировала нѣчто свое, между тѣмъ какъ въ Германіи внутреннихъ, коренныхъ ломокъ не было,—смѣняющіяся системы тамъ продолжали ту же работу, преемники продолжали дѣло своихъ предшественниковъ. Сказанное подтверждается слѣдующими характерными фактами. Возьмемъ количественныя положенія армій трехъ крупныхъ милитаристическихъ государствъ за три слѣдующіе періода.

	1810 г.	1851 г.	1888 г.
Германія	116.000	346.000	492.000
Россія	558.000	664.000	800.000
Франція	570.000	365.000	555.000 [1])

[1]) См. извѣстную уже вамъ книгу Mulhall-a „The Dictionary of statistics“, Лондонъ, 1899 г. стр. 67.

Разсмотрите внимательно эти числа. Въ 1810 году Франція Великаго Наполеона имѣла постоянную армію, превосходившую арміи всѣхъ другихъ странъ, даже гигантской Россіи. Черезъ сорокъ лѣтъ Франція маленькаго Наполеона уменьшила количество своей арміи и заняла положеніе равное почти положенію германской арміи. Здѣсь важнѣйшій вопросъ въ томъ, армія какого государства возросла болѣе за этотъ 78-ти лѣтній періодъ? Германская армія увеличилась на 206%, русская—всего на 43,40%, французская же—сперва уменьшилась на 15.000 человѣкъ, а послѣ 1851 года возросла приблизительно на 52%.

Вотъ что важнѣе всего. И этотъ темпъ постояннаго увеличенія арміи въ Германіи сохранялся непрерывно, какъ до эпохи Вильгельма II, такъ и въ его время. Слѣдующая таблица покажетъ намъ на конкретныхъ данныхъ ходъ численнаго развитія германской арміи за 25-ти лѣтній періодъ:

Годы.	Народонаселеніе въ милліонахъ.	Количество арміи.	Офицеровъ въ томъ числѣ.	Лошадей.	Пушекъ.	Процентное отношеніе между арміей и населен.	Процентное отношеніе изъ періода въ періодъ.	
							Населен.	Арміи.
1888	48 [1]	492000 [2]	18128 [3]	81629 [3]	1360 [3]	1,02%	—	—
1893	50,8	546866	18699	95794	2542	1,07%	6,00%	11,15%
1898	54,5 [4]	580612	23176	98038	2542 [6]	1,06%	7,28%	6,00%
1903	58,8	600933	24354	105358	3126	1,02%	7,89%	3,50%
1908	63,3	612613	25457	111289	3132 [7]	0,96%	7,65%	2,00%
1913	67,5 [5]	790985 [8]	27259 [9]	157816 [8]	—	1,17%	6,63%	29,11%

[1]) См. Iohann von Bloch, „Der Krieg", Берлинъ, 1899 г. стр. 133.

[2]) Mulhall, ibid, стр. 67.

[3]) Эти три числа относятся къ 1881 году см. „Militärwesen", изд. ген фонъ-Пелетъ-Нарбонэ, Берлинъ, 1899 г. стр. 54.

[4]) О количествѣ населенія за 1893 и 1898 г.г. см. „Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine", изд. генерала Кейма, 1913 г., № 496, стр. 59

[5]) О послѣднихъ трехъ числахъ см. изв. нѣмецк. „Nauticus", стр. 496 1912 г. и 1913 г. стр. 450.

[6]) Данныя о количествѣ арміи за 1893 и 1898 г.г. см. „Militärwesen", 1899 г., Берлинъ, стр. 54.

[7]) Данныя объ арміи за 1903 и 1908 г.г. см. „Löbell's Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Millitärwesen", herausg. von Pelet Narbone, Берлинъ, 1903 г. стр. 30 и 1908 г. стр. 27.

[8]) См. „Энциклопедія войны", Петроградъ, 1914 г. стр. 51.

[9]) „Löbell's Jahresberichte", 1912 г. стр. 22, это число офицеровъ относится къ 1912 году.

Эта таблица даетъ намъ возможность осязательно представить себѣ темпъ развитія военно-сухопутныхъ силъ Германіи за 25-ти лѣтній періодъ. Неподвижной точки, колебаній въ сторону уменьшенія не замѣчается ни въ одномъ изъ столбцовъ, ни въ отношеніи народонаселенія и арміи, ни въ отношеніи лошадей и пушекъ (рѣчь идетъ лишь о заряженныхъ пушкахъ).

Германская армія росла шагъ за шагомъ вслѣдъ за естественнымъ приростомъ народонаселенія и почти всегда составляла одинъ процентъ цѣлаго и даже болѣе, проявляя явную тенденцію увеличиваться быстрѣе чѣмъ населеніе. Изъ періода въ періодъ—въ каждое пятилѣтіе—приращеніе германскаго населенія вращалось въ предѣлахъ 6-7 процентовъ, между тѣмъ, какъ приращеніе арміи иногда шло въ своемъ движеніи скачками, доводившими его до 11 даже 29 процентовъ.

Во всякомъ случаѣ, фактъ, что въ Германіи, въ періодъ правленія Вильгельма, относительный ростъ арміи былъ значительно выше роста населенія, доходя до 60,77%, между тѣмъ какъ населеніе росло на 40,63%, слѣдовательно его приращеніе было 20,14% меньше приращенія арміи. Офицерское сословіе [1]) увеличилось на 50%, количество лошадей—на 93,32%, а пушки (лишь до 1908 г.)—приблизительно на 130%.

Чтобы сдѣлать болѣе рельефной относительную величину этихъ процентовъ приведемъ здѣсь нѣсколько сравнительныхъ примѣровъ изъ жизни другихъ великихъ сухопутныхъ державъ. Каковъ ходъ развитія населенія и военныхъ силъ въ пяти великихъ державахъ за 20 лѣтній періодъ (1888—1908), показываютъ слѣдующія данныя:

---

[1]) Въ предупрежденіе возможныхъ недоразумѣній нужно отмѣтить, что въ вышеупомянутыя числа офицерства и арміи не входятъ такъ называемые военные чиновники, какъ, напр., военные врачи и весь персоналъ, обслуживающій армію.

	Прирость населенія. (1888—1908)	Увеличеніе арміи. (1888—1908)
Въ Германіи	31,87%	24,52%
» Франціи	3,70 »	1,30 »
» Россіи	64,00 »	56,25 »
» Австріи	87,60 »	13,23 »
» Италіи	13,33 »	7,74 »

Какъ видите изъ этой таблицы, ростъ населенія въ процентномъ отношеніи повсюду превосходитъ ростъ армій, сохраняя приблизительно это различіе въ Германіи (на 7,35% больше), въ Россіи (7,75%) и Италіи (5,59%).

Рѣзко бросающимися въ глаза исключительными являются Австрія и отчасти Франція. Въ Австріи ростъ населенія почти въ $6^1/_2$ разъ больше увеличенія арміи. Такой скачекъ, конечно, не нужно объяснять однимъ естественнымъ приростомъ, а болѣе присоединеніемъ населенія Босніи и Герцоговины. Болѣе странно это явленіе во Франціи, гдѣ относительный ростъ арміи почти въ три раза меньше роста населенія. Въ странѣ, гдѣ ростъ населенія почти остановился на мертвой точкѣ, за 20-лѣтній періодъ ростъ арміи шелъ втрое медленѣе.

И даже болѣе того. За 10 лѣтъ—1898—1908 г.г. количество французской арміи уменьшилось не менѣе чѣмъ на 27469 человѣкъ, въ то время какъ за тотъ же періодъ германская армія возросла на 65747 чел. т. е. на 12,2%.

Эти факты неопровержимо устанавливаютъ, съ одной стороны, насколько *ложны* и *тенденціозны* всѣ утвержденія германскихъ милитаристовъ о быстрыхъ приготовленіяхъ французовъ, а съ другой стороны--до чего ложны ихъ самооправдающія возраженія въ томъ, что ростъ германской арміи является якобы лишь естественнымъ результатомъ быстраго роста населенія.

Рѣшительнымъ періодомъ всеобщихъ европейскихъ вооруженій является послѣднее десятилѣтіе—1903—1913 г.г., особенно второе пятилѣтіе—1908—1913 г.г. *Рядъ круп-*

ныхъ политическихъ событій,—русско-японская война съ ея послѣдствіями, броженіе на Ближнемъ Востокѣ (турецкая революція и опасный кризисъ въ взаимоотношеніяхъ—державъ), марокскіе конфликты, итало-турецкая и балканская войны, —все это служило сильнымъ стимуломъ для великихъ державъ къ ускоренію военныхъ приготовленій. Какая страна шла быстрѣе всѣхъ, повсюду распространяя страхъ своими чрезвычайными военными законопроектами? Опять она, всегда и во всѣхъ случаяхъ Германія. Вотъ что свидѣтельствуютъ слѣдующія числа:

	Ростъ населенія. (1903—1913)	Ростъ арміи. (1903—1913)
Въ Германіи	14,80%	31,62%
» Франціи	1,54 »	17,85 »
» Россіи	13,00 »	20,53 »
» Австріи	13,09 »	19,00 »
« Италіи	6,68 »	24,15 »

А во второе пятилѣтіе—1908—1913 г.г. ростъ этотъ выразился въ слѣдующихъ пропорціяхъ:

	Ростъ населенія. (1908—1913)	Ростъ арміи. (1908—1913)
Въ Германіи	6,63%	29,11%
» Франціи	0,76 »	15,24 »
» Россіи	6,90 »	7,44 »
» Австріи	8,00 »	16,00 »
» Италіи	3,24 »	10,88 »

Сравните процентныя числа этого десятилѣтія (1903—1913) или пятилѣтія (1908—1913) съ извѣстными уже намъ числами, относящимися къ двадцатилѣтнему періоду 1888—1908 г.г. Крупная разница, бросающаяся въ глаза, заключается въ томъ, что во всѣхъ пяти государствахъ за отмѣченное двадцатилѣтіе населеніе росло несравненно быстрѣе, чѣмъ армія, между тѣмъ какъ въ послѣдующее десятилѣтіе или пятилѣтіе мы находимъ совершенно противоположное отношеніе. Затѣмъ ясно и то, что за послѣднее десятилѣтіе. особенно за пятилѣтіе ни въ одной странѣ количество войска не росло тако быстро, какъ въ Германіи. *Чрезвычайное развитіе* военныхъ силъ этой страны особенно поразительно именно въ періодъ 1908—1913 годовъ, когда Германія превосходитъ другія державы не только относительно, но и абсолютно. Такъ, напримѣръ, хотя населеніе Германіи росло болѣе медленно, чѣмъ Австріи и Россіи, однако германская армія несравненно быстрѣе росла, превосходя въ этомъ отношеніи ростъ австрійской арміи на 13,11%, французской—приблизительно на 14%, итальянской—приблизительно на 18%, а русской—на 21,67% или почти на четыре раза.

Если продолжимъ наши статистическія операціи съ цѣлью узнать, какой процентъ населенія въ каждый изъ періодовъ въ отдѣльности составляетъ армія въ названныхъ странахъ, то мы получимъ слѣдующія числа:

	1888 г.	1903 г.	1908 г.	1913 г.
Въ Германіи .	1,02%	1,02%	0,96%	1,17%
« Франціи .	1,46 «	1,40 «	1,42 «	1,63 «
« Россіи . .	0,88 «	0,80 «	0,84 «	0,85 «
« Австріи .	1,24 «	0,77 «	0,75 «	0,80 «
« Италіи . .	0,85 «	0,75 «	0,80 «	0,86 «

Эти отношенія получатъ болѣе конкретное выраженіе, если мы покажемъ, сколько солдатъ приходится на каждые 10.000 жителей въ названныхъ странахъ. Это видно изъ слѣдующихъ чиселъ:

	1888 г.	1903 г.	1908 г.	1913 г.
Въ Германіи	102	102	96	117
« Франціи	146	140	142	163
« Россіи	88	80	84	85
« Австріи	124	77	75	80
« Италіи	85	75	80	86

Если въ этой и предыдущихъ таблицахъ оставимъ въ сторонѣ исключительный примѣръ Франціи, обусловленный ея исключительнымъ положеніемъ, то увидимъ, что среди остальныхъ четырехъ державъ Германія стоитъ на первомъ мѣстѣ, процентное отношеніе между ея арміей и населеніемъ выше, чѣмъ въ остальныхъ странахъ. Не только это. Процентное отношеніе между германскими военными силами и населеніемъ за послѣднее двадцатилѣтіе, а въ особенности, за послѣднее пятилѣтіе—сильно измѣнилось въ пользу арміи: на 0,15% и 0,21% (или на 15 и 21 человѣкъ на каждые 10000 жителей) больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ относительное количество арміи даже понизилось скорѣе, чѣмъ повысилось; напр. въ Россіи за 25-тилѣтній періодъ пониженіе на 0,03%, а за 5-тилѣтіе 0,01%, также въ Австріи—на 0,44% и 0,05%,—и лишь въ Италіи замѣченъ незначительный ростъ на 0,01% (въ 25-тилѣтіе) и 0,06% (въ послѣднее пятилѣтіе). Стало-быть и тутъ Германія, имѣющая столь быстрый ростъ населенія, превосходитъ другія страны тенденціями развитія своихъ военныхъ силъ.

Францію мы поставили внѣ сравненія, считая ея положеніе исключительнымъ. И, дѣйствительно, мы не имѣемъ права выводить тенденціи развитія военныхъ силъ изъ роста населенія въ такой странѣ, гдѣ почти нѣтъ приращенія населенія, гдѣ господствуетъ въ этомъ отношеніи *ненормальное положеніе*. Естественно, что въ такой странѣ даже самое медленное развитіе арміи дастъ болѣе высокій процентъ въ отношеніи населенія, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе растетъ съ завидной быстротой. Однако мы уже показали въ своемъ мѣстѣ, что ростъ арміи, на основаніи новыхъ военныхъ законопроектовъ, не является необходимымъ ре-

зультатомъ естественнаго роста населенія, какъ стараются увѣрить германскіе милитаристы. Еслибъ это было такъ, то Россія должна была бы въ мирное время содержать армію, болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза многочисленную, чѣмъ германская, Австрія и Италія должны были бы содержать большія арміи, чѣмъ теперь имѣютъ въ дѣйствительности. Между тѣмъ мы видѣли, что Германія относительно и абсолютно увеличиваетъ свое войско, независимо отъ темпа размноженія населенія. Руководящимъ моментомъ для Германіи является не стремленіе сохранить равновѣсіе между численнымъ отношеніемъ арміи къ населенію, а желаніе приготовить къ войнѣ превосходныя силы. Эта мысль постоянно высказывалась и обосновывалась теоретически въ воззваніяхъ и трактатахъ идеологовъ милитаризма и имперіализма. Эта же мысль последовательно проводилась на практикѣ политикой вооруженій германскимъ имперскимъ правительствомъ. Теорія и практика, идеологъ и политикъ содѣйствовали другъ другу, дополняли одинъ другого.

3.

Въ исторіи германскаго милитаризма самой интересной главой является *развитіе морскихъ силъ* этой страны. Германія со своей Пруссіей испоконъ вѣка занимала первоклассное мѣсто въ смыслѣ сухопутныхъ силъ. Но морского милитаризма или маринизма въ Германіи не было вовсе 25 лѣтъ тому назадъ. И еще 18 лѣтъ тому назадъ германскій императоръ стыдился послать въ англійскія воды для участія въ праздничныхъ торжествахъ свой крейсеръ «König Wilhelm», устарѣвшее, развалившееся судно, лучше котораго не имѣла Германія. (Судно построено во Франціи въ 1867—68). Германскія морскія силы до Вильгельма II-го представляли полное ничтожество. И если германскій императоръ лишь продолжалъ развивать въ широкихъ размѣрахъ и съ чрезвычайнымъ усиліемъ сухопутныя силы, то въ отношеніи морскихъ силъ нужно сказать, что онѣ созданы впервые имъ, какъ мы видѣли изъ его рѣчей.

Ни въ какомъ морскомъ государствѣ судостроительное

дѣло не имѣло такого быстраго развитія и совершенствованія въ столь короткій срокъ, какъ въ Германіи. Въ концѣ XIX вѣка Германія стояла позади всѣхъ морскихъ государствъ, а въ первые десятилѣтія нашего столѣтія, въ какихъ нибудь 10—13 лѣтъ, она стояла непосредственно рядомъ съ Англіей, какъ *вторая морская держава во всемъ мірѣ*. И если въ послѣдніе мирные годы европейская дипломатія была въ постоянной тревогѣ и европейскіе народы съ сердечнымъ трепетомъ предчувствовали какую-то опасность, то причиной было то обстоятельство, что Германія, доведя въ равной мѣрѣ до совершенства какъ морскія, такъ и сухопутныя силы, заняла исключительное положеніе во всемъ мірѣ и постоянно искала поводовъ, создавала ихъ сама демонстративными жестами, чтобы извергнуть ураганной лавиной накопленную боевую энергію.

Мы уже познакомились съ размѣрами развитія сухопутныхъ силъ, теперь прослѣдимъ за ходомъ развитія силъ морскихъ.

Первыя германо-прусскія броненосныя суда выстроены во Франціи въ 1867 и 1868 г.г.—«Friedrich Karl» и «König Wilhelm» по типу англійскихъ судовъ. Затѣмъ въ томъ же 1868 году Германія заказала въ Англіи два броненосца: «Kaiser» и «Deutschland», а внутри страны, на данцигскихъ верфяхъ тогда же былъ построенъ броненосецъ «Hansa». Черезъ пять лѣтъ, 1873 году правительство объединенной Германіи строитъ одинъ за другимъ броненосцы: «Preussen», «Friedrich der Crosse», «Crosser Kurfürst», «Sachsen»,—всѣ внутри страны [1]). Въ 1888 году, въ годъ восшествія на престолъ Вильгельма II, весь германскій флотъ состоялъ всего изъ нѣсколькихъ крейсеровъ, подводныхъ лодокъ и 12-ти небольшихъ военныхъ кораблей [2]). А личный составъ флота былъ представленъ 515 морскими офицерами, въ томъ числѣ 8 флагманами [3]). Вотъ вся сумма военномор-

---

[1]) Данныя см.: Д. Цейтлинъ „Современный военный флотъ и морскія силы Англіи и Германіи" 1915 г. Кіевъ, стр. 33 и 34.

[2]) „Послѣдній изъ гунновъ", 1914 г. Москва, Джорджа Саундерса, стр. 50.

[3]) Капитанъ Б. Б. Жерве. „Германія и ея морская сила" изд. ред. „Морского Сборника", Петроградъ, 1914 г. стр. 60.

скихъ силъ государства, морская торговля котораго уже тогда занимала третье мѣсто въ числѣ другихъ.

Вильгельму II не удалось достигнуть обязательныхъ результатовъ въ морской политикѣ въ начальный періодъ своего царствованія. Лишь спустя 10 лѣтъ, 1898 году, правительство Вильгельма кладетъ начало систематической политикѣ быстрыхъ морскихъ вооруженій; это—годъ, когда адмиралу Тирпицу удалось провести въ рейхстагѣ *первый морской законопроектъ* [1]). «Мы,—говоритъ Вильгельмъ,—страстно нуждаемся въ сильномъ флотѣ. Если въ первые годы моего царствованія старанія къ его усиленію, несмотря на мои постоянныя предупрежденія, не встрѣтились съ препятствіями, то до какого высокаго состоянія довели бы мы теперь наши морскія силы на благо нашей цвѣтущей торговли и будущаго развитія заокеанскихъ интересовъ... Сильный германскій флотъ это для насъ *вопросъ жизни*".

Мы знаемъ уже изъ рѣчей Вильгельма, какою радостью, какимъ праздничнымъ торжествомъ было для него, принятіе огромнымъ большинствомъ рейхстага перваго законопроекта, и въ какихъ восторженныхъ словахъ онъ высказывался въ своихъ рѣчахъ и поздравительныхъ телеграммахъ о первомъ побѣдномъ результатѣ своихъ стремленій!

Послѣдующее десятилѣтіе показало съ полной очевидностью, что Германія болѣе, чѣмъ какое-либо иное государство, была способна и обладала фактической возможностью выполнить въ короткое время недочеты долгихъ лѣтъ.

«Мы видимъ,—говоритъ спеціалистъ по этимъ вопросамъ,—что за рядъ лѣтъ нѣмцы систематически приближаютъ свой флотъ къ той идеальной организаціи, какая рисуется ихъ законами о флотѣ» [2]). Морская программа, принятая законопроектомъ 1898 года и обогащенная новымъ законо-

[1]) Въ 1898 году, въ десятилѣтіе правленія Вильгельма II, до принятія перваго морского законопроекта, германскій флотъ имѣлъ слѣдующій составъ: 9 боевыхъ судовъ, 3 большихъ и 28 малыхъ крейсеровъ и 113 канонерскихъ лодокъ; а морской военный персоналъ состоялъ изъ 25.000 ч. (см. L. Persius „Die deutsche Marinepolitik“, „Berliner Tageblatt“, № 168, 1912 г.). По своимъ морскимъ силамъ Германія въ 1898 году не только уступала Англіи, Соединеннымъ Штатамъ и Франціи, но и Россіи. На красноречивыхъ фактахъ мы увидимъ, до какой высоты довело правительство Вильгельма германскій флотъ за послѣдніе 10—15 лѣтъ.

[2]) Жерв. „Германія и ея морская сила“ стр. 78.

проектомъ 1900 г., должна была осуществиться въ 1903 году.

Теперь посмотримъ, какое развитіе полулили германскія морскія силы, начиная съ этого года, принимая основой статистическихъ операцій данныя, сообщённыя германскими офиціальными источниками. Прежде всего приведемъ данныя о личномъ составѣ германскаго флота за рѣшительный періодъ его развитія—1903—1913 г.г.

Морскихъ офицеровъ и солдатъ.		Всѣхъ вмѣстѣ со всѣми подвѣдомст. морск. [illegible] стями.	Ростъ въ процентахъ.	
1903 г.	32192	35854	—	—
1904 г.	34450	38114	7,00%	6,30%
1905 г.	36759	40822	6,70%	7,10%
1906 г.	39417	43631	7,23%	7,00%
1907 г.	42369	46913	7,50%	7,52%
1908 г.	45639	50501	7,72%	7,65%
1909 г.	48817	53925	7,00%	6,78%
1910 г.	51952	57353	6,42%	6,37%
1911 г.	55113	60783	6,08%	6,00%
1912 г.	58267	64500	5,72%	6,11%
1913 г.	66183	73115[1]	13,60%	13,35%

Какъ видимъ изъ этой таблицы, военно-морскія силы Германіи съ годами росли на 6—7 и даже болѣе процентовъ. Подобнаго темпа развитія, какъ увидимъ, не имѣла ни одна морская держава. Ни германское населеніе, ни даже военно-сухопутныя силы Германіи не росли такими быстрыми скачками. Германскій народъ лишь въ пятилѣтніе періоды умножался на столько, насколько военно-морскія силы росли изъ года въ годъ.

Слѣдующія процентныя отношенія между ростомъ насе-

---

[1]) См. офиціальный „Nauticus", 1903—1913 (Стр. 414, 440, 452, 506, 492, 510, 482, 514, 508, 498, 452).

ленія, развитіемъ сухопутныхъ силъ и военно-морскихъ—тому доказательство:

	Населеніе.	Сухопутныя силы.	Морскія силы.
1903—1908 г.	7,65%	2,00%	40,85%
1908—1913 г.	6,63%	29,11%	44,78%

А въ десятилѣтнемъ періодѣ роста—было такъ:

Населеніе.	Сухопут. силы.	Морскія силы.
14,80%	31,02%	104%

Развитіе военно-морскихъ силъ въ семь разъ превышаетъ относительный ростъ населенія и болѣе чѣмъ втрое выше роста сухопутныхъ силъ. Здѣсь еще разъ и болѣе ясными фактами *опровергается та германская легенда*, по которой военныя силы имперіи растутъ, якобы, соотвѣтственно относительному приращенію населенія. Всѣ наши фактическія замѣчанія уже показали болѣе, чѣмъ нужно, что политика вооруженій не сохраняла въ своемъ развитіи никакой нормы. Германскіе милитаристы выдумали эту *ложную риторическую аргументацію* лишь для того, чтобы ввести неосвѣдомленный народъ въ заблужденіе и оправдаться передъ безпокоящимися иностранными державами.

Теперь посмотримъ, какое мѣсто занимаетъ въ ряду старыхъ извѣстныхъ морскихъ державъ новѣйшая морская держава по своимъ силамъ. Для сравненія беремъ періодъ послѣдняго десятилѣтія, когда соревнованіе приняло лихорадочный характеръ.

Приводимъ общее число всѣхъ морскихъ силъ, выраженныхъ въ личномъ составѣ.

	Англія	Франція	Соед. Шт.	Россія	Германія	Японія
1903 г.	127468	53500	41043	64050	35854	30200
1905 »	129417	52400	45000	72800	40822	34000
1907 »	128460	56800	48140	48000	46913	39712
1909 »	128508	55000	57500	49018	53925	47000
1911 »	134535	60000	60500	46000	60783	48000
1913 »	146414	64500	72500	53500	73115	50000 [1]

[1]) См. то же изданіе—„Nauticus", указанныя страницы подъ соотвѣтствующими годами.

Въ этой любопытной таблицѣ болѣе всего бросается въ глаза то обстоятельство, что безпрерывное и шедшее безъ колебаній развитіе военно-морскихъ силъ имѣли только три государства: Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Германія и Японія, т. е. сравнительно болѣе *новые представители* морского вооруженія. Остальныя государства,—Англія, Франція и въ особенности Россія имѣли колебанія: Англія—въ 1905—1907 г., Франція—1903—1905 г. и 1907—1909 г. Примѣръ Россіи исключительный: за 1905—1907 г.г. военно-морскія силы Россіи уменьшились на 24800 человѣкъ. Причиной этой крупной деградаціи нужно считать русско-японскую войну, когда русскій флотъ былъ разбитъ японцами. Въ концѣ десятилѣтія (1913 г.) военно-морскія силы Россіи еще не достигли той степени, на которой онѣ находились въ 1903 году.

Въ этой таблицѣ болѣе всего заслуживаетъ вниманія Германія. Въ началѣ десятилѣтія она по величинѣ своихъ морскихъ силъ занимала лишь пятое мѣсто, провосходя одну только Японію, а въ концу десятилѣтія она перегнала всѣхъ своихъ соперницъ и заняла второе мѣсто,—одна только Англія была выше нея. Десять лѣтъ тому назадъ Англія по личному составу флота вчетверо превосходила Германію, а по истеченіи этого краткаго срока—лишь вдвое. Въ началѣ десятилѣтія французскія морскія силы превосходили германскія на 17646 человѣкъ, американскія—на 5189 чел. и русскія—на 28196 чел. Въ концѣ десятилѣтія, наоборотъ, германскія морскія силы превосходятъ французскія на 8615 чел., американскія—на 615 и русскія на 19615 ч.

Для того, чтобы дать болѣе яркое представленіе о темпѣ морскихъ вооруженій названныхъ державъ, выразимъ процессъ десятилѣтняго (1903—1913 г.) развитія этихъ силъ въ процентахъ. Получаются слѣдующія относительныя числа:

	Англія	Франція	Соед. Штаты
1903—1913 г.	14,90%	20,56%	76,64%
	Россія	Германія	Японія
1903—1913 г.	—19,71%	104,00%	65,56%

Оставимъ примѣръ Россіи, такъ какъ онъ является ре-

зультатомъ исключительныхъ условій. Быстрѣе всѣхъ, прямо-таки скачками, шло развитіе морскихъ силъ Германіи; темпъ развитія ея силъ былъ болѣе чѣмъ *въ семь разъ быстрѣе* англійскаго и болѣе чѣмъ въ *впятеро* быстрѣе французскаго. Главное въ данномъ случаѣ не въ абсолютномъ численномъ превосходствѣ англійскихъ силъ надъ германскими. Англія является островнымъ государствомъ, которому испоконъ вѣка предопредѣлена извѣстная морская политика и, естественно, что такое государство, соотвѣтственно своему положенію, должно было имѣть большее количество военно-морскихъ силъ, чѣмъ какая-либо изъ континентальныхъ державъ. Главное, повторяемъ, не въ этомъ, а въ той быстротѣ и силѣ относительнаго развитія морскихъ вооруженій, которую явила Германія въ столь короткій срокъ. Главное въ *опасной тенденціи* этого развитія германскихъ силъ, которое принимало *грозные размѣры* какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, тѣмъ самымъ *выдавая тайну этихъ активныхъ приготовленій.*

Англія и Франція, эти старыя морскія державы, давно уже посвященныя колоніальной политикой, сравнительно медленно прогрессировали въ морскихъ вооруженіяхъ. Послѣ Германіи идутъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Японія, что доказываетъ, насколько назрѣли требованія имперіалистической политики этихъ двухъ новыхъ морскихъ державъ.

4.

Соотвѣтственно составу военно-морского персонала, безъ сомнѣнія, прогрессировало въ Германіи также судостроительное дѣло. Выражаясь правильнѣе, быстрое развитіе перваго лишь доказательство развитія второго. Количественно растущія и объемомъ увеличивающіяся военныя суда и требуютъ въ большомъ количествѣ боевой персоналъ.

Прежде всего надо дать нѣкоторое представленіе о темпѣ развитія германскихъ линейныхъ кораблей и броненосныхъ крейсеровъ, беря для сравненія силы другихъ морскихъ державъ. Каковы были судостроительныя программы Германіи, Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ С. Ам. за 1896—1910 г.,

имѣя въ виду только постройку линейныхъ кораблей и броненосныхъ крейсеровъ; это видно изъ слѣдующихъ чиселъ:

	Германія		Англія		Франція		Соед. Шт.	
	лин. кор.	брон. крейс.	лин. кор.	брон. крейс.	лин. кор.	брон. крейс.	лин. кор.	брон. крейс.
1896 г.	1	—	5	—	1	1	3	—
1897 » .	1	—	4	4	1	8	—	—
1898 » .	2	1	7	8	1	—	3	—
1899 » .	[redacted]	—	2	2	—	2	3	3
1900 » .	2	1	2	6	6	5	2	6
1901 » .	2	1	3	6	1	1	—	—
1902 » .	2	1	2	2	1	1	2	2
1903 » .	2	1	5	4	3	1	5	—
1904 » .	2	1	2	4	—	1	1	2
1905 » .	[redacted]	1	1	4	—	1	2	—
1906 » .	2	1	4	—	6	—	1	—
1907 » .	[redacted]	1	3	—	—	—	1	—
1908 » .	[redacted]	1	1	1	—	—	2	—
1909 » .	[redacted]	1	6	2	—	—	2	—
1910 » .	[redacted]	1	4	3	2	—	2	—
Всего	32 + 12		51 + 46		22 + 16		29 + 13	
Общ. сум.	44		97		38		42	

Эта интересная таблица даетъ поводъ къ ряду заслуживающихъ вниманія объясненій.

Прежде всего обратите вниманіе на ходъ германскаго судостроительнаго дѣла до 1900 г. и послѣ того—до 1910 г. Лишь въ первое пятилѣтіе замѣчаются колебанія и пробѣлы: три года Германія не строила крейсеровъ. Въ этотъ періодъ судостроеніе всѣхъ соперницъ превосходитъ германское. Германія за 1896—1900 г.г. выстроила судовъ обоихъ типовъ всего 11, между тѣмъ какъ Англія построила почти вчетверо больше—40, Франція—20, Соединенные Штаты Сѣверной

[1]) См. „Nauticus“, 1910, стр. 410—413.

Америки—20. Послѣ 1900 года, когда въ рейхстагѣ прошелъ второй крупный морской законопроектъ, германское судостроеніе безпрерывно развивается, и въ теченіе десяти лѣтъ (1901—1910 г.) нѣтъ ни одного года, въ теченіе котораго германское правительство не построило бы одного линейнаго корабля или брон. крейсера. Здѣсь также соблюдается принципъ, принятый въ дѣлѣ германскихъ вооруженій: *непрерывность, перманентный ростъ.* Соперницы Германіи, даже сильнѣйшая ея противница въ теченіе десятилѣтія имѣли годы, въ теченіе которыхъ судостроеніе останавливалось. Такъ, напримѣръ, Англія не построила ни одного брон. крейсера въ 1906—1907 г.г. Франція остановила строительство судовъ на цѣлыхъ три года (1907, 1908 и 1909 г.г.), не построивъ ни одного линейнаго корабля и брон. крейсера. Четыре года Франція (1904, 1905, 1906 и 1910 г.г.) не строила ни линейныхъ кораблей ни брон. крейс. Почти столь же часты остановки въ строительномъ дѣлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Именно въ это десятилѣтіе Германія превзошла своихъ соперницъ и заняла мѣсто рядомъ съ Англіей, какъ вторая великая морская держава. Между тѣмъ какъ въ первое пятилѣтіе (1896—1900 г.) Англія превосходила Германію на 29 судовъ вышеназваннаго типа, Франція на 9, Америка—также на 9,—во второе десятилѣтіе (1901—1910) г.г.) мы находимъ совершенно иное отношеніе: англійское превосходство выражается 24 лишн. судахъ, а Франція и Америка стоятъ позади Германіи, которая превосходитъ первую на 15 судовъ, а вторую на 11.

Такимъ же темпомъ развивалось все вообще военноморское дѣло со всѣми его сторонами. Уже не Франція или Америка представлялись Германіи образцовой морской силой, а только и исключительно Англія, такъ что достиженіе ея мощи дѣлается идеаломъ имперской морской политики. Данныя относительно предшествовавшихъ войнѣ годовъ съ очевидностью показываютъ, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошло судостроеніе въ Германіи и почему Англія имѣла всѣ основанія безпокоиться передъ лицомъ *новой, внушительной морской опасности,* подобно сухопутнымъ противникамъ

Германіи, которыхъ давно тревожило необычайное развитіе сухопутныхъ приготовленій Германіи.

Въ зловѣщіе годы нарушенія европейскаго мира, въ 1912 и 1913 г.г., Германія находилась въ состояніи полной боевой готовности въ отношеніи военно-морскихъ силъ. Ея флотъ имѣлъ, согласно офиціальному «Nauticus», слѣдующій составъ готовыхъ и имѣвшихся быть готовыми въ 1912 году:

Типъ судовъ.	Готовыя суда. Колич.	Готовыя суда. Объемъ въ тон.	Строившіяся суда. Колич.	Строившіяся суда. Объемъ въ тон.	Общее число Колич.	Общее число Объемъ въ тон.
a) Линейныя кораб.	30	433670	9	222300	39	655970
b) Брон. крейсера.	11	137990	4	92000	15	229990
подъ a и b большія боевыя суда. [1]	10	209200	13	314300	23	523500
c) Брон. берег. обор.	8	32900	—	—	8	32900
d) Бронепал. крейс.	37	139610	7	31850	44	171460
e) Эскадр. миноносц.	131	67721	12	7644	143	75365
f) Миноносцы . .	70	9700	—	—	70	9700
g) Подводныя лодки.	17	?	5	—	22	? [2]
Всего . .	314	1030791	50	668094	364	1698885

А вотъ готовыя и строившіяся суда Германіи въ 1913 году.

Типъ судовъ.	Готовыя суда. Колич.	Готовыя суда. Объемъ въ тон.	Строившіяся суда. Колич.	Строившіяся суда. Объемъ. въ тон.	Общее число. Колич.	Общее число. Объемъ. въ тон.
a) Линейныя кораб.	33	507770	8	197600	41	705370
b) Брон. крейсера.	13	185990	3	75000	16	960990
подъ a и b больш. боевыя суда . .	15	331300	11	272600	26	603900
c) Брон. берег. обор.	8	32900	—	—	8	32900
d) Бронепал. крейс.	41	155296	6	29400	47	184696
e) Эскадр. миноносц.	142	73193	12	6768	154	79971
f) Миноносцы . .	70	9700	—	—	70	9700
g) Подводныя лодки.	23	?	14	?	37	? [3]
Всего . .	345	1296149	54	581368	399	1877527

---

[1]) Подъ этими судами обозначаются дредноуты.
[2]) „Nauticus“, 1912 г. стр. 588 и слѣд.
[3]) „Nauticus“, 1913 года стр. 246 и слѣд.

Вотъ вся величина военно-морскихъ приготовленій въ критическіе довоенные годы. Какъ видимъ изъ этихъ двухъ таблицъ, германскія суда всѣхъ типовъ увеличились количественно и по объему. Не измѣнилось лишь количество береговыхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ. Но ростъ выразился не только въ количествѣ; въ общемъ, суда, строившіяся въ 1913 году, въ среднемъ имѣли большій объемъ. Это наблюденіе относится особенно къ линейнымъ кораблямъ, брон. крейсерамъ и вообще къ большимъ боевымъ судамъ, т. е. дредноутамъ, значитъ, къ крупнѣйшимъ военнымъ судамъ, которыя въ общемъ имѣли въ названный годъ большій объемъ, чѣмъ суда предшествовавшаго года. Это означаетъ, что между строившимися въ 1913 г. судами крупнаго объема судовъ было больше, чѣмъ между строившимися судами предшествовавшаго года.

Чтобы сдѣлать яснѣе величину германскихъ приготовленій въ сравненіи съ приготовленіями другихъ державъ, разсмотримъ общія данныя объ ихъ военномъ судостроеніи. Такъ, готовыхъ и строившихся судовъ за 1912 и 1913 г.г. было у державъ:

	1912 г.		1913 г.	
	Кол. суд.	Ихъ объемъ (въ тоннахъ).	Кол. суд.	Ихъ объемъ (въ тоннахъ).
Англія . . .	647	3452810	684	3849100
Германія . . .	364	1698885	399	1877527
Соед. Шт. . .	199	1125665	229	1409520
Франція . . .	431	1118954	418	1403650
Японія . . .	191	881999	169	1051510
Россія . . .	208	688235	276	1024920
Италія . . .	227	699020	219	775040

Здѣсь Германія заняла свое обычное мѣсто,—она идетъ сейчасъ же послѣ Англіи. Однако въ этой таблицѣ есть пунктъ, требующій разъясненій, такъ какъ онъ можетъ вызвать недоразумѣніе: это—количественное различіе между судами разныхъ государствъ. Такъ, напримѣръ, французскія суда количественно превосходятъ и американскія и даже германскія, между тѣмъ какъ Франція на самомъ дѣлѣ стоитъ

позади этихъ двухъ державъ по своимъ морскимъ приготовленiямъ. Затѣмъ, русскiй и даже итальянскiй флоты количественно превосходятъ японскiй флотъ и флотъ Соединенныхъ Штатовъ, которымъ они безусловно уступаютъ въ силѣ.

Какъ объяснить это обстоятельство? Здѣсь признакъ морского превосходства нужно искать не въ количествѣ судовъ, а въ ихъ типѣ, качествѣ[1]), величинѣ (объемѣ). Наиважнѣйшее значенiе имѣютъ суда первыхъ трехъ типовъ: линейныя суда, брон. крейсера и крупныя боевыя суда, количествомъ которыхъ Германiя и Соединен. Штаты безусловно превосходятъ Францiю, а Германiя—также Соед. Штаты. Количественное превосходство французскихъ судовъ нужно объяснять тѣмъ, что во французскомъ флотѣ очень много малоцѣнныхъ судовъ: напримѣръ, въ 1912 г. во французскомъ флотѣ насчитывалось 173 мелкихъ канонерскихъ лодокъ (миноносцы), между тѣмъ какъ Германiя имѣла ихъ только 70. Зато въ германскомъ флотѣ была 131 большая канонерская лодка (эскадр. миноносс.), а во французскомъ только 75. Германiя 1913 г. имѣла въ полной боевой готовности 33 большихъ линейныхъ корабля и 13 брон. крейсеровъ, Францiя же — 27 перваго типа и 8 — второго. Въ тотъ же годъ германскiй флотъ увеличился на 35 единицъ (въ сравненiи съ 1912 г.), а французскiй— уменьшился на 13 (вышли изъ употребленiя за ветхостью). То же объясненiе приложимо и къ другимъ примѣрамъ.

Какъ мы замѣтили, важнѣе всего—тоннажъ, общiй объемъ военныхъ судовъ.

Болѣе конкретное представленiе получается, если имѣть въ виду сравнительный объемъ каждаго судна въ среднемъ.

---

[1]) О превосходныхъ качествахъ германскаго флота надъ другими генералъ Бернгарди говоритъ слѣдующее: „Что касается подготовки (Ausbildung) и матерiаловъ, то можно утверждать, что нашъ флотъ безусловно превосходитъ русскiй и французскiй, а съ англiйсккмъ стоитъ на равной ступени. Наша морская артиллерiя окажется, навѣрно, выше англiйской, а что касается нашего торпеднаго флота, то здѣсь малое количество судовъ искупается безпощадной энергiей, великолѣпной подготовкой и смѣлой предпрiимчивостью“. (См. его „Deutschland und der nächste Krieg“, стр. 171). И дѣйствительно, въ теченiе всей войны германскiя подводныя лодки проявили эту смѣлую, но также печальную и позорную предпрiимчивость. Онѣ безъ дальнѣйшаго истребляли безчисленныя транспортныя суда (среди нихъ также и госпитальныя), принадлежащiя не только враждебнымъ, но и нейтральнымъ странамъ.

	Объемъ отдѣльнаго судна.	
	Въ 1912 г.	Въ 1913 г.
Въ Англіи . .	5336,64	5627,34
» Германіи .	4667,26	4705,58
» Соед. Штат.	5656,60	6155,10
» Франціи . .	2600,00	3358,00
» Японіи . .	4617,80	6222,00
» Россіи . .	3308,81	3713,50
» Италіи . .	3123,48	3540,00

Въ среднемъ Америка и Японія стоятъ на первомъ мѣстѣ. Въ типѣ и системѣ ихъ судостроенія замѣчается удивительное сходство. Въ составѣ флотовъ этихъ державъ суда мелкія, некрупнаго объема имѣются въ маломъ количествѣ, въ то время какъ французскій флотъ изобилуетъ ими, потому въ этой таблицѣ Франція стоитъ позади всѣхъ. Если оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство и возьмемъ весь общій тоннажъ, то увидимъ, что послѣ Англіи стоитъ Германія, а Соедин. Штаты занимаютъ третье мѣсто. Любопытно также знать, какой процентъ въ общей суммѣ объема флотовъ этихъ семи державъ составляетъ флотъ каждой страны:

	1912 г.	1913 г.
Въ Англіи . .	35,72%	33,79%
» Германіи .	17,57 »	16,48 »
» Соед. Штат.	11,67 »	12,37 »
» Франціи .	11,57 »	12,32 »
» Японіи . .	9,12 »	9,23 »
» Россіи . .	7,12 »	9,00 »
» Италіи . .	7,23 »	6,81 »
Всего .	100,00%	100,00%

Здѣсь Англія и Германія опять занимаютъ свое обычное первое мѣсто. Хотя объемъ ихъ военныхъ судовъ въ общемъ выросъ въ 1912—1913 году, однако въ процентномъ отношеніи, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, эти державы нѣсколько отстали, и Англія больше (на 1,93%) Германіи (на 1,09%). Наоборотъ, объемъ судовъ американ-

скихъ (на 0,70%), французскихъ (0,75%), японскихъ (0,11%) и особенно русскихъ (на 1,88%) увеличился, какъ абсолютно, такъ и относительно. Это сильное увеличеніе русскихъ судовъ нужно объяснить извѣстнымъ морскимъ законопроектомъ 1911 года, большая судостроительная программа котораго стала быстро осуществляться. Въ 1913 году число готовыхъ и строившихся въ этомъ году русскихъ судовъ возросло противъ данныхъ въ 1912 году на 76 а объемъ на 336685 тоннъ; такого относительнаго роста не имѣлъ флотъ ни одной изъ вышеупомянутыхъ державъ. Это было слѣдствіемъ интенсивной морской политики, послѣ русско-японской войны.

Однако Россія, нѣкогда бывшая серьезной соперницей Англіи на моряхъ, была отброшена на задній планъ, когда Германія быстрыми шагами выдвинулась впередъ и въ теченіе какихъ-либо десяти лѣтъ сдѣлалась самой опасной соперницей царицы морей.

Эта небольшая статистическая экскурсія развитія военныхъ силъ показала намъ убѣдительно, насколько серьезны были *реальныя основанія*, заставлявшія Англію, Францію и Россію *все болѣе и болѣе сближаться и солидаризировать курсъ своей внѣшней политики* передъ лицомъ той растущей опасности, которая грозила имъ со стороны Германіи на сушѣ и на морѣ.

II. Глава.

Финансовое бремя милитаризма въ Германіи.

(Финансово-статистическія данныя и критика)

1.

Въ исторіи развитія милитаризма одной изъ интереснѣйшихъ страницъ является вопросъ объ отношеніи между государственными финансами и военными расходами данной страны, иными словами, *вопросъ о финансовомъ бремени милитаризма.*

Это бремя носитъ исключительный характеръ не только потому, что оно болѣе тяжело и требуетъ большихъ жертвъ, чѣмъ бюджетъ кокого-либо иного министерства, но и по той причинѣ, главнымъ образомъ, что финансы, поглощенные милитаризмомъ, пропадаютъ *безслѣдно,* не производя никакого экономическаго и культурнаго эквивалента. Всѣ расходы, производимые военнымъ и морскимъ министерствами, *непроизводительны* и *антикультурны,*—они не создаютъ новыхъ цѣнностей, а содержатъ цѣлые легіоны людей, оторванныхъ отъ творческаго труда, съ ихъ помощью безпрерывно производятся такія орудія и машины, примѣненіе которыхъ (въ дни войны) уничтожаетъ культурныя цѣнности, опустошаетъ страны и губитъ, истребляетъ массы народныя.

Выяснимъ нѣкоторыми данными, прежде всего изъ эпохи

абсолютизма, какія доли государственныхъ доходовъ высосаны этимъ ненасытнымъ милитаристическимъ вампиромъ.

Въ 1610 г. военный бюджетъ Испаніи составлялъ 90% всѣхъ государственныхъ расходовъ. Во Франціи, въ дни господства Бурбоновъ, военные расходы всегда превышали половину всего государственнаго бюджета, иногда составляя 3/4 его и болѣе. При Людовикѣ XIII расходы на войско возрасли вдвое, а при Людовикѣ XIV-мъ вчетверо.

Слѣдующія цыфровыя примѣры относительно Франціи еще болѣе выясняютъ сказанное нами.

	1639 г.	1680 г.	1784 г.
Военно-морской бюджетъ	19.100.000 фр.	97.869.754 фр.	404.350.000 фр. [1]).
Весь государст. бюджетъ	29.900.000 „	129.691.599 „	610.000.000 „
Процентъ перваго въ общемъ бюджетѣ.	60%	74%	66, 30%

Финансовое бремя, создаваемое милитаризмомъ на европейскомъ континентѣ, въ островной Англіи являлось продуктомъ маринизма. До какихъ крупныхъ размѣровъ доходили расходы на военный флотъ въ этой странѣ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ [2]).

	Весь государственный бюджетъ.	Расходы на флотъ.	Процентъ послѣднихъ въ общ. бюдж.
1652/53 г.	2.600.000 ф. ст.	1.400.000 ф. ст.	53,84%
1656/57 »	1.050.000 » »	809.000 » »	77,00 »
1658/59 »	1.517.000 » »	848.000 » »	55,89 »
1781 »	24.000.000 » »	17.500.000 » »	73,00 »

Пруссія конечно, не отставала на этомъ поприщѣ «завиднаго» соревнованія. Маленькая, жалкая страна, съ горстью населенія, она не имѣла другой заботы, какъ только непосильными расходами содержать легіоны паразитовъ. Еще въ 1688 году, въ дни Великаго Курфюрста расходы на армію (2.500.000 талеровъ), составляли 2/3 всего государственнаго бюджета. Такое тяжелое бремя лежало на прусскомъ населеніи, составлявшемъ всего одинъ милліонъ. Въ эпоху Фридриха I

[1]) Данныя см. у. В. Зомбарта: „Krieg und Kapitalismus“, 1913 года Мюнхенъ, стр. 55—56.

[2]). Зомбартъ, ibid, стр. 58.

общая сумма всѣхъ государственныхъ доходовъ равнялась 4 милліонамъ талеровъ, изъ которыхъ на армію тратилось 2,2 милліона талеровъ. При Фридрихѣ Вильгельмѣ I общій государственный бюджетъ составлялъ 6.917.192 талеровъ, изъ этой суммы на армію тратилось 5.039,663 талера, а 914.416 талеровъ предназначалось на военный фондъ,—значитъ 86% государственнаго бюджета шло на военныя цѣли. При слѣдующемъ монархѣ эти расходы составляли 75%, и такъ безъ конца, съ большими или меньшими колебаніями [1]).

Не забывайте, что эти колоссальные расходы въ мирное время—были для Пруссіи гораздо болѣе тяжелыми, чѣмъ для современныхъ ей европейскихъ государствъ. Пруссія, лишенная морской торговли, при своей ничтожной территоріи и еще болѣе ничтожномъ количествѣ населенія производила на армію расходы въ томъ же маштабѣ, какъ богатыя обширныя колоніальныя государствв того времени: Англія и Франція. Прусскій народъ жилъ и работалъ для арміи.

Въ новое время поглащаемые милитаризмомъ финансы не составляютъ такого огромнаго процента общаго государственнаго бюджета. Абсолютно, конечно, постоянно и въ колоссальныхъ размѣрахъ росли расходы на содержаніе современныхъ постоянныхъ армій. Однако годовые доходы и расходы капиталистическихъ государствъ до того умножились и развѣтвились, и бюджетъ государствъ достигаетъ такой колоссальной суммы, что въ ней доля милитаризма упала съ прежней абсолютно-преобладающей высоты. Но эта доля, сама по себѣ, еще такъ велика теперь, что ни одна другая статья государственныхъ расходовъ, ни одинъ бюджетъ какого-либо иного министерства не достигаютъ ея процентной высоты.

Такъ, напримѣръ, послѣ семилѣтней войны Пруссія тратила на свою армію въ годъ 32 милліона марокъ, а въ пер-

---

[1]) Подробности см. въ названномъ трудѣ В. Зомбарта, стр. 57, 58.— Другой источникъ сообщаетъ, что Фридрихъ Великій и современныя ему европейскія государства въ среднемъ расходовали на армію болѣе чѣмъ 60% государственнаго бюджета. Въ эпоху Наполеона эти расходы (1808 г.) достигли 64% (см. „Vierteljahreshefte für Truppenführung und Heereskunde“, изд. Генеральнаго Штаба, 1907 г., статья „Kriegführung und Kriegsgeld“, вторая книжка, стр. 299).

вое десятилѣтіе нашего вѣка (1906—1907 г.г.) расходы на прусскую армію достигали 622 милліоновъ марокъ [1]). Прежде бюджетъ прусской арміи составлялъ 60—70% всего государственнаго бюджета, а нынѣ только 30—35%. Прежде расходы на армію абсолютно превышали всѣ вообще иные государственные расходы, а нынѣ это преобладаніе лишь относительное: эти расходы составляютъ 1/3 бюджета. А въ количественномъ отношеніи ростъ былъ огромный: въ теченіе 140—150 лѣтъ расходы на прусскую армію возросли на 1844%, а количество арміи (въ мирное время) за тотъ же періодъ возросло приблизительно на 135%; расходы на армію въ 13—14 разъ возросли больше чѣмъ сама армія.

Ясно, стало-быть, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше съ развитіемъ военныхъ силъ *растутъ и усложняются* расходы на армію, все болѣе и болѣе чувствуетъ на себѣ государственное хозяйство финансовое бремя милитаризма. „Государства, — пишетъ одинъ изъ блестящихъ критиковъ милитаризма,— истощаются постепенно; культурныя цѣли страдаютъ въ Германіи подъ давленіемъ милитаризма; просвѣтительныя учрежденія не могутъ развиваться по причинѣ недостатка матеріальныхъ средствъ» [2]). Однако тяжесть милитаризма не въ одномъ финансовомъ истощеніи и расточеніи. Вліяніе милитаризма до того глубоко разносторонне, что невозможно представить его подъ однимъ знаменателемъ въ ариѳметическихъ выраженіяхъ. Правильная отчетность государственнаго хозяйства и публичное разсмотрѣніе и опредѣленія законодательныхъ учрежденій каждый годъ сообщаютъ намъ точныя данныя о *финансовомъ бремени* милитаризма, съ подробностями которыхъ мы познакомимся послѣ. Но гдѣ тотъ бухгалтеръ или статистикъ, который бы могъ хотя бы съ приблизительной точностью изобразить всю *экономическую тяжесть* милитаризма, лежащую на народномъ хозяйствѣ культурнаго общества? Какая государственная или общественная организація въ силахъ запротоколировать съ математической точностью, въ какихъ размѣрахъ

---

[1]) См. Вышеупомянутое изданіе: „Vierteljahreshefte für Truppenführung und Heereskunde", стр. 298.

[2]) См. извѣстный трудъ І. фонъ-Блоха: „Der Krieg", Берлинъ. 1899 г. стр. 299.

страдаетъ вся экономическая структура, со всѣми ея профессіями, когда отъ труда, создающаго цѣнности, отрываютъ сотни тысячъ молодыхъ силъ и цѣлые годы держатъ ихъ подъ ружьемъ въ условіяхъ казарменной жизни? Нѣтъ, невозможно представить въ истинныхъ предѣлахъ и во всей полнотѣ *экономически-промышленное бремя*; всѣ попытки въ этомъ направленіи не избѣжно должны быть недостаточны. Но это не значитъ, конечно, что вообще невозможно указать яркіе примѣры ущербъ, получаемыхъ экономической жизнью изъ-за милитаризма.

Крайне интересно, напримѣръ, знать, каково относительное участіе различныхъ профессій въ составѣ войскъ. Такія данныя у насъ имѣются относительно нѣсколькихъ великихъ сухопутныхъ державъ. Такъ, въ концѣ 90-ыхъ годовъ процентное участіе различныхъ профессій, въ составѣ арміи выражалось въ слѣдующихъ числахъ.

	Лица живущія наемнымъ трудомъ.	Служащіе и чиновники.	Лица, живущія въ семьѣ.	Лица, живущія на доходы съ капиталовъ.
Въ Германіи	96,9%	0,3%	1,0%	1,8%
» Австріи	95,5 »	2,2 »	0,5 »	1,8 »
» Франціи	91,6 »	3,7 »	1,0 »	3,7 » [1].

Какъ видите, огромнѣйшее большинство войска состоитъ изъ лицъ, живущимъ наемнымъ трудомъ—въ городахъ и уѣздахъ, т. е. изъ тѣхъ категорій населенія, трудомъ которыхъ постоянно создаются культурно-экономическія цѣнности. Наибольшій процентъ этой категоріи даетъ Германія. Если мы продолжимъ нить статистическихъ операцій и вычислимъ приблизительно вредъ, причиненный народному доходу въ названныхъ странахъ за данный годъ (1898 г.), принимая въ расчетъ лишь лицъ наемнаго труда и считая въ среднемъ заработокъ каждаго въ 500 рублей, то получимъ слѣдующія данныя:

Въ Германіи.	Во Франціи.	Въ Австріи.
281.591.000 руб.	268.313.500 руб.	167.370.000 руб.

---

[1]) Johann von Bloch, „Der Krieg“, Берлинъ, стр. 352.

Народный доходъ теряетъ сотни милліоновъ оттого, что сотни тысячъ рабочихъ рукъ отрываются отъ творческаго труда. Но насколько больше должна быть цѣнность (и кто можетъ вычислить ее) тѣхъ предметовъ, которые создаются этими рабочими руками и которыхъ (предметовъ) лишается народное хозяйство страны, когда рабочія руки идутъ на непроизводительное военное дѣло.

Но это не все. Трудящійся, становясь солдатомъ, не только лишается своихъ доходовъ и экономической дѣятельности, но онъ даже вводитъ въ расходъ свою семью. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ среднемъ, каждый солдатъ въ годъ обходится своей семьѣ 60 марокъ [1]).

Гораздо дороже обходятся такъ называемые „Einjährige—Freiwillige“ (вольноопредѣляющіеся изъ образованныхъ и имущихъ классовъ, которые служатъ годъ). Каждая семья тратитъ на такого вольноопредѣляющагося въ годъ 1600—2000 марокъ, между тѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы своимъ трудомъ зарабатывать въ годъ 3200—4000 марокъ [2]). Въ 1912г. число такихъ вольноопредѣляющихся германской арміи доходило до 13000 [3]), а значитъ, за указанный годъ ихъ семьи потратили на нихъ не менѣе 20.800.000—26.000.000 марокъ, тогда какъ они (эти военные) могли бы заработать за это время 41.600.000—52.000.000 марокъ.

И такъ безъ конца. Повторяемъ, невозможно точно установить тѣ огромныя потери, которыя несетъ народное хозяйство отъ постоянныхъ армій: потеря рабочихъ силъ, годового дохода, лишній расходъ для семействъ воиновъ и т. д. и т. д. Замѣчено и самими германскими источниками, что содержаніе арміи въ Германіи обходится дороже, чѣмъ въ какой-либо великой сухопутной милитаристической странѣ, прежде всего, во Франціи [4]).

1) J. v. Bloch, ibid, стр. 343.

2) Тамъ же.

3) „Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine“ изд. генералъ-майора Кейма, 1913 г. № 500, „Umschau“ стр. 536.

4) „Нельзя отрицать того факта,—пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ военныхъ писателей,—что германскій солдатъ обходится на 20% дороже французскаго“. Въ военномъ госпиталѣ содержаніе каждой койки стоитъ 800 марокъ, а въ гражданской—600. Германская армія съ ея тысячами украшеніями и многочисленными знаменами, самая пестрая армія на свѣтѣ“. См. передовую статью въ „Berliner Tageblatt“, подъ заглавіемъ: — „Militaria“ 1913 г., № 105, 27-го февраля.

2.

Послѣ этихъ краткихъ предварительныхъ замѣчаній, намъ остается прослѣдить статистическими данными ходъ развитія финансоваго расточенія, наблюдаемаго въ Германіи и въ другихъ государствахъ, параллельно съ ростомъ ихъ морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ. Прежде всего любопытно узнать, въ какой мѣрѣ возросли въ Германіи финансы, предназначенные на милитаристическія цѣли въ періодъ послѣднихъ сорока лѣтъ, начиная съ перваго бюджетнаго года молодой имперіи, съ 1872 года, когда началось рѣшительное развитіе военной мощи Германіи. Здѣсь мы проводимъ таблицу по пятилѣтіямъ, бюджеты военнаго и морского министерствъ и относительную долю участія каждаго жителя въ этомъ бюджетѣ.

	Бюджетъ военнаго министерства.	Бюджетъ морского министерства.	Вмѣстѣ.	На каждаго жителя приходится.
		(въ 1000 марокъ).		
1872 г. . .	316197	31082	347279	8,63
1875 » . .	364917	49210	414127	9,91
1880 » . .	369997	39727	409724	9,06
1885 » . .	371655	52059	423714	9,20
1890 » . .	442423	45421	487844	10,76
1895 » [1]) .	516030	78222	594252	13,18
1900 » . .	656041	157366	813407	14,43
1905 » . .	705192	233523	938715	16,64
1910 » . .	807223	434045	1241268	19,13
1913 » [2]) .	1008715	467364	1476079	21,86

---

¹) Данныя до 1895 г. см.: „Denkschriftenband zur Begründung des Entwurfes eines Gesetzes betreffend Aenderungen im Finanzwesen", офиц. изд. министерства финансовъ, ч. I, Берлинъ, 1908., стр. 38 и слѣд., затѣмъ стр. 119.

²) До 1913 г. см. „Nauticus", изданія соотвѣтствующихъ годовъ.

Эта таблица въ высшей степени любопытна. Въ періодъ грознаго развитія германскаго милитаризма, за 40 — 41 годъ, бюджетъ арміи съ 316.197.000 марокъ дошелъ до 1.008.715.000 м., увеличившись не менѣе чѣмъ на 220%. Что касается роста военно-морского бюджета, то его нужно считать прямо-таки легендарнымъ, особенно съ начала 1900-ыхъ годовъ; этотъ бюджетъ въ 1872 г. достигалъ всего 31.082.000 марокъ,—эта сумма въ 1913 г. дошла до 467.346.000 м., иными словами—она возросла на болѣе, чѣмъ въ десять разъ, на 1404%. Общій бюджетъ двухъ министерствъ увеличился за тотъ же срокъ на болѣе, чѣмъ 325%. Доля этого тяжелаго бремени, лежащая на каждомъ жителѣ, возросла (приблизительно) не менѣе чѣмъ на 153,30%.

Мы уже показали въ предыдущей главѣ, съ какимъ безпримѣрнымъ темпомъ шло развитіе морскихъ и сухопутныхъ силъ Германіи. Съ большимъ правомъ мы можемъ сказать то же о ростѣ финансовъ на военныя цѣли. Эти финансы возросли даже въ нѣсколько разъ быстрѣе, чѣмъ германская армія. Между тѣмъ какъ составъ арміи за сорокъ лѣтъ возросъ на 90%, военный бюджетъ, какъ мы видѣли, увеличился на 220%. Сорокъ лѣтъ тому назадъ на каждаго солдата приходилось 0,75 марки, а въ 1913 году же 1,28 марки. Бюджетъ морского министерства также имѣль болѣе быстрый ростъ, чѣмъ число боевыхъ силъ, несмотря на быстрое ихъ развитіе въ послѣднее десятилѣтіе. Если боевой персоналъ германскаго флота возросъ (1903—1913 г.) на 104%, то его бюджетъ за тотъ же періодъ имѣлъ приращеніе на 144%; если раньше на каждаго морского солдата приходилось 5,35 марокъ, то черезъ десять лѣтъ этотъ расходъ дошелъ до 6,36 марокъ. Сорокъ лѣтъ назадъ участіе каждаго жителя въ расходахъ на армію выражалось въ суммѣ 7,86 м., а въ морскомъ бюджетѣ—0,77 м. или 77 пфениговъ, тогда какъ черезъ сорокъ лѣтъ первое число удваивается, доходя до 15-ти марокъ, а второе увеличивается приблизительно въ 9 разъ, доходя до 6,86 м.

Вотъ многостороннее осложненіе милитаристическаго бремени,—его абсолютный и относительный ростъ *за счетъ государственныхъ финансовъ*, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, *за счетъ благосостоянія податного населенія.*

Однако и въ данномъ случаѣ насъ долженъ особенно интересовать тотъ періодъ развитія военныхъ расходовъ, который всегда занималъ спеціальное мѣсто въ нашихъ статистическихъ выкладкахъ; это 25-ти лѣтній періодъ «мирнаго управленія» Вильгельма II (1888—1913 г.г.). Чтобы рельефнѣе представить развитіе милитаризма въ указанный періодъ, сопоставимъ двѣ эпохи, такъ называемую *Бисмарковскую* (1872—1888) и *эпоху Вильгельма II* (съ 1888 г.), подъ эгидой 25-лѣтняго «вооруженнаго мира». Нижеслѣдующія данныя показываютъ крупное различіе этихъ двухъ эпохъ въ отношеніи занимающихъ насъ вопросовъ.

	1872—1888 г.г.	1888—1913 г.г.
Количественное приращеніе арміи . . .	17,46%	60,77%
Увеличеніе ея бюджета	67,17 »	90,65 »
Увеличеніе морского бюджета	64,24 »	815,52 »
Ростъ обоихъ вмѣстѣ	66,00 »	154,70 »
Увеличеніе доли каждаго жителя	40,00 »	80,96 »

Эта таблица свидѣтельствуетъ объ огромныхъ измѣненіяхъ финансоваго бремени милитаризма за двѣ чрезвычайно характерныя эпохи. Количество арміи въ эпоху Вильгельма увеличилось болѣе чѣмъ втрое, бюджеты морского и военнаго министерствъ, взятые вмѣстѣ, увеличились болѣе чѣмъ въ 2 ½ раза, а доля участія каждаго жителя въ этихъ расходахъ удвоилась. Здѣсь въ частности бросается въ глаза ростъ морского бюджета въ теченіе 25 лѣтъ, достигающій 815,52%,— значитъ, онъ почти въ 13 разъ превосходитъ въ этомъ отношеніи морской бюджетъ предыдущаго періода.

Это исключительно результатъ политики вооруженія эпохи Вильгельма.

3.

Для болѣе осязательнаго опредѣленія финансоваго бремени милитаризма, необходимо сравнить данныя относительно

ГОДЫ.	ГЕРМАНІЯ.			АНГЛІЯ.			ФРАНЦІЯ.			РОССІЯ.		
	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.
	Въ тысячахъ марокъ.											
1888	550.535	51.048	601.583	390.650	264.810	655.460	438.000	144.800	582.800	455.800	88.150	543 950
1893 [1]) . . .	594.314	72.784	667.098	376.800	328.900	705.700	519.600	202.640	722.240	509.550	109.650	619.200
1898 . . .	632.713	125.994	758.707	409.966	487.966	897.932	523.397	231.986	755.328	655.078	145.344	800.422
1903 . . .	659.970	212.628	872.598	642.335	728.473	1.370.808	550.242	250.778	801.020	757.987	246.104	1.004.091
1908	837.459	339.234	1.192.928	560.164	659.318	1.219.482	623.740	255.946	879.686	918.306	205.419	1.123.725
1913 [2]) . . .	1.008.715	467.364	1.476.079	575.688	944.710	1.520.398	765.765	412.245	1.178.010	1.185.057	[3]) 490.613	1.675.670
	Процентный ростъ за 25-ти лѣтній періодъ.											
1888 1913 .	90,65	815,52	154,70	47,36	257,13	131,94	74,83	184,70	102,13	162,19	456,56	208,00

ГОДЫ.	АВСТРІЯ.			ИТАЛІЯ.			СОЕДИН. ШТАТЫ.			ЯПОНІЯ.		
	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.	Бюджетъ арміи.	Морской бюджетъ.	Вмѣстѣ.
	Въ тысячахъ марокъ.											
1888 . . .	208.245	17.344	225 589	199.760	70.160	269.920	192.500	84 600	277.100	25.400	21.620	47.020
1893 [1]) . . .	186.921	16.224	203.145	189.600	72.960	262.560	248.400	150.500	398.900	29.440	16.200	45.640
1898 . .	351.933	27.418	379.351	197.318	85.231	282.549	976.059	270 291	1.246.350	113.185	122.913	236.098
1903	349.633	41.600	391.233	225.545	101.745	327.290	493.650	434.763	928.413	98.458	75.847	174.305
1908	378.999	48.565	427.564	233.200	126.718	359.918	449.887	515.183	965.070	225.575	169.998	395.573
1913 [2]) . . .	342.866	[4]) 63.320	406.186	331.711	205.389	537.100	[redacted]	594.719	1.017.172	[5]) 196.259	202.853	399.112
	Процентный ростъ за 25-ти лѣтній періодъ.											
1888 –1913 .	64,64	265,00	80,00	66,04	192,73	99,00	119,45	603,00	270,70	672,67	838,00	748,81

[1]) Данныя относительно 1888 и 1893 гг. см. „Denkschriftenband", I ч. стр 39 и слѣд., II ч. стр. 49, 101, 146, 221, 274, 344, 405—406.
[2]) Данныя относительно остальныхъ годовъ см. соотвѣтственныя изданія „Nauticus'a".
[3]) Данныя о русскомъ бюджетѣ 1913 г. см. „Статистическій Ежегодникъ" 1914 г., подъ ред. В. И. Шараго, Петроградъ, стр. 362.
[4]) Данныя объ Австріи за тотъ же годъ см. тамъ же, стр. 825.
[5]) Для бюджета японской арміи взято данное за 1912 г.

Германіи съ данными относительно ея великихъ сухопутныхъ и морскихъ соперниковъ. Возьмемъ послѣдній 25-тилѣтній рѣшительный періодъ по пятилѣтіямъ и прослѣдимъ ходъ развитія военныхъ расходовъ. Предыдущая таблица даетъ цѣльную картину относительно развитія финансовъ всѣхъ великихъ сухопутныхъ и морскихъ государствъ.

(табл. см. на 238 и 239 стр.).

Обратите вниманіе на эту всесторонне интересную таблицу. Это есть реальная картина расточенныхъ восемью великими міровыми сухопутными и морскими вооруженными державами финансовъ въ теченіе четверти вѣка. И здѣсь Германія въ ряду всѣхъ занимаетъ особое мѣсто. 25 лѣтъ тому назадъ бюджетъ ея арміи былъ самымъ крупнымъ, черезъ 25 лѣтъ она занимаетъ второе мѣсто, уступая первенство Россіи, бюджетъ которой превышаетъ германскій на 76.342,000 марокъ. Однако въ то время (1888 г.) когда Россія на 455.800,000 м. содержала армію въ 800,000 ч., на каждаго солдата тратя въ годъ приблизительно 570 марокъ, Германія съ бюджетомъ въ 550.535,000 м. содержала армію всего въ 492,000, значитъ расходъ на каждаго солдата равнялся приблизительно 1119 м., что вдвое больше расхода на русскаго солдата. Въ 1913 г. военный бюджетъ Россіи составлялъ 1.185.057,000 м. на армію въ 1.343,00 ч.; на каждаго солдата приходится въ годъ около 882 м. А Германія въ тотъ же годъ потратила 1.008.715,000 м. на армію въ 790,985 ч., значитъ, на каждаго солдата около 1275 м., т. е. въ полтора раза больше русскаго. И если германскій солдатъ на 20% обходится дороже французскаго, то сравнительно съ русскимъ онъ дороже на 20—30%. А слѣдовательно, финансовое бремя милитаризма въ Германіи несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ двухъ другихъ враждебныхъ ей великихъ сухопутныхъ державахъ.

Посмотрите на ходъ приращенія чиселъ въ пятилѣтніе періоды. Ни въ одной странѣ военные финансы не росли такъ безпрерывно, постоянно, твердо и безъ колебаній, какъ въ Германіи. Ни въ одномъ государствѣ (за исключеніемъ Японіи, что имѣетъ свои особыя причины) морскіе расходы не росли съ такой быстротой и въ такихъ огромныхъ размѣрахъ—на 815,52% за 25 лѣтъ, какъ въ Германіи.

Даже Англія, этотъ военно-морской титанъ, имѣла перерывы въ развитіи своихъ военно-морскихъ расходовъ. Такъ, напримѣръ, въ то время (періодъ 1903—1908 г.г.), когда морской бюджетъ Англіи уменьшился на 69.155,000 марокъ, германскій морской бюджетъ, напротивъ, увеличился на 126.606,000 марокъ. Между тѣмъ морскіе расходы Англіи превышали германскіе не менѣе, чѣмъ на 67.66%; спустя четверть вѣка это превосходство Англіи упало до 33,34%, стало-быть, наполовину. А относительно германскіе морскіе финансы, за тотъ же періодъ, увеличивались почти вчетверо быстрѣе, чѣмъ англійскіе [1]).

Таже картина получается при сравненіи Германіи съ Франціей. Раньше бюджетъ германской арміи превосходилъ французскій на 112.535,000 марокъ или на 11,4%, спустя четверть вѣка это превосходство дошло до 242.950,000 м., или около 14%. Болѣе поразительно морское соревнованіе этихъ двухъ историческихъ враговъ. Въ 1888 году морской бюджетъ Франціи превышалъ германскій на 93.752,000 м. или на 44,80%. Черезъ 25 лѣтъ Германія не только догоняетъ Францію, но и оставляетъ ее позади себя. Французскій морской бюджетъ возросъ на 184.70%, между тѣмъ какъ германскій—на 815,52%, значитъ, почти въ $4^1/_2$ раза быстрѣе.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ растутъ за послѣдніе годы русскіе морскіе расходы. Въ предыдущей главѣ мы видѣли уже, что Германія на много опередила Россію своими пригото-

[1]) Но есть публицисты, которые, беря на себя съ легкимъ сердцемъ защиту германскаго милитаризма, рѣшаются говорить о немъ противоположное тому, что доказываютъ факты. Въ своей уже упомянутой тенденціозной брошюрѣ г. Сухановъ старается доказать, что „двойственный союзъ (Россія и Франція) подготавливался къ національной оборонѣ гораздо лучше", чѣмъ Германія (стр. 110), что „напряженіе союзниковъ было гораздо сильнѣе" (стр. 111), и, наконецъ, онъ говоритъ о „милитаризаціи англійскаго бюджета" (112). Это—рядъ смѣлыхъ, но и очень смѣшныхъ, сужденій. Г. Сухановъ оперируетъ скудными, случайными и абсолютно ничего не говорящими датами. Безпрерывный процессъ развитія военныхъ силъ и военныхъ финансовъ въ рѣшающіе періоды лихорадочнаго вооруженія великихъ державъ остается совершенно не выясненнымъ какъ для самого автора, такъ и для его читателя. Только изображеніе этого процесса можетъ дать конкретную картину истинныхъ тенденцій развитія милитаризма въ различныхъ странахъ и, прежде всего, въ Германіи. Изъ цифровыхъ данныхъ предыдущей и настоящей главы (I и II гл. третьей части) читатель увидитъ, что германскій милитаризмъ есть совсѣмъ не то, что представляютъ себѣ его защитники.

вленіями (по составу судовъ и военно-морского персонала). И все же изъ данныхъ 1913 года явствуетъ, что русскій морской бюджетъ почти на 23 милліона марокъ превышаетъ германскій. Неравномѣрное развитіе русскако морского бюджета надо приписать послѣдствіямъ русско-японской войны. Въ теченіе 1903—1908 г.г. по причинѣ войны (1903—1905) Россія настолько ослабѣла на морѣ, что соотвѣтственно уменьшенію ея морскихъ силъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, уменьшаются также ея морскіе расходы, приблизительно на 41 милліонъ марокъ. Въ послѣдующемъ періодѣ 1908—1913 г.г., когда Россія энергично приступаетъ къ возстановленію своихъ морскихъ силъ, разрабатывая новыя судостроительныя программы, морской бюджетъ также растетъ очень быстрымъ темпомъ и въ теченіе пяти лѣтъ съ 205.419,000 марокъ доходитъ до 490.613,000 м., что даетъ приращеніе на 138.83%.

Обыкновенно войны своими послѣдствіями принуждаютъ воюющія стороны вооружаться съ необычайной энергіей, усиливая въ огромной мѣрѣ финансовое бремя. Въ такомъ то положеніи находилась Японія. До 1893 года ея военные и морскіе расходы составляли маленькія суммы едва 20—30 милліоновъ марокъ въ годъ.

Японо-Китайская война дала такой толчокъ дѣлу вооруженій побѣдной Японіи, что въ слѣдующемъ пятилѣтіи (до 1898 г.) ея военные и морскіе расходы увеличились на 417,30%. Затѣтъ вновь эти расходы уменьшились (къ 1903 г. на 35,45%). Но русско-японская война оказала своеобразное дѣйствіе на темпъ вооруженій, и мы видимъ, что въ послѣдующіе годы (1903—1908 г.г.) военные расходы Японіи вновь увеличиваются въ огромныхъ размѣра, именно, на 127% приблизительно.

Конкретный примѣръ Японіи проливаетъ свѣтъ также на пути развитія финансовъ другихъ государствъ, когда-либо ведшихъ войны. Напримѣръ, бюджетъ англійской арміи, растущій или очень медленно, или съ колебаніями, дѣлаетъ необычайный скачокъ въ періодъ 1898—1903 г.г. вслѣдствіе бурской войны, увеличившись на 57% (морской бюджетъ на 49,30%); затѣмъ онъ начинаетъ постепенно падать. Еще болѣе ярокъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ

Штатовъ. Страна эта, несмотря на ея величину и первоклассное положеніе въ ряду державъ, употребляетъ сравнительно мало средствъ на милитаристическія цѣли. Но испано - американская война нарушила здѣсь нормальное теченіе развитія финансовъ. Въ 1898 году бюджетъ арміи Соединенныхъ Штатовъ достигъ невѣроятной высоты—976.059.000 марокъ, почти милліардъ, тогда какъ пять лѣтъ назадъ бюджетъ этотъ покрывался 248.400,000 м.,—значитъ, онъ за пятилѣтіе возросъ почти на 297%. Затѣмъ бюджетъ начинаетъ съ той же быстротой падать съ этого уровня.

Всѣ эти сравнительные примѣры доказываютъ одно: если бы въ перечисленныхъ странахъ не наблюдалось упомянутыхъ чрезвычайныхъ явленій и военные финансы росли въ указанный 25-ти лѣтній періодъ при условіяхъ мирнаго времени, какъ то было въ Германіи,—то никогда бы ихъ бюджеты не могли имѣть относительно болѣе быстрый ростъ, чѣмъ бюджетъ германскій. Въ этихъ странахъ принудительные случаи войны заставляли правительства отягчать бремя милитаризма на государственныхъ финансахъ, въ Германіи же, безъ давленія со стороны внѣшнихъ событій, въ мирныхъ условіяхъ, постоянно росло это бремя для будущихъ агрессивныхъ цѣлей. Укажите за 25-ти лѣтній періодъ другое государство, перманетныя вооруженія котораго въ одинаковыхъ условіяхъ поглощали бы столько же финансовъ изъ государственной казны, какъ мы видимъ въ Германіи! Но вышеприведенная таблица интересна и съ другой точки зрѣнія. Любопытно, напримѣръ, знать, каково относительное участіе данныхъ государствъ въ общей суммѣ капитала вооруженій четверть вѣка тому назадъ и позже.

Въ 1888 году вышеупомянутыя восемь великихъ милитаристическихъ государствъ затратили на армію и флотъ не менѣе 3.203.422.000 марокъ, а черезъ 25 лѣтъ эта сумма болѣе чѣмъ удваивается, доходя до колоссальныхъ размѣровъ —8.209.727.000 марокъ (возрастаніе на 156.28%). Отдѣльно общая сумма, потраченная по арміи названными странами, четверть вѣка тому назадъ, равнялась 2.460.890.000 марокъ, а въ 1913 г.—4.828.514.000 м., увеличившись на 96,21%. Бюлжетъ военнаго флота за тотъ же періодъ—вначалѣ—742.532.000 м., потомъ 3.381.213.000, увеличившись на 355.36%.

Какъ видимъ, военно-морскія вооруженія за послѣднюю четверть вѣка развивались болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ сухопутныя. Изъ большой таблицы, приведенной выше, мы видѣли, что во всѣхъ безъ исключенія странахъ расходы на флотъ росли сравнительно быстрѣе и въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ расходы на армію, хотя, конечно, общая сумма (абсолютная величина) послѣднихъ всегда превышала расходы морскіе. Мы видѣли также, что морскіе бюджеты имѣли прямо-таки головокружительное развитіе, особенно въ трехъ странахъ: въ Германіи (на 815,52%), въ Соединенныхъ Штатахъ (на 603,00%) и въ Японіи (838,00%),—т. е. въ новѣйшихъ имперіалистическихъ странахъ. Даже такое преимущественно континентальное государство, какъ Австро-Венгрія, съ особымъ вниманіемъ слѣдило за морскими вооруженіями сосѣдей, и бюджетъ его флота въ теченіе 25 лѣтъ возросъ не менѣе чѣмъ на 265%.

Поскольку Германія съ лихорадочной энергіей вооружалась на морѣ, тѣмъ самымъ усиливая англо-германское соревнованіе на моряхъ, постольку и другія державы въ свою очередь дѣлали морскія приготовленія, сознавая, что судьба націй будетъ рѣшена на почвѣ колоніальной политики, столкновеніями не только сухопутными, но и морскими. Къ старой германской опасности на сушѣ (съ 70-хъ годовъ) прибавилась новая германская опасность, столь же угрожающая на морѣ (съ конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія). Теперь посмотримъ, каково было относительное участіе данныхъ восьми государствъ въ общихъ суммахъ расходовъ на армію и флотъ 25 лѣтъ тому назатъ и за послѣдній (1913) годъ.

	1888 годъ.			1913 годъ.		
	Процентное отношеніе къ общей суммѣ. %	Къ бюджетамъ арміи. %	Къ бюджетамъ флота. %	Процентное отношеніе къ общей суммѣ. %	Къ бюджетамъ арміи. %	Къ бюдже-[illegible] флота. %
Германія	18,77	22,45	6,88	18,09	20,89	13,83
Англія	20,46	15,86	35,66	18,52	11,92	27,94
Франція	18,19	17,79	19,50	14,35	15,86	12,19
Россія	17,00	18,52	11,87	20,41	24,54	14,51
Австрія	7,04	8,46	2,33	4,95	7,10	1,87
Италія	8,42	8,11	9,45	6,55	6,87	6,07
Соедин. Штаты	8,65	7,82	11,40	12,27	8,75	17,59
Японія	1,47	1,03	2,91	4,86	4,07	6,00
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Разница за 25 лѣтній періодъ (плюсъ или минусъ) была слѣдующая:

	Въ отношеніи общей суммы. %	Въ отношеніи бюджета арміи. %	Въ отношеніи морского бюджета. %
Германія. . . .	—0,68	—1,46	+6,96
Англія	—1,94	—3,94	—7,72
Франція.	—3,84	—1,93	—7,31
Россія	+3,41	+6,02	+2,64
Австрія.	—2,09	—1,36	—0,46
Италія	—1,87	—1,24	—3,32
Соедин. Шт. . .	+3,62	+0,93	+6,19
Японія	+3,39	+3,04	+3,09

Обратите вниманіе на эти, одна другую дополняющія таблицы. Онѣ показываютъ процентное участіе восьми великихъ милитаристическихъ державъ въ общей суммѣ расходовъ на военное дѣло, затѣмъ, ослабленіе или усиленіе этого участія.

Въ 1888 году бюджетъ германской арміи занималъ первое мѣсто: онъ составлялъ болѣе чѣмъ 1/5 (ровно 22,45%) общей суммы всѣхъ расходовъ названныхъ государствъ на армію, въ то время какъ Франція и Россія, содержавшія большія арміи, расходовали на нихъ меньше: Франція 18,52% общей суммы, а Россія—17,79%. Спустя четверть вѣка, когда милитаризмъ и въ Россіи сталъ развиваться быстро, когда Японія, ободренная удачными войнами на Дальнемъ Востокѣ, развернула всѣ свои силы, нѣтъ сомнѣнія, что участіе старыхъ милитаристическихъ странъ въ общей суммѣ расходовъ на военное дѣло должно было нѣсколько ослабѣть. Такъ, въ 1913 году бюджетъ германской арміи уже составлялъ 20,89% общей суммы, стало быть, все же болѣе 1/5, уменьшившись лишь на 1,46%, тогда какъ уменьшеніе французскаго бюджета выражается въ 1,93%, а англійскаго —даже въ 3,94%. Участіе же бюджета русской арміи, наоборотъ, составляетъ почти 1/4 всей суммы (24,54%), увеличив-

шись на 6,02%. Японское участіе составляетъ 1/25 часть (4,07%), увеличившись на 3,04%. Бюджетъ американской арміи также увеличился незначительно (0,93%), австрійскій же и итальянскій уменьшились: первый па 1,36%, а второй на 1,24%.

Болѣе знаменательны измѣненія расходовъ на флотъ. Въ 1888 году впереди всѣхъ стояла Англія, военно-морскіе расходы которой составляли болѣе, чѣмъ 1/3 (35,66%) общей суммы всѣхъ военно-морскихъ расходовъ названныхъ государствъ. Послѣ Англіи шла вторая великая морская держава того времени, Франція—19,50%. Затѣмъ слѣдуютъ Россія (11,87%) и Соединенные Штаты (11,40%). Двадцать пять лѣтъ назадъ не существовало морской Германіи, поэтому ея морской бюджетъ былъ настолько ничтоженъ (всего 6,88% общей суммы), что уступалъ даже итальянскому (составлявшему 9,45), превосходя лишь бюджеты австрійскій (2,33%) и японскій (2,91%). По прошествіи четверти вѣка, въ 1913 г., Англія и Франція опускаются съ прежней высоты, первая на 7,72%, вторая на 7,31%. Доля Англіи въ общихъ морскихъ расходахъ, опять-таки наибольшая, составляетъ 27,94% общей суммы. Что касается Франціи, то она теперь отходитъ на пятое мѣсто, ея участіе въ расходахъ теперь выражается всего въ 12,19% общей суммы. Необычайное измѣненіе терпитъ германскій морской бюджетъ, онъ увеличивается на 6,96%, и къ 1913 г. его доля въ общей суммѣ морскихъ расходовъ уже 13,83%. Увеличенія на 6,96% не имѣло ни одно государство во всей таблицѣ ни въ морскомъ бюджетѣ, ни въ сухопутномъ. Въ то время какъ въ общей суммѣ капитала морскихъ вооруженій доля Германіи за 25 лѣтъ увеличилась почти на 7%, доля Англіи и Франціи, наоборотъ, уменьшилась, первая на 7,72%, вторая на 7,31%. Послѣ Германіи идетъ Америка, увеличившая свое участіе на 6,19%, противъ котораго приращеніе японской и русской долей довольно-таки скромно—3,09% и 2,64%.

Вотъ *реальная картина финансовыхъ расточеній* великихъ морскихъ и сухопутныхъ державъ въ теченіе 25-ти лѣтняго періода. Огромно это финансовое бремя милитаризма, и, что изумительнѣе всего, оно все растетъ безпрерывно, отягчая государственное хозяйство. Мы видѣли на осязатель-

ныхъ примѣрахъ, насколько велико участіе Германіи въ этомъ расточеніи, какъ систематически, параллельно техническому вооруженію развивались и военные финансы и какъ къ прежней германской опасности на сушѣ присоединилась ея морская угроза.

4.

Въ заключеніе этой главы намъ остается освѣтить съ другой стороны финансовую часть милитаризма съ помощью тѣхъ же конкретныхъ статистическихъ данныхъ.

Здѣсь насъ прежде всего интересуетъ вопросъ о сравнительной долѣ милитаристическихъ расходовъ въ общемъ государственномъ хозяйствѣ, т. е. вопросъ о томъ, какую часть общегосударственныхъ расходовъ поглощаетъ милитаризмъ [1]). Характерно то обстоятельство, что измѣненія государственной росписи изъ періода въ періодъ по большей части соотвѣтствовали измѣненіямъ бюджетовъ военнаго и морского министерствъ. Это значить, что тенденціи развитія финансовъ, поглощаемыхъ германскимъ милитаризмомъ, даютъ тонъ и направленіе всему вообще финансовому хозяйству государства. Такъ, напримѣръ, военные расходы (на армію и флотъ) за 25 лѣтъ (1888—1913 г.г.) возросли на 154,70%, а общая сумма всѣхъ государственныхъ расходовъ увеличилась за тотъ же срокъ на 158,20%, стало быть, лишь на 3,50% больше. Прежде всего приведемъ здѣсь данныя относительно имперскаго бюджета Германіи и военныхъ расходовъ въ пятилѣтніе періоды.

1) Рѣчь идетъ только о государственныхъ расходахъ Германской имперіи; внутренніе государственные бюджеты союзныхъ государствъ не входятъ въ кругъ разсматриваемыхъ вопросовъ. Армія и флотъ въ Германіи — институты общеимперскіе.

	Имперскій бюджетъ Германіи.		Бюджетъ арміи и флота.		Проц. послѣдняго. %
1888 г.	1.222.637.300	марокъ	601.583.000	марокъ	49,20
1893 »	1.541.865.000	»	607.098.000	»	43,28
1898 »	1.855.707.600	»	758.707.000	»	40,90
1903 »	2.357.302.100	»	872.598.000	»	37,02
1908 »	2.752.696.400[1])	»	1.192.928.000	»	43,34
1913 »	3.156.853.000[2])	»	1.476.079.000[3])	»	46,82

Эти числа показываютъ ясно, какую огромную часть государственныхъ средствъ тратило имперское правительство на милитаристическія цѣли. Военные расходы во всѣ періоды превышаютъ 40% всего имперскаго бюджета, лишь на одинъ годъ (1903 г.) опускаясь до 37,02%, но послѣ того эти расходы опять растутъ, доходя въ послѣдній годъ до 46,82%. Въ среднемъ за 25 лѣтній періодъ относительная часть военныхъ расходовъ въ имперскомъ бюджетѣ равнялась 43,42%. Характерно, что всѣ таможенныя пошлины и косвенные налоги объединенной имперіи, которые, какъ извѣстно, очень тяжелы, благодаря господствующей аграрной политикѣ юнкер-

[1]) Данныя объ имперскомъ бюджетѣ до 1908 г. см. извѣстныя намъ оффиц. изд. „Denkschriftenband, usw.". Берлинъ, 1908, стр. 39 и слѣд.

[2]) Данныя относительно 1913 г. см. „Статистическій ежегодникъ на 1914 г.". Петроградъ стр. 827.

[3]) „Vorwärts" сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о расходахъ на милитаристическія цѣли въ 1913 году. Газета выдѣляетъ изъ бюджетовъ остальныхъ министерствъ тѣ части, которыя въ той или иной связи тратятся на цѣли арміи и флота (напр., проценты по военнымъ долгамъ, расходы по содержанію колоніальныхъ отрядовъ, фондъ для инвалидовъ, траты на тайное военное шпіонство и т. д.) и приходитъ къ выводу, что въ 1913 г. сумма, требовавшаяся германскимъ милитаризмомъ равнялась 1.861.000.000 маркамъ,—колоссальная сумма, превышающая всѣ имперскіе доходы, которые составляютъ (netto) 1.820.000.000 м. „Нашъ милитаризмъ,—это вампиръ, высасывающій всѣ соки государственной жизни". „И развѣ мы впадали въ преувеличеніе,—продолжаетъ „Vorwärts",—когда утверждали постоянно, что Германская имперія есть не что иное, какъ учрежденіе для удобренія („Mastkuranstalt) нашего милитаризма". И это явленіе соц. дем. органъ называетъ „deutsche Kulturschande" (германскій культурный позоръ). (См. № 281 отъ 1 декабря 1912 года). Если сообщеніе „Vorwärtsa" правильно, то выйдетъ, что въ 1913 г. расходы на военныя цѣли составляли 58,95% общаго имперскаго бюджета, а это уже напоминаетъ намъ расходы на армію прежнихъ прусскихъ королей.

ской касты, не могутъ покрыть всѣхъ расходовъ на флотъ и армію. Общая сумма пошлинъ и налоговъ 25 лѣтъ тому назадъ равнялись 471.839.000 маркамъ, что составляло едва 40% всѣхъ государственныхъ доходовъ. Спустя четверть вѣка сумма этихъ пошлинъ и налоговъ достигаетъ 1.333.940.000 марокъ, увеличившись на 182,71% и составляя 42.25% всѣхъ государственныхъ доходовъ. А бюджетъ арміи и флота, какъ знаемъ, въ тотъ же срокъ достигаетъ 1.476.079.000 марокъ, составляя 46,82% всѣхъ государственныхъ расходовъ. Слѣдовательно, для удовлетворенія финансовыхъ потребностей милитаризма правительству Вильгельма приходилось прибѣгать къ другимъ источникамъ государственнаго дохода.

Однако, эти наши замѣчанія остались бы неполными, если бы мы оставили безъ вниманія другую важную статью непроизводительныхъ расходовъ, которые находятся въ причинной связи съ милитаристическимъ бюджетомъ. Какъ послѣдній, такъ и проценты по имперскимъ долгамъ, платимые каждый годъ, являются въ экономическомъ смыслѣ *совершенно непроизводительными расходами*, потому что они не производятъ никакихъ эквивалентныхъ цѣнностей, пропадаютъ безъ всякой компенсаціи. Скажемъ болѣе. Государственные долги по большей части являются непроизводительнымъ капиталомъ, такъ какъ самыми принудительными стимулами къ заключенію государственныхъ займовъ бываетъ необходимость веденія войны, покрытія военныхъ расходовъ и усиленія вооруженій. Годовые проценты по этимъ долгамъ и ихъ постепенное погашеніе въ ряду государственныхъ расходовъ занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, составляя тройцу непроизводительныхъ расходовъ вмѣстѣ съ бюджетами морскимъ и военнымъ.

Въ Германіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, займы, заключаемые имперскимъ правительствомъ, имѣютъ особенно милитаристическія и имперіалистическія цѣли. И это совершенно понятно. Благодоря особенностямъ государственнаго строя германскихъ странъ, большинство внутреннихъ культурнопроизводительныхъ дѣлъ лежитъ на членахъ имперской федераціи, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое независимое госудаственное хозяйство, какъ и свои государственные долги. А conditio

sine qua non существованія имперскаго правительства есть не что иное, какъ *милитаристическая и имперіалистическая политика* (Militärpolitik, Flottenpolitik, und Welt-oder Kolonialpolitik), во имя которой и для которой оно дѣлаетъ долги, плотитъ проценты. Займы, заключенные имперскимъ правительствомъ, составляютъ особую, меньшую часть общегосударственныхъ долговъ всей Германіи (имперіи и федеративныхъ государствъ [1]). Въ данномъ случаѣ насъ, разумѣется, интересуютъ долги имперіи.

Мы видѣли, съ какой быстротой шло развитіе германскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ и параллельно съ этимъ увеличеніе расходовъ на армію и флотъ; тотъ же темпъ развитія мы замѣчаемъ и въ государственныхъ долгахъ и непроизводительныхъ расходахъ по нимъ (проценты и погашенія). Въ 25-ти лѣтній періодъ (1888—1913 г.) имперскіе долги возросли на 582.00% (съ 883,756,000 м. достигнувъ 6,026.350.000 м.), а годовые платежи по нимъ увеличились на 724,35% (съ 29.241,800 м. достигнувъ 241.054,000 м.). Эту послѣднюю сумму такъ же, какъ непроизводительный расходъ, нужно прибавить къ милитаристическому бюджету и тогда только приступить къ выясненію мѣста, занимаемаго имъ въ финансовомъ хозяйствѣ имперіи.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ интересующее насъ положеніе и другія, сопутствующія ему явленія. (Здѣсь подъ непроизводительными расходами нужно понимать расходы на армію, флотъ и выплату по займамъ).

---

[1]) Перваго января 1913 года всѣ долги Германской имперіи и федеративныхъ государствъ равнялись 20,553,380,000 маркамъ, изъ которыхъ часть имперскаго долга составляла 6,026,350,000 марокъ, а долгъ одной только Пруссіи—10,726,780,000 м., остальная сумма—долги всѣхъ остальныхъ государствъ. Между тѣмъ какъ займы федеративныхъ государствъ по большей части суть долги желѣзнодорожные, долги имперскіе, наоборотъ, вызваны нуждами вооруженія. Долги федеративныхъ государствъ возросли съ 1881 года всего на 173,80%, долги же имперскіе, за тотъ же періодъ, увеличились на 2150%.

	Изъ общаго имперскаго бюджета приходится на каждаго жителя (въ маркахъ).	На каждаго жителя приходится изъ непроизводительныхъ расходовъ (въ маркахъ).	На каждаго жителя приходится изъ имперскихъ доходовъ; взяты только таможенные пошлины и косвенные налоги (въ маркахъ).	Процентъ непроизводительныхъ расходовъ въ общей суммѣ имперскихъ расходовъ.	Процентъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ въ общей суммѣ имперскихъ доходовъ.
1888 г.	25,46	13,12	9,83	51,60%	39,30%
1893 »	30,35	13,23	12,00	43,60 »	39,00 »
1898 »	34,05	15,25	14,35	44,80 »	42,13 »
1903 »	40,09	16,55	14,00	41,31 »	33,55 »
1908 »	43,48	21,31	16,90	49,00 »	36,64 »
1913 »	46,76	25,44	19,76	54,40 »	42,25 »

Таблица эта заслуживаетъ вниманія съ различныхъ сторонъ. Общіе расходы имперіи все болѣе и болѣе увеличиваются, и гораздо быстрѣе, чѣмъ само народнонаселеніе страны. Крупная доля этихъ расходовъ, иногда болѣе ихъ половины, употребляется на чисто непроизводительныя цѣли, и эти непроизводительные расходы имѣютъ тенденцію расти быстрѣе, чѣмъ другія статьи имперскихъ расходовъ. Между тѣмъ какъ общеимперскіе расходы, считая на каждаго жителя за 25 лѣтъ, увеличились лишь на 84%, непроизводительные расходы показываютъ ростъ на 94%. Въ среднемъ германское правительство въ указанные періоды затратило на каждаго жителя 36,70 м., а изъ однихъ непроизводительныхъ расходовъ 17,50, значитъ, около половины.

А участіе непроизводительныхъ расходовъ въ общемъ бюджетѣ имперіи! Это прямо-таки безпримѣрный фактъ. Въ среднемъ это участіе равняется 47,45%, въ послѣдній годъ (1913 г.) поднявшись выше половины (54,40%). И когда подумаешь, что кромѣ расходовъ милитаристическихъ и процентовъ по долгамъ, есть рядъ государственныхъ функцій и органовъ (разумѣй весь административный механизмъ), которые требуютъ отъ казны огромныхъ непроизводительныхъ расходовъ, тогда невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ же та эминентная культурная миссія современнаго милитаристскаго

государства, о которой съ такимъ восторгомъ разглагольствуютъ буржуазные идеологи. Милитаризмъ съ такой быстротой истощаетъ энергію и матеріальную мощь современнаго государственнаго организма, что не остается мѣста культурной просвѣтительной миссіи.

Германская имперія—типичный примѣръ этого всеобщаго явленія.

Германскій народъ до того обремененъ милитаристическими расходами, что платимые имъ столь большіе косвенные налоги и таможенныя пошлины не покрываютъ этихъ расходовъ. Эти непроизводительные расходы въ среднемъ составляютъ 47.45% всѣхъ имперскихъ расходовъ, а таможенныя пошлины и косвенные налоги составляютъ 38,98% всѣхъ имперскихъ доходовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ тенденцію увеличиваться: непроизводительные расходы въ 1913 году уже повысились до 54,40% всѣхъ расходовъ, общая сумма таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ —до 42,25% всѣхъ доходовъ имперіи. На каждаго жителя въ среднемъ приходилось по первой статьѣ 17,50 марокъ, а по второй—14,47.

Доля каждаго жителя въ названныхъ расходахъ дошла къ 1913 году до 25,44 м., увеличившись за четверть вѣка на 94%, а доля участія въ таможенныхъ пошлинахъ и косвенныхъ налогахъ—до 19,76 м., увеличившись на 101%. Несмотря на такой быстрый ростъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ, повторяемъ, они не въ силахъ покрыть непроизводительные расходы и прежде всего огромные финансы, поглащаемые милитаризмомъ. А значитъ, для удовлетворенія этихъ нуждъ имперское правительство было принуждено прибѣгать къ помощи иныхъ источниковъ дохода и займовъ.

Однако, какое мѣсто занимаетъ Германія по бремени милитаристическихъ финансовъ въ ряду ея великихъ соперниковъ? Прежде всего увидимъ, каково было развитіе государственныхъ финансовъ за 25 лѣтній періодъ (1888—1913) въ нижеслѣдующихъ странахъ:

	Общегосударственные расходы:	Расходы на армію и флотъ:
въ Германіи	158,20%	154,70%
» Англіи	111,70 »	131,94 »

во Франціи . . .	46,00 »	102,13%
» Россіи . . .	250,60 »	208,00 »

	Общегосударственные доходы:	Таможенныя пошлины и косвенные налоги:
въ Германіи . . .	163,44%	182,71%
» Англіи . . .	105,30 »	62,14 »
» Франціи . . .	44,00 »	82,00 »
» Россіи . . .	241,26 »	45,50 »

Общую равномѣрность развитія финансовъ мы замѣчаемъ только въ Германіи, что является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ быстраго и равномѣрнаго развитія экономическихъ факторовъ въ этой странѣ въ періодъ послѣднихъ десятилѣтій. По развитію государственныхъ расходовъ и доходовъ, какъ и по увеличенію милитаристическихъ расходовъ, Германія уступаетъ только Россіи, безусловно превосходя Англію и Францію. Однако, если мы будемъ имѣть въ виду колоссальные размѣры Россійской имперіи, численное превосходство быстро растущаго населенія и многочисленность войска, то увидимъ, что германскіе расходы относительно не уступаютъ русскимъ [1]).

Что касается тамож. пошл. и налоговъ, то въ этомъ отношеніи Германія не только никому не уступаетъ, но превосходитъ болѣе чѣмъ въ два раза Англію, почти въ три раза Францію и въ четыре раза Россію. Этотъ быстрый ростъ, особенно таможенныхъ пошлинъ, объясняется, главнымъ образомъ, чрезвычайнымъ развитіемъ германской внѣшней торговли и побѣдой аграрной политики въ тарифныхъ вопросахъ, особенно

[1]) Если возьмемъ весь бюджетъ Германской имперіи и федеративныхъ государствъ то увидимъ, что ни одинъ народъ въ мірѣ не обремененъ государственными расходами, не содержитъ столько лишнихъ учрежденій и институтовъ (монархическія династіи, министерства, ландтаги и т. д.), какъ германскій народъ съ его 26 мелкими государствами подъ гегемоніей Пруссіи. Такъ, напримѣръ, государственные расходы всей Германіи въ 1913 г. составляли 8,6 милліардовъ м., тогда какъ государственные расходы Россіи—6,9 милліардовъ м., Англіи—3,9 милліардовъ м., Франціи—3,7 милліардовъ м.

въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, когда импортируемые земледѣльческіе продукты облагались тяжелыми пошлинами.

Несмотря на эти ростовщическія нормы таможенной политики, все же эти источники государственныхъ доходовъ (таможенныя пошлины и косвенные налоги), играютъ меньшую роль въ государственномъ бюджетѣ, чѣмъ расходы на армію и флотъ, и въ этомъ пунктѣ имперскій бюджетъ Германіи страдаетъ гораздо больше отъ непроизводительныхъ расходовъ, чѣмъ бюджетъ противниковъ Германіи, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

	Процентъ расходовъ на армію и флотъ въ общей суммѣ расходовъ:		Процентъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ въ общей суммѣ доходовъ:	
	1888 г.	1913 г.	1888 г.	1913 г.
въ Германіи .	49,20%	46,82%	40,00%	42,25%
» Англіи .	35,00 »	38,23 »	50,36 »	40,00 »
» Франціи .	22,62 »	31,33 »	35,00 »	44,23 »
» Россіи .	27,29 »	24,00 »	48,38 »	20,64 »

Прежде всего бросается въ глаза въ этой таблицѣ та крупная превосходящая всѣ другія процентная доля (25 лѣтъ назадъ и послѣ), которую поглощаютъ милитаристическіе расходы въ Германіи.

Въ этомъ отношеніи всѣ противники Германіи, безъ исключенія, уступаютъ ей. Съ другой стороны, въ тѣ же годы косвенные налоги и таможенныя пошлины въ Германіи, несмотря на ихъ солидную величину, не достигаютъ высоты милитарист. расходовъ, значитъ, не покрываютъ послѣднихъ. Въ другихъ странахъ мы имѣемъ совершенно иное отношеніе (за исключеніемъ Россіи въ 1913). Въ этихъ странахъ косвенные налоги и таможенныя пошлины превышаютъ милитаристическіе расходы, а стало быть, покрываютъ ихъ. Исключительное положеніе Россіи въ 1913 г. нужно объяснить тѣмъ, что въ послѣднее десятилѣтіе сильно измельчалъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ источниковъ косвенныхъ налоговъ, именно—сборы съ питей, которые съ 312 милл. руб. (въ 1901 году) упали до 50 милл. руб. (1913 годъ),

что даетъ уменьшеніе на 524%. Данный фактъ, съ другой стороны, нужно отчасти объяснить и тѣмъ обстоятельствомъ, что за послѣдніе полуторадесятилѣтія (1899—1913) русскіе таможенные доходы возросли сравнительно медленно, всего на 53.21%, между тѣмъ какъ за предшествующій такой же періодъ (1885—1899 г.) ростъ таможенныхъ выражался въ 130%. Медленное развитіе таможенныхъ доходовъ, главнымъ образомъ, нужно приписать невыгодному русско-германскому торговому договору.

Итакъ, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на вопросъ, постоянно приходимъ къ одному и тому же выводу: непроизводительные милитарист. расходы въ современной Германіи достигли чудовищныхъ размѣровъ, и эти расходы несравненно болѣе обременяютъ имперскій бюджетъ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ.

Этотъ финансовый гнетъ въ Германіи имѣетъ тенденцію развиваться болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ гдѣ либо по той простой причинѣ, что техническая сторона германскаго милитаризма и личный составъ арміи развивались также болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ у противниковъ.

Съ этой точки зрѣнія настоящая глава составляетъ непосредственное дополненіе предыдущей главы. Тамъ намъ представилась *вся величина сухопутныхъ и морскихъ боевыхъ силъ* Германіи, въ процессѣ ихъ усовершенствованій за двадцатипятилѣтній періодъ, здѣсь же мы выяснили *всю тяжесть матеріально-финансовыхъ цѣнностей, поглощаемыхъ боевыми силами* въ процессѣ ея нарастанія въ теченіе четверти вѣка.

Такова вооруженная Германія—въ цифровыхъ величинахъ. Такова та классическая страна милитаризма, которая своими лихорадочными приготовленіями постоянно хотѣла ускорить осуществленіе своихъ имперіалистическихъ замысловъ, закрѣпивъ его сокрушительными ударами войны.

III ГЛАВА.

Экономическое развитіе Германіи и ея всеміpно-завоевательныя тенденціи.

(Факторы милитаризма и имперіализма).

1.

Намъ было бы непонятно чрезвычайное развитіе германскаго милитаризма, если бы мы не показали, основываясь на численныхъ фактическихъ данныхъ, хода развитія тѣхъ объективныхъ факторовъ, которые послужили основаніемъ и дали толчокъ столь быстрому и многостороннему преуспѣванію милитаризма.

Милитаризмъ не есть самоцѣль,—онъ лишь средство къ достиженію имперіалистическихъ цѣлей, поэтому онъ есть результатъ даннаго стеченія реальныхъ общественныхъ отношеній. Эти отношенія покоятся на экономической структурѣ данной эпохи. И если основаніемъ современнаго буржуазнаго общественнаго строя является капиталистическая экономія, то это значитъ, что данная степень развитія каждаго его института—въ данномъ случаѣ милитаризма—обусловлена формами капиталистическаго хозяйства и производства. Такъ называемый капиталистическій милитаризмъ долженъ быть противопоставленъ феодальному милитаризму не по своему духу и дисциплинѣ, а, главнымъ образомъ, по своей технической организаціи, по новымъ осложненнымъ способамъ ве-

денія войны и по тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются его развитіемъ.

Германія — единственное государство, милитаризмъ котораго въ величайшей мѣрѣ сохранилъ старыя феодально-юнкерскія традиціи и одновременно радикальнѣе всѣхъ подвергся вліянію организаціонныхъ переворотовъ новѣйшей капиталистической техники и развитіе котораго имѣетъ глубокую печать капиталистическаго имперіализма. Эта «странная» гармонія между старымъ и новымъ вытекаетъ изъ «страннаго» состоянія общественной структуры и политической системы Германіи. Полуабсолютистская-юнкерская страна, Германія, послѣдовательной протекціонистской политикой очень быстро развила у себя систему капиталистическаго производства въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Подобной гармоніи противоположностей мы не наблюдаемъ ни въ какой другой странѣ. Господствующіе классы поняли историческій законъ капиталистическаго развитія, заключающійся въ томъ, что нельзя сдѣлаться и остаться *первоклассным военнымъ государствомъ* не сдѣлавшись *первоклассной капиталистической страной*, нельзя довести милитаризмъ до степени совершенства, не развивъ у себя разносторонне новѣйшихъ техническихъ факторовъ. И въ послѣднія 40—45 лѣтъ феодально-юнкерская и аграрная Германія превратилась въ капиталистическую страну новѣйшаго типа.

Вотъ въ этомъ измѣненіи реальныхъ экономическихъ отношеній и нужно искать отвѣта на вопросъ: какъ развился до чудовищныхъ размѣровъ германскій милитаризмъ? И когда сегодня противъ Германіи, получившей печальную славу героя въ этой войнѣ, выставляется обвиненіе, что она готовилась цѣлыхъ 40—45 лѣтъ, то этимъ высказывается только *часть* истины. Другія государства тоже не сидѣли сложа руки. Во всѣхъ странахъ политика вооруженій поглощала большую часть государственныхъ заботъ. Разница лишь въ томъ, что *лихорадочная быстрота военныхъ приготовленій Германіи соотвѣтствовала чрезвычайному темпу развитія ея производительныхъ силъ*,— этотъ темпъ настолько же специфически-германское, безпри-

мѣрное явленіе, насколько является германскимъ быстрота военныхъ приготовленій.

Однако не въ этомъ только разница. Въ Соединенныхъ Штатахъ также замѣчается чрезвычайно быстрое развитіе экономическихъ факторовъ за послѣднія десятилѣтія, и все таки тамъ милитаризмъ не развивался съ той быстротой, съ какой развивались эти факторы. Значитъ, есть особенная, специфически германская причина.

Читатель помнитъ, вѣроятно, предварительныя замѣчанія въ первой главѣ нашего труда. Въ міровомъ хозяйствѣ Германія уже заняла второе мѣсто (послѣ Англіи). Но она не могла соотвѣтственно этому своему положенію вести міровую политику, такъ какъ для этого не хватало необходимыхъ точекъ опоры, у нея не было въ достаточномъ количествѣ заокеанскихъ колоніальныхъ владѣній. Германія слишкомъ поздно явилась на поле соперничества колоніальной политики [1]). Свободныхъ, безхозяйныхъ земель, которыми бы можно было завладѣть мирнымъ путемъ, уже не было. Каждая заокеанская завоевательная попытка неизбѣжно должна была создать конфликты. То, что раньше Англія, Голландія и Франція захватили большей частью съ помощью простыхъ экспедицій, требовало отъ Германіи въ концѣ 19-го вѣка большой силы и огромныхъ жертвъ. Такимъ образомъ, въ Германіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, *возможность колоніальной политики принудительно соединилась непосредственно съ необходимостью политики вооруженій на сушѣ и, особенно, на морѣ.*

Германскій милитаризмъ и имперіализмъ гармонически сочетались другъ съ другомъ. Первый долженъ былъ служить агрессивнымъ завоеваніямъ второго; цѣлью второго являлось удовлетвореніе экспансивныхъ стремленій требовательнаго капитализма.

---

[1]) „Когда Германія по возстановленіи своего единства бросила взглядъ на море, къ несчастью, колоніальный міръ въ своей огромной части былъ уже раздѣленъ“,—пишетъ проф. К. Гельферихъ, бывшій директоръ „Deutsche Bank“, сначала войны министръ финансовъ въ Германіи (см. его трудъ „Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913 г.г.“. Берлинъ, 1913 г., стр. 81).

Вотъ почему германскій милитаризмъ долженъ былъ развиться *съ одинаковой быстротой* вмѣстѣ съ капиталистическимъ производствомъ.

Капитализмъ не только создалъ всѣ благопріятныя объективныя условія для техническаго совершенствованія милитаризма, но и выставилъ категорическое требованіе, верховный постулатъ, чтобы для своихъ міровыхъ завоеваній и обезпеченной эксплоатаціи государство съ лихорадочной поспѣшностью вооружалось съ ногъ до головы.

Вотъ почему милитаризмъ сталъ капиталистическимъ не только по условіямъ своего развитія, но и по своимъ цѣлямъ. А эти характеристическія особенности капитализма въ Германіи выразились гораздо ярче и глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

2.

Намъ остается теперь сдѣлать конкретнымъ съ помощью цифровыхъ данныхъ ходъ измѣненія тѣхъ реальныхъ экономическихъ отношеній, которыя, съ одной стороны, создали объективныя условія для равномѣрнаго развитія милитаризма, а съ другой стороны, дали возможность созрѣть въ Германіи агрессивному имперіализму, который требуетъ напряженной политики вооруженій [1]).

Однимъ изъ важныхъ условій быстраго и разносторонняго развитія экономической жизни, какъ извѣстно, является обильное предложеніе рабочихъ силъ. А это возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе быстро растетъ. Мы уже видѣли по нѣкоторымъ даннымъ въ послѣднихъ главахъ, что германское населеніе принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ народовъ. Еще болѣе убѣдимся въ этомъ изъ послѣдующихъ данныхъ. Въ періодъ 1870—1913 г.г. населеніе размножилось въ слѣдующихъ странахъ такъ:

[1]) „Германскій имперіализмъ,—справедливо замѣчаетъ Мукосѣевъ,—о которомъ такъ много говорятъ, отнюдь не обстрактная формула увлекающихся пангерманистовъ, а конкретная потребность, вытекающая изъ чрезвычайнаго экономическаго роста Германіи" (см. его „Экономическія причины войны" въ сборникѣ „Вопросы мировой войны", Петроградъ, 1915 г.; стр. 238).

Въ Германіи	Въ Англіи	Во Франціи	Въ Россіи	Въ Австріи	Въ Италіи
67,50%	63,00%	9,97%	124,00%	50,00%	34,61%

Наибольшій приростъ, какъ видите, наблюдается въ Россіи, наоборотъ, Франція занимаетъ послѣднее мѣсто.

Ростъ германскаго населенія значительно уступаетъ росту русскаго, но безусловно превосходитъ ростъ другихъ европейскихъ народовъ. Приводимыя данныя даютъ конкретное представленіе о занимающемъ насъ предметѣ.

	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.
			Въ процентахъ.			
Въ Германіи . . .	0,79	1,03	1,07	1,11	1,56	1,52
„ Пруссіи . . .	0,85	1,20	1,12	1,22	1,63	1,64
„ Англіи . . .	1,32	1,43	0,81	1,18	1,11	1,20
„ Франціи . . .	0,55	0,35	0,32	0,09	0,06	0,15
„ Россіи . . .	0,88	1,32	1,96	1,20	—	—
„ Австріи . . .	0,97	0,78	0,89	—	0,94	0.90[1])

Какъ видите изъ этой таблицы, ростъ населенія имѣетъ явную тенденцію къ повышенію въ Германіи, а особенно въ Пруссіи, и въ Россіи. Въ Германіи годовой приростъ въ 1870 году былъ въ 0,79%, а черезъ 35 лѣтъ онъ дошелъ до 1,52%, значитъ, процентъ приращенія повысился на 0,73%; въ Пруссіи онъ равняется 0,79%; а въ Россіи—0,32% (но лишь въ теченіе 25 лѣтъ, до 1895 г.). Ростъ на 1,96%, какъ наблюдается въ Россіи въ 80—90-ыхъ годахъ [2]), не встрѣчается ни въ одной странѣ [3]). Въ остальныхъ странахъ, въ особенности во Франціи, процентъ приращенія замѣтно падаетъ. Это паденіе достигаетъ во Франціи 0,40%, въ Австріи—0,07%, а въ Англіи—0,12%. Удиви-

[1]) См. Prof. J. Conrad. „Grundriss zum Studium d. polit. Oekon.“ IV Theil: „Statistik“, Іена, 1910, стр. 78.

[2]) 1,96% относится къ 1-83 году.

[3]) Конечно, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, благодаря иммиграціи, годовой процентъ прироста населенія выше 3-хъ. Однако, даже въ Америкѣ замѣчается паденіе процента прироста населенія: въ 1860 г. этотъ процентъ доходилъ до 3,55%, а въ 1900 г.—1,97%.

тельно, что приращеніе начинается въ Англіи съ высокаго процента, — болѣе высокаго, чѣмъ гдѣ бы то ни было изъ названныхъ странъ, — и все болѣе и болѣе уменьшается. Конечно, нельзя отрицать, что въ послѣдніе годы уменьшеніе замѣтно также въ процентномъ ростѣ германскаго населенія. Изъ вышеприведенной таблицы мы видимъ, что въ 1905 году процентное приращеніе упало на 0,04% (въ 1900 г. было 1,56%, въ 1905 г.—1,52%), а въ 1910 г. этотъ процентъ падаетъ до 1,41%, уменьшившись на 0,11% противъ данной 1905 года [1]). Во всякомъ случаѣ, что среди извѣстныхъ намъ государствъ приростъ германскаго населенія занимаетъ второе мѣсто послѣ Россіи, это видно также изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ продолженіе долгаго времени годовое число рожденій (за вычетомъ смертныхъ случаевъ) въ Германіи равно 800.000, только Россія превосходитъ Германію. Считая годовое количество рожденій на каждую тысячу населенія, получаемъ слѣдующія числа для 1911 года.

Въ Германіи	11,3	рожденій
» Россіи	17,0 [2])	»
» Австріи	9,5	»
» Венгріи	9,9	»
» Англій	9,8	»
» Италіи	10,1	»
» Франціи	—0,9	»
» Соедин. Штат.	9,9 [3])	»

Здѣсь Германія относительнымъ количествомъ рожденій превосходитъ даже Соединенные Штаты Америки, гдѣ темпъ рожденій стоитъ на томъ же уровнѣ, какъ и въ Венгріи, Англіи и отчасти въ Австріи. Послѣ Россіи и Германіи идетъ Италія. Франція же показываетъ печальный минусъ въ 0,9%.

[1]) Данное относительно 1910 г. см. извѣстн. „Internationale Armee-Almanach“, Вельце, Лейпцигъ, 1912 г., стр. 72.
[2]) Данное это относится къ 1906 г.
[3]) См. Prof. K. Helfferich: „Deutschlands Volkswohlstand“, стр. 14.

Освѣтимъ то же явленіе фактомъ другой категоріи. Какое измѣненіе мы замѣчаемъ, въ отношеніяхъ плотности населенія прежде и теперь.

На каждомъ кв. килом. жили:

	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1908 г.	1913
Германія	86,7	91,4	96,7	104,3	112,1	117,1	125,0
Саксонія	212,2	233,6	252,6	280,3	300,7	312,5	339,2
Англія	184,7	192,0	202,9	215,4	225,0	234,0	241,5
Великобрит. Ирлан.	118,4	121,7	127,3	133,7	140,2	143,7	147,4
Россія	4,9	5,2	5,5	6,0	6,6	7,1	8,0
Австрія	74,0	79,0	84,0	87,0	90,0	94,0	97,5
Италія	100,0	106,0	109,2	113,3	117.0	120,3	124,0
Франція	70,3	71,0	71,8	72,0	73,2	73,5	74,0[1])

Мы вновь приходимъ къ тому же выводу: прирость населенія, считая на квадратный километръ, быстрѣе всего въ Россіи, потомъ въ Германіи, но въ Саксоніи быстрѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи. Это различіе ясно показываютъ слѣдующія числа относительно 25-лѣтняго періода (1888—1913). Приростъ населенія на каждый квадратный километръ:

В ъ п р о ц е н т а х ъ.

Въ Россіи	63,4	Въ Англіи	30,7
» Саксоніи	60,0	» Великобр. и Ирл.	24,5
» Германіи	44,2	» Италіи	24,0
» Австріи	31,7	» Франціи	5,2

За Германіей идетъ Австрія, а потомъ уже Англія и Италія, несмотря на то, что количество новорожденныхъ въ послѣднихъ странахъ больше, чѣмъ въ Австріи. Этотъ фактъ

[1]) См. „Handwörterbuch der Staatswissenschatten" изд. Конрада, Лексиса и друг. Iена 1899 г., II т., стр. 657. Затѣмъ—Prof. Conrad, „Grundriss zum St. d. pol, Oekonomie, IV Theil, „Statistik", 1910 г. стр. 72 и 73.—И „Статистическій ежегодникъ на 1914 годъ", Петроградъ, стр. 4.

нужно объяснить тѣмъ, что изъ Англіи и Италіи болѣе, чѣмъ изъ Австріи, эмигрируютъ въ различныя колоніи и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Послѣдствія этой эмиграціи болѣе замѣтны въ Великобританіи и особенно въ Ирландіи. Какъ всегда, въ данной таблицѣ ростъ французскаго населенія стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ.

Съ точки зрѣнія плотности населенія первое мѣсто занимаетъ королевство Саксонія, за нимъ идутъ Англія и другія части Германской имперіи. Россія, благодаря своему гигантскому размѣру, естественно, занимаетъ послѣднее мѣсто: въ ней на квадратный километръ не приходится даже 10-ти человѣкъ жителей.

Приведенные факты и сравнительныя наблюденія проливаютъ свѣтъ на одинъ очень важный вопросъ: въ какой изъ приведенныхъ странъ *оба явленія* въ движеніи населенія, поставлены въ лучшія условія для своего развитія? Разумѣется, Германія, гдѣ приращеніе населенія переходитъ средній темпъ развитія и гдѣ тенденціи уплотненія населенія выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Вотъ эти два знаменательныхъ явленія выясняютъ намъ одну изъ основныхъ причинъ необычайнаго экономическаго развитія Германіи и ея смѣлыхъ міровыхъ стремленій. Обильный запасъ живой рабочей силы даетъ толчокъ быстрому расцвѣту матеріальной культуры, съ другой стороны—быстро растущее въ границахъ своего маленькаго отечества населеніе чувствуетъ себя стѣсненнымъ, и необходимость заставляетъ его думать объ эмиграціи въ обширныя и свободныя мѣста, въ поискахъ новыхъ средствъ къ существованію, въ поискахъ работы; могущественнымъ покровителемъ этого стремленія должно было сдѣлаться отечественное правительство. И эмиграціонная политика становится однимъ изъ факторовъ германскаго имперіализма.

Очень любопытно эмиграціонное явленіе въ Германіи какъ и тѣ измѣненія, которымъ подвергалось оно. Германія—та страна въ Европѣ, которая послѣ Великобританіи (съ Ирландіей) даетъ наибольшій контингентъ эмигрирующихъ. Какъ извѣстно, Соединенные Штаты Сѣверной Америки считались «Обѣтованной землей», которая поглощала большую часть европейской эмиграціи. Участіе германскаго народа въ

этой эмиграціи было весьма чувствительно. Такъ, напримѣръ, за 50 лѣтъ (1820—1870) въ Соединенные Штаты эмигрировало 7,553,865 человѣкъ, которые слѣдующимъ образомъ распредѣляются по ихъ отечествамъ:

Изъ Великобр. и Ирлан.	3.857,850	ч.
» Германіи	2,368,483	»
» Франціи	245,812	»
» Швеціи и Норвегіи	153,928	»
» Китая	109.502	»
» Швейцаріи	61,572	»
» Россіи и Польши	8.083	»
» др. странъ	743,940	» [1])

Участіе Англіи и Германіи въ этой эмиграціи громадно: первой въ 51,07%, а второй въ 31,35%. До 70-ыхъ годовъ Франція, какъ видите, дала всего 3.25% общей эмиграціи за 50 лѣтъ. А участіе Россіи въ этомъ движеніи совсѣмъ ничтожно. Въ послѣдующія десятилѣтія отношенія по эмиграціонному движенію складываются нѣсколько иначе. Общее теченіе эмиграціи усиливается,—Англія попрежнему занимаетъ первое мѣсто, Германія же даетъ большее количество эмигрантовъ, чѣмъ раньше. Такъ, въ теченіе 27 лѣтъ (1871—1897 г.) только изъ одной Европы эмигрировало въ Соединенные Штаты 9,936,224 ч.

Изъ Великобританіи и Ирлан.	3,111,671	ч.
» Германіи	2,577,260	»
» Италіи	796,101	»
» Россіи	461,443	»
» Австріи	513,212	»
» Венгріи	309,879	» [2])

---

[1]) „Handwirtörbuch der Staatswissönschaften“ II Bd. „Auswanderung“, стр. 67.

[2]) Ibid.

Здѣсь англійская эмиграція относительно уже не такъ велика,—она не составляетъ даже $^1/_3$ въ общей эмиграціонной массѣ (всего 31,42%), тогда какъ раньше она составляла 51,07%, т. е. болѣе половины. Участіе Германіи превышаетъ $^1/_4$ всей эмиграціи—26%, уступая Англіи лишь на 6,42%, между тѣмъ какъ раньше эта разница была въ 19,72%. Замѣтно усилилась эмиграція изъ восточныхъ и южныхъ странъ Европы: изъ Италіи (на 8%), Австріи (на 5,20%) а изъ Россіи (на 4,64%).

Но здѣсь возникаетъ интересный вопросъ: почему эмиграція изъ относительно болѣе густо населенной Великобритании уменьшается въ сравненіи съ прежними годами, а изъ менѣе густо населенной Германіи увеличивается? Почему эмиграціонное теченіе такъ усилилось за послѣднія десятилѣтія изъ такихъ не густо населенныхъ странъ, какъ Италія, Австрія, Венгрія и, въ особенности, гигантская Россія? Дѣло въ томъ, что главной причиной эмигрированія какого-либо народа нужно искать не только въ малыхъ размѣрахъ территоріи, но и *въ недостаточномъ развитіи источниковъ труда* на родинѣ.

Въ странѣ, гдѣ съ извѣстнаго періода экономическая жизнь развивается быстро и многосторонне, даже въ быстро растущемъ, плотно живущемъ населеніи постепенно слабѣетъ эмиграціонное движеніе; новыя поколѣнія на родинѣ находятъ нужныя отрасли труда и достаточный заработокъ. Потому изъ 3,111,671 британскихъ эмигрантовъ только 1,379,696 человѣкъ—англичане, тогда какъ Ирландія, въ 8—9 разъ по своему населенію уступающая Англіи, даетъ относительно и абсолютно большую эмиграцію—1,441,320 чел. чѣмъ Англія. Даже маленькая Шотландія, давшая 296,655 эмигрантовъ, дала относительно больше выходцевъ, чѣмъ Англія. Объясняется это тѣмъ, что быстрое капиталистическое развитіе Англіи давало возможность къ созданію источниковъ труда для ея населенія и тѣмъ уменьшало число экономически недовольныхъ и склонныхъ къ эмиграціи.

Совершенно подобное же явленіе, въ болѣе яркомъ проявленіи, мы имѣемъ въ Германіи въ періоды ея чрезвычайнаго экономическаго развитія. Вотъ какую разницу мы наблюдаемъ въ Германіи въ двухъ періодахъ эмиграціи 1871—

1897 г.г. Германская эмиграція въ общеевропейскомъ движеніи за океанъ въ періодъ 1871—1887 г. давала 332 изъ 1000, а въ 1888—1897 г. это участіе падаетъ до 195, уменьшившись на 147. Коренные англичане въ первомъ періодѣ давали 161 человѣкъ на 1000 общаго числа, а во второмъ—108, уменьшеніе лишь на 53. Эмиграція населенія пышно индустріализировавшейся Германіи все болѣе и болѣе ослабѣвала. Раньше территорія съ 40—50 милліоннымъ населеніемъ давала большее количество эмигрантовъ, чѣмъ потомъ съ населеніемъ въ 50—60 милліоновъ. Сильное уменьшеніе германской эмиграціи еще болѣе бросится въ глаза, если сравнить ее съ ходомъ увеличенія населенія. Такъ, напримѣръ, въ десятилѣтіе 1881—1890 г.г. Германія, при количествѣ рожденій въ 5,5 милліоновъ дала эмиграцію въ 1,342,000 ч. Въ слѣдующее десятилѣтіе—1891—1900 г.г.—количество рожденій доходитъ до 7,3 милл., эмиграція же пала до 528.000, т. е. уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. Наконецъ, въ 1901—1910 г.г. Германія, при $8^3/_4$ милл. рожденій дала всего 220.000 эмигрантовъ. Въ 1912 году количество эмигрировавшихъ только 18.500 [1]).

Все больше и больше падаетъ число эмигрантовъ. Въ предѣльномъ для нашего труда 1913 году, когда Германія насчитывала населеніе болѣе чѣмъ въ 67 милліоновъ, эмиграція дала лишь ничтожную сумму въ 15,000 ч., между тѣмъ какъ въ 1882 году при 46 милл. населеніи Германія выдѣлила 220,000 ч. эмигрантовъ [2]). Такимъ образомъ, Германія, быстро увеличивавшая численность своего населенія, такъ же быстро уменьшала эмиграцію народа въ чужія страны. Она сохраняла, копила у себя производительныя силы труда, какъ одинъ изъ необходимыхъ факторовъ экономическаго развитія. Сложная структура экономической жизни со своими многоразличными предпріятіями, чувство-

[1]) Helfferich, ibid, стр. 17.

[2]) См. П. Рорбахъ: „Война и германская политика", Москва, 1915 г., стр. 16. „Несмотря на то, что населеніе увеличилось,—пишетъ Рорбахъ,—въ тотъ же періодъ (1882—1913) на 20 милліоновъ, все же Германія имѣетъ возможность содержать у себя весь годовой приростъ населенія болѣе чѣмъ 800.000, давать имъ занятіе и пропитаніе, и, кромѣ того, нуждается въ большомъ количествѣ пришлыхъ рабочихъ рукъ".

вала повелительную необходимость въ активномъ сотрудничествѣ живыхъ силъ и неустанно поглощала, сосредоточивала въ своихъ разнообразныхъ функціяхъ огромныя массы населенія.

3.

По мѣрѣ того, какъ аграрное государство измѣняясь превращается въ государство индустріальное, начинается массовое переселеніе изъ деревни въ городъ, сельское хозяйство доставляетъ технической индустріи, торговлѣ и транспорту большія народныя массы. Земледѣльческое населеніе данной страны превращается въ промышленно-торговый народъ, создавъ въ городахъ центры своихъ главныхъ занятій. Индустріализація экономическихъ отраслей порождаетъ медленный процессъ общественнаго разслоенія, которое проводитъ глубокія борозды въ сложномъ національно-общественномъ организмѣ.

Степень этого разслоенія и темпъ развитія его служатъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ для опредѣленія степени капиталистическаго развитія данной страны.

И въ этомъ отношеніи, какъ слѣдовало ожидать, Германія занимаетъ свое особенное мѣсто. Профессіональная статистика показываетъ, что среди намъ извѣстныхъ великихъ странъ Германія опять занимаетъ второе мѣсто (послѣ Англіи); въ этой странѣ индустріализація экономическихъ отраслей глубокими бороздами дифференціаціи произвела огромныя измѣненія въ профессіональномъ и соціальномъ составѣ населенія. Германія въ данномъ отношеніи даже опередила Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Однако, если взять процессъ разслоенія съ точки зрѣнія его быстроты, то Германія врядъ ли уступитъ даже Англіи. Въ то время, когда въ Англіи— въ этомъ классическомъ отечествѣ всякихъ техническихъ открытій и ихъ примѣненія—болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ упрочившаяся индустріализація поглощала огромными массами человѣческія силы изъ сельско-хозяйственной области.—Германія представляла изъ себя эконо-

мически совершенно отсталую жалкую страну. По характеру занятій населенія Германія еще въ 80-ыхъ годахъ прошлаго вѣка была страной земледѣльческой, и лишь въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія, до 1895 года, весь экономическій строй Германіи совершилъ свой великій историческій переходъ: изъ страны земледѣльческой она превратилась въ индустріальную; главное занятіе населенія переносится изъ сферы сельскаго хозяйства въ сферу промышленную, произведя соотвѣтствующія измѣненія въ соціальной структурѣ народа. Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что такой быстрый процессъ разслоенія въ Англіи никогда не наблюдался. Въ послѣдней процессъ этотъ развивался *упорно, медленно и длительно*, но не такими скачками, какъ въ Германіи.

О томъ, съ какой быстротой промышленность, торговля и совершенствованія путей сообщенія увеличили городское населеніе Германіи за счетъ провинціальнаго населенія даютъ представленіе слѣдующія данныя. Такъ, напримѣръ въ городахъ, насчитывавшихъ жителей болѣе 20,000 жило:

въ 1885 г. 8,4 мил., что составл. 18.4% всего населенія
» 1910 » 22,4 » » » 34,5% » »

А въ городахъ, имѣвшихъ болѣе 100.000 жителей, жило:

въ 1885 г. 4,4 милл. жит., что составл. 9,4% всего населенія
» 1910 » 13,8 » » » » 21,1% » » [1])

Въ то время, какъ за 25 лѣтъ (1885—1910 г.) число всего германскаго населенія увеличилось на 30% приблизительно, въ среднихъ городахъ (имѣющихъ болѣе 20.000 жителей) населеніе выросло болѣе, чѣмъ на 166%, а количество большихъ городовъ (съ населеніемъ больше 100.000) съ 21 достигло 48, увеличившись приблизительно на 130%, а населеніе этихъ городовъ выросло даже на 214%.

---

[1]) Helfferich, ibid, стр. 20.

Ясно, значитъ, что это огромное увеличеніе и уплотненіе городского населенія не есть результатъ естественнаго приращенія населенія, а является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ массового перемѣщенія земледѣльческаго населенія изъ провинцій въ индустріальные и торговые центры. 25 лѣтъ назадъ число жителей большихъ и среднихъ городовъ составляло едва 1/4 всего населенія, черезъ четверть вѣка оно уже немного болѣе половины.

Параллельно съ концентраціей населенія растетъ количественная величина его профессіональныхъ слоевъ (Erwerbstätige), и повышается интенсивность ихъ труда. Согласно тремъ извѣстнымъ германскимъ переписямъ населенія (1882, 1895 и 1907), количество лицъ, занятыхъ въ основныхъ профессіяхъ (не считая членовъ семьи) было (въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности, въ торговлѣ и транспортѣ):

Въ 1882 г.	16.203,300	человѣкъ,	что составляетъ	35,4%	всего населенія
„ 1895 „	18.912.400	„	„ „	36,4%	„ „
„ 1907 „	24.612.200	„	„ „	39,7%	„ „ [1])

За четверть вѣка профессіональныя категоріи германскаго народа увеличились па 51,31%, стало быть, гораздо быстрѣе, чѣмъ самъ германскій народъ. Перепись въ Германіи производится черезъ каждые 12 лѣтъ. Изъ вышеупомянутыхъ данныхъ съ очевидностью явствуетъ, какое большое различіе сущестуетъ между данными относительно профессіанальныхъ слоевъ за два двѣнадцатилѣтія. Въ періодъ 1882—1895 г. профессіональное населеніе выросло лишь на 16,72% приблизительно, а въ послѣдующее время 1895—1907 болѣе, чѣмъ на 30%. Это показываетъ, насколько было *интенсивно, рѣшительно, быстро и разносторонне* развитіе германскаго капитализма въ теченіе послѣдняго 12-ти лѣтія. Фактъ этотъ станетъ для насъ болѣе осязательнымъ и убѣдительнымъ, если мы покажемъ, какимъ численнымъ измѣненіямъ подверглись занятыя въ вышеупомянутыхъ профессіяхъ и члены ихъ семействъ. Германская стятистика разли-

---

[1]) Helfferih, ibid, стр. 18.

чаетъ слѣдующія профессіанальныя группы (торговля и транспортъ взяты вмѣстѣ):

Профессіональныя группы.	Годы переписи.	Занятые въ профессіяхъ вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ и домашней прислугой.	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	Процентъ занятыхъ въ профессіяхъ и членовъ ихъ семей по отношенію ко всему населеніе страны
Сельское хозяйство, лѣсоводство.	1882 г.	19.225.455	—	42,0%
	1895 »	18.501,307	— 674,148	35,6%
	1907 »	17.681.176	— 820,131	28,5%
Промышленность.	1882 »	16.058.080	—	35,1%
	1895 »	20.253,241	+ 4.195,161	38,9%
	1907 »	26.386,537	+ 6.033.296	42,5%
Торговля и транспортъ.	1882 »	4.531.080	—	9,9%
	1895 »	5.966,846	+ 1.435,766	11,5%
	1907 »	8.278,239	+ 2.311,393	13,3% [1]

Многое говоритъ намъ эта таблица. Это *живой цифровой документъ* гигантскихъ измѣненій, происшедшихъ въ теченіе 25 лѣтъ,—измѣненій относительно перемѣщенія населенія, новѣйшей дифференціаціи соціальной структуры и, что важнѣе всего, относительно титаническаго развитія центростремительныхъ силъ капиталистическихъ факторовъ. Эта таблица освѣщаетъ также вопросъ, почему столь быстро размножающійся германскій народъ все болѣе и болѣе уменьшалъ число эмигрантовъ въ далекія страны; нѣмцу для подысканія работы не было необходимости отправляться въ Америку, такъ какъ въ отечественныхъ центрахъ крупный капиталъ вызвалъ къ жизни такія колоссальныя предпріятія, которыя повелительно требовали сотенъ тысячъ и милліоновъ рабочихъ рукъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ періода въ

[1]) „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", II т., „Berufsstatistik", стр. 599 и Helfferich, ibid, стр. 19.

періодъ уменьшалось въ Германіи земледѣльческое населеніе и, наоборотъ, быстро росло количество лицъ, занятыхъ въ городскихъ профессіяхъ. За 25 лѣтъ сильно сократилось число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и кормящихся имъ (члены семействъ), между тѣмъ какъ населеніе, занятое въ промышленныхъ отрасляхъ и ими существующее, возросло въ 6-7 разъ. Въ 1882 году Германія еще была сельско хозяйственной страной, такъ какъ тогда господствующимъ занятіемъ было сельское хозяйство и относительное большинство всего населенія, цѣлыхъ 42,0% занималось и кормилось сельскимъ хозяйствомъ и соприкасающимися съ нимъ профессіями, хотя, съ другой стороны, въ то же самое время остальныя основныя профессіи городского характера, вмѣстѣ взятыя, превосходили сельское хозяйство по количеству занятыхъ въ нихъ лицъ, составлявшихъ тогда 45% всего населенія страны. Въ періодъ 1882-1895 г. г. закончилась борьба сельско-хозяйственнаго и промышленнаго принциповъ въ процессѣ экономическаго развитія въ пользу второго. По статистическимъ даннымъ 1895 г., сельское хозяйство падаетъ съ относительной высоты, съ 42,0% до 35,6%, уступая индустріи, которая съ 35,1% поднялась до 38,9%. Торговля и пути сообщенія также, какъ отрасли, непосредственно связанныя съ промышленностью, даютъ развитіе съ 9,9% до 11,5%. Промышленность, торговля и пути сообшенія вмѣстѣ занимали и питали въ 1895 г. 50,4% германскаго населенія. По послѣдней переписи 1907 г., побѣда промышленности была полная. Германія превращается въ первоклассную промышленную страну. Населеніе, занимающееся и питающееся промышленностью, уже достигло 42,5%, болѣе высокій процентъ, чѣмъ количество населенія, занятаго въ сельскомъ хозяйствѣ въ 1882 г. (42,0%). Слѣдовательно, при послѣдней переписи Германія была болѣе промышленной страной, чѣмъ 25 лѣтъ назадъ сельско-хозяйственной. Съ другой стороны, процентное отношеніе земледѣльческаго населенія понизилось за послѣдніе 12 лѣтъ (1895—1907) на цѣлыхъ 7%, достигнувъ 28,5% общаго количества населенія,—низкая норма, которую промышленное населеніе превосходитъ въ $1^1/_2$ раза, и которая при послѣдующей переписи населенія (по принятому правилу со-

стоится въ 1919 г.), вѣроятно, достигнетъ степени нормы населенія, занятаго въ торговлѣ и транспортѣ. По переписи 1907 года, городскія профессіи (промышленность, торговля и транспортъ) занимали и питали абсолютное большинство населенія—55,8%.

Вотъ одинъ изъ основныхъ показателей капиталистическаго развитія Германіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Какое мѣсто она занимаетъ съ этой точки зрѣнія въ ряду другихъ державъ?

Сравненіе профессіальнаго состава населенія въ разныхъ странахъ имѣетъ то неудобство, что статистическія данныя относятся къ разнымъ годамъ, такъ какъ переписка населенія въ различныхъ странахъ производилась въ различное время. Однако. это обстоятельство не является препятствіемъ для правильнаго пониманія степени общественнаго разслоенія и темпа его развитія въ разныхъ странахъ.

Ниже мы приводимъ данныя о главныхъ профессіяхъ за разные годы. На 100 человѣкъ, занятыхъ въ той или иной профессіи, приходилось: [1])

		Промышл. торговля и транспортъ.	Сельско-хоз. занятія.	Остальныя профессіи.	Всѣхъ.
Въ Германіи	(1895 г.)	48,0	37,5	14,5	100
» Англіи	(1891 г.)	63,7	15,1	21,2	100
» Франціи	(1891 г.)	41,3	47,3	11,4	100
» Австріи	(1890 г.)	28,3	64,3	7,4	100
» Россіи	(1897 г.)	25,0	58,3	16,7	100
» Италіи	(1881 г.)	31,5	56,7	11,8	100
» Америк. Соед. Шт.	(1890 г.)	[redacted]8,7	3[redacted],0	2[redacted],[redacted]	100

Сравните эту таблицу съ таблицей, относящейся къ слѣдующему десятилѣтію [2]).

[1]) Handw. der Staatswis. ibid, стр. 627.

[2]) Вычислено по „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“, 1914 г. II, стр. 18.

		Промышл., торговля и транспортъ.	Сельско-хозяйст. занятія.	Остальныя проф.	Всѣхъ.
Въ Германіи .	(1907 г.)	57,9	28,6	15,2	100
» Англіи . .	(1911 г.)	67,2	11,9	20,9	100
» Франціи .	(1906 г.)	46.0	42,7	11,3	100
» Австріи .	(1900 г.)	36,3	60,9	2,8	100
» Россіи . .	—	—	—	—	—
» Соед. Шт.	—	—	—	—	—

Что говорятъ намъ эти замѣчательныя таблицы? Прежде всего здѣсь бросается въ глаза тотъ существенный фактъ, что Германія по новѣйшимъ формамъ общественной дифференціаціи или, точнѣе, по процессу *индустріализаціи и коммерціализаціи* опередила всѣ страны и заняла мѣсто непосредственно послѣ Англіи еще въ 90-тыхъ годахъ прошлаго вѣка (см. первую таблицу). Только въ Англіи и Германіи тогда городскія профессіи (промышленность, торговля и транспортъ) превосходили всѣ другія профессіи, прежде всего сельско-хозяйственныя занятія. Это превосходство было лишь въ Англіи абсолютно (63,7%), въ Германіи же это было относительно (48,0%), на 2 процента меньше половины. Во всѣхъ остальныхъ странахъ сельское хозяйство было еще господствующимъ занятіемъ населенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ сельское хозяйство по числу занимаемыхъ имъ лицъ стояло почти на равной высотѣ съ городскими профессіями; во Франціи сельское хозяйство относительно преобладало надъ другими главными профессіями, а въ остальныхъ странахъ это преобладаніе сельскаго хозяйство было абсолютнымъ.

Другую, болѣе интересную картину развертываютъ намъ статистическія данныя за послѣдующее десятилѣтіе (1900—1911, см. вторую таблицу). Какъ во всѣхъ намъ извѣстныхъ до сихъ поръ случаяхъ, такъ и въ данномъ вопросѣ ни одна страна не можетъ соперничать съ Германіей, съ точки зрѣнія быстроты темпа развитія. Какъ сама капиталистическая

культура, такъ и всѣ факторы жизни, съ нею связанные, развивались и расцвѣтали въ этой удивительной странѣ скачками. Сравните процессъ дифференціаціи или измѣненія профессіональнаго состава населенія прежде всего у двухъ великихъ соперниковъ—Англіи и Германіи. Германія за 12 лѣтъ (1895—1907) подверглась большему измѣненію, чѣмъ Англія въ 20-ти лѣтній срокъ (1891—1911). Такъ, между тѣмъ какъ въ указанный срокъ процессъ индустріализаціи и коммерціализаціи въ Германіи выразился въ приращеніи на 20,60%, въ Англіи онъ далъ—за болѣе длительный періодъ—приращеніе всего на 5.5%, значитъ, развитіе шло медленнѣе почти въ 4 раза. Съ другой стороны, число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ Германіи уменьшилось на 31,12%, а въ Англіи—около 27%. Въ 1895 г. изъ 100 лицъ, живущихъ профессіональнымъ трудомъ, 48 были заняты въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ, а 37,5—въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ 1907 году первое число повысилось до 57,9 увеличившись на 9,9, а второе понизилось до 28,6 уменьшившись на 8,9. Повторяемъ, такого большого измѣненія не было ни въ одной странѣ. Въ Англіи (1891 г.) первое число равнялось 63,7, второе—15,1; въ 1911 г. первое число достигло 67,2, увеличившись лишь на 3,6, а второе понизилось до 11,9, уменьшившись лишь на 3,2.

Во Франціи процессъ дифференціаціи шелъ также медленно, и въ этомъ отношеніи разница между Германіей и Франціей все болѣе и болѣе увеличивается. Фактъ, бьющій въ глаза, тотъ, что во Франціи только въ первое десятилѣтіе нашего вѣка (по даннымъ 1906 г.) сельское хозяйство уступаетъ свое преобладающее мѣсто (42,7%) городскимъ профессіямъ (46,0%), однако, сохраняя его противъ одной промышленности.

Германія въ поступательномъ ходѣ всѣхъ экономическихъ отраслей являетъ, какъ увидимъ ниже, также чрезвычайную мощь развитія и исключительно быстрый темпъ роста.

4.

Въ развитіи новѣйшихъ производительныхъ формъ *техническіе факторы и экономическая организація* имѣли обу-

словливающее значеніе. Производительность экономическаго труда повышается посредствомъ техники и организаціи.

Въ послѣднія десятилѣтія Германія стала классической родиной для расцвѣта тѣхъ наукъ, которыя своими поразительными завоеваніями дали сильный толчокъ развитію новѣйшей экономической техники. Въ химіи, физикѣ, въ электротехникѣ, механикѣ и другихъ соприкасающихся отрасляхъ науки германскій элементъ выдвинулъ цѣлый рядъ крупныхъ дѣятелей. Хотя Англія и Америка (Соедин. Штаты) издавна считались классическими отечествами практическаго примѣненія техники, однако, глубина теоретическаго освѣщенія и обоснованія техническихъ вопросовъ нигдѣ не доходила до такого совершеннаго развитія, какъ въ Германіи. Къ теоріи присоединяется практика. Результаты кабинетныхъ изысканій оплодотворяются практическимъ ихъ примѣненіемъ съ быстротой, присущей германской организованности. Родина «чуждыхъ міру поэтовъ и мыслителей» даетъ цѣлые легіоны опытныхъ, практичныхъ дѣльцовъ для переворота въ экономической жизни капиталистическими методами. «Соединеніе науки, практической мощности, силы и хотѣнія, — пишетъ одинъ изъ блестящихъ идеологовъ капитализма и вильгельмовскаго режима, — явленіе, благодаря которому Германія именно за послѣдніе 25 лѣтъ имѣла величайшіе успѣхи. Нашъ кайзеръ всегда выказывалъ повышенную заинтересованность и съ большой энергіей давалъ толчокъ тѣмъ наукамъ, которымъ Германія безконечно обязана своимъ экономическимъ развитіемъ». [1])

Примѣненіе усовершенствованной техники и организаціонная мощь крупнаго капитала въ различныхъ важныхъ отрасляхъ экономической жизни, особенно въ сферѣ промышленности, торговли и транспорта, имѣли прежде всего то вліяніе, что быстро сталъ развиваться процессъ сліянія хозяйственныхъ функцій и концентраціи предпріятій. Принципъ объединенія труда (Arbeittsvereinigung) праздновалъ свою полную побѣду. Разсѣянныя и неорганизованныя отрасли труда, дополняющія другъ друга въ процессѣ производства, объ-

[1]) Helfferch ibid стр. 21—22.

единяются въ крупныя своебразныя организаціи. Слѣдующія статистическія данныя относительно трехъ періодовъ за послѣднюю четверть вѣка показываютъ быстроту, съ которой въ Германіи развивался этотъ процессъ объединенія и концентраціи.

Число хозяйствъ и лицъ, занятыхъ въ нихъ.

	1882 г.		1895 г.		1907 г.	
	Число хозяйствъ.	Число лицъ.	Число хозяйствъ.	Число лицъ.	Число хозяйствъ.	Число лицъ.
Мелкія хозяйства (1—5 ч.)	2.882.768	4.335.822	2.934.723	4.770.669	3.124.198	5.353.576
Среднія хозяйства (6—50 ч.)	112.715	1.391.720	191.301	2.454.333	267.410	3.644.415
Крупныя хозяйства (51 и болѣе)	9.974	1.613.247	18.953	3.044.267	32.007	5.350.025
Крупнѣйшія изъ нихъ (1000 и болѣе)	127	213.160	255	448.731	506	954.645 [1])

Процентный приростъ за 25 лѣтъ (1882—1907) выражается въ слѣдующихъ числахъ:

	Приростъ хозяйствъ.	Приростъ лицъ, занятыхъ въ нихъ.
	%	%
Мелкія хозяйства . .	8,37	23,47
Среднія	137,24	161,94
Крупныя	220.90	231,63
Крупнѣйшія	298,42	347,85

Обратите вниманіе на эти проценты, которые даютъ лаконическое объясненіе всему смыслу приведенной таблицы. Подъ безпощадными ударами крупнаго капитала и передъ неотступными завоеваніями технической индустріи мелкія хозяйства влачили жалкое существованіе. Число мелкихъ хозяйствъ за 25 лѣтъ выросло лишь на 8,37%, а персоналъ, занятый въ нихъ, возросъ всего на 23,47%. А другія хозяйства — среднія, крупныя и, въ особенности, крупнѣйшія — умножились въ гигантскихъ размѣрахъ. Въ 1882 году количество лицъ, занятыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ, составляло

1) Helfferich, ibid, стр. 40.

абсолютное большинство (59%) по отношенію къ общему числу занятыхъ во всѣхъ хозяйствахъ,—между тѣмъ среднія хозяйства давали работу лишь 18,5% лицъ всего числа, а крупныя и крупнѣйшія—22,5%. Спустя четверть вѣка (1907 г.) отношенія совершенно измѣняются. Мелкія хозяйства уменьшаются и уже даютъ работу только 37,5% всѣхъ работниковъ, въ среднихъ работаетъ 25,7%, и въ крупныхъ—37,0%. Среднія и крупныя хозяйства (вмѣстѣ съ крупнѣйшими) вмѣстѣ составляютъ 62,67% всѣхъ работающихъ,—абсолютное большинство, болѣе высокое, чѣмъ имѣли въ 1882 г. мелкія хозяйства.

Подобной концентраціи хозяйствъ и объединенія трудовыхъ силъ по ихъ развитію и темпу роста не имѣла ни одна страна, въ томъ числѣ и Англія. Однимъ изъ основныхъ условій объединенія трудовыхъ силъ и концентраціи хозяйствъ является *накопленіе капитала, его движеніе и концентрація*. Развитіе этихъ двухъ явленій идетъ параллельно. Чѣмъ больше и разностороннѣе какое-либо предпріятіе, тѣмъ крупнѣе его основной капиталъ. Самой распространенной формой концентраціи и организаціи капитала являются *акціонерныя товарищества*, развитіе которыхъ въ Германіи безпримѣрно. Въ 1871—1880 г. въ Германіи было основано 1343 акціонерныхъ товариществъ съ основнымъ капиталомъ въ 3154 милліона марокъ [1]). Въ 1886—87 гг. въ Германіи было 2143 акціон. и коммандитныхъ т-въ съ капиталомъ въ 4876 милліоновъ марокъ. Въ 1907—08 г. число товариществъ доходитъ до 4528-и, а ихъ капиталъ 12,788 милліоновъ марокъ. Такимъ образомъ, въ 20 лѣтъ товарищества увеличились на 113,62%, а ихъ основной капиталъ на 160,60%, значитъ, быстрѣе, чѣмъ число товариществъ. Въ 1911/12 гг. число товариществъ достигло 4712, что даетъ увеличеніе за 25 лѣтъ приблизительно на 120%, а сумма основного капитала этихъ товариществъ достигла 14880 мил. марокъ, увеличившись въ тотъ же срокъ не менѣе, чѣмъ на 205,20%. Это значитъ, что товарищества съ теченіемъ времени становятся все болѣе и болѣе крупными, и въ нихъ въ большемъ количествѣ концен-

1) Объ акціонерныхъ товариществахъ см. „Handwörterb. d. Staatswis." т. I, стр. 190 и Helfferich, ibid, стр. 44.

трируется капиталъ. Такъ, напримѣръ, въ то время какъ въ 1886—87 г. на каждое т-во приходилось основного капитала 2,27 мил. марокъ, спустя четверть вѣка это число достигло 3,16 мил. м., увеличившись почти на 40%. Темпъ развитія товариществъ, имѣющихъ крупный капиталъ, виденъ ихъ слѣдующихъ данныхъ. Товарищества, имѣвшія капиталъ болѣе, чѣмъ 10 мил. марокъ, увеличились такъ: въ 1886—87 г.—74 тов., въ 1896 г.—108, 1906 г.—208, а въ 1909 г. (до конца сентября)—229. Съ такой же быстротой росли и другія товарищества, банковскія учрежденія, промышленные и потребительскіе товарищества и союзы какъ количественно, такъ и по величинѣ капиталовъ, вложенныхъ въ нихъ.

5.

Теперь перейдемъ къ развитію фактовъ, которые составляютъ основу упомянутыхъ переворотовъ — общественной дифференціаціи, измѣненія профессіанальнаго состава населенія, объединенія хозяйственныхъ функцій, концентраціи капитала и развитія товариществъ.

Это промышленная и торгово-транспортная жизнь со всѣми ея развѣтвленіями и функціями. Однако, прежде, чѣмъ перейти къ этимъ фактамъ, мы считаемъ важнымъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ значительныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ *сельско-хозяйственной жизни* Германіи, которыя, въ послѣднемъ счетѣ, являются результатомъ все той же новѣйшей капиталистической культуры. Населеніе, растущее такъ быстро, какъ въ Германіи, должно было съ уплотненіемъ занять свободныя земли на родинѣ. Такъ, напримѣръ, земельное пространство, отведенное подъ сельскохозяйственную культуру, равнявшееся въ 1878 г. 36,726,015,4 гектарамъ (не считая лѣсовъ и болотъ), постепенно уменьшаясь, въ 1900 г. дошло до 35,055,397,6 гект. [1]), уменьшившись на 4,77%, между тѣмъ какъ земля, отведенная во Франціи подъ сельское хозяйство, увеличилась (по даннымъ 1901 года) на 1,80%, хотя въ болѣе продолжительный срокъ (въ болѣе, чѣмъ 50 лѣтъ). Но если имѣть въ виду то

---

[1]). Prof. Conrad, „Statistik", Iena, 1904 г., стр. 67.

обстоятельство, что Францiя за это время потеряла Эльзасъ-Лотарингiю, имѣвшую 874,991,1 гектаръ земли подъ сельско-хозяйственной культурой (1900 г.), то мы найдемъ, что увеличенiе площади земли во Францiи для сельскаго хозяйства вовсе не ничтожно.

Преимущества германскаго сельскаго хозяйства нужно искать въ высотѣ его культуры, въ интенсивномъ способѣ веденiя хозяйства и въ усовершенствованныхъ методахъ. Искусственное удобренiе и, особенно, примѣненiе машинной силы въ сельскомъ хозяйствѣ дали въ Германiи поразительные результаты. Съ большой быстротой растетъ введенiе и примѣненiе въ земледѣлiи усовершенствованныхъ машинъ, что доказывается огромнымъ ростомъ числа тѣхъ хозяйствъ, которыя примѣнiютъ всякаго рода сельско-хозяйственныя машины. Число хозяйствъ, пользовавшихся машиной, увеличилось такъ:

	1882 г.	1895 г.	1907 г.	Процентный приростъ. (1882—1907).
Хоз., имѣвшихъ обыкн. молотильн. маш.	268.367	596.869	947.869	253,20 %
Хоз. съ паровыми молотильными маш.	73.690	259.364	488.867	544,30 „
Хозяйствъ съ сѣялками	63.842	169.465	290.039	354,30 „
Хоз. съ жатв. машинами	19.634	35.084	301.325	1434,71 „
Хоз. съ паров. плугами	836	1.696	2.995 [1]	270,00 „

Посмотрите на эти числа и обратите вниманiе на ихъ постепенный ростъ. Только та страна можетъ въ 25-ти лѣтнiй перiодъ измѣнить свою аграрную культуру методами капиталистической культуры, которая стала классической страной машино-строительства и электрической индустрiи. Благодаря этимъ усовершенствованнымъ методамъ таковая первоклассная индустрiальная страна, какъ Германiя, смогла по продуктамъ сельско-хозяйственнымъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ, что доказываютъ слѣдующiя числа, относящiяся къ главнымъ продуктамъ сельскаго хозяйства.

---

1) Helfferich, ibid, стр. 53.

Общій размѣръ продуктовъ (въ милліонахъ тоннъ).

	Пшеница и рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Карто-фель.	Общая сумма.
1912 г. Германія	15,9	3,5	8,5	50,2	78,1
1912 г. Россія	42,6	9,9	14,1	36,9	103,5
1912 г. Австро-Венгрія	11,2	3,3	3,6	18,5	36,6
1911 г. Франція	10,4	1,1	5,1	11,5	28,1
1912 г. Соед. Штаты . .	20,8	4,9	20,6	11,4 [1])	57,7

По продуктамъ сельскаго хозяйства Германія уступаетъ одной только гигантской представительницѣ земледѣлія, Россіи. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то Германія уступаетъ имъ въ отношеніи трехъ главныхъ продуктовъ, превосходя ихъ общимъ количествомъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. По производству кортофеля Германія безусловно занимаетъ первое мѣсто, превосходя Россію и Соединенные Штаты, взятые вмѣстѣ. Но чтобы показать насколько высока германская аграрная культура и до чего интенсивно ея земледѣліе, приведемъ слѣдующія замѣчательныя данныя.

На каждый гектаръ (100 килогр.).

	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овесъ	Карто-фель.
1912 г. Германія . . .	22,6	18,5	21,9	19,4	150,3
1912 г. Россія	6,9	9,0	8,7	8,5	81,7
1912 г. Австрія	15,0	14,6	16,0	13,0	100,2
„ „ Венгрія	12,7	11,6	13,9	10 4	84,4
1911 г. Франція	13,8	14,3	14,3	12,6	74,2
1912 г. Соедин. Штаты .	10,7	10,6	16,0	13,4	76,2 [2])

Эта таблица—блестящій документъ о степени удобренія земель и плодотворныхъ результатахъ примѣненія усовершенствованныхъ хозяйственныхъ методовъ. Германія шествуетъ во главѣ всѣхъ упомянутыхъ странъ. Ни одна страна въ отношеніи какого-либо изъ упомянутыхъ продуктовъ не только не превосходитъ Германію, но даже приблизительно не достигаетъ ея уровня. Богатѣйшія страны—Россія и Соединенные Штаты—съ этой точки зрѣнія весьма значительно

[1]) Тамъ же стр. 55.
[2]) Тамъ же.

отстаютъ отъ Германіи. «Такъ какъ при такомъ сравненіи,— справедливо замѣчаетъ германскій экономистъ,—ни качества состава земли и ни климатическія условія не говорятъ въ пользу Германіи, то, стало быть, въ числахъ этихъ выражается высокое хозяйственно-техническое превосходство Германіи» [1]).

Какъ распредѣляются сельско-хозяйственные продукты по числу жителей? Слѣдующія данныя показываютъ это:

	Россія	Германія	Франція	Австрія	Соединен. Штаты.
Пшеница и рожь.					
Въ среднемъ 1901—1905 (въ тыс. пуд.).	2.328.949	789.205	628.027	215.415	1.142.112
На кажд. жителя (въ пудахъ).	16,8	13,4	16,2	8,1	14,2
Въ средн. 1906—1910 (въ тыс. пуд.).	2.288.690	863.562	624.493	267.729	1.212.925
На кажд. жителя (въ пудахъ).	14,7	13,7	15,8	9,1	13,7
Ячмень и овесъ.					
Въ средн 1901—1905 (въ тыс. пуд.).	1.215.531	628.153	324.223	200.729	945.589
На кажд. жителя (въ пудахъ).	8,7	10,7	8,3	7,5	11,6
Въ средн. 1906—1910 (въ тыс. пуд.).	1.369.327	712.088	355.162	237.281	1.123.876
На кажд. жителя (въ пудахъ).	8,8	11,3	9,0	8,4	12,7
Картофель.					
Въ средн. 1901—1905 (въ тыс. пуд.).	1.592.470	2.680.777	748.371	731.323	440.882
На кажд. жителя (въ пудахъ).	11,4	45,8	19,2	27,4	5,5
Въ средн. 1906—1910 (въ тыс. пуд.).	1.866.073	2.774.902	881.074	829.979	536.759
На кажд. жителя (въ пудахъ).	12,0	44,2	22,4	29,6	6,1 [2])

Здѣсь мы находимъ тѣ же отношенія: по производству картофеля Германія относительно и абсолютно превосходитъ всѣ другія страны, въ остальныхъ сельско-хозяйственныхъ

[1]) Тамъ же стр. 56.
[2]) „Статистическій Ежегодникъ на 1914 годъ", Петроградъ, стр. 819.

продуктахъ она занимаетъ третье мѣсто, уступая Россіи и Соединеннымъ Штатамъ. Что же касается Франціи и Австріи, то Германія далеко опередила ихъ общимъ количествомъ зернового хлѣба, а Австрію не только абсолютно, но и относительно (считая долю каждаго жителя). Съ точки зрѣнія относительной доли, приходящейся на каждаго жителя, Германія лишь незначительно уступаетъ Россіи и Соед. Штатамъ. Доля каждаго жителя въ главныхъ хлѣбахъ (пшеница и рожь) уменьшилась въ этихъ первоклассныхъ земледѣльческихъ странахъ: въ Россіи—съ 16,8 пуд. (въ періодъ 1901—1905) понизившись до 14,7 п. (1906—1910), а въ Соедин. Штатахъ—съ 14,2 п. до 13,7 п. Въ Германіи же, наоборотъ, замѣтно повышеніе—съ 13,4 до 13,7 п., т. е. до уровня Соедин. Штатовъ. Доля каждаго жителя въ Германіи относительно ячменя и овса въ оба періода выше, чѣмъ таковая же въ Россіи и во Франціи. Послѣдняя въ этомъ отношеніи, что касается пшеницы и ржи, превосходитъ Германію, но фактъ этотъ объясняется не богатыми урожаями, а малочисленностью населенія и его медленнымъ ростомъ.

Конечно, приведенныя данныя, особенно доли, приходящіяся на каждаго жителя этихъ странъ, не даютъ намъ какого-либо полнаго представленія относительно *потребительской силы* населенія этихъ странъ. Эти данныя лишь показываютъ количество полученныхъ этими странами продуктовъ отъ собственнаго ихъ сельскаго хозяйства. Мы знаемъ, что съ точки зрѣнія потребленія наша родина—эта неистощимая житница зерновыхъ хлѣбовъ—занимаетъ, къ несчастью, послѣднее мѣсто. Крестьянство Россіи, болѣе всѣхъ производящее хлѣба, чаще и больше всѣхъ остается голоднымъ. А Германія, занимающая одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ производствомъ хлѣба, является вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ первыхъ европейскихъ странъ, ввозящихъ къ себѣ хлѣбъ, такъ что Германія съ точки зрѣнія потребленія превосходитъ не только Россію, но и всѣ извѣстныя намъ страны. Такъ, напримѣръ, потребленіе пшеницы и ржи выражается въ слѣдующихъ числахъ (на каждаго жителя въ килогр.):

	Германія	Австро-Венгрія	Великобр. и Ирланд.	Франція	Италія	Соедин. Штаты
1886—1890 г.	178,1	152,6	163,9	251,8	122,8	117,2
1902—1906 г.	247,6	174,0	166,2	241,6	145,0	143,5
Приростъ въ процентахъ	39,%	16,3%	1,4%	4,2%	18,0%	28,3%[1])

Въ началѣ 90-ыхъ годовъ наибольшее относительное употребленіе хлѣба имѣла Франція, но она впослѣдствіи упала съ этого уровня, уступивъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи Германіи. Потребленіе хлѣба германцевъ—247,6 килогр.,—превосходитъ безъ исключенія всѣхъ, его увеличеніе въ 39,0% (въ теченіе 16 лѣтъ) тоже не имѣетъ себѣ примѣра.

Въ скотоводствѣ тоже Германія сохраняетъ свое мѣсто послѣ Россіи и Соедин. Штатовъ, какъ видно изъ статистическихъ данныхъ:

		Россія		Германія		Франція		Австрія		Англія		Соедин. Штаты	
		Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.	Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.	Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.	Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.	Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.	Общее колич. въ тыс. головъ	на 100 жит.
Лошади	1900 г.	25.962	20	4.195	8	2.909	8	1.716	9	2.000	5	13.538	18
	1905 г.	31.740	22	4.267	7	3.169	8	—	—	2.117	5	17.058	20
	1910 г.	33.166	20	4.345	7	3.198	8	1.803	7	2.095	5	21.040	25
Крупный рогатый скотъ	1900 г.	43.587	33	18.940	36	14.521	37	9.511	47	11.455	28	43.902	5[illegible]
	1905 г.	47.979	34	19.332	32	14.316	37	—	—	11.674	27	61.242	73
	1910 г.	51.188	31	20.631	33	14.532	37	9.160	32	11.765	26	69.080	82
Овцы	1900 г.	70.647	53	9.692	17	20.180	52	2.621	13	31.055	76	41.883	55
	1905 г.	90.117	63	7.907	13	17.783	45	—	—	29.077	68	45.170	54
	1910 г.	79.166	48	7.704	12	17.111	44	2.429	9	31.165	70	57.216	68
Свиньи	1900 г.	13.924	11	16.807	30	6.740	17	4.683	23	3.664	9	37.079	49
	1905 г.	14.586	10	18.921	31	7.559	18	—	—	3.602	8	47.321	56
	1910 г.	13.435	8	22.147	36	6.900	18	6.432	23	3.561	8	47.782	57[2])

1) Helfferich, ibid, стр. 87.
2) См. „Статистическій Ежегодникъ на 1914 годъ", стр. 822.

Въ отношеніи количества двухъ видовъ животныхъ положеніе Германіи уклоняется замѣтно: свиноводство до такой степени процвѣтаетъ на родинѣ «Wurstwirtschaft», что оно въ этомъ уступаетъ лишь Соедин. Штатамъ, на нѣсколько милліоновъ превосходя даже гигантскую Россію. Овцеводство же, наоборотъ, все болѣе и болѣе слабѣетъ въ Германіи, которая по количеству овецъ занимаетъ пятое мѣсто въ ряду вышеприведенныхъ странъ, превосходя лишь Австрію. Быстрое уменьшеніе количества овецъ (на 2 милліона въ теченіе 10 лѣтъ) объясняется быстро растущей интенсивностью германскаго сельскаго хозяйства [1]). Это мнѣніе имѣетъ основательное значеніе, такъ какъ раньше въ болѣе экстенсивные періоды въ Германіи очень развито было овцеводство. Такъ, напримѣръ, въ 1873 г. количество овецъ въ Германіи достигало 24.999.406 головъ, болѣе чѣмъ имѣла Франція въ 1872 г. (24.707.496 головъ) [2]). И между тѣмъ какъ въ Германіи уменьшеніе количества овецъ до 1900 года было въ 158%, во Франціи, оно незначительно—22,43%. Это означаетъ, что германское сельское хозяйство въ смыслѣ интенсивности развивалось въ нѣсколько разъ быстрѣе французскаго.

6.

По положенію, занятому Германіей въ различныхъ отрасляхъ промышленной жизни, она превзошла всѣ свои извѣстныя намъ до сихъ поръ успѣхи на почвѣ экономическаго развитія.

Начнемъ прежде всего съ производства сахара, т. е. съ индустріи, имѣющей непосредственную связь съ естествен-

[1]) „Овцеводство,—замѣчаетъ по этому поводу Гельферихъ,—основывается на экстенсивномъ пастбищномъ хозяйствѣ, тогда какъ развитіе германскаго сельскаго хозяйства идетъ въ направленіи интенсивности". Helf. ibid, стр. 59.

[2]) Prof. Conrad, ibid, стр. 92 и 94.

ными продуктами. Развитіе сахарнаго производства имѣетъ въ Германіи слѣдующій ходъ въ 35-лѣтній срокъ:

	Выработанная свекловица въ 1000 тон.	Количество гектаровъ, отведен. подъ свекловицу	На каждый гектаръ свекловицы въ тон.	Полученный сырой сахаръ въ 1000 тон.
1875/6 г.	4.161	96.724	29	358
1888/9 г.	7.896	149.411	28	991
1910/11 г.	15.749	477.909	33	2.590[1])
Приростъ въ %	278,50%	400,00%	14,00%	623,50%

Это гигантскій ростъ въ столь короткое время. По производству сахара, Германія занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ намъ извѣстныхъ странъ, какъ видимъ изъ слѣдующихъ чиселъ. Производство свекловичнаго сахара въ 1.000 тоннъ имѣетъ такую картину.

	Германія.	Франція.	Россія.	Австрія.	Бельгія.	Г[redacted]а[redacted]ія.
1880—81 г. . .	573	317	276	533	89	28
1885—86 » . .	838	296	528	395	62	26
1890—91 » . .	1331	694	544	778	205	69
1895—96 » . .	1637	660	717	781	220	103
1900—01 » . .	1970	1146	928	1064	320	180 [2])

Свое превосходство Германія сохранила съ 1880 г. до конца. Производство сахара тамъ росло безпрерывно, безъ колебанія и въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, за исключеніемъ одной Россіи, изъ періода въ періодъ бывали чувствительныя колебанія. Двадцать лѣтъ тому назадъ производство германскаго сахара было больше французскаго на 256 тысячъ тоннъ, больше русскаго на 297 тысячъ

[1]) Helfferich, ibid, стр. 57.
[2]) Handwörterb. d. Staatswiss, т. VII, 1901 г., Iena, стр. 1000.

тоннъ и австрійскаго на 40 тысячъ тоннъ. Черезъ двадцать лѣтъ это превосходство еще болѣе усиливается: германское производство выше французскаго на 824 тысячи тоннъ, русскаго—на 1.042 тыс. тоннъ и австрійскаго—на 906 тыс. тоннъ. Оставимъ Бельгію и Голландію, которыя не занимаютъ замѣтнаго мѣста въ міровомъ сахарномъ производствѣ, въ которомъ Германія занимаетъ исключительное положеніе. Въ 1880 году производство германскаго свекловичнаго сахара составляло 31,48% всего мірового сахарнаго производства; въ 1890 году это участіе Германіи въ міровомъ производствѣ достигаетъ 36,30%, стало быть, болѣе чѣмъ 1/3 всего производства, а въ 1900 году Германія производила 32,61% всего свекловичнаго сахара, производимаго въ мірѣ, что составляетъ почти 1/3. Во всякомъ случаѣ, фактъ, что въ упомянутые 20 л. производство сахара въ Германіи усилилось быстрѣе, чѣмъ міровое сахарное производство: первое на 244%, а второе—на 232% приблизительно.

Согласно новѣйшимъ даннымъ, Германія продолжаетъ сохранять первенство въ производствѣ сахара среди извѣстныхъ сахарнымъ производствомъ странъ.

Вотъ эти данныя (въ милліонахъ пудовъ).

	1907/08 г.	1908/09 г.	1909/10 г.	1910/11 г.
Германія	117,5	114,2	112,0	142,3
Россія	78,4	70,7	65,1	115,6
Австро-Венгрія .	77,2	75,7	68,3	83,4
Франція	40,1	44,1	44,8	39,7
Бельгія	12,9	14,2	13.7	15,7
Голландія . . .	9,7	11,9	11.1	12,2 [1])

Второе мѣсто послѣ Германіи занимаетъ Россія, гдѣ сахарное производство имѣетъ больше шансовъ развиваться, чѣмъ германское производство.

Самыми необходимыми краеугольными камнями новѣйшей капиталистической индустріи являются двѣ отрасли промышленности—добываніе *каменнаго угля и желѣза.* Германія при-

---

[1]) „Статистическій Ежегодникъ на 1914 г.", стр. 823.

надлежитъ къ числу тѣхъ странъ, которыя природой обильно одарены этими основными для промышленности матеріалами. Въ отношеніи каменнаго угля Германія занимаетъ *третье мѣсто* (послѣ Соединен. Штатовъ и Англіи), что касается желѣза, то она превосходитъ Англію и занимаетъ *второе мѣсто.*

Производство германскаго угля (каменнаго и бураго) возросло въ огромныхъ размѣрахъ. Въ 1887 году общее производство германскаго угля дало 76,2 мил. тоннъ, а въ 1911 г.— 234,5 мил. тоннъ, что даетъ увеличеніе на 207,7% за 24-лѣтній періодъ. Цѣна угля въ 1887 году была 351,3 мил. марокъ, а въ 1911 г.—1.756,1 мил. марокъ, увеличившись, такимъ образомъ, на 399,9%.

Положеніе Германіи въ ряду другихъ государствъ претерпѣло слѣдующія измѣненія за 25 лѣтъ.

	Производство угля (въ милліон. тоннъ) 1886 г.	1911 г.	Приростъ въ % 1886 г.—1911 г.
Соедин. Штаты . .	103,1	450,2	336,6%
Великобр. и Ирланд.	160,0	276,2	72,6 »
Германія	73,7	234,5	218,1 »
Австро-Венгія . .	20,8	49,2	136,5 »
Франція	19,9	39,3	97,5 »
Бельгія	17,3	23,1	33,5 » [1])

Эти числа значительны прежде всего для Соединенныхъ Штатовъ и для Германіи. Въ срединѣ 80-хъ годовъ Англія по производству каменнаго угля стояла впереди всѣхъ государствъ, превосходя Америку на 57 мил. тоннъ, а Германію на 86,3 мил. тоннъ. По прошествіи 25-ти лѣтъ первенство переходитъ къ Соедин. Штатамъ, которые превосходятъ Англію на 174 мил. т., что даетъ безпримѣрный ростъ обработки каменнаго угля на 336,6%. Столь же крупнымъ измѣненіямъ подверглась германская обработка каменнаго угля, давъ приращеніе въ 218,1%; такимъ образомъ, ростъ германскаго

[1]) Helfferich, ibid, стр. 61.

производства идетъ непосредственно за американскимъ. Въ 1911 г. производство англійскаго угля превосходило германское только на 41,7 мил. т., значитъ, менѣе половины той разницы, которая существовала между германскимъ и англійскимъ производствомъ 25 лѣтъ назадъ. А въ 1912 г. эта разница выражается уже въ незначительной цифрѣ 5,3 мил. т.[1]). Производство угля въ Германіи растетъ втрое быстрѣе, чѣмъ въ Англіи и имѣетъ всѣ шансы въ будущемъ превзойти англійское производство общимъ количествомъ добытаго угля. Производство угля въ остальныхъ странахъ занимаетъ несравненно болѣе скромное мѣсто. Статистика производства одного только каменнаго угля даетъ слѣдующія свѣдѣнія за послѣднія пять лѣтъ:

	(Въ милліонахъ пудовъ).					Приростъ
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	за 5 лѣтъ.
Соединен. Штаты . .	25.522	27.780	27.491	29.601	31.717	24,27%
Великобр. и Ирланд. .	16.354	16.395	16.857	16.146	17.422	6,53 „
Германія	13.275	13.576	14.318	15.618	17.032	28,30 „
Австро-Венгрія . . .	2.980	2.927	2.999	3.154	3.256	9,26 „
Франція	2.310	2.341	2.395	2.522	—	— „
Россія	1.588	1.522	1.739	1.904	2.235[2])	40,74 „

Здѣсь Германія опять занимаетъ *третье мѣсто* (послѣ Соедин. Штатовъ и Англіи). Но темпъ развитія германскаго производства за 5 лѣтъ по быстротѣ превосходитъ не только темпъ англійскаго производства, но и американскаго. Германское производство со своей общей величиной все болѣе и болѣе приближается къ англійскому. Такъ въ 1909 г. превосходство англійскаго производства угля выражалось въ въ 3.079 мил. пудовъ, а черезъ пять лѣтъ эта разница уменьшилась до 390 мил., т. е. на 689,50%. Нужно было еще нѣсколько лѣтъ мирнаго развитія, и Германія по производству каменнаго угля уравнялась бы съ Англіей и, быть можетъ,

---

[1]) Въ 1912 г. угольное производство въ Англіи и Ирланд. равнялось всего 264,7 мил. т. п., т. е., оно уменьшилось противъ предыдущаго года приблиз. на 12 мил. т. А. германск. произв. равнялось въ 1912 г. 259,4 мил. т., увеличившись на 25 мил. т. сравнительно съ данными за предыдущій годъ. Это уменьшеніе производства въ Англіи нужно объяснить, главнымъ образомъ, забастовкой рабочихъ на угольныхъ копяхъ въ 1912 г.

[2]) „Статистическій Ежегодникъ на 1914 годъ“, стр. 823.

превзошла бы ее. Остальныя страны: Австро-Венгрія, Францiя и особенно Россія занимаютъ въ этомъ отношеніи скромное мѣсто, хотя съ точки зрѣнія быстроты роста Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ и имѣетъ тенденціи въ будущемъ занять почетное мѣсто въ міровомъ производствѣ угля. Въ приведенной таблицѣ бросается въ глаза еще одно обстоятельство, присущее почти только одной Германіи, это—безпрерывность роста производства. Въ ростѣ германскаго производства не замѣчается никакого колебанія, оно растетъ безпрерывно, тогда какъ производство Соединенныхъ Штатовъ (1910—1911), занимающихъ первое мѣсто и русское производство (1909—1910), занимающее съ точки зрѣнія быстроты роста тоже первое мѣсто, подвержены замѣтнымъ колебаніямъ.

Углепроизводство Германіи теперь составляетъ $^1/_5$ часть всего мірового производства угля.

Какое мѣсто занимаетъ Германія въ другихъ отрасляхъ *горнопромышленности?* Въ важнѣйшихъ отрасляхъ горнопромышленности, въ обработкѣ металловъ, особенно *желѣза*,—Германія за послѣдніе годы имѣла лишь одного сильнаго соперника, Соединенные Штаты. Германія уже въ большихъ размѣрахъ превосходитъ Англію и занимаетъ *второе мѣсто* послѣ Соедин. Штатовъ среди всѣхъ странъ, извѣстныхъ добычей желѣза. Въ высшей степени любопытны эти данныя относительно добычи желѣза, охватывающія 60-лѣтній періодъ (въ 1.000 тоннахъ):

	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1990 г.	1900 г.	1911 г.
Великобр. и Ирл. . .	2.228	3.888	6.059	7.885	8.033	9.093	10.033
Соедин. Штаты . . .	572	821	1.665	3.898	9.353	14.010	24.028
Германія	215	529	1.391	2.792	4.658	8.521	15.574
Францiя	405	893	1.178	1.725	1.962	2.714	4.411
Россія.	204	272	360	448	727	2.895	3.588
Бельгія	144	313	565	608	788	1.017[1])	2.106[2])

Обратите вниманіе на эту таблицу. Въ продолженіе 30-ти лѣтъ, т. е до 1880 года Англія по производству желѣза безусловно занимала первое мѣсто: ея производство превосходило производство всѣхъ упомянутыхъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ. Начиная съ слѣдующаго десятилѣтія старая

---

[1]) Conrad, Statistik (IV часть его „Gundriss"-а), 1904 г., стр. 226.
[2]) Helfferich, ibid, стр. 63.

классическая родина капитализма уступаетъ первенство Соедин. Штатамъ, развивающимся въ данномъ отношенiи скачками. Въ 1890 году противъ англiйскаго производства въ 8.033 тысячи тоннъ желѣза, американское дало 9.353 тысячъ тоннъ, и въ послѣдующее 20-лѣтiе американское производство превосходитъ англiйское почти въ $2^1/_2$ раза.

Болѣе поразительно германское производство желѣза. Еще въ 1850—1860 г.г. германское производство уступало даже французскому и превзошло его лишь со слѣдующаго десятилѣтiя. Соперничество съ Англiей продолжалось дольше. Соединенные Штаты превзошли Англiю производствомъ желѣза въ теченiе десятилѣтiя 1880—1890 г.г., Германiя же лишь черезъ 20 лѣтъ, въ десятилѣтiе 1900—1910 г.г. опередила Англiю желѣзнымъ производствомъ. Въ 1911 г. Англiя произвела желѣза 10.033 тыс. тоннъ, а Германiя— 15.574 тыс. тоннъ, значитъ болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза больше.

Но чтобы осязательнѣе представить различiя въ ростѣ производства желѣза въ разныхъ странахъ, приведемъ слѣдующiя, сравнительныя (по возможности округленныя) числа:

	1850—1880 г.	1880—1911 г.	1850—1911 г.
Великобр. и Ирланд. . .	254%	27%	350%
Соединен. Штаты . .	581 »	516 »	4.100 »
Германiя	1.200 »	460 »	7.144 »
Францiя	326 »	155 »	989 »
Россiя	120 »	700 »	1.660 »
Бельгiя	322 »	246 »	1.362 »

Какъ видите, въ первое тридцатилѣтiе производство желѣза развивалось съ наибольшей быстротой въ Германiи (1.200%), болѣе чѣмъ вдвое быстрѣе развитiя американскаго производства и въ 5—6 раза быстрѣе англiйскаго. Наиболѣе медленный темпъ за указанный перiодъ наблюдается въ Россiи (120%), ровно въ десять разъ медленнѣе германскаго развитiя. Во второе же тридцатилѣтiе, наоборотъ, Россiя имѣла наибольшую быстроту въ развитiи производства желѣза (700%), а медленнѣе всѣхъ шло развитiе англiйскаго производства (27%). За 60-лѣтнiй перiодъ въ общемъ съ наибольшей быстротой развивалось производство желѣза въ

Германіи—огромный прогрессъ въ 7.144%, болѣе чѣмъ въ полтора раза больше процентовъ американскаго роста и въ 20 слишкомъ разъ болѣе англійскаго.

Столь же любопытны и поразительны тѣ измѣненія, какія претерпѣли эти страны по своему участію въ общемъ количествѣ міровой добычи желѣза.

	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1990 г.	1900 г.	1911 г.
Англія	53,2%	53,0%	49,9%	42,6%	29,3%	22,1%	13,4%
Соед. Штаты .	13,6 „	9,1 „	13,9 „	21,3 „	34,6 „	34,4 „	32,4 „
Германія	5,1 „	8,1 „	11,5 „	14,9 „	16,9 „	20,4 „	20,7 „

Посмотрите на участіе въ міровомъ производствѣ этихъ трехъ соперниковъ, начиная съ 1850 года, по десятилѣтнимъ измѣненіямъ, до 1911 года. 60 лѣтъ назадъ участіе Англіи въ міровомъ производствѣ желѣза было абсолютно преобладающимъ—53,2%. Но этотъ высокій процентъ все болѣе и болѣе понижался и чрезъ 60 лѣтъ дошелъ до 13,4%, т. е. столько, сколько Соедин. Штаты имѣли 60 лѣтъ тому назадъ (13,6%). Англія уступила двумъ своимъ цвѣтущимъ соперникамъ. Теперь Соедин. Штаты занимаютъ первое мѣсто въ міровомъ производствѣ желѣза, за ними идетъ Германія, производящая на міровой рынокъ болѣе чѣмъ $^1/_5$ (20,7%) всего мірового производства желѣза, причемъ есть признаки, указывающіе на то, что Германія быстрѣе увеличиваетъ свое производство, чѣмъ Соедин. Штаты. Такъ, напримѣръ, процентное участіе Германіи въ міровомъ производствѣ желѣза за 60 лѣтъ увеличилось на 300%, а участіе Америки—менѣе чѣмъ на половину этого—138%. Что касается Англіи, то ея участіе за тотъ же періодъ уменьшилось на 300% [1]). Наконецъ, замѣтимъ, что въ 1850 году производство желѣза тремя упомянутыми странами, вмѣстѣ взятое, составляло 71,9% всего мірового производства, а въ 1911 году—лишь

[1]) Одинъ изъ извѣстныхъ идеологовъ германскаго имперіализма, Арнольдъ Штейнманъ-Бухеръ, сравнивая это усиленіе Германіи и ослабленіе Англіи на міровомъ желѣзномъ рынкѣ, говоритъ между прочимъ слѣд.: „Конечно, эти явленія—причина, почему Великобританія съ завистью смотритъ на наше развитіе. Нападки англійской прессы на Германію и нервность англичанъ происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы экономически постоянно возвышаемся и, вѣроятно, когда-нибудь займемъ мѣсто англичанъ". (См. его трудъ: „Deutschlands weltwirtschaftliche Machtstellung in Gegenwart und Zukunft", Штетинъ, 1912 г. стр. 7.

66,4%. Это уменьшеніе нужно объяснить тѣмъ, что въ послѣднія десятилѣтія производство желѣза растетъ быстрымъ темпомъ въ нѣкоторыхъ сравнительно новыхъ въ этой отрасли промышленности странахъ—прежде всего въ Россіи и Бельгіи, поэтому степень участія старыхъ соперниковъ на міровой аренѣ въ производствѣ желѣза чувствительно понижается. Столь же быстро развивалось въ Германіи, сравнительно съ другими странами, производство *стали*, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Производство стали въ 1.000 тоннъ:

	1886 г.	1910 г.	Приростъ въ %%
Соедин. Штаты . . .	2.604,4	26.512,4	910,3
Германія	954,6	13.698,6	1.335,0
Великобр. и Ирланд.	2.403,2	6.106,8	154,1
Франція	427,6	3.390,3	692,9
Россія	241,8	2.350,0	871,2
Бельгія	164,0	1.449,5	783,6 [1])

По производству стали Германія занимала въ 1886 г. *третье мѣсто*; Соедин. Штаты и Англія превосходили ее въ нѣсколько разъ: первыя приблизительно въ три раза, вторая—въ $2^1/_2$ раза. Въ процессѣ 25-лѣтняго соперничества Германія опередила Англію, превзошедши ее болѣе чѣмъ вдвое и заняла *второе мѣсто* (послѣ Соедин. Штатовъ). По темпу же развитія, въ 1.335%, Германія шла впереди всѣхъ странъ. Медленнѣе всего росло англійское производство, всего на 154,1%, т. е. въ 9—10 разъ медленнѣе германскаго. Производство стали въ Россіи по быстротѣ развитія занимаетъ третье мѣсто, нѣсколько уступая американскому росту (871,2% и 910,3%).

Вотъ тѣ *основные факторы* современной капиталистической индустріи, которые достигли въ Германіи гигантскаго развитія, болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ болѣе огромныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, за исключеніемъ Соедин. Штатовъ, этого «новаго свѣта», неистощимаго источника несмѣтныхъ богатствъ. Соперничество между Англіей и Германіей въ упомянутыхъ отрасляхъ про-

---

1) Helfferich, ibid, стр. 64.

мышленности или уже закончилось въ пользу Германіи или на пути къ тому, потому что всѣ шансы на сторонѣ послѣдней. Въ другихъ отрасляхъ горнопромышленности Германія также превосходитъ Англію, еще сначала 90-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, напримѣръ, въ производствѣ цинка, свинца и, въ особенности мѣди [1]). По производству цинка, Германія превосходитъ всѣ государства, не исключая и Соедин. Штатовъ.

Интересно знать, какое мѣсто занимаетъ Германія среди другихъ странъ по количеству горнопромышленныхъ рабочихъ. Вотъ данныя на этотъ счетъ.

	Количество горнопромышленныхъ рабочихъ:		
	1900 г.	1901 г.	Прирость
Великобр. и Ирланд.	908.412	935.366	24.954
Германія	733.683	765.332	31.649
Соед. Штаты	506.830 [2])	541.193 [2])	36.363
Франція	309.815	312.521	2.706
Австро-Венгрія	233.471	239.984	6.513
Россія	341.702 [3])	341.702 [3])	—
Бельгія	171.467 [4])	171.467 [4])	—
Италія	102.728	128.478	25.705
Японія	140.846 [5])	140.846 [5])	—
Во всемъ мірѣ	4.534.263	4.700.973	166.710 [6])

Эти числа, конечно, имѣютъ лишь историческое значеніе. Говоря о крупныхъ и важныхъ отрасляхъ горнопромышленности, мы показали, что Соедин. Штаты по производству металловъ занимаютъ первое мѣсто; послѣ нихъ второе мѣсто въ общемъ занимаетъ Германія. Значитъ, Соедин. Штаты и Германія имѣютъ наибольшее количество горнопромышленныхъ рабочихъ, — за ними идетъ Англія. Горнопромышленные рабочіе этихъ трехъ странъ составляютъ абсолютное большинство всѣхъ рабочихъ въ горной промышленности всего міра. Среди остальныхъ странъ первое мѣсто по количеству горнопромышленныхъ рабочихъ занимаетъ Россія.

---

[1]) Подробности см. у Конрада, тамъ же, стр. 227—228.
[2]) Число это относится лишь къ углепромышленнымъ рабочимъ.
[3]) Русскія данныя касаются 1899 года.
[4]) Бельгійскія данныя взяты за 1900 г.
[5]) Японскія также.
[6]) См. у Конрада, тамъ же, стр. 198.

Профессіональная статистика показываетъ огромный, безпримѣрный ростъ количества рабочихъ рукъ и лошадиныхъ силъ паровыхъ машинъ, дѣйствующихъ въ германской промышленности. За 25 лѣтъ прогрессъ въ этой области выразился въ слѣдующихъ числахъ:

	Количество занятыхъ людей.			Лошадиныя силы паровыхъ машинъ.		
	1882 г.	1907 г.	Приростъ въ %	1895 г.	1907 г.	Приростъ въ %
Горн. промышлен., обраб. минераль., добыча соли	430.134	879.600	104,5	995.069	2.332.968	134,5
Обработка камней и глины	349.196	747.057	111,1	197.796	503.682	154,7
Обработка металловъ	459.713	905.868	97,1	142.141	443.224	211,8
Машиностроит. индустрія	356.089	1.171.783	229,1	184.821	1.215.512	557,7
Химическ. индустрія	71.777	167.670	133,6	83.587	192.905	118,9
Производство жировыхъ маслъ и мыловаренное	42.705	95.957	124,7	29.942	77.265	158,1
Текстильная индустр.	910.089	1.094.955	20,3	515.583	886.373	'71,7
Писчебумажн. промышл.	100.154	225.046	124,7	201.422	412.908	104,9
Кожевенная промышл.	121.532	206.313	69,8	32.377	85.304	163,5
Обработка дерева	469.695	736.424	56,8	203.235	346.024	70,3
Произв. пищь и питей	743.881	1.260.580	69,5	686.263	1.185.819	72,8
Приготовленіе предметовъ одежды	1.259.791	1.562.382	24,0	19.235	54.852	185,2
Строительн. ремесла	533.511	1.576.804	195,6	46.274	189.117	308,7
Полигр. и худож. ремесла	85.394	243.262	184,9	18.793	35.974	91,4[1]

Эти числа не что иное, какъ показатели *процесса чрезвычайной индустріализаціи* экономическихъ источниковъ Германіи въ 25-ти лѣтній періодъ. Это—рельефная картина капиталистическаго развитія новѣйшей Германіи.

Въ 1882 году число рабочихъ въ упомянутыхъ отрасляхъ промышленности равнялось 5.932.571, а черезъ 25 лѣтъ число это достигло 10.873.701, въ среднемъ увеличившись на 83,30%. Количество лошадиныхъ силъ паровыхъ машинъ выросло сравнительно еще быстрѣе (за 12 лѣтъ). Въ 1895 году паровыя машины имѣли 3.356.538 лошадиныхъ силъ, а въ 1907 году—7.961.927, увеличившись въ такой короткій

[1]) Helfferch. ibid, стр. 65.

срокъ на 137,20%. Это блестящее доказательство безпримѣрнаго развитія техническихъ факторовъ германской промышленности.

Обозрѣвая ходъ развитія отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей, мы повсюду видимъ замѣтное увеличеніе занятаго въ нихъ персонала и машинной силы. Лишь въ двухъ отрасляхъ (текстильная промышленность и производство платья) увеличеніе персонала сравнительно незначительно (20,3 % и 24,0%), тогда какъ машинная сила увеличилась довольно сильно (71,7% и 185,2%). Всѣ остальныя отрасли развивались очень быстро; большая часть ихъ даетъ ростъ на сто и болѣе процентовъ. Самый высокій процентъ прироценія персонала и машинной силы дала машинностроительная промышленность, персонала на 229,1%, а машинной силы—на 557,7%. Наибольшее количество рабочихъ рукъ было занято въ строительныхъ ремеслахъ (въ 1907 г.— 1.576.804 ч.), а наибольшее количество лошадинныхъ силъ—въ горномъ дѣлѣ (въ 1907 году—2.332.968 лошадиныхъ силъ).

7.

Мы переходимъ теперь къ другой области экономической жизни, это—германская *торговля и средства сообщенія* (или транспортъ).

Торговля есть дополнительная частица промышленности, необходимая функція ея механизма. Условія новѣйшаго развитія товарнаго обмѣна тѣсно связаны съ поступательнымъ движеніемъ капиталистической индустріи,—и наоборотъ, сама торговля во всѣхъ своихъ видахъ является сопутствующимъ моментомъ распространенія и завоеваній индустріи.

Если намъ извѣстны, покрайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, высокіе и необыкновенные скачки развитія германской промышленности, то заранѣе должно быть ясно само собой, что германская торговля имѣла подобный же ходъ развитія. Чтобы a priori убѣдиться въ этомъ, нужно вспомнить два простыя обстоятельства. Для распространенія огромнаго количества товаровъ необходимъ организованный и

быстрый вывозъ; съ другой стороны, для удовлетворенія насущныхъ нуждъ гигантскихъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ столько же необходимъ ввозъ изъ другихъ странъ огромнаго количества сырья.

Эти двѣ «эминентныя миссія» системы капиталистическаго производства взяла на себя *внѣшняя торговля.* И подобно тому, какъ по темпу развитія техническихъ факторовъ германская національная промышленность заняла особенное мѣсто среди всѣхъ капиталистическихъ странъ, такъ и безпримѣрными завоеваніями своей внѣшней или міровой торговли Германія явилась исключительной величиной. Состояніе торговли соотвѣтствовало состоянію промышленности. О быстротѣ развитія торговли и средствъ сообщенія, какъ профессій, даетъ представленіе огромный ростъ занятаго въ нихъ персонала за 25 лѣтъ.

По даннымъ за 1882 г. въ Германіи активно занимались торговлей и транспортомъ 1.570.300 человѣкъ. въ 1907 же году число это достигло 3.477.600 чел. [1]) увеличившись на 121,46%.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ во внѣшней торговлѣ Германіи наибольшую часть вывоза составляли продукты сельско-хозяйственные, участіе же индустріальныхъ продуктовъ въ вывозѣ ограничивалось едва сотней милліоновъ марокъ. Вмѣстѣ съ ростомъ населенія и быстрымъ развитіемъ капитализма продукты сельско-хозяйственные отступаютъ на задній планъ и доля индустріи увеличивается въ огромныхъ размѣрахъ въ общемъ количествѣ вывозимыхъ продуктовъ. Знаменательно, что въ первой половинѣ 80-хъ годовъ Германія въ послѣдній разъ продаетъ заграницу излишки своего зерноваго хлѣба [2]). Иными словами это значитъ, что начиная со второй половины указаннаго періода, т. е. уже съ перваго періода правленія Вильгельма, Германія постепенно превращается въ *индустріальнаго экспортера вмѣстѣ*

---

[1]) Helfferich, ibid, стр. 19.

[2]) „Тотъ фактъ,—писалъ до войны Рорбахъ,—что мы еще 30 лѣтъ тому назадъ имѣли достаточно хлѣба для собственнаго потребленія и для вывоза, представляется современному поколѣнію почти невѣроятнымъ. И тѣмъ не менѣе это было такъ“. (См. его трудъ: „Война и Германская политика“ Москва, 1915 г., стр. 14).

съ превращеніемъ въ индустріальную страну по своему производству [1]).

За четверть вѣка германская торговля дѣлаетъ безпримѣрные скачки: она развивается и завоевываетъ рынки въ разныхъ концахъ земного шара съ такой быстротой, какой мы не замѣчаемъ въ развитіи торговли какой-либо другой крупной капиталистической державы. Германія опережаетъ всѣ страны по размѣрамъ своей торговли и занимаетъ мѣсто рядомъ съ Англіей, какъ вторая держава на аренѣ соревнованія міровой торговли.

Нижеслѣдующія статистическія данныя показываютъ послѣдовательный ходъ развитія германскаго ввоза и вывоза за четверть вѣка:

	Ввозъ.	Вывозъ.	Вмѣстѣ.
	(въ милліонахъ марокъ).		
1887 г.	3.109,0	3.136,9	6.245,9
1893 г.	4.134,1	3.244,6	7.378,7
1899 г.	5.783,6	4.368,4	10.152,0
1909 г.	8.527,6	6.594,5	15.122,1
1913 г.	10.733,0	10.136,8	20.869,8 [2])
Ростъ въ %-хъ.	245,19%	223,21%	234,17%.

Ростъ внѣшней торговли Германіи былъ прямо-таки колоссаленъ. Ввозъ, конечно, развивался быстрѣе, чѣмъ вывозъ. Въ 1887 г. послѣдній превосходилъ ввозъ на 27,9 милліоновъ марокъ; а съ начала 90-хъ годовъ ввозъ сталъ развиваться значительно быстрѣе вывоза. Подобное измѣненіе баланса внѣшней торговли нужно объяснить тѣмъ, что быстро индустріализировавшаяся Германія должна была ввозить въ огромныхъ размѣрахъ не только необходимые сельско-хозяйственные

[1]) „За нѣсколько десятилѣтій,—пишетъ проф. Туганъ-Барановскій—Германія превратилась изъ сельскохозяйственной страны съ отсталой промышленностью въ величайшее торгово-промышленное государство Европы, уступающее по своей экономической силѣ только Америкѣ" (см. его ст. „Вліяніе войны на народное хозяйство Россіи, Англіи и Германіи" въ сбор. „Вопросы міровой войны" стр. 274).

[2]) См. „Handwörterb. der Staaswiss". 1900 г.т. IV, стр. 1065.—Helfferich, стр. 73.—„Статистическій ежегодникъ на 1914 г." стр. 832.

продукты, но она должна была въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ получать изъ-за границы сырье и полуфабрикаты для удовлетворенія громадныхъ требованій своей крупной индустріи. Въ 1912 году стоимость ввозимыхъ въ Германію продуктовъ и полуфабрикатовъ составляла ровно 55% всего германскаго ввоза, а стоимость пищевыхъ предметовъ, питей и животныхъ продуктовъ — 30%, значитъ, лишь остальные 15% составляли стоимость ввезенныхъ готовыхъ продуктовъ или индустріальныхъ предметовъ, которые абсолютно господствуютъ въ германскомъ вывозѣ. Въ томъ же году стоимость вывезенныхъ продуктовъ индустріи составляла 64,6% всего вывоза, а доля земледѣлія, садоводства и скотоводства въ вывозѣ, въ 1887 г. составлявшая 15,9%, въ 1912 г.—упала до 8,9%. Ростъ германской торговли станетъ осязательнѣе, если мы сравнимъ ее съ торговлей другихъ странъ, за періодъ 1887—1913 г.г. (въ милліонахъ марокъ).

	1887 г.			1913 г.		
	ввозъ	вывозъ	вмѣстѣ	ввозъ	вывозъ	вмѣстѣ
Великобританія и Ирландія	6.187,8	4.533,7	10.721,5	13.459,0	10.726,5	24.185,5
Германія	3.109,0	3.136,9	6.245,9	10.733,0	10.136,8	20.869,8
Соединен. Штаты	2.870,4	2.952,7	5.823,1	7.624,8	10.413,3	18.038,1
Франція	3.261,1	2.629,7	5.890,8	6.946,5	5.613,8	12.560,3
Россія	896,4	1.362,0	2.258,4	2.937,6	3.326,4	6.234,0[1])

Процентное приращеніе за 1887—1913 г.г.

	ввозъ %	вывозъ %	вмѣстѣ %
Великобритан. и Ирл.	117,50	136,60	125,60
Германія	245,19	223,21	234,17
Соедин. Шт.	165,64	252,53	209,77
Франція	113,01	113,50	113,22
Россія	227,70	114,23	175,60

Обратите вниманіе на эти таблицы. По своей торговлѣ впереди всѣхъ странъ идетъ Англія, міровой коммерсантъ, не имѣющій равносильныхъ конкурентовъ. За ней слѣдуетъ Германія, которая все болѣе и болѣе приближается къ

[1]) См. выше упомянутые источники.

Англіи. Такъ, въ 1887 г. англійская внѣшняя торговля (ввозъ и вывозъ) превосходила германскую на 4 475,6 милліоновъ марокъ, 1913 г. эта разница упала до 3.315,6 милліоновъ марокъ, уменьшившись на 1159,9 милл. марокъ. Это уменьшеніе особенно замѣтно въ вывозѣ. Въ 1887 г. англійскій вывозъ превосходилъ германскій на 1396,8 милл. мар., а въ 1913 г. только на 589,7 милліоновъ марокъ, уменьшившись болѣе чѣмъ вдвое. Это показываетъ, что германская экспортная индустрія наводняетъ своими товарами міровые рынки сравнительно быстрѣе, чѣмъ англійская.

Непосредственно за Германіей идутъ Соединенные Штаты, общій оборотъ внѣшней торговли которыхъ, абсолютно и относительно, росъ медленнѣе германскаго. Въ 1887 г. внѣшняя торговля Германіи превосходила американскую только на 422,8 милліоновъ марокъ, а въ 1913 г. разница эта усемеряется, достигнувъ 2831,7 милл. мар., т. е. увеличившись приблизительно на 570%. Американскій экспортъ за данный періодъ развивался быстрѣе (252,53%), чѣмъ германскій (223,21%). Двадцать пять лѣтъ тому назадъ германскій экспортъ превосходилъ американскій на 184,2 милл. мар., а въ 1913 г. американскій экспортъ не только достигаетъ германскаго, но и превосходитъ его на цѣлыхъ 276,5 милл. мар. [1]).

Конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ разница незначительна, если имѣть въ виду торговый оборотъ, достигающій десятковъ милліардовъ. Но нельзя отрицать того обстоятельства, что американскій экспортъ имѣлъ наиболѣе быстрый ростъ сравнительно съ вывозомъ другихъ странъ. Однако факту этому нельзя давать того объясненія, какое мы дали относительно роста германской торговли въ сравненіи съ англійской. Англія и Германія одинаково первоклассныя индустріальныя страны, такъ что быстрое развитіе

---

[1]) Еще въ 1911 г. германскій экспортъ (всего 8,1 милліард. м.) превосходилъ экспортъ Соедин. Шт. (всего 7,2 милліар. м.) на 900 милл. м. Если имѣть въ виду то обстоятельство, что за тотъ же годъ цѣнность всего производства индустріальныхъ и ремесленныхъ отраслей въ Соед. Шт. равнялась 112 милліард. м., а въ Германіи—40—50 милліард., то можно утверждать, что Германія какъ раньше, такъ и позже больше вывозила продуктовъ своей индустріи, чѣмъ Соедин. Шт. (Данныя см. A. Steinmann — Bucher „Deutschlands welfwirtschaftliche Machtstellung in Gegenwart nnd Zukunft“. Штетинъ, 1912, стр. 6).

вывоза той или другой изъ нихъ является доказательствомъ быстрыхъ завоеваній, дѣлаемыхъ ея экспортъ-индустріализмомъ на міровыхъ рынкахъ. Другое дѣло Соединенные Штаты. Америка не только индустріальная страна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассная родина наиболѣе пышно развитой агрикультуры. Она является плодороднѣйшей, неисгощимой колыбелью продуктовъ сельскаго хозяйства и въ ея вывозѣ хлѣбъ составляетъ долю, цѣнностью въ милліарды м., такъ что въ быстромъ ростѣ американскаго вывоза экспорто-агрикультура занимаетъ столь же видное мѣсто, какъ экспортъ-индустрія.

Другія страны—Франція и особенно Россія, во всемірной торговлѣ занимаютъ сравнительно скромное мѣсто. Вывозъ и ввозъ Франціи росли одинаково и очень медленнымъ темпомъ, болѣе медленнымъ, чѣмъ гдѣ-либо, изъ перечисленныхъ странъ. Та Франція, ввозъ которой въ 1887 году превосходилъ германскій на 152,1 милл. мар., спустя четверть вѣка настолько отстала въ своей торговлѣ, слѣдовательно и въ развитіи своей индустріи, что германскій ввозъ превосходилъ французскій не менѣе чѣмъ на 3786,5 милл. мар. Франція пригвождена къ переходной точкѣ экономическаго развитія: она ни индустріальна подобно Англіи, Германіи и Соединеннымъ Штатамъ, ни агрикультурна, какъ Россія и Соединенные Штаты.

Что касается внѣшней торговли Россіи, то мѣсто, занимаемое ею, какъ мы сказали выше, очень скромно, особенно въ сравненіи съ англійской и германской торговлей, достигающей десятковъ милліардовъ. Однако, неоспоримо, что внѣшняя торговля Россіи относительно растетъ очень быстрымъ темпомъ. Темпъ развитія русскаго ввоза (227,40%) уступаетъ только германскому (245,14%), по росту экспорта (144,23%) Россія превосходитъ Англію (135,60%) и Францію (113,50%). Въ общей торговлѣ Россія сохраняетъ то же мѣсто.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Германія является страной, общій оборотъ внѣшней торговли которой, какъ показываетъ приведенная таблица достигъ высшей степени своего развитія. А это означаетъ, что Германія, болѣе чѣмъ какая либо другая капиталистическая страна, имѣла за пос-

лѣднія десятилѣтія тенденцію быстрыми завоеваніями занять господствующее положеніе въ міровомъ хозяйствѣ [1]).

Въ отношеніи отдѣльныхъ товаровъ и потребляющихъ странъ развитіе германской торговли являетъ ошеломляющіе скачки сильной конкуренціи и отвоевываетъ шагъ за шагомъ первенство у англійской торговли. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Россіи, на которую Англія и Германія прежде всего смотрѣли какъ на огромный рынокъ для ввоза и вывоза товаровъ. До 70-хъ годовъ Англія безусловно господствовала на внутреннихъ русскихъ рынкахъ. Напримѣръ, въ 1865 г. 47% всего русскаго экспорта приходилось на Англію, доля же Германіи была втрое меньше—всего 16%. Съ начала 70-хъ годовъ уже Германія занимаетъ первое мѣсто въ русскомъ экспортѣ. По даннымъ 1912 г. участіе Германіи во всемъ русскомъ экспортѣ равно приблизительно 30%,—относительно наибольшая часть,—а участіе Англіи —21,52%. Однако эта разница болѣе замѣтна въ импортѣ. Уже давно первое мѣсто въ русскомъ импортѣ принадлежитъ Германіи. За послѣдніе годы Германія занимала почти монопольное положеніе въ этомъ вопросѣ. Такъ, въ 1912 году во всемъ русскомъ импортѣ участіе Германіи составляло 45,43%, а въ 1913 году—52,66%. Участіе же Англіи въ русскомъ импортѣ, наоборотъ, было очень скромно: въ 1912 году—12,15%, а въ 1913 г.—13,95% [2]).

Германія ввозила абсолютно большую часть всѣхъ импортируемыхъ въ обширную страну товаровъ. Еще 15 лѣтъ тому назадъ (1898 г.) участіе Германіи въ русскомъ импортѣ составлялало 25,24%, а въ 9131 г.—болѣе чѣмъ вдвое больше. Это безпримѣрный фактъ въ исторіи торговыхъ сношеній великихъ державъ. *Это почти отношеніе между колоніей и метрополіей* [3]).

---

[1]) „Экономическое развитіе Германіи—справедливо замѣчаетъ проф. Туганъ-Барановскій—шло за послѣднія тридцать лѣтъ гораздо быстрѣе, чѣмъ какой-либо другой европейской страны, и можетъ выдержать сравненіе даже съ развитіемъ величайшей державы капиталистическаго міра—Соед. Шт. Сѣв. Америки" (см. упом. ст. стр. 274).

[2]) Проценты вычислены по даннымъ Статистическаго ежегодника на 1914 г. стр. 584.

[3]) Относительно этого вопроса см. подробн. мой нѣмецкій трудъ: „Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft", Берлинъ, 1913 г., особенно XXI гл., стр. 275.

Среди германскихъ товаровъ, наводняющихъ внутренній русскій рынокъ, особенно крупное мѣсто занимали машины, ихъ части и апараты, ввозъ которыхъ въ Россію возросъ за 1898—1912 г. на 154,26%, а ввозъ только сельско-хозяйственныхъ машинъ—приблизительно на 200%, ввозъ каменнаго угля—на цѣлыхъ 264%.

Англійскій экспортъ—индустріализмъ, давно завладѣвъ міровыми рынками, не имѣлъ подобнаго темпа завоеваній,—онъ росъ или очень медленно или же постепенно уступалъ быстро развивающейся германской торговлѣ. Однимъ изъ яркихъ фактовъ этого непримиримаго соперничества англо-германской міровой торговли служитъ экспортъ машинъ.

Такъ, вывезено машинъ (въ милліонахъ марокъ).

	1886 г.	1913 г.	Процентъ приращенія.
Германія . . .	53	605	1.431,6%
Англія	224	632	181,8%[1]

Въ 1886 г. экспортъ англійскихъ машинъ своей стоимостью превосходилъ германскій на 171 милл. марокъ, болѣе чѣмъ въ четыре раза. По прошествіи 25 лѣтъ разница эта падаетъ до ничтожной суммы—27 милл. марокъ. Это значитъ, что англійское превосходство не только не возросло, но упало приблизительно на 533%. А между относительнымъ ростомъ англійскаго и германскаго экспорта—громадная разница: германскій ростъ въ 8 разъ превосходитъ англійскій. Достаточно было еще нѣсколько лѣтъ, чтобы экспортъ германскихъ машинъ превзошелъ англійскій также обсолютно.

Теперь является важный вопросъ: въ какомъ направленіи развивалась географически германская внѣшняя торговля?

Импортъ Германіи (въ милліонахъ марокъ).

---

[1]) См. ст. В. А. Мукосѣева: „Экономическія причины войны", въ сборн. „Вопросы міровой войны", Петроградъ, 1915 г. стр. 239.

	1893 г.	1913 г.	Процентъ приращенія. %
Всего	4.134	10.770	160,6
Изъ Европы.	2.847	5.889	106,9
» Африки.	72	497	564,0
» Азіи	235	1.049	340,5
» Америки	881	2.994	239,2
» Австраліи. . . .	97	327	237,1

Экспортъ Германіи за тѣ же годы (въ милліон. марокъ).

			%
Всего	3.245	10.096	254,3
Въ Европ. страны. .	2.508	7.677	206,0
« Африку	35	211	502,8
« Азію	1 7	548	353,0
« Америку	565	1.546	173,6
« Австралію. . . .	18	104	477,7[1])

Эти чила даютъ поводъ къ многозначительнымъ выводамъ. Наибольшая часть германской торговли, взятой въ ея цѣломъ, производится на европейскомъ континентѣ и проценты ввоза и вывоза за два десятилѣтія очень высоки (106,9% и 206,0%).

Однако тенденціи развитія торговли, веденной Германіей внѣ Европы за этотъ короткій срокъ, болѣе чѣмъ заслуживаютъ нашего вниманія. Германскій ввозъ изъ остальныхъ четыре части свѣта возросъ въ огромныхъ размѣрахъ, особенно изъ Африки и Азіи. Тенденціи быстраго размноженія населенія и чрезвычайнаго развитія промышленности необходимо вызвали потребность въ широкомъ ввозѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ и способствовали росту крупной акеанской торговли. Настольно же быстро рось германскій экспортъ на міровыхъ рынкахъ; онъ

---

1) Мукосѣевъ, тамъ же, стр. 240.

развивался на европейскомъ континентѣ быстрѣе чѣмъ ввозъ [1]). И это вполнѣ понятно. Капиталистическая Германія не нуждалась въ ввозѣ индустріальныхъ продуктовъ изъ сосѣднихъ странъ. Съ другой стороны культурная и густо населенная Европа давно перестала быть «дѣвственной страной» для того, чтобы могла доставлять въ неисчерпаемомъ количествѣ продукты и сырые матеріалы. Но въ этой же Европѣ есть страны, довольно-таки отсталыя съ точки зрѣнія капиталистическаго развитія: Россія, Австро-Венгрія, Италія, Балканы, Турція и т. д., гдѣ Германія нашла хорошіе рынки и наводнила ихъ продуктами своихъ фабрикъ.

Внѣ Европы, въ остальныхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Америки, процессъ завоеваній германскаго экспортъ-индустріализма шелъ болѣе быстрымъ темпомъ. Нетрудно объяснить сравнительно скромный приростъ (173,6%) вывоза въ Америку. Очень естественно, что Германія должна была болѣе ввозить изъ Америки, чѣмъ вывозить туда. Прежде всего Соединенные Штаты не нуждаются въ германскихъ фабрикатахъ, потому что ихъ собственная индустрія также развита, какъ германская. Германія же нуждается въ ввозѣ изъ Соедин. Штатовъ многихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Затѣмъ, что касается остальныхъ странъ американскаго континента, то тамъ Соединенные Штаты и особенно Англія, давно господствуютъ безраздѣльно.

Чрезвычайно быстрое развитіе германской внѣшней торговли необходимо обусловливаетъ столь же быстрое усовершенствованіе путей сообщенія на сушѣ и на морѣ. И действительно, прогрессъ Германіи за 25 лѣтъ и въ этомъ отношеніи даетъ намъ ошеломляющія числа. Оставимъ въ сторонѣ такъ называемыя средства сообщенія извѣстія, какъ-то: почты, телеграфъ, телефонъ, въ развитіи которыхъ Германія заняла первоклассное мѣсто, и бѣгло представимъ здѣсь картину развитія средствъ передвиженія.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, по даннымъ 1911 г. въ 83% всего германскаго экспорта участвовало 14 странъ, изъ которыхъ 11 находятся въ Европѣ, и только 3—внѣ Европы. 88% германскаго ввоза идетъ изъ 19 странъ, изъ которыхъ только 12—европейскія, а 7—внѣевропейскія. Ясно, значитъ, что ввозъ индустріальной Германіи болѣе связанъ съ океанской торговлей (или со странами не европейскими), чѣмъ ея вывозъ. (Данныя см. у Штейнмани-Бухера, ibid, стр. 9).

Развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Германіи имѣетъ слѣдующую картину.

	1885 г.	1911 г.	Приращеніе въ $^0/_0$-тахъ.
Длина пути въ klm.	25,382	59,763	118,3%
Затрачен. капитал. (въ мил. мар.)	9,722	17,833	83,4 »
Должностныхъ лицъ и рабочихъ	333,439	713,187	113,9 »
Локомотивы	12,450	28,088	125,6 »
Пассажирск. вагон.	22,735	59,857	163,3 »
Почтов. и товарн. вагоновъ	250,640	596,763	138,1 »
Доходъ съ дороги (въ мил. мар.)	997	3,271	218,0 »
Количество килом., пройденныхъ товарнымъ поѣздомъ (въ мил. тон.)	16,600	61,870	272,7 »
Количество килом., пройден. пассаж. поѣзд. (въ мил.)	7,932	37,855	377,1 » [1]

Какъ видимъ, по всѣмъ пунктамъ развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Германіи было громадно. Особенно бросаются въ глаза проценты развитія количества перевезенныхъ людей и товаровъ (377,1% и 272,7%) и, какъ прямой результатъ этого обстоятельства, увеличеніе доходности желѣзныхъ дорогъ (218,0%).

Какое мѣсто занимаетъ Германія по развитію способовъ сообщенія, между другими, извѣстными намъ странами? Слѣдующія данныя даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

---

[1]) Helfferich, ibid, стр. 70.

	Длина желѣзнодорожн. линiи въ километр.			Длина линiи въ килом. на 100 qkm. прос.		Длина линiи въ килом. на 10 000 жителей.	
	1890 г.	1911 г.	Приростъ.	1890 г.	1911 г.	1890 г.	1911 г.
Германія	42869	61936	42,6%	7,9	11,4	8,7	6,5
Англія	32297	37649	16,4%	10,3	12,0	8,5	8,3
Франція	36895	50232	33,9%	7,0	9,3	9,6	12,8
Соедин. Шт.	268409	396860	44,6%	3,0	4,3	42,7	43,1 [1]

По длинѣ желѣзнодорожнаго пути Германія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ, а во всѣмъ мірѣ—второе послѣ Соединенныхъ Штатовъ. По густотѣ желѣзнодорожной сѣти она уступаетъ только Англіи и Бельгіи, а считая на количество населенія, Германія по своей желѣзнодорожной сѣти уступаетъ Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Скандинавскимъ государствамъ. По росту желѣзнодорожнаго строительства Германія очень незначительно уступаетъ только Соединеннымъ Штатамъ (всего на 2%), превосходя Францію на 8,7%), а Англію—26,2 .

Мы находимъ почти тѣ же отношенія, когда сравниваемъ финансовую сторону желѣзнодорожнаго дѣла въ вышеупомянутыхъ странахъ. Такъ, капиталъ, затраченный на желѣзнодорожное строительство и доходъ, полученный съ желѣзныхъ дорогъ, представляютъ такія числа (въ милліонахъ марокъ).

	Капиталъ строительства.			Общій доходъ съ желѣзн. дорогъ.		
	1895 г.	1910 г.	Приростъ въ %.	1895 г.	1910 г.	Приростъ въ %.
Германія	11407	18664	63,70%	1513,9	3092,3	104,26%
Англія	20022	26370	31,70%	1730,2	2485,5	43,65%
Франція	12471	15099	21,08%	1003,7	1813,7	80,70%
Соедин. Шт.	46595	77352	66.00%	5217,1	13211,5 [2]	153,23%

Въ обоихъ случаяхъ Германія процентно превосходитъ Англію и Францію. Съ одной стороны обратите вниманіе на то, какъ медленно выросъ капиталъ, затрачиваемый на французскія желѣзныя дороги (на, 21,08%), съ другой стороны, замѣтьте, какъ дорого обходится въ Англіи постройка желѣзной дороги: на большій капиталъ тамъ выстроенъ мень-

[1] Hellferih ibid, стр. 71.
[2] Ibid, стр. 71.

шій путь, чѣмъ въ Германіи. Въ Германіи постройка каждаго километра пути обходится 304,572 марки, а въ Англіи— болѣе чѣмъ вдвое, 700,417 марокъ; во Франціи обходится нѣсколько дешевле, чѣмъ въ Германіи — 300,585 марокъ, а въ Америкѣ—еще дешевле—200,000 марокъ.

Такое же превосходство Германіи надъ Англіей и Франціей замѣчаемъ и въ отношеніи доходности желѣзныхъ дорогъ; въ этомъ отношеніи Германія уступаетъ только Соединеннымъ Штатамъ. Въ сравненіи съ процентнымъ ростомъ доходности германскихъ дорогъ (104,26%) доходность французскихъ дорогъ уступаетъ на 23,56%, а доходность англійскихъ уступаетъ въ этомъ смыслѣ германскимъ на 60,61%. Такимъ образомъ, въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находится англійское желѣзнодорожное дѣло: оно обходится дороже чѣмъ въ другихъ упомянутыхъ странахъ и приноситъ доходъ меньшій чѣмъ въ другихъ странахъ.

Теперь посмотримъ, въ какомъ состояніи находится въ Германіи другой крупный, быть можетъ, важнѣйшій имперіалистическій факторъ—способы морского сообщенія или вѣрнѣе—торговое мореплаваніе. Нижеслѣдующія данныя относительно чрезвычайнаго развитія германскаго торговаго флота свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о гигантскомъ развитіи германской заокеанской торговли. Вотъ эти данныя насчетъ 30-ти лѣтняго періода:

ГОДЫ.	Общее водоизмѣщеніе пароходовъ (водоизмѣщеніемъ болѣе 1000 тоннъ).	Общее водоизмѣщеніе парусныхъ судовъ (водоизмѣщеніемъ болѣе 50 тоннъ).	Всего.
1876 . .	227,000 t	875,000 t	1,102,000 t
1886 . .	602,000 »	850,000 »	1,452,000 »
1896 . .	1,360,000 »	567,000 »	1,927,000 »
1906 . .	3,415,000 »	517,000 »	3,932.000 »
1908 . .	3,705,000 »	404,000 »	4,109,000 » [1]
Процентное уменьшеніе (—) или увеличеніе (+).	+1532,6	—116,5	+272,8

---

[1]) См. Б. В. Жерве: — „Германія и ея морская сила", Петроградъ, 1914 г. стр. 113.

Противъ огромнаго роста ($1532,6\%$) водоизмѣщенія торговыхъ пароходовъ, естественно, должно было уменьшится водоизмѣщеніе парусниковъ, какъ судовъ стараго типа (на $116,5\%$). А въ общемъ водоизмѣщеніе торговаго флота за 30 лѣтъ увеличилось на $272,8\%$.

Болѣе полную картину даетъ слѣдующая таблица о послѣднемъ двадцатипятилѣтнемъ періодѣ:

	1-го января 1888 года.			1-го января 1913 года.		
	Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе (netto) въ тонн.	Флотскій персоналъ.	Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе (netto) въ тонн.	Флотскій персоналъ.
Парусники	3,034	758,[illegible]59	21.053	2,420	39[illegible],904	12,980
Seeleichter (лихтера).	60	11,459	167	332	101,324	1,053
Пароходы	797	470,364	15,856	2,098	2,655,496	63,713 [1]

Процентное увеличеніе (+) или уменьшеніе (—) за періодъ 1888—1913 г.

	Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе.	Флотскій личный составъ
Парусники	— 25,4%	— 91,1%	— 60,2 %
Seeleichter	+453,3 »	+784,2 »	+530,0 »
Пароходы	+192,6 »	+464,5 »	+302,0 »

Опять большая разница въ увеличеніи (и уменьшеніи парусниковъ и пароходовъ. Въ болѣе крупныхъ размѣрахъ увеличились Seeleichter, хотя они въ общемъ занимаютъ весьма скромное мѣсто въ торговомъ флотѣ. Водоизмѣщеніе пароходовъ, а также личный составъ на нихъ возросли въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ число пароходовъ. Это показываетъ, что суда новаго типа становятся размѣромъ все больше и больше.

Какое мѣсто занимаетъ Германія своимъ торговымъ флотомъ въ ряду другихъ державъ?

[1]) Helfferich ibid, стр. 75.

Составъ торговаго флота.

		Парусники.		Пароходы.		Вмѣстѣ.	
		Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе [illegible] 1000 t	Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе въ 1000 t	Количество судовъ.	Водоизмѣщеніе въ 1000 t.
Германія . .	1885 г.	3438	854,9	664	420,6	4102	1275,5
	1911 г.	2723	510,0	2009	2513,7	4732	3023,7
Англія . . .	1885 г.	17018	3457,0	6644	3973,0	23662	7430,0
	1911 г.	8714	971.7	12205	10711,4	20919	11683,2
Соединен. Штаты. . .	1885 г.	18564	2771,0	5399	1494,0	23963	4265,0
	1912 г.	10969	2147,7	10309	2470,6	21278	4618,3
Норвегія . .	1890 г.	6760	1503,6	672	203,0	7432	1706,0
	1910 г.	1205	630,3	1842	895,9	3047	1526,2
Франція . . .	1885 г.	15266	1000,0	937	492,0	16203	1492,0
	1911 г.	15949	624,5	1780	838,1	17729	1462,6 [1])

Съ перваго взгляда эта таблица можетъ ввести въ заблужденіе не опытнаго читателя. Первый столбецъ таблицы можетъ произвести ложное впечатлѣніе, будто въ морской торговлѣ первое мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты и Франція, потому что по числу парусниковъ они превосходятъ не только Германію, но даже Англію. Однако въ дѣйствительности этотъ фактъ только свидѣтельствуетъ объ отсталости ихъ торговыхъ флотовъ не только въ сравненіи съ Англіей, но и съ Германіей. Большое количество парусниковъ есть одинъ изъ показателей слабаго развитія пароходнаго дѣла. Количественная величина не только парусниковъ, но даже пароходовъ еще не есть доказательство высокой степени развитія морской торговли данной страны. Для подобной оцѣнки единственоымъ правильнымъ критеріемъ служатъ величина пароходовъ, ихъ размѣры, а значитъ ихъ водоизмѣщеніе. А разбирая съ этой точки зрѣнія вышеупомянутыя данныя, мы находимъ, что въ морской торговлѣ первенство принадлежитъ безусловно Англіи и ея грозному сопернику Германіи, [1]) — положеніе, вполнѣ соотствующее безпримѣр-

[1]) Helfferich ibid, стр. 77.

[1]) „Не взирая на незначительное развитіе нашихъ береговъ,—Бернгарди подчеркиваетъ съ гордостью,—мы создали въ теченіе немногихъ лѣтъ торговый флотъ, занимающій по величинѣ своей второе мѣсто въ мірѣ. и наша промышленность не боится конкурировать ни съ однимъ изъ промышленныхъ государствъ земного шара. По всему міру основываются германскіе торговые дома: германскіе купцы объѣзжаютъ всю землю. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ наше національное богатство быстро растетъ". (См. его „Deutshland und der nächste Krieg". стр. 3).

ному развитію міровой торговли этихъ странъ. Германія по средней величинѣ своихъ судовъ не только не уступаетъ Англіи, но и превосходитъ ее. Такъ, напримѣръ, въ 1885 г., каждый германскій парусникъ въ среднемъ имѣлъ 249,0 t водоизмѣщенія, а англійскій (въ томъ же году)-только 203,1 t. Спустя 25 лѣтъ взаимоотношеніе остается то же: германскій парусникъ имѣлъ 187,3 t, а англійскій—111,6 t. То же превосходство Германія сохраняетъ и въ отношеніи пароходовъ: каждый германскій пароходъ имѣлъ водоизмѣщеніе двадцать пять лѣтъ тому назадъ и послѣ 633,4 t и 1251,2 t (увеличившись почти вдвое), а англійскій—600,0 t и 877,6 t. Передъ этими фактами совершенно меркнутъ примѣры Соединенныхъ Штатовъ и особенно Франціи. Каждый американскій парусникъ въ 1885 г. въ среднемъ имѣлъ водоизмѣщеніе въ 149,3 t, а французскій—едва 40,0 t. Тѣ же отношенія мы имѣемъ относительно величины пароходовъ. Мы получимъ цѣльную картину, если сравнимъ общую величину парусниковъ и пароходовъ упомянутыхъ странъ.

Средній размѣръ торговыхъ судовъ (въ тоннахъ):

	1885 г.	1911 г.	Процентъ уменьш. (—) или увеличеніе (+).
Германія	310,9	639,0	+105,5%
Англія	314,0	558,4	+ 77,8 »
Соедин. Шт.	178,0	217,0	+ 21,9 »
Франція	92,0	83,0	10,8 »

Различія еще болѣе бросятся въ глаза, если мы продолжимъ нить нашихъ цифровыхъ операцій и представимъ ростъ размѣра судовъ обоихъ типовъ за 25-лѣтній періодъ (1885—1911), получимъ слѣдующія числа:

Въ Германіи.	Въ Англіи.	Въ Соедин. Штатахъ.	Во Франціи.
+144,9%	+57,2%	+8,3%	—1,3%

Какъ видите, въ обоихъ случаяхъ Германія по тенденціямъ развитія своего флота находится впереди всѣхъ странъ. Выводъ опять въ пользу Германіи.—Читатель, внимательно слѣдившій за нами, уже привыкъ къ подобнымъ выводамъ.

относительно развитія всѣхъ факторовъ обусловливающихъ агрессивный имперіализмъ.

8.

Мы въ этой главѣ уже дошли до того пункта, гдѣ чувствуется необходимая логическая потребность привести къ одному *всеобъемлющему знаменателю* все то, что сказано было въ главѣ о чрезвычайно быстромъ и разностороннемъ экономическомъ развитіи Германіи. Чувствуется потребность выразить въ *общей денежной величинѣ* плодотворныя послѣдствія той упорной энергіи, того строительнаго, творческаго труда, который произвелъ полный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ германскаго народнаго хозяйства.

Рѣчь идетъ о народномъ или національномъ богатствѣ въ Германіи. Конечно, здѣсь не мѣсто критиковать разные методы опредѣленія народнаго богатства и доходовъ. Мы можемъ только подвергнуть общей систематизаціи результаты произведенныхъ относительно Германіи извѣстныхъ опытовъ. Прибавимъ только, что опыты эти являются лишь, такъ называемыми Schätzungen (оцѣнками) и не имѣютъ какой либо претензіи на математическую точность данныхъ. Никакимъ методомъ и ни въ какой странѣ невозможно дать въ точныхъ статистическихъ величинахъ денежное выраженіе всѣхъ тѣхъ цѣнностей, которыя разсѣяны во всѣхъ уголкахъ народнаго хозяйства данной страны. Потому и данныя разныхъ спеціалистовъ объ одной и той же странѣ и касательно тѣхъ же годовъ, значительно разнятся другъ отъ друга. А это объясняется не только различіемъ примѣняемыхъ методовъ, но и субъективными предположеніями изслѣдователей. Особенно трудна аналогія въ отношеніи народнаго богатства разныхъ странъ, потому что и даты разнятся и, что не менѣе важно, налоговыя системы, которыя являются основнымъ моментомъ при опредѣленіи размѣра народнаго богатства.

Попытокъ опредѣленія величины народнаго богатства въ Германіи бывало много, и всѣ онѣ давали различные результаты, хотя бы рѣчь шла объ однихъ и тѣхъ же періодахъ.

Достойны упоминанія прежде всего слѣдующія попытки относительно Германіи, произведенныя нѣсколькими учеными.

Народное богатство Германіи оцѣнивалось:

Въ 1886 г.	по Беккеру	175	милліардовъ	марокъ.	
„ 1896 „	„ Мюлгалю	161	„	„	
„ 1899 „	„ Лексису	190	„	„	
„ 1900 „	„ Диксу	200	„	„	
„ 1902 „	„ Шмоллеру	200	„	„	
„ 1906 „	„ Вернике	225	„	„	[1])

Болѣе всѣхъ извѣстно заслуживающее довѣрія вычисленіе Шмоллера (см. его «Grundriss der Volkswirtschaftslehre», Teil II, стр. 427).

По мнѣнію Шмоллера, Германія при національномъ богатствѣ въ 200 милліардовъ марокъ въ 1902 году имѣла 25 милліардовъ народнаго дохода, состоящаго изъ 18,15 милліардовъ дохода съ труда, 3,71 милліардовъ съ капиталовъ и 3,14 милліардовъ—изъ другихъ источниковъ дохода.

Другой изслѣдователь оцѣнилъ германское народное богатство за 1908 г. въ 216 милліардовъ, въ томъ числѣ народное богатство Пруссіи 130 милліардовъ [2]). Въ томъ же году Эвертъ оцѣнилъ германское народное богатство до 200 милліардовъ марокъ [3]).

Но болѣе извѣстны произведшія шумъ—вычисленія Штейнманъ-Бухера за 1908 и 1909 г.г., отчасти за 1912 г. Въ своей оцѣнкѣ онъ исходитъ изъ данныхъ страховой статистики и опредѣляетъ размѣръ народнаго богатства въ Германіи въ 1908 г. въ 320 милліардовъ марокъ, а годовой народный доходъ—въ 35 милліардовъ марокъ [4]). Противъ него извѣстный германскій статистикъ профессоръ К. Баллодъ обнародовалъ свои вычисленія [5]), по даннымъ котораго германское народное богатство въ 1908 г. равнялось 251 милліардамъ марокъ. Баллодъ даетъ слѣдующія числа:

[1]) См. Denkschrittenband zur Begründung des Entwurfs", Берлинъ, 1908 г., часть III, стр. 111. Редакція этого офиціальнаго изданія считаетъ преувеличенными данныя Беккера за 1886 г.

[2]) См. „Grenzboten" (журналъ) за 1908 г. № 28.

[3]) „Konervative Monatschrift" 1908 г., Oktoberheft, стр. 32.

[4]) „Zur Reichsfinanzreform" Берлинъ, 1908 г.

[5]) Tägliche Rundschau" 1908 г., № 541.

Недвижимыя имущества	152	милліарда	марокъ.
Городскія земли	20	»	»
Провинціальныя земли	25	»	»
Частныя горнопромышлен.	5	»	»
Капиталъ, дѣйствующій заграницей и цѣнныя иностран. бумаги въ Германіи	25	»	»
Государственныя желѣзныя дороги .	19	»	»
Госуд. имущества, лѣса и рудники .	5	»	»
Итого .	251	милліардъ	марокъ.

Но Баллодъ прибавляетъ, что сюда не вошла стоимость судовъ, казенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ категорій зданій (музеевъ, школъ, судебныхъ и почтовыхъ учрежденій и т. д.). Стоимость всего этого, прибавляя къ упомянутой суммѣ, Баллодъ доводитъ сумму народнаго богатства до 266 милліардовъ приблизительно, а сумму дохода народнаго до 30 милліардовъ марокъ.

Въ слѣдующемъ году выступаетъ Штейнманъ-Бухеръ съ болѣе обширнымъ изслѣдованіемъ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ [1]), и пытается подробными статистическими вычисленіями доказать, что Германія имѣетъ 350 милліардовъ народнаго богатства, значитъ, на 30 милліардовъ больше, чѣмъ думалъ онъ самъ годъ назадъ.

Штейнманъ-Бухеръ оцѣниваетъ такъ:

1. Частныя богатства (движимое и недвижимое имущ.)	162—180	милліард.	м.
2. Стоимость земельныхъ богатствъ всѣхъ категорій:			
а) городское землевладѣніе (пространства застроенныя и пустыя)	40—50	»	»
в) провинціальное или сельское землевладѣніе	50	»	»
с) Стоимость частныхъ рудниковъ	5	»	»

[1]) A. Steinmann-Bucher „350 Milliarden deutscher Volksvermögen (neue Wege und Masstäbe für deutsche Politik und Finanzwirtschaft), Берлинъ, 1909 г.

3. Цѣна капитала, дѣйствующаго заграницею и иностранныхъ бумагъ, находящихся въ Германіи	30	»	»
4. Государственныя доходныя предпріятія:			
а) желѣзныя дороги	19	»	»
в) рудники, гавани, каналы . . .	5	»	»
с) общественно-государствен. зданія	10	»	»
5. Суда (по стоимости ихъ водоизмѣщенія)	4	»	»
6. Металлическія деньги	5	»	»
Итого	330—360[1])	милліард. м.	

Вотъ размѣръ всего народнаго богатства Германіи по оцѣнкѣ Штейнманъ-Бухера, въ которой, по его словамъ, нѣкоторыя цѣнности получили болѣе низкую оцѣнку, чѣмъ бы слѣдовало.

Болѣе критически относится къ занимающему насъ вопросу профессоръ, нынѣ министръ Гельферихъ, и его оцѣнка (по двумъ различнымъ методамъ) намъ кажется болѣе вѣроятной [2]). Онъ считаетъ оцѣнку Штейнманъ-Бухера несоотвѣтствующей дѣйствительности и самъ опредѣляетъ размѣръ народнаго богатства (1912 г.) въ 300 милліардовъ (отъ 290—320), а сумма народнаго дохода у него доходитъ до 40 милліардовъ марокъ. Но онъ остороженъ и дѣлаетъ свои выводы съ оговоркой. Тогда какъ Штейнманъ-Бухеръ за 1908—1909 г.г. опредѣляетъ народное богатство въ 350 милліардовъ марокъ, Гельферихъ въ 1912 г. принимаетъ только 300 милліардовъ марокъ. Штейнманъ-Бухеръ не только смѣло оцѣниваетъ настоящее, но и пророчествуетъ о неопредѣленномъ будущемъ, утверждая, что народное богатство Германіи черезъ 20 лѣтъ достигнетъ 600 милліардовъ марокъ; Гельферихъ, напротивъ, очень остороженъ, свои вычисленія онъ

[1]) Упомянутый трудъ Штейнманъ-Бухера, стр. 50.
[2]) См. извѣстный намъ трудъ Гельфериха, главу—„Volkseinkommen und Volksvermögen“, стр. 92.

заключаетъ слѣдующими словами: «Необходимо замѣтить, что численное выраженіе развитія народнаго богатства и дохода,—если бы даже основы вычисленія его болѣе заслуживали довѣрія, чѣмъ они, къ сожалѣнію, заслуживаютъ.—все же не можетъ имѣть какой-либо претензіи на математическую точность» [1]).

Однако, это не значитъ еще, что эти цифровыя данныя не даютъ никакого приблизительнаго представленія о размѣрахъ народнаго богатства. Эти данныя даютъ намъ приблизительное понятіе о дѣйствительности. И такія вѣроятныя оцѣнки имѣются не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ. Изъ послѣднихъ прежде всего представляютъ интересъ три богатыя страны, прежнія и настоящія соперницы Германіи: Франція, Англія и Соединенные Штаты.

Вотъ оцѣнка народнаго богатства въ этихъ странахъ:

Во Франціи:

По de Joville (1902 г.)	161	миллiардъ	марокъ.
» Cuyot	190,4	»	»
» Leroy Beaulieu	166-170	»	»
» d' Avenell	190	»	»
» Mulhall (1895)	198	»	»
» Edmond Thèry (1908)	232,5	»	» [2])

Въ Англіи:

По Ciffen (1885)	204,7	милліардовъ	марокъ.
» Mulhall (1895)	236,1	»	»
» L. G. Chiozza Money	228	»	» [3])
» Fabian Society (1905—1906)	253	»	»

---

[1]) Helffrich, ibid, стр. 122.
[2]) Steinmann-Bucher, ibid, стр. 56.
[3]) Steinmann-Bucher, ibid, стр. 67.

В҃ Соединенных҃ Штатах҃:

(оцѣнка Census office).

Въ 1880 г.	43	милліарда долларовъ	или	172	милл.	марокъ.
» 1890 г.	65	»	»	260	»	»
» 1896 г.	79	»	»	316	»	»
» 1900 г.	88	»	»	352	»	»
» 1904 г.	107	»	»	428	»	» [1])

Резюмируя данныя относительно четырехъ странъ, получаемъ по Штейнманъ-Бухеру слѣдующее:

Все богатство (въ милліардахъ марокъ).

	На каждаго жителя приходится (въ маркахъ).
Германія (1908) 330—360	5000 – 6000
Франція (1906) 225 (максим. 250)	5000—6000
Великобританія (1905) 253 (вѣроятно больше)	6000—7000
Соединенные Штаты (1904) 428	5272 [2])

Но нашъ экономистъ этимъ не довольствуется. Онъ совершаетъ удивительный прыжокъ и произвольно рисуетъ намъ соотношенія въ неопредѣленномъ будущемъ, примѣрно въ 1930 году, когда богатство упомянутыхъ странъ выразится въ слѣдующихъ числахъ:

Все богатство (въ милліард. м.).

		На каждаго жителя приходится (въ маркахъ).
Германія	600	7500
Франція	300	7500
Великобританія	424	8000
Соедин. Штаты	700	6500[3]

Данныя Штейнманъ-Бухера являются преувеличенными какъ относительно настоящаго, такъ и относительно будущаго, и каждое его объясненіе имѣетъ тенденціозный характеръ. По даннымъ Гельфериха, которыя намъ кажутся болѣе вѣроятными и близкими къ дѣйствительности, богатство упо-

[1]) Steinmann-Bucher ibid, стр. 82.
[2]) Ibid, стр. 90.
[3]) Ibid, стр. 92.

мянутыхъ странъ въ концѣ перваго десятилѣтія нашего вѣка представляетъ такую картину:

Все богатство (въ милліард. мар.).

		На каждаго жителя приходится (въ маркахъ).
Германія	290—320	4500—4900
Франція	232,5	5924
Великобританія	230—260	5100—5800
Соедин. Штаты	500	5500[1])

Согласно этимъ даннымъ Германія по своему народному богатству занимаетъ второе мѣсто, уступая лишь Соединеннымъ Штатамъ. А считая долю каждаго жителя, мы видимъ, что Германія въ этомъ отношеніи занимаетъ четвертое мѣсто. И это вполнѣ правдоподобно. По среднему уровню благосостоянія французъ, англичанинъ и американецъ еще стоятъ выше нѣмца. Съ данными и точкой зрѣнія Гельфериха согласенъ также П. Рорбахъ [2]).

Однако, по нашему мнѣнію, важно не это. Въ данномъ вопросѣ важна тенденція развитія, а не данное положеніе относительно какого-либо періода. Съ этой точки зрѣнія, какъ во всѣхъ затронутыхъ до сихъ поръ областяхъ, такъ и въ вопросѣ роста народнаго богатства, прогрессъ Германіи безпримѣренъ, темпъ развитія прямо-таки чудовищный.

У насъ имѣются данныя за одни и тѣ же годы относительно народнаго богатства различныхъ странъ, такъ что есть возможность окинуть бѣглымъ взоромъ развитіе народнаго богатства за 10—15 лѣтъ. Такъ, американскій Census office сообщаетъ слѣдующія данныя за 1896 годъ.

Все богатство (въ милліардахъ марокъ).

		На каждаго жителя приходится (въ маркахъ).
Соединен. Штаты	318,3	4500
Великобританія	229,8	5820
Франція	188,6	4912
Германія	156,7	3004[3])

[1]) Helfferich, ibid, стр. 114.
[2]) П. Рорбахъ, ibid, стр. 15.
[3]) Steinmann-Bucher, ibid, стр. 93.

Какъ видимъ, Германія въ срединѣ 90-хъ годовъ въ обоихъ отношеніяхъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Англія еще была безконкурентна въ Европѣ: она во всѣхъ важныхъ отрасляхъ промышленности превосходила другія государства, она господствовала абсолютно на міровыхъ рынкахъ, и крупныя колоніальныя богатства накапливались въ центрахъ метрополіи. Энергичный соперникъ изъ континентальной Европы тогда не былъ еще угрожающе опасенъ. Естественно, что классическая родина капитализма превосходила другія страны своимъ національнымъ богатствомъ и уровнемъ народнаго благосостоянія. Однако, возникаетъ важный вопросъ: какой темпъ развитія народнаго богатства и благосостоянія имѣли упомянутыя страны за 10—15 лѣтъ, если имѣть въ виду, съ одной стороны—данныя съ средины 90-хъ годовъ по Census office, а съ другой стороны — данныя Гельфериха съ конца перваго десятилѣтія нашего вѣка? Получаемъ слѣдующія числа:

	Ростъ всего богатства въ %-хъ:	Доля, приходящ. на кажд. жит. (ростъ + или убыль —) въ %-хъ.
Въ Германіи . . .	104,2 . . .	+63
» Соедин. Шт. .	57,0 . . .	+22,2
» Франціи	23,3 . . .	+20,6
» Великобрит. . .	13,1 . . .	— 0,4

Кто слѣдилъ внимательно за нашими вычисленіями, тотъ сочтетъ подобныя данныя относительно быстроты роста лишнимъ доказательствомъ того завоевательнаго и всеобъемлющаго процесса, который продѣлало развитіе германскаго народнаго хозяйства со всѣми своими отраслями. Мы привыкли видѣть, до какой степени быстро развиваются главныя отрасли германской промышленности, превосходя темпомъ своего развитія промышленность другихъ странъ, особенно англійскую. Вышеприведенная таблица, являющаяся общимъ

знаменателемъ всѣхъ превращеній экономической жизни, свидѣтельствуютъ о томъ же. Національное богатство Германіи увеличилось въ 8—9 разъ быстрѣе англійскаго, въ 5—6 разъ быстрѣе французскаго и почти вдвое быстрѣе американскаго. То же замѣчаемъ въ вопросѣ о благосостояніи населенія: противъ германскаго роста на 63,1%. средній уровень англійскаго гражданина понизился на 0,4%. Еслибъ мы вмѣсто данныхъ Гельфериха взяли данныя Штейнманъ-Бухера, то разница въ этомъ отношеніи была бы еще болѣе поразительна. Если вмѣсто данныхъ Census office взять данныя Шмоллера относительно германскаго національнаго богатства, то и тогда Германія превосходитъ всѣ другія страны темпомъ развитія народнаго богатства.

Относительно богатства упомянутыхъ странъ (за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ) есть новѣйшій, довольно таки авторитетный источникъ, который мы не желали бы обойти молчаніемъ. Это лондонскій «Economist», который въ 1915 году издалъ подробныя числовыя данныя относительно національнаго богатства воюющихъ странъ, ихъ доходовъ и сбереженій.

О странахъ, насъ особенно здѣсь интересующихъ, мы находимъ слѣдующія данныя (приводимъ въ маркахъ):

	Національн. богатство.	Годовой націон. доходъ	Годовое націон. сбереженіе.
	(въ милліардахъ марокъ):		
Въ Великобританіи	360	45	7,4
» Германіи	320	42	7,0
» Франціи	260	30	5,0[1]

Здѣсь Германія во всѣхъ трехъ пунктахъ уступаетъ первенство Англіи. Приписать ли «Economist»-у тенденціи преувеличенія въ оцѣнкѣ англійскаго національнаго богатства, какъ то видно въ работѣ Штейнманъ-Бухера относительно Германіи,—мы не знаемъ. Нельзя, конечно, отрицать, что англійское національное богатство въ 1914/1915 г.г. должно было быть больше, чѣмъ въ 1905/06 г., когда Fabian So-

[1]) См. „Вѣстникъ Финансовъ" 1916 г. № 1, стр. 13.

сіеіу оцѣнило англійское національное богатство въ 253 милліарда марокъ, число, которое послужило основаніемъ Гельфериху для его выкладокъ относительно Англіи. Однако, въ 9 лѣтъ разница не могла быть такъ велика, (не менѣе 107 милліардовъ марокъ). Съ другой стороны данныя «Economist»-а о Германіи соотвѣтствуютъ съ точностью даннымъ Гельфериха, повидимому послужившимъ основой для англійскаго журнала,—но данное германскаго экономиста относится къ Германіи четыре года назадъ. Столь же невѣроятна разница въ отношеніи французскаго національнаго богатства. Гельферихъ принялъ за основаніе своихъ операцій данныя Edmound Thery относительно 1908 года, когда, по его вычисленіямъ, французское народное богатство равнялось 235,5 милліардамъ марокъ. Но развѣ можетъ быть такъ велика разница въ 6—7 лѣтъ. (1908—1914/15 г.) на 27,5 милліардовъ марокъ (принимая 260 милліардовъ м., по «Экономисту»). Затѣмъ, число «Эконом.» о народномъ сбереженіи Германіи не сходится съ числомъ Гельфериха: по Гельфериху сбереженіе германскаго народа— 8—8½ милліардовъ марокъ, а по «Экономисту»—только 7 милліардовъ. Эти замѣчанія вызываютъ сомнѣнія относительно правильности данныхъ «Экономиста». Однако, даже мы если возьмемъ эти данныя въ основу нашихъ разсужденій и опредѣлимъ по нимъ ростъ національнаго богатства съ средины 90-хъ годовъ (по вычисленію Census office). то мы найдемъ, что и въ этомъ случаѣ по быстротѣ роста Германія превосходитъ всѣхъ своихъ соперниковъ, какъ показываютъ слѣдующіе проценты:

	Увеличеніе богатства въ %-хъ.	Увеличеніе доли кажд. жит. въ %-хъ
Германія	104,2	56,4
Великобританія	56,6	34,0
Франція	38,0	32,3

Совершенно очевидно, что даже по даннымъ «Экономи-

ста» германское національное богатство растетъ быстрѣе, чѣмъ богатство какой-либо страны.

Если мы прослѣдимъ ходъ развитія отдѣльныхъ частей германскаго народнаго богатства, то повсюду найдемъ превосходство Германіи надъ другими странами. Ростъ богатства страны непосредственно и ярко выражается количествомъ эмиссій новыхъ цѣнныхъ бумагъ, статистикой банковскихъ депозитовъ, развитіемъ сберегательныхъ кассъ и т. д. Прежде всего любопытно знать, въ какомъ состояніи были эмиссіи новыхъ биржевыхъ цѣнностей. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Внутреннія цѣнности вообще. (въ милліонахъ марокъ):	Иностранн. цѣнности вообще.	Сумма всѣхъ цѣнностей.	Среднее количество въ годъ.
1886—1890	4360	2322	6682	1336
1891—1895	4833	1462	6295	1259
1896—1900	8216	2420	10636	2127
1901—1905	8339	2147	10486	2097
1906—1910	12615	1497	14112	2822
1911	2249	460	2709	2709
1912	2751	270	3021	3021 [1])

Германскія внутреннія цѣнности въ нѣсколько разъ превосходятъ цѣнности иностранныя: первыя неуклонно растутъ въ крупныхъ размѣрахъ, вторыя же, наоборотъ, колеблются и даже постепенно идутъ на убыль. Наибольшая разница приходится на 1906—1910 г.г., когда противъ внутреннихъ цѣнностей въ 12615 милліоновъ марокъ было выпущено на рынокъ только па 1497 милл. мар. иностранныхъ цѣнностей. Новыхъ цѣнностей за 27-ми лѣтній періодъ (1886—1912 г.) появилось приблизительно на 53—54 милліарда марокъ, что даетъ въ среднемъ 2 милліарда въ годъ. Цѣнности эти увеличивались за 27 лѣтъ на 126,1% ежегодно.

Каково съ этой точки зрѣнія мѣсто, занятое Германіей на міровой аренѣ? Міровая эмиссія въ послѣднее десятилѣ-

---

[1]) Helfferich, ibid, стр. 117.

тіе (1903—1912 г.) представила такую картину (въ милліонахъ марокъ):

	Государственные, городскіе и иные займы.	Банковскія цѣнности.	Промышленныя и желѣзнодорожныя цѣнности.	Всѣхъ цѣнностей вмѣстѣ.	Процентъ этихъ цѣнностей къ общей сумм. эмиссіи.
Соединенные Штаты	2168	150	27284	29602	22,4
Германія	9740	5590	6764	21834	16,6
Англія	6484	1712	11374	19570	14,8
Россія	7038	794	2060	9892	7.6
Франція	1760	2334	5710	9804	7,5
Австро-Венгрія	2142	664	276	3082	2,3
Италія	502	256	132	890	0,6
Остальныя государства	18610	4534	13779	36916	28,2
Всего	48,184	16,034	67,372	131,590	100 [1]

По своему участію въ міровой эмиссіи Германія занимаетъ въ упомянутое десятилѣтіе второе мѣсто (послѣ Соединенныхъ Штатовъ). Участіе Америки равно 22,4% общей суммы, участіе Германіи—16,6%, болѣе чѣмъ вдвое больше русскаго и французскаго, и больше англійскаго приблизительно на 2%.

А въ общей суммѣ займовъ Германія занимаетъ первое мѣсто,—ея участіе здѣсь выразилось въ 9740 милліоновъ марокъ, или 20,27%.

За послѣднія десятилѣтія резервъ германскихъ кредитныхъ банковъ обогатился колоссальными накопленіями. Онъ увеличился, напримѣръ, въ періодъ 1895—1912 г.г. на болѣе чѣмъ 7½ милліардовъ марокъ (съ 1770 милліоновъ достигнувъ 9360 милліоновъ), или въ теченіе семнадцати лѣтъ на 428,8%. Въ среднемъ годовой приростъ равнялся 460 милліонамъ марокъ [2]). Болѣе поразительно развитіе германскихъ сберегательныхъ кассъ; ничего подобнаго не наблюдалось ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Съ этой точки

[1]) См. „Статистическій ежегодникъ на 1914 г." стр. 830.
[2]) Helfferitch, ibid, стр. 118.

зрѣнія Германія и Франція представляютъ противоположные полюсы. Въ этихъ странахъ ходъ развитія суммъ сберегательныхъ кассъ ясенъ изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Германіи:		Во Франціи:	
1900 г.	8838 милл. мар.	1891 г.	2847 милл. м.
1901 г.	9552 » »	1895 г.	3118 » »
1902 г.	10313 » »	1900 г.	3419 » »
1903 г.	11090 » »	1906 г.	3817 » »[1]
1904 г.	11896 » »		
1905 г.	12675 » »		

Разница очень велика: во Франціи за 16 лѣтъ (1891—1906 г.) сумма сберегательныхъ кассъ увеличилась только на 970 милліоновъ марокъ или на 34,0%, а въ Германіи за шестилѣтній періодъ (1900—1905) сумма эта возросла на 3837 милліоновъ марокъ (или на 43,4%),—значитъ, вчетверо больше французской.

Болѣе ярки слѣдующія данныя относительно новаго періода. Какую картину представляли сберегательныя кассы въ концѣ перваго десятилѣтія нашего вѣка въ различныхъ странахъ. Это мы видимъ по слѣдующимъ числамъ:

		Количество книжекъ въ концѣ года.		Сумма вкладовъ.	
		Общее число.	На 100 жит.	Въ 1000-ахъ марокъ.	На кажд. жит. въ марк.
Германія	1908 г.	19,845,329	31,28	13,471,670	212,4
	1910 г.	21,534,034	33,14	15,538,808	239,2
Пруссія	1908 г.	11,842,692	30,22	8,663,098	226,2
	1910 г.	12,90[illegible],304	32,08	10,284,888	254,8
Англія	1908 г.	12,806,284	28,75	4,011,764	90,0
	1910 г.	13,659,636	30,42	4,177,760	93,0
Франція	1908 г.	13,259,337	33,78	3,869,642	98,6
	1910 г.	14.088,698	35.22	4,236,208	105,0
Соедин. Шт.	1908 г.	8,705,848	9,98	14,236.630	163,2
	1910 г.	9.597,185	10.23	16,383,580	174,6
Австрія	1908 г.	6 103,087	21,59	4,423,928	156,6
	1910 г.	6 467.811	23.90	4,87[illegible],374	171,8
Италія	1908 г.	7,123,377	20,79	2,720,338	79,4
	1910 г.	7,704,917	22,05	3,089,646	88,4[2]

[1]) Steinmann-Bucher, ibid, стр. 61.
[2]) См. „Статистическій ежегодникъ на 1914 г.", стр. 831.

Опять тотъ же выводъ: Германія стоитъ во главѣ всѣхъ странъ. Какъ по общему количеству книжекъ, выпущенныхъ сберегательными кассами, такъ и относительно (считая на каждые 100 жителей) Германія превосходитъ всѣ страны, въ послѣднемъ отношеніи нѣсколько уступая одной лишь Франціи. По общей суммѣ, вложенной въ сберегательныя кассы, Германія, и даже Пруссія, взятая отдѣльно,—безусловно превосходятъ всѣ европейскія страны. Удивительно медленно шло развитіе дѣла народныхъ сбереженій въ Англіи и во Франціи. Противъ 13,4 милліардовъ марокъ германскаго сбереженія (1908) мы имѣемъ 4 милліарда м. англійскаго сбереженія и 3,8 милліардовъ французскаго. Ужъ не говоримъ объ остальныхъ европейскихъ странахъ. Два года спустя разница еще болѣе увеличивается: германское сбереженіе равно 15,5 милліардамъ марокъ (приростъ на 2,1 милліардъ), англійское—4,1 милліардъ (приростъ на 0,1 милліардъ), а французское—4,2 милліарда (приростъ на 0,4 милліарда). Германское сбереженіе, абсолютно беря, незначительно уступаетъ лишь сбереженію населеня Соединенныхъ Штатовъ (приблизительно на 0,8 милліардовъ), относительно же количества населенія Германія и особенно Пруссія, въ данномъ отношеніи безусловно превосходять всѣ безъ исключенія упомянутыя страны, какъ показываетъ послѣдній столбецъ приведенной таблицы. А это значитъ, что германскій гражданинъ въ среднемъ болѣе обезпеченъ годовымъ сбереженіемъ, чѣмъ гражданинъ какой-либо иной страны. Годовое сбереженіе всего населенія, согласно даннымъ вышеприведенной таблицы, равно: въ Соединенныхъ Штатахъ—715 милліонамъ марокъ; въ Германіи—690 милліонамъ, во Франціи—122 милл. м., и въ Англіи—55 милл. мар. Уступая Соединеннымъ Штатамъ на 25 милліоновъ марокъ, Германія суммой годового сбереженія превосходитъ Францію на 568 милліоновъ, а Англію—на 635 милліоновъ.

Эту норму сбереженія Германія сохранила съ 90-хъ годовъ. По даннымъ Гельфериха [1]) общая сумма всѣхъ капиталовъ германскихъ сберегательныхъ кассъ равнялась въ 1895 г. въ 6,8 милліардамъ м., а къ 1911 году сумма эта

---

[1]) Helfferich, ibid, стр. 118.

увеличилась почти втрое, дойдя до 17,8 милліардовъ,—въ 16 лѣтъ она увеличилась на 11 милліардовъ или на 183,3%. Въ такихъ же громадныхъ размѣрахъ увеличилась сумма рабочаго страхованія, достигнувъ 500 милліоновъ марокъ въ годъ. Знаменательно, что сумма годовыхъ эмиссій—банковскихъ депозитовъ, капитала сберегательныхъ кассъ и приращенія суммъ рабочаго страхованія въ годъ равняется не менѣе чѣмъ 4½ милліардамъ марокъ.

Въ какой странѣ мы найдемъ столь огромный и быстрый ростъ накопленія капитала во всѣхъ его функціяхъ, на всѣхъ его постахъ?

9.

Мы постарались нарисовать въ краткихъ очеркахъ реальную картину состоянія матеріальныхъ факторовъ въ Германіи и, что важнѣе всего, процессъ ихъ развитія. Передъ фактомъ такого головокружительнаго прогресса и чрезвычайныхъ завоеваній германскій имперіалистъ неизбѣжно долженъ былъ спросить:

Was nun?

«Und nun?—такъ спрашиваетъ апостолъ германскаго имперіализма,—какіе пути въ будущемъ указываетъ намъ эта исторія? Какія задачи вырастаютъ изъ нашего прошлаго?» [1]).

Что же дальше остается дѣлать Германіи, когда она по своей промышлености и торговлѣ заняла одну изъ первыхъ позицій на аренѣ *мірового хозяйства?* Міровое хозяйство—тотъ базисъ, изъ котораго вытекаютъ *всемірно-политическія стремленія*, на которомъ создаются *крупныя програмы міровыхъ колоніальныхъ завоеваній.*—Въ основѣ германской имперіалистической догмы лежитъ эта матеріалистическая точка зрѣнія. «Политическіе интересы великаго народа,—пишетъ Рорбахъ,—опредѣляются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ характеромъ и объемомъ его хозяйствен-

---

[1]) Bernhardi „Deutschland und der nächste Krieg“, стр. 16

ной жизни» [1]). «Экономическое развитіе создаетъ политическіе интересы. Огромная производительность стремительно развивающагося народа вынуждаетъ молодую имперію принять участіе въ міровой политикѣ»,—пишетъ другой имперіалистъ [2]).

«Такъ Германія втиснута въ узкія неестественныя границы, и все же въ своемъ духовномъ развитіи, въ своей наукѣ, въ своей промышленности и торговлѣ она мощно стремится впередъ» [3]),—пишетъ третій имперіалистъ. «Колоніальная мощь,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и рѣшающее политическое вліяніе въ потребляющихъ государствахъ есть именно то, что для насъ важно. Отсюда вытекаютъ руководящія точки зрѣнія для нашей германской міровой политики» [4]).

Вотъ тотъ большой, трудный вопросъ, который всталъ передъ цвѣтущей новѣйшей родиной капитализма. Заключенная въ небольшую территорію центральной Европы, съ быстро растущимъ населеніемъ, съ чрезвычайнымъ развитіемъ производительныхъ силъ, гигантскимъ накопленіемъ труда и капиталовъ,—«молодая имперія» стала неудержимо стремиться въ моря, обнять широкіе горизонты. *Экономическій фактъ былъ налицо, оставалось разрѣшить политическую проблему.* Широкое участіе въ міровомъ хозяйствѣ было недостаточно, необходимо было также пріобрѣсти рѣшительное политическое вліяніе въ міровыхъ вопросахъ, въ заокеанскихъ странахъ. Недостаточно было имѣть рѣшительное положеніе въ такъ называемой *континентальной* (европейской) *политикѣ*, чего Германія достигла уже при Бисмаркѣ; необходимо было занять такое же положеніе въ вопросахъ *міровой политики* такъ, чтобы ничего «въ мірѣ не совершалось безъ участія Германіи и германскаго императора» (Вильгельмъ II). Короче: германское Weltwirtschaft (міровое хо-

[1]) П. Рорбахъ „Война и Германская политика", Москва, 1915 г., стр. 12.

[2]) Ibid, стр. 80. Рорбахъ приводитъ длинныя цитаты изъ одного авторитетнаго писателя, который подъ псевдонимомъ Руэдорферъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Grundzüge der modernen Weltpolitik". Рорбахъ считаетъ автора этой книги высокопоставленнымъ лицомъ, однимъ изъ представителей германской внѣшней политики.

[3]) Bernhardi, ibid, стр. 76.

[4]) Bernhardi, ibid, стр. 121.

зяйство) требовало соотвѣтственной германской Weltpolitik (мiровой политики).

Однако, основанiемъ мiровой активной политики капиталистической страны служитъ не только свободная и побѣдная конкуренцiя па мiровыхъ рынкахъ въ предѣлахъ чужой территорiи, сколько прiобрѣтенiе *колоній, подчиненіе чужой территоріи государственной гегемоніи. Міровая политика предполагаетъ владѣніе колоніями.*

Вотъ девизъ германскаго агрессивнаго имперiализма.

Бисмарковская эпоха не оставила Вильгельмовской эпохѣ какого-либо положительнаго наслѣдства въ отношенiи колонiальной политики, а только холодное равнодушiе къ эмиграцiи германскаго элемента, къ морской политикѣ и колонiальнымъ завоеванiямъ.

«Я вообще не другъ эмиграцiи... Тотъ нѣмецъ, который оставляетъ свою родину, какъ старое платье, въ моихъ глазахъ уже не нѣмецъ, онъ для меня не имѣетъ больше никакого отечественнаго интереса» [1]). Такова была точка зрѣнiя Бисмарка по вопросу объ эмиграцiи, часто имъ высказанная въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ рейхстагѣ. Бисмаркъ былъ «крупнымъ плодомъ» прусской реакцiи и юнкерскаго сословiя, призванный и способный стать скорѣе мейстеромъ континентальной дипломатiи, чѣмъ выразителемъ и защитниковъ имперiалистическихъ завоеванiй индустрiальной буржуазiи. Сравните его апатiю съ живымъ, горячимъ интересомъ Вильгельма II къ разсѣяннымъ по всѣмъ уголкамъ земного шара нѣмцамъ, защиту предпрiятiй и интересовъ которыхъ кайзеръ считалъ одной изъ важныхъ обязанностей германскаго правительства. Не только это. Правительство Бисмарка въ до Вильгельмовскiй перiодъ не стремилось занять колонiи, присвоить ихъ, завладѣть ими. «У насъ нѣтъ намѣренiя,—говоритъ Бисмаркъ въ той же рѣчи,—основывать провинцiи, а только торговыя предпрiятiя». «Мое мнѣнiе,—говорилъ онъ въ другой рѣчи, въ тотъ же годъ, 10-го iюня,—всегда было таково, что современная англiйская колонiальная система съ ея гарнизонами, назначаемыми

[1]) „Kolonien und Kolonialpolitik", см. „Handwörterbuch der Staatswissen schften" Iena, 1900 г. V т. стр. 198. Эту рѣчь произнесъ Бисмаркъ въ рейхстагѣ, 26-го iюня 1884 года.

изъ метрополіи, губернаторами и чиновниками, для насъ *невозможна* съ точки зрѣнія нашихъ внутреннихъ отношеній и учрежденій» [1]).

Сравните этотъ взглядъ перваго канцлера германской имперіи съ огненными рѣчами Вильгельма II относительно колоніальной политики (въ III-ей главѣ первой части нашего труда), въ которыхъ онъ англійскій примѣръ считалъ завидной цѣлью германской міровой политики.

Однако, несмотря на это холодное равнодушіе въ эпоху Бисмарка къ проблемѣ колоніальныхъ завоеваній,—по частной инициативѣ были вызваны къ жизни многочисленныя общества (съ начала 80-хъ годовъ) съ ихъ развѣтвленіями внутри страны и внѣ ея для облегченія и упроченія германской эмиграціи и вывоза, дѣла колоніальныхъ гешефтовъ и предпріятій. Въ 1900 году, въ началѣ второго десятилѣтія царствованія Вильгельма, въ Германіи существовали при положительной поддержкѣ государства слѣдующія общества, центромъ большинства которыхъ являлся Берлинъ.

Вотъ эти общества.

1. «Deutsche Kolonialgesellschaft» («Германское Колоніальное общество»).

2. «Zentralverein für Handelsgeographie und Förderung deutscher Interessen im Auslande». («Центральный союзъ коммерческой географіи и защиты германскихъ интересовъ за границей»).

3. «Deutscher Frauenverein für Krankenpflege in den Kolonien» («Германскій женскій союзъ призрѣнія больныхъ въ колоніяхъ»).

4. «Der Afrikaverein deutscher Katholiken» («Германскій католическій союзъ для Африки», центръ въ Кельнѣ).

5. «Evangelischer Afrikaverein» («Союзъ евангелистовъ для Африки»).

6. «Alldeutscher Verband» («Союзъ пангерманистовъ» съ ея безчисленными отдѣленіями въ странѣ и внѣ ея).

7. «Verein für evangelische Mission in Kamerun» («Союзъ для евангелической миссіи, дѣйствующей въ Камерунѣ», центръ въ Штутгартѣ).

---

[1]) „Kolonien und Kolonialpolitik", Ibid, стр. 199.

8. «Nachtigal-Gesellschaft für vaterländische Afrikaforschung» («Общество-Ласточка для отечественныхъ изысканій въ Африкѣ»).

9. «Kolonial-Wirtschaftliches Komitee» («Колоніально-экономическій комитетъ»).

10. «Deutsches Kolonialmuseum» («Германскій Колоніальный музей»).

11. «Deutsche Kolonialschule» («Германская колоніальная школа»).

12. «Deutscher Kolonialverein für Import und Export» («Германскій колоніальный союзъ для импорта и экспорта»).

13. «Evangelischer Hauptverein für deutsche Auswanderer» («Главный союзъ евангелистовъ для германскихъ эмигрантовъ»).

14. «Verein für deutsche Auswandererwohlfahrt» («Союзъ облегченія германской эмиграціи», центръ въ Ганноверѣ).

15. «Evangelische Gesellschaft für die protest. Deutschen in Amerika» («Евангелическое общество для нѣмцевъ-протестантовъ, находящихся въ Америкѣ»).

16. «St. Raphaels-Verein zum Schutze katholischer deutscher Auswanderer» (центръ въ Берлинѣ) («Союзъ св. Рафаэля для защиты эмигрирующихъ нѣмцевъ-католиковъ») [1]).

Конечно, здѣсь не перечислены всѣ, нынѣ дѣйствующія общества. Но характерно, что еще 15 лѣтъ тому назадъ существовало столько обществъ (съ многочисленными отдѣленіями) цѣлью дѣятельности которыхъ, прямо или косвенно, было стремленіе содѣйствовать распространенію и побѣдѣ германскихъ интересовъ, размѣщенію и закрѣпленію германскаго элемента, усиленію и углубленію германскаго вліянія внѣ Германіи, въ заокеанскихъ колоніяхъ. Это былъ одинъ изъ удобнѣйшихъ способовъ проложенія пути германскому имперіализму съ помощью общественныхъ силъ.

Съ точки зрѣнія германскихъ имперіалистовъ Германія не кончается тамъ, гдѣ опредѣлены и начертаны границы германской имперіи. Германія вездѣ, куда проникъ и распро-

---

[1]) Ibid, стр. 197-198.

странился германизмъ,—германскій интересъ, языкъ, культура, духъ.

Австрія,—гдѣ германизмъ является господствующимъ элементомъ разноплеменной страны (не смотря на то, что нѣмцы составляютъ только 36%),—является въ сущности кускомъ Германіи. Столь же близки Германіи по своему духу швейцарскіе нѣмцы, составляющіе абсолютное большинство (70%) въ кантональномъ государствѣ. А тѣ нѣмцы, которые разсѣяны повсюду, за предѣлами германскаго Vaterland-a? Нѣмцы въ Венгріи (2.135.000 ч.), въ Россіи (2—3 мил.), въ Голландіи (32.000), въ Бельгіи и Люксембургѣ (68.000), во Франціи (87.000), въ Англіи (53.000), въ Италіи (11.000), въ Даніи (35.000) въ Скандинавскихъ странахъ, въ Сербіи, въ Болгаріи, Румыніи, Турціи и т. д. Внѣ Европы нѣмцы разсѣяны въ Соединенныхъ Штатахъ (около 12 милл.), въ Канадѣ (400.000), въ Центральной Америкѣ 18.000), въ Южной Америкѣ (500.000), въ Африкѣ (623.000), на океанскихъ островахъ (11.000), въ Азіи (88.000) и т. д. [1]).

Внѣ Германіи, въ разныхъ странахъ Европы и во всѣхъ частяхъ земного шара разсѣяно германцевъ (къ концу перваго десятилѣтія нашего столѣтія) приблизительно 34—36 милліоновъ. Вотъ эти самыя *оторванныя частицы* и стремится пангерманистская фанфаронада крѣпко связать душой и мыслью съ отечествомъ и съ ихъ помощью твердо и незыблемо сохранять германское знамя во всѣхъ чужихъ странахъ. Эти разсѣянныя частицы и старается использовать германскій агрессивный имперіализмъ для своихъ завоеваній [2]). Онѣ то и являются тѣми основаніями необъятной «идеальной Германіи», съ помощью которыхъ должна была осуществиться всеобъемлющая, міровая идея «Великой Германіи».

---

[1]) См. цифровыя данныя у А. Лихтенберже: „Современная Германія" Н. Попова, Москва, 1914 г. стр. 147—150.

[2]) Вотъ что говоритъ по этому вопросу ярый представитель этого агрессивнаго имперіализма: „Часть избытка нашего населенія будетъ всегда принуждена искать заработка внѣ предѣловъ германской имперіи. Объ этой части должно заботиться по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы германскіе элементы не разсѣивались по всему міру, но составляли бы сплоченную массу, чтобы они образовывали въ чужихъ государствахъ политическій вѣсъ въ нашу пользу, рынки для нашего вывоза и центръ для распространенія германскаго духа". (Bernhardi, ibid, стр. 120).

И, дѣйствительно, германскіе эмигранты,—были ли то торговцы, католическіе и протестантскіе миссіонеры, ищущіе работъ рабочіе, земледѣльцы-колонисты, научныя экспедиціи,—которые своими *эксплоататорскими предпріятіями и культурной работой* твердо стали въ чужихъ странахъ, тѣмъ самымъ дали метрополіи возможность, съ 80-хъ годовъ, постепенно распространять въ далекихъ и дикихъ странахъ свои «Hoheitsrechte», права своего государственнаго владычества и свои собственныя договорныя нормы въ сношеніяхъ съ туземцами.—И все это произошло безъ какихъ-либо «колоніальныхъ конфликтовъ» съ другими метрополіями.

При оккупаціи чужихъ странъ германское правительство прибѣгало къ тремъ средствамъ: или давало право своимъ морскимъ офицерамъ и чиновникамъ непосредственно заключать условія съ мѣстными жителями, или оно пріобрѣтало полномочіе на права, пріобрѣтенныя германскими колонистами или же брало подъ защиту, а то и уполномочивало частныя общества на пріобрѣтеніе земель въ дальнихъ краяхъ (Напр. общества, дѣйствовавшія въ восточной Африкѣ и въ Новой Гвинеѣ) [1].

Такимъ путемъ Германія, столь запоздавшая въ *колоніальныхъ захватахъ* и до 80-хъ годовъ совершенно не имѣвшая колоній, къ нашимъ днямъ превратилась въ одну изъ колоніальныхъ державъ современной Европы. Германія подчиняетъ себѣ и присваиваетъ одну за другой цѣлый рядъ еще совершено дикихъ, дѣвственныхъ странъ, какъ-то: Юго-Западная Африка (германская), Того (германскій), восточная Африка, Новая Гвинея (часть), острова—Коро[illegible]скіе, Маршальскіе, Самоа, Маріанъ и Палау, китайскій Кіао-Чао, и недавно (марокскій конфликтъ) французскій Новый Камерунъ. Разумѣется, Германія всякій разъ бывала принуждена заключать договоры съ сосѣдями, старыми колоніальными державами—Англіей, Франціей и Голландіей для опредѣленія юридическими актами границъ владѣнія и сферъ вліянія.

До войны германскія колоніи представляли слѣдующую картину (по количеству населенія и пространству):

---

[1]) Подробности см. „Handwörterbuch der Staatswiss.“, V т., ст. „Kolonien und Kolonialpolitik“, стр. 199.

Колоніи:	Пространство:	Количество жителей:
Восточная Африка (Германская)	883.614 кв. верстъ	7.645.770 чел.
Камерунъ	439.599 » »	2.648.720 »
Юго-Западная Африка (Герм.)	741.635 » »	79.556 »
Того	77.510 » »	1.031.978 »
Новая Гвинея съ островами	218.860 » »	601.427 »
Острова Самоа	2.300 » »	35.136 »
Кіао-Чао	920 » »	168.900 » [1])
Всего	2.364.438 » »	12.211.387 чел.

Колоніальныя владѣнія, разбросанныя по тремъ континентамъ и по водамъ, пространствомъ своимъ въ 4—5 разъ больше самой Германіи, а населеніе послѣдней превосходитъ населеніе колоній въ 5—6 разъ. Въ Германскихъ колоніяхъ бѣлыхъ жителей всего 27.000 (въ 1912 г.), что составляетъ 0.22% общаго числа (12,2 милліона), но количество европейцевъ, конечно, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, замѣтно растетъ въ этихъ колоніяхъ. Такъ, десять лѣтъ тому назадъ (1902 г.) бѣлыхъ было только 10.000 [2]), а значитъ, за десятилѣтіе количество бѣлыхъ въ германскихъ колоніяхъ возросло на 170%. Вмѣстѣ съ капиталистической культурой и производимымъ ею переворотомъ въ жизни,—прежде всего благодаря развитію торговыхъ сношеній,—все болѣе и болѣе должно рости количество европейскаго элемента среди туземнаго населенія колоній.

Конечно, германскія колоніи еще слишкомъ дики, отсталы, чтобы можно было говорить объ ихъ культурномъ уровнѣ и осязательныхъ выгодахъ, приносимыхъ ими метрополіи. Германія затратила огромныя суммы на свои колоніи, и должна въ будущемъ сдѣлать большіе расходы для созданія культурныхъ цѣнностей. Однако результаты до сихъ поръ затраченныхъ труда и капиталовъ по степени своего роста до того значительны, что достойны особаго упоминанія.

[1]) См. „Энциклопедія войны", 1914 г. Петроградъ, стр. 53.
[2]) См. у Гельфериха, ibid, стр. 82.

Прежде всего необходимо указать на развитіе фермерскаго земледѣлія въ колоніяхъ, которое ведется европейскими способами.

	1912 г.	1913 г.
Восточная Африка	81.831 гект.	106.295 гект.
Камерунъ	20.000 »	28.225 »
Того	1.071 »	1.343 »
Новая Гвинея	28.165 »	32.264 »
Острова Самоа	8.353 »	10.702 »
Всего	139.420 гектаровъ	178.829 гектаровъ

Количество рабочихъ и служащихъ, занятыхъ въ земледѣліи, за тѣ же годы было:

	1912 г.		1913 г.	
	европейцевъ	туземцевъ	европейцевъ	туземцевъ
Восточная Африка	557	60.835	606	83.366
Камерунъ	147	13.272	195	17.827
Новая Гвинея	182	13.742	212	15.116
Острова Самоа	78	2.053	81	2.118 [1]
Всего	972	90.438	1.103	119.268

Фермерское замледѣліе дикихъ колоній растетъ изъ года въ годъ (на 28,2%), а персоналъ, занятый въ земледѣліи растетъ еще быстрѣе (на 31,7%). Прогрессъ этотъ въ большихъ размѣрахъ замѣтенъ въ африканскихъ колоніяхъ, особенно въ Восточной Африкѣ, въ этой самой прибыльной германской колоніи (послѣ Кіао-Чао). Колоніальные пути сообщенія также европеизируются быстро. Такъ напримѣръ, въ концѣ 1913 года желѣзнодорожная сѣть въ африканскихъ колоніяхъ равнялась 4176 километрамъ, тогда какъ въ 1900 г. она имѣла только 234 километра длины,— стало быть, въ тринадцать лѣтъ желѣзнодорожная сѣть увеличилась на 1680,3%, что даетъ въ годъ увеличеніе на 130%.

Также быстро возросла торговля германскихъ колоній.

[1]) Данныя см. В. А. Мукосѣевъ, ibid, стр. 242.

Внѣшняя торговля (ввозъ и вывозъ вмѣстѣ взятые) Восточной Африки въ 1892 г. равнялась 16,5 [1]) миллiон. марокъ, а въ 1912 г. она достигла уже 81,7 [2]) миллiон. мар. въ двадцатилѣтнiй перiодъ увеличившись почти впятеро или на 395%. Торговля всѣхъ колонiй (исключая Кiао-Чао) въ 1898 г. равнялась 46,6 милл. марокъ [3]), а въ 1912 г. она достигла суммы въ 263,5 миллiон. мар. [4]), въ четырнадцать лѣтъ увеличившись на 465,4%. Гораздо быстрѣе шло развитiе торговли Кiао-Чао; въ 1902 г. она равнялась 34,5 миллiон. мар. [5]), а въ 1912 г.—200,8 миллiон. мар. [6]), значитъ, за десять лѣтъ торговля захваченной у Китая колонiи увеличилась на 482%. Кiао-Чао сулило Германiи большiя возможности: базируясь на Кiао-Чао Германiя надѣялась на новые территорiально-морскiе захваты. Торговля германскихъ колонiй велась, конечно, не только съ метрополiей, но и съ другими странами, разумѣется, лишь въ силу торговыхъ договоровъ метрополiи. По даннымъ Гельфериха непосредственная торговля Германiи съ ея колонiями равнялась въ 1896 г. 11 миллiон. марокъ, а въ 1911 году—104 милл. мар., за пятнадцать лѣтъ увеличившись на 845%, значитъ увеличилась гораздо быстрѣе, чѣмъ весь внѣшне-торговый оборотъ колонiй.

Кому обязана Германiя такими сравнительно большими успѣхами колонiальной политики въ столь короткiй срокъ?

Если вы обратитесь съ этимъ вопросомъ къ германскимъ имперiалистамъ, то получите отъ всѣхъ единодушный и единогласный отвѣтъ: „Нашему кайзеру Вильгельму II“. Широкую формулировку этого отвѣта даетъ самъ Гельферихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ срединѣ 80-хъ годовъ политика колонiальныхъ завоеванiй еще находилась въ скромныхъ рамкахъ. До восшествiя на престолъ нашего кайзера результатомъ колонiальной политики являлось то, что на берегахъ Африки и въ нѣкоторыхъ безхозяйственныхъ мѣ-

[1]) См. „Kolonien und Kolonialpolitik“ (въ Handw. d. Staatswiss.“ т. V, стр. 229).
[2]) Мукосѣевъ, ibid, стр. 243.
[3]) Helfferich, ibid, стр. 82.
[4]) Мукосѣевъ тамъ же.
[5]) Helfferich, тамъ же.
[6]) Мукосѣевъ, тамъ же.

стахъ южнаго моря учреждались многочисленныя торговыя предпріятія и воздвигался германскій флагъ. Однако исходящее изъ этихъ точекъ опоры территоріальное сформированіе германскаго колоніальнаго государства и его расширеніе новыми важными пріобрѣтеніями, затѣмъ географическія изысканія, военное подчиненіе, постепенное введеніе правильныхъ административныхъ формъ, экономическій прогрессъ и культурныя преобразованія,—все это произошло въ періодъ правленія нашего кайзера, въ наибольшихъ размѣрахъ въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ» [1]).

Однако современная имперіалистическая Германія была еще *очень далека отъ того, чтобы быть довольной своимъ положеніемъ колоніальной державы.* И размѣры колоній казались недостаточными, и ихъ экономическое значеніе не удовлетворительнымъ, потому правительство Вильгельма II *не считало миссію колоніальной политики исчерпанной.* Завоевательные аппетиты имперіалистовъ чувствовали себя еще въ начальномъ періодѣ [2]). Какое мѣсто занимаетъ Германія, какъ колоніальная держава, въ ряду другихъ колоніальныхъ государствъ Европы? Вотъ данныя объ этомъ.

	Территорія (въ англ. квадр. мил.)		Во сколько разъ колоніи больше метрополіи.
	Въ метропол.	Въ колоніяхъ	
Англія	121,633	11.307,415	94,2
Бельгія	11,343	909.654	80,2
Голландія	12,648	736.400	58,2
Франція	207,054	4.986,543	24,2
Португалія	35,490	820,952	23,2
Италія	110,550	591.230	5,3
Германія	208.780	1.028.820	4.9 [3])

Уже при бѣгломъ взглядѣ бросается въ глаза рѣзкое различіе колоніальныхъ отношеній между Германіей и упомянутыми странами. По пространству своему и количеству

[1]) Helfferich, ibid, стр. 81.

[2]) Глубоко цѣня пріобрѣтенныя колоніи, Гельферихъ, однако, находитъ, что „развитіе германскаго колоніальнаго государства находится и сегодня еще въ начальномъ періодѣ“ (стр. 83).

[3]) Мукосѣевъ, ibid, стр. 241.

жителей Германія превосходитъ всѣ эти страны, а между тѣмъ она по сравнительной величинѣ колоній занимаетъ среди нихъ послѣднее мѣсто. Германія, по степени развитія капитализма,—по интенсивности производства и міровымъ размѣрамъ торговли,—занимающая второе мѣсто въ Европѣ (въ нѣкоторыхъ областяхъ и первое)—обладаетъ такими незаселенными и пустынными колоніями, въ сравненіи съ которыми наихудшія колоніи англичанъ, французовъ или даже голландцевъ, являются болѣе прибыльными землями. Маленькая Бельгія, которую Германія пространственно превосходитъ въ 18,4 раза, а по количеству жителей—въ десять разъ,—эта Бельгія обладаетъ такой обширной колоніей, которая въ 4—5 разъ больше Германіи и по пространству равняется почти всѣмъ германскимъ колоніямъ. Германія, наибыстрѣйшимъ темпомъ и съ завоевательными тенденціями проникающая во всѣ области мірового хозяйства, менѣе всего имѣетъ возможность создать удовлетворительные рынки въ своихъ собственныхъ колоніяхъ, для эксплоатаціи тамъ богатствъ и капиталовъ, что дало бы ей опорные пункты міровой политики.

Вотъ гдѣ нужно искать *сложнаго узла колоніально-политической проблемы.* Вотъ почему германскій имперіализмъ такъ *требователенъ и непримиримъ, агрессивенъ и воинствененъ.* Вотъ почему Гельферихъ, Рорбахъ, Бернгарди и цѣлое поколѣніе подобныхъ имъ имперіалистовъ и милитаристовъ находятъ германскія колоніальныя завоеванія недостаточными и современное положеніе—лишь началомъ развитія германскаго колоніальнаго государства [1]).

Рѣшающій вопросъ, который, какъ жгучая жизненная проблема, требовалъ своего окончательнаго отвѣта въ теоріи и категорическаго рѣшенія въ практикѣ современной германской имперіи, заключался въ слѣдующемъ: были ли условія развитія новѣйшаго германскаго капитализма удовлетворительны въ рамкахъ существующаго status'а международныхъ отношеній? Могли ли необыкновенный расцвѣтъ гер-

---

[1]) „Мы должны понять,—пишетъ Рорбахъ незадолго до войны,—что мы только теперь становимся достаточно сильными для міровой политики и что достигнутые успѣхи являются лишь *началомъ*, на которомъ можно строить дальнѣйшіе разсчеты". (См. ibid. стр. 85).

манской торговли, ея прочныя, постоянно увеличивающіяся завоеванія въ міровомъ хозяйствѣ замѣнить существенный недостатокъ въ собственныхъ колоніяхъ? Можетъ когда либо мирная торговая политика германской имперіи вытѣснить агрессивность германской колоніальной политики, и можетъ ли она удовлетвориться наводненіемъ рынковъ чужихъ странъ и чужеземныхъ колоній своими вывозимыми товарами?

Читатели, которые изъ нашихъ многочисленныхъ фактическихъ изображеній ясно и недвусмысленно поняти истинную сущность господствующаго направленія въ идеологическомъ теченіи германскаго имперіализма и демонстративный ходъ практической военной политики (Rüstungspolitik) германской имперіи,—тѣ читатели безъ труда найдутъ положительный отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ: достигнувъ господствующаго положенія въ міровомъ хозяйствѣ, Германія достигла только *половины своей цѣли*; наиболѣе трудная проблема ея міровой политики остается еще нерѣшенной: это—вопросъ *міровoго колоніальнаго могущества*. Въ нашихъ заключительныхъ словахъ мы постараемся еще ярче освѣтить этотъ вопросъ, приведя убѣдительныя выдержки изъ авторитетныхъ и вліятельныхъ приверженцевъ германскаго имперіализма.

«Интенсивная колоніальная политика,—пишетъ выдающійся Бернгарди,—для насъ необходима. Существовало предположеніе, что «политика открытыхъ дверей» (т. е. свободная торговля въ чужеземныхъ колоніяхъ. Б. И.) можетъ замѣнить владѣніе собственными колоніями и является нашей программой будущаго именно потому, что мы владѣемъ недостаточными для насъ колоніями. Эта мысль имѣетъ основаніе только въ извѣстномъ смыслѣ. Прежде всего, такая политика не предоставляетъ возможности устраивать избытокъ населенія въ предѣлахъ своихъ собственныхъ владѣніяхъ (т. е. въ колоніяхъ); затѣмъ она не даетъ увѣренности въ свободной неограниченной торговой конкуренціи. Одинаковыя пошлины, правда, обезпечиваютъ свободу тор-

говли за всѣми народами, ведущими торговлю, но этими равными условіями исключается возможность конкуренціи. Скорѣе *политическая власть* (курсивъ нашъ), господствующая въ данной странѣ (колоніяхъ), имѣетъ рѣшающее вліяніе и на хозяйственныя отношенія. Въ Египтѣ, въ Манджуріи, въ Конго, въ Марокко: вездѣ господствуетъ принципъ открытыхъ дверей, и вездѣ политически господствующая держава господствуетъ непремѣнно и надъ торговлей: въ Манджуріи—Японія, въ Египтѣ—Англія, въ Конго—Бельгія, а въ Марокко—Франція. И это вполнѣ естественно. Всѣ государственныя концессіи выпадаютъ, понятнымъ образомъ, на долю того государства, которое занимаетъ господствующее политическое положеніе... Слѣдовательно, политика открытыхъ дверей должна разсматриваться самое большее какъ подспорье и какъ дополненіе сильной колоніальной политики». (Тамъ же, стр. 120—121). „Дѣятельная колоніальная политика,—пишетъ тотъ же Бернгарди въ другомъ мѣстѣ,—улучшитъ, безъ сомнѣнія, національное благосостояніе, если она будетъ стремиться, съ одной стороны, добывать всѣ сырые матеріалы, получаемые нашей промышленностью въ огромныхъ размѣрахъ изъ-за границы, въ *собственныхъ колоніяхъ* и этимъ сдѣлаетъ насъ *независимыми отъ за-границы*; съ другой стороны, если она путемъ дѣятельнаго *поощренія переселенія, развитія желѣзныхъ дорогъ* и *культуры* превратитъ наши колоніи въ *обезпеченный рынокъ для сбыта нашихъ товаровъ*. Чѣмъ меньше мы будемъ платить дань (tributpflichtig) за-границѣ, которой мы *сейчасъ уплачиваемъ милліарды*, тѣмъ больше будетъ расти наше національное благосостояніе и финансовыя способности государства“ (тамъ же, стр. 314, всѣ курсивы наши) [1].

---

[1]) Такъ разсуждаетъ явный представитель германскаго имперіализма объ условіяхъ, которыя неизбѣжно требуются для дальнѣйшихъ тенденцій развитія германскаго капитализма. Но есть русскіе публицисты, воображающіе, что они понимаютъ требованіе германскаго капитализма лучше, нежели сами германскіе идеологи: Гельферихъ, Бернгарди, Руедорферъ. Рорбахъ и имъ подобные. Господа Сухановъ и Слонимскій (точку зрѣнія послѣдняго въ этомъ вопросѣ Сухановъ зполнѣ раздѣляетъ), не имѣя, повидимому, ни малѣйшаго представленія о господствующемъ, задающемъ тонъ современной политикѣ направленіи германскаго имперіализма, желаютъ насъ увѣрить въ томъ, что Германія нисколько не была заинтересована

Но какими путями и методами расширять это желанное колоніальное государство будущаго, когда заокеанскія страны уже подѣлены между старыми колоніальными державами, а то, что возможно было пріобрѣсти мирнымъ путемъ изъ земель свободныхъ и безхозяйныхъ, то Германія уже пріобрѣла въ пустынныхъ дебряхъ Африки? Въ какія стороны можетъ расшириться сама Германія, когда она окружена великими державами?

Эти вопросы въ Германіи были центральными задачами всѣдневныхъ заботъ имперіалистической политики.

«Никакое другое государство,—говоритъ уже знакомый намъ высокопоставленный политикъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Руэдорфера,—не находится въ подобномъ положеніи. Всѣ сосѣднія державы непосредственно примыкаютъ къ областямъ, гдѣ есть возможность колонизаціи. У Россіи есть Азія, у Австро-Венгріи—Балканы, у Франціи и Италіи—сѣверный берегъ Африки, у Англіи, окруженной мо-

въ томъ, чтобы взять на себя иниціативу измѣненія стараго существующаго status'а. „Германскій капиталъ,—пишетъ г. Сухановъ,—достигъ своей гегемоніи при *старомъ* довоенномъ международномъ политическомъ status'-ѣ, который открывалъ ему совершенно достаточныя возможности". („Почему мы воюемъ" стр. 32). Или: „Говорятъ,—пишетъ г. Слонимскій, единомышленникъ г. Суханова,—что поступательная воинственность Германіи вызвана потребностью колоніальнаго расширенія; но зачѣмъ было бы нѣмцамъ проливать потоки крови ради пріобрѣтенія новыхъ колоній въ собственность, когда они отлично устраивали свои дѣла въ чужихъ колоніальныхъ владѣніяхъ безъ всякихъ жертвъ и усилій?" (стр. 33). Слѣдуетъ только сопоставить эти слова русскихъ публицистовъ съ выше приведенными разсужденіями германскаго имперіалиста, чтобы проявилась ихъ вся несостоятельность и своеобразное отсутствіе глубины. Роковое заблужденіе г.г. Суханова и Слонимскаго вкоренится въ томъ, что они считаютъ торговыя завоеванія германцевъ по всему міру, которыя и въ мирное время безпрепятственно увеличивались, кульминаціоннымъ пунктомъ стремленій германской мировой политики. Въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ эти экономическія завоеванія, т. е. могущество Германіи въ области мірового хозяйства, только подготовили почву для грядущихъ политическихъ завоеваній колоніальныхъ странъ, для занятія и пріобрѣтенія заокеанскихъ земель, т. е. для того, чтобы превратить Германію въ міровую колоніальную державу. Тамъ, гдѣ, по Бернгарди, Германія находится только „на распутьѣ своего развитія", по Суханову, Германія достигла вершины своего развитія, побѣдоносной гегемоніи. Тамъ, гдѣ по Гельфериху и Рорбаху, Германія еще „у начала своей колоніальной и міровой политики", и „на основѣ этой политики она должна строить свои дальнѣйшіе планы", по Слонимскому выходитъ, что Германія совсѣмъ не нуждается „въ пріобрѣтеніи новыхъ колоній". Какъ мы видимъ и какъ еще дальше увидимъ, экономико-политическія отношенія и господствующія стремленія нынѣшней Германіи для русскихъ публицистовъ чисто Spanische Dörfer.

рями,—весь міръ. Всѣмъ этимъ государствамъ приходится въ большей или меньшей мѣрѣ защищать только одну сторону своей границы. Германія, расположенная въ серединѣ Европы, въ большей степени зависитъ отъ европейскаго политическаго положенія, чѣмъ ея сосѣди. Ей труднѣе защищать себя отъ враждебныхъ союзовъ, и она нуждается для этого въ большой затратѣ *дипломатическихъ или военныхъ* средствъ» [1]).

Но къ какому практическому выводу приходитъ Руедорферъ, какой политическій курсъ онъ рекомендуетъ своему отечеству для борьбы съ тяжелымъ положеніемъ и для пріобрѣтенія свободы въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ?

«Ясно,—говоритъ онъ,—что Германская имперія будетъ тѣмъ свободнѣе въ своихъ выступленіяхъ въ области міровой политики, чѣмъ независимѣе будетъ она отъ политическаго положенія въ Европѣ на континентѣ. Важно поэтому прежде всего освободить германскую имперію отъ «cauchemar des coalitions», невыносимаго гнета враждебныхъ союзовъ, который подавлялъ еще политику Бисмарка. Поэтому первое требованіе міровой политики Германіи сводится къ *такому усиленію ея на континентѣ*, которое давало бы ей *всѣ шансы на побѣду при всякой возможной группировкѣ силъ*» [2]).

Вотъ ultima ratio германской политической мудрости. Въ основѣ этой мудрости лежатъ имперіалистическія и милитаристическія исповѣданія съ ихъ цѣлями и стремленіями. Безъ высокоразряднаго развитія милитаризма, германскій имперіализмъ не могъ осуществлять свои завоевательные замыслы; безъ агрессивнаго имперіализма были бы безцѣльны безумные скачки военныхъ приготовленій, такъ какъ никто не угрожалъ германскому фатерланду; лихорадочная политика вооруженій велась не ради самозащиты. Германія вооружалась съ чрезвычайной быстротой, съ цѣлью сдѣлаться «настолько сильной на сушѣ», чтобы «чувствовать себя свободной и независимой» въ политикѣ міровыхъ завоеваній. Сухопутныя вооруженія имѣли цѣлью обузданіе и подавленіе «всѣхъ возможныхъ вражескихъ коалицій», образованныхъ

[1]) Рорбахъ, ibid, стр. 80.
[2]) Рорбахъ, Ibid, стр. 82.

изъ сухопутныхъ противниковъ, а морскія вооруженія предназначались на то, чтобы когда нибудь наконецъ помѣряться силами съ самымъ великимъ морскимъ противникомъ. Сухопутныя и морскія равномѣрныя удачи уже могли сулить Германіи чудеса и блага: она осуществила бы желанную миссію политики колоніальныхъ завоеваній. Оффиціальный представитель германскаго имперіализма до того оптимистиченъ въ своихъ ожиданіяхъ, что онъ считаетъ невозможнымъ нападеніе сухопутныхъ враждебныхъ коалицій на Германію, въ томъ случаѣ, когда она съ помощью оружія будетъ дѣлать заокеанскіе захваты, такъ какъ, они, «міровые политическіе противники Германіи, убѣдятся въ томъ, что никакія комбинаціи союзовъ не смогутъ обезпечить имъ успѣха, если они нападутъ на Германію на континентѣ». Потому то и думаетъ германскій политикъ, что Германія «для веденія міровой политики нуждается въ невѣроятномъ развитіи реальныхъ средствъ и силъ» [1]).

Еще смѣлѣе, рѣшительнѣе и воинственнѣе выступаетъ генералъ Бернгарди. Онъ вооружается противъ status quo ante и требуетъ его измѣненія силой. Онъ жалуется на то, что Германія «втиснута въ узкія неестественныя границы» (Bernhardi, стр. 76), и потому протестуетъ противъ установившейся старой системы въ Европѣ. «Прежде всего,—пишетъ онъ,—слѣдовало бы *рѣшительно порвать* съ принципомъ европейскаго равновѣсія» (тамъ же стр. 121). «Это—нездоровое состояніе. Вообще, слѣдуетъ признать, что европейское равновѣсіе представляетъ собою состояніе, несоотвѣтствующее больше обстоятельствамъ, могущее имѣть то пагубное послѣдствіе, что оно парализуетъ силы европейскихъ материковыхъ государствъ по отношенію другъ къ другу... Мы должны порвать совершенно съ мыслью о такомъ равновѣсіи. Въ своемъ теперешнемъ, внутренне став-

---

[1]) Рорбахъ вполнѣ соглашается съ этой мыслью, говоря: „Вотъ это-дѣйствительно, значитъ понять самую сущность проблемы міровой политики Германіи. А правильное пониманіе должно повлечь за собой и рѣшительныя дѣйствія". (Ibid, стр. 83).

шемъ невѣрнымъ построеніи оно *противорѣчитъ* нашимъ *важнѣйшимъ интересамъ»* [1]).

Съ теченіемъ времени «гнетъ» этого стараго status'a, или, какъ его обозначаютъ, англійской системы европейскаго равновѣсія, признавали въ Германіи все болѣе и болѣе невыносимымъ [2]). По мѣрѣ того, какъ участіе Германіи въ міровомъ хозяйствѣ возрастало быстро и безпрерывно, росло соотвѣтственно этому *агрессивное требованіе* развить вліяніе германской пмперіи въ сферѣ міровой политики. Это діалектическое противорѣчіе между положительной стороной (Positive)—расцвѣтомъ міровою хозяйства—и отрицательной (Negative)—связанной международными договорами міровой политикой нынѣшней Германіи—становилось все больше и больше проблемой первой важности не только въ теоріи имперіализма, но также и въ практикѣ имперской политики.

---

[1]) Bernhardi, стр. 122.—Что же могутъ сказать г.г. Сухановъ и Слонимскій на эти убѣдительныя и воинственныя разсужденія германскаго имперіалиста. Бернгарди, Руедорферъ, Рорбахъ и многіе другіе являются самыми признанными и самыми выдающимися защитниками того капиталистическаго имперіализма, который, якобы, уже насытился и не нуждается въ военномъ конфликтѣ, ибо „status quo ante bellum былъ вполнѣ благопріятенъ для нѣмецкаго капитала". (Сухановъ, стр. 34), и „данное положеніе не обязывало его (нѣмецкаго капитала) къ военно-политическому отвоеванію условій для своего роста и процвѣтанія" (Сухановъ, стр. 26). Что могутъ сказать,—мы это подчеркиваемъ еще разъ,—русскіе повѣренные германскаго имперіализма, если его самый блестящій представитель, вліятельный военный писатель, лидеръ военной партіи и, наконецъ, членъ Генеральнаго Штаба, генералъ фонъ-Бернгарди открыто и громогласно заявилъ: „Наши политическія задачи не выполнимы и не разрѣшимы безъ удара меча" (Bernhardi, стр. 8). Или: „Трудно будетъ сохранить наше нынѣшнее могущество и обезпечить наше будущее помимо того, чтобы оружіемъ отвоевать себѣ и провести наши политическія намѣренія". „Изъ этого сознанія вытекаетъ слѣдующее требованіе: мы должны какъ можно лучше подготовиться къ этой войнѣ" (стр. 129, т. е. къ грядущей войнѣ, столь горячо желанной для Германіи, Б. И.). Эта точка зрѣнія германскаго имперіализма діаметрально противоположна тому, въ чемъ Сухановъ и Слонимскій насъ стараются убѣдить. А теперь еще одинъ лишній вопросъ: кто изъ нихъ правъ? Это значитъ: кто понимаетъ и оцѣниваетъ вѣрно условія и тенденціи развитія германскаго капитализма: германскіе имперіалисты или же русскіе публицисты? Поставить вопросъ и значитъ отвѣтить на него.

[2]) То, что идеологъ германскаго имперіализма, Бернгарди, сказалъ относительно стараго status'a или равновѣсія до войны, официальный представитель германской имперской политики, имперскій канцлеръ фонъ Бетманъ-Гольвегъ, высказалъ и обосновалъ во время войны. Послѣ занятія Русской Польши и Балкановъ, когда польскія, сербскія и черногорскія земли лежали подъ ногами германцевъ и ихъ союзниковъ, Бетманъ-Голь-

«Международное положеніе показываетъ,—пишетъ Бернгарди со всевѣдѣніемъ пророка еще въ 1913 г., отлично сознавая куда поворачивается кормило германской политики,—что не далеко то время, когда мы снова будемъ поставлены передъ вопросомъ: должны ли мы оружіемъ добыть себѣ міровое положеніе, или же мы должны отъ него вовсе отказаться. Но мы не должны ни въ *коемъ случаѣ ждать*, пока наши противники окончатъ свои вооруженія [1]) и со своей стороны сочтутъ моментъ удобнымъ для нападенія» [2]).

Постоянныя дипломатическія неудачи Германіи (вспомните неоднократные конфликты изъ-за Марокко) все больше и больше обостряли этотъ германскій лозунгъ войны, который все чаще и чаще проявлялся въ видѣ провокаціи, какъ мы это видѣли изъ общаго обзора господствующаго настроенія въ Германіи въ послѣдніе годы (II глава первой части).

Если для Германіи самымъ опаснымъ врагомъ среди союзниковъ была Англія, то это не потому, что именно со стороны Англіи ей угрожала опасность наступательной войны. Никоимъ образомъ. Ни Англія, ни Франція, ни Россія не были заинтересованы ни въ малѣйшей степени въ томъ, чтобы подготовляться къ *наступательной войнѣ* противъ Германіи. Въ вліятельныхъ политическихъ кругахъ Германіи это было извѣстно въ точности [3]):

вегъ сказалъ въ первомъ засѣданіи Рейхстага (весною 1916 г.) между прочимъ слѣдующее: „Послѣ войны политическая карта Европы приметъ иной видъ, нежели она имѣла до войны. Англійская система политическаго равновѣсія въ Европѣ должна быть разъ навсегда устранена". Именно въ этомъ и заключается для германцевъ цѣль ихъ долголѣтнихъ военныхъ приготовленій.

[1]) Эти слова представляютъ собою цѣнное признаніе со стороны противника, которое еще и еще разъ опровергаетъ выщеприведенное тенденціозное мнѣніе Суханова. Наши противники говорятъ, что въ тотъ моментъ, когда они были подготовлены къ нападенію, ихъ противники (т. е. Россія и Франція) не окончили еще своего вооруженія. То же самое признаніе мы услышимъ въ дальнѣйшемъ отъ Рорбаха. А русскій публицистъ говоритъ намъ, что Россія и Франція подготовились къ войнѣ раньше и лучше, нежели Германія. Причины этой вопіющей односторонности г. Суханова намъ, по истинѣ, непонятны.

[2]) См. Bernhardi, послѣсловіе, стр. 344.

[3]) Гг. Сухановъ и Слонимскій не только приписываютъ германской политикѣ мирную удовлетворенность установившимся старымъ status'омъ, но они еще утверждаютъ, что инціатива европейской войны или заинтересованность въ возникновеніи таковой исключительно на сторонѣ Англіи и отчасти Франціи. „Какая же именно сторона была заинтересована въ

Причина непримиримой враждебности и ярой ненависти германскихъ господствующихъ классовъ и правящихъ круговъ по отношенію къ Англіи въ слѣдующемъ: Англія была единственнымъ міровымъ государствомъ и величайшей морской державой, которая *обуздывала завоевательныя стремленія* Германія въ заокеанскихъ странахъ и которая препятствовала активной дѣятельности военнаго флота Германіи. Далѣе, Англія была той самой авторитетной великой державой, которая со всей энергіей защищала и охраняла старый status, установившееся равновѣсіе въ континентальной Европѣ и такимъ образомъ связывала произвольное управленіе—Schalten und Walten—Германіи путемъ международныхъ договоровъ. Англія была, наконецъ, самымъ вліятельнымъ и задающимъ тонъ членомъ тройственнаго согласія, и она стремилась постоянно умѣлой политикой изолировать Германію въ международныхъ дипломатическихъ переговорахъ обезвредить ея вліяніе, грозившее европейскому миру.

Именно въ этомъ коренятся причины германской ненависти и враждебности по отношенію къ Англіи.

разрѣшеніи экономическихъ противорѣчій методомъ войны"—спрашиваетъ г. Сухановъ (стр. 19), и на это онъ даетъ свой положительный отвѣтъ (стр. 34), заключающійся въ словахъ г. Слонимскаго и въ его собственныхъ разсужденіяхъ: они намъ говорятъ, что эта „заинтересованность въ войнѣ" имѣется только на сторонѣ Англіи и Франціи. Къ счастью и здѣсь является нѣмецъ, чтобы опровергнуть ребяческую наивность русскихъ. Нашъ бравый генералъ, который, по своей точкѣ зрѣнія, есть не кто иной, какъ представитель настроенія военной партіи и юнкерской касты, говоритъ откровенно и безъ стѣсненія слѣдующее: „Ни Франція, ни Россія, ни Англія не нуждаются для проведенія своихъ интересовъ въ томъ, чтобы напасть на насъ. До тѣхъ поръ, пока мы воздерживаемся отъ такого нападенія, они могутъ заставить насъ подчиниться ихъ волѣ *путемъ дипломатическихъ средствъ*, какъ это и доказалъ исходъ переговоровъ относительно Марокко", (Bernhardi, стр. 334). Чтобы разрѣшить вопросъ, „какая сторона была заинтересована въ войнѣ", и какая, слѣдовательно, держава безпрерывно подготовлялась къ нападенію,—нельзя выразиться яснѣе.

А этимъ уже сказано, какая сторона старалась методомъ мирной дипломатіи избѣгать всякой опасности конфликта, т. е. сохранить прежній status. Такъ, слѣдовательно, рушится все искусственное построеніе Сухановскихъ аргументацій. Чтобы охарактеризовать роль противника въ нынѣшней войнѣ, нужно ознакомиться доподлинно на основаніи фактовъ съ экономическимъ состояніемъ и политическими стремленіями враждебной страны.

Первую (вводную) главу нашего труда мы заключили слѣдующими словами: «Послѣ всего сказаннаго теряетъ всякое значеніе вопросъ о «виновности» и правотѣ» того или другого государства въ возникновеніи обще-европейской войны, — вопросъ, о которомъ такъ много публично спорятъ. Не можетъ быть вообще вопроса о «виновности» или «правотѣ» при объясненіи крупныхъ историческихъ явленій. Можетъ быть вопросъ лишь о причинахъ, способствовавшихъ возникновенію явленій. А такія причины могутъ зародиться только въ той странѣ, капитализмъ которой лишенъ колоній и, слѣдовательно, нуждается настоятельнымъ образомъ въ завоеваніяхъ; въ той странѣ, имперіализмъ которой агрессивенъ и, слѣдовательно, воинственъ; въ странѣ, совершенный милитаризмъ которой являлся въ теченіе 25 лѣтъ, періодъ зловѣщаго молчанія «вооруженнаго мира» Вильгельма II, опасной угрозой для всей Европы».

Мы можемъ буквально повторить тѣ же слова въ заключеніи нашего труда, когда мы разносторонне обосновали и безчисленными фактами доказали выдвинутый нами основной тезисъ.

Но въ критическія минуты войны германскіе имперіалисты подняли вопросъ о «правомъ» и «виноватомъ», возлагая всю отвѣтственность за возникновеніе войны на своихъ противниковъ, конечно, желая тѣмъ обмануть Михелей и дешево использовать ихъ воодушевленіе. Эту неблагодарную задачу Вильгельмовскаго патріота, вмѣстѣ со многими другими, взялъ на себя также извѣстный уже намъ докторъ Пауль Рорбахъ, который въ послѣдніе годы занималъ отвѣтственную должность и вліятельное положеніе въ германскомъ колоніальномъ министерствѣ.

Съ точки зрѣнія германскихъ отношеній и имперіалистскаго мышленія въ высшей степени любопытно познакомиться здѣсь, въ концѣ нашего труда, съ тѣми «обвинительными аргументами», которые выдвигаются Рорбахомъ противъ союзниковъ, якобы явившихся причиной войны. Разборъ этихъ, такъ называемыхъ, аргументовъ лишній разъ покажетъ намъ, какое государство Европы, въ *глубокомъ сознаніи своихъ преднамѣреній, систематически и планомѣрно готовилось, неустанно и постоянно искало удобныхъ поводовъ,*

чтобы поднять тотъ міровой ураганъ, душураздирающіе моменты чудовищныхъ разрушеній котораго переживаютъ современные европейскіе народы.

Передъ нами стоитъ Рорбахъ въ двухъ роляхъ: одинъ до войны, а другой—послѣ возникновенія войны. Въ извѣстномъ уже намъ трудѣ («Война и германская политика»), Рорбахъ помѣстилъ предисловіе и семь главъ, изъ которыхъ 6 написано до войны (шестая—въ дни австро-сербскаго конфликта), а предисловіе и седьмая глава (подъ заглавіемъ «Германская война»), написаны послѣ начала войны, до разгрома Бельгіи. Насколько въ первыхъ частяхъ своего труда Рорбахъ блещетъ богатой освѣдомленностью въ колоніальныхъ вопросахъ и тонкимъ чутьемъ, своими откровенными и смѣлыми имперіалистическими,—a la Бернгарди,—требованіями, настолько же онъ во второй части своего труда (7-ая глава и предисловіе) запутывается въ противорѣчіяхъ, часто договариваясь до абсурдовъ, и являясь безпомощнымъ. Въ довоенный періодъ онъ разсуждаетъ самостоятельно, какъ опытный знатокъ колоніальнаго вопроса, а въ періодъ войны Рорбахъ уже вымышляетъ какъ дипломатъ, скованный рецептами господствующаго курса Вильгельма—Бетманъ-Гольвега.

Вполнѣ оправдывая быстрыя вооруженія Германіи на сушѣ и на морѣ, какъ принудительное требованіе ея міровой политики, Рорбахъ не постѣснялся заключить шестую главу: «Основныя идеи германской внѣшней политики» своей книги очень рѣшительнымъ и характернымъ съ точки зрѣнія германскаго имперіалиста лозунгомъ.

«Мы не боимся войны,—пишетъ Рорбахъ,—ибо мы знаемъ свои силы и мы знаемъ также, что для насъ дѣло идетъ о войнѣ, которая неизбѣжна и въ крайнемъ случаѣ могла-бы быть только отсрочена. *Однако врядъ ли когда либо повторится такой моментъ, когда соотношеніе силъ Германіи и ея противниковъ будетъ для насъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ настоящее время»* [1]).

«Противъ Россіи должно быть вновь призвано къ жизни

[1]) См. стр. 88. Моментъ этотъ относится ко времени убійства австрійскаго престолонаслѣдника Франца-Фердинанда въ Сараевѣ и возникшаго послѣ этого события опаснаго европейскаго кризиса. Вотъ этотъ моментъ и считаетъ Рорбахъ столь удобнымъ для Германіи начать войну.

Польское государство», утверждаетъ Рорбахъ на той же страницѣ: «Русское колоссальное государство съ 170 милліонами населенія должно вообще подвергнуться *раздѣлу*»... (Курсивъ автора).

Невозможно представить себѣ болѣе открытый призывъ къ начатію наступательной войны и раздутію въ обще-европейскій пожаръ австро-сербскаго конфликта, чѣмъ тотъ, который даетъ здѣсь Рорбахъ.

Но, посмотрите, въ какія комическія противорѣчія впадаетъ онъ по прошествіи нѣкотораго времени, когда Германія уже вынула мечъ изъ ноженъ: «Мы были вынуждены начать борьбу,—говоритъ Рорбахъ,—ибо на насъ напали, чтобы насъ уничтожить». (Стр. IX и XI). И посмотрите, что онъ говоритъ тотчасъ же. «Но мы должны считать для себя счастьемъ, что смертная жертва эрцгерцога Франца-Фердинанда случилась теперь (1914 г.). Два года спустя (т. е. 1916 г.) война была бы для насъ много труднѣе, потребовала бы больше жертвъ, и, быть можетъ, исходъ ея былъ бы сомнительнымъ». (Стр. IX).

Такъ разсуждаетъ Рорбахъ. Но почему 1914 годъ былъ такъ благопріятенъ для Германіи съ точки зрѣнія начатія войны, и почему 1916-й годъ, наоборотъ, былъ бы неблагопріятнымъ? Отвѣты на эти вопросы мы находимъ у Рорбаха: «Война разразилась въ серединѣ лѣта,—говоритъ онъ,—а не тогда, когда нашъ хлѣбъ былъ бы на исходѣ, что было бы наиболѣе благопріятно для нашихъ враговъ. Нашъ урожай на этотъ разъ былъ на рѣдкость обильнымъ, и мы въ достаточной мѣрѣ снабжены мясомъ и другими жизненными продуктами. Въ области военнаго снаряженія... мы именно въ данный моментъ значительно опередили французовъ и русскихъ. Также и личный составъ флота какъ разъ этимъ лѣтомъ находился въ полной своей готовности». (IX-XI).

И Рорбахъ откровенно признается,—какъ будто съ цѣлью еще болѣе окарикатурить свое противорѣчивое положеніе,—что союзники не были гововы къ войнѣ въ 1914 году. По свидѣтельству нашего автора союзники были намѣрены въ 1916 г. напасть на Германію, потому что къ этому году были бы готовы—какъ Россія (со своими стратегическими желѣзными дорогами на западной границѣ, осуществленіемъ

большой судостроительной программы и военнымъ снаряженіемъ), такъ и Францiя (со своей увеличенной арміей, благодаря закопопроекту о трехлѣтней военной службѣ). Такъ что война 1916 года, особенно еслибъ она началась въ началѣ весны, когда запасы хлѣба въ Германіи бываютъ на исходѣ, была бы очень опасна для Германіи?

Вотъ объясненія Рорбаха.

Читатель и думаетъ: или этотъ человѣкъ слишкомъ наивенъ, или представляется таковымъ, или же читателей своихъ считаетъ наивными до степени легковѣрныхъ дѣтей, которыхъ такъ легко вводить въ заблужденіе. И невольно возникаетъ вопросъ: на какомъ основаніи союзники (Россія, Францiя и и Англія) пожелали добра Германіи, начавъ войну въ тотъ годъ (1914 г.), который былъ наиболѣе благопріятнымъ для нея. И по какому расчету они пожелали себѣ зла, не желая ждать того года (1916 г.), когда война должна была быть благпріятнѣе для нихъ, а не для Германіи.

«Антиподная» логика нашего автора заставляетъ насъ ставить такіе странные вопросы. И знаете, какой отвѣтъ даетъ Рорбахъ. Ни дать ни взять слѣдующій: «Тѣмъ не менѣе рокъ уже теперь присудилъ нашихъ противниковъ къ выступленію». (XII стр.).

Здѣсь уже пропадаетъ всякая охота серьезно спорить съ надѣвшимъ очки ученымъ нѣмцемъ, потому что его безпомощность доходитъ до комическаго состоянія старой бабы.

Но Рорбахъ ставитъ себя въ еще болѣе курьезное положеніе слѣдующимъ своимъ (послѣднимъ) объясненіемъ по данному вопросу. Оказывается, ни Францiя, ни Англія, ни даже русское правительство не желали войны въ 1914 г., чувствуя свою неподготовленность. Кто же былъ причиной, толкнувшей ихъ, по Рорбаху, къ совершенію перваго нападенія, кого считать причиной обще-европейской войны?

Отвѣтъ: «Бурныя требованія *панславизма въ Россіи*». (стр. 90).

Слушайте хорошенько, читатель! По Рорбаху, панслависты принудили русское правительство, а послѣднее, не будучи въ силахъ противодѣйствовать бурнымъ требованіямъ панславизма, обратилось къ Франціи и Англіи съ заявленіемъ, что оно «желаетъ и должно вести войну теперь же»,—

и союзники присоединились къ этому рѣшенію. (Стр. 90 и 91).[1])

Трудно представить себѣ болѣе жалкое разсужденіе. Реальные интересы трехъ государствъ и ихъ неподготовленность не диктовали необходимости войны въ 1914 г:, и все же началась она подъ давленіемъ панславистскихъ группъ. Не только Россія, но и, слушайте,—Франція и Англія пожертвовали своими интересами для панславизма, подвергнувъ риску свое государственное существованіе.

Такими сказками Рорбахъ, можетъ быть, и сможетъ удовлетворить своихъ отечественныхъ Михелей, по отнюдь не иностранцевъ. Нужно имѣть раффинированный цинизмъ мышленія, чтобы до такой степени извратить факты.

Но мы должны быть благодарны нѣмецкому имперіалисту, который путанницей своихъ сужденій и сѣтью логическихъ противорѣчій не только подтверждаетъ то всеобщее убѣжденіе, что постоянно готовившаяся къ войнѣ Германія была также фактически причиной войны, но и бросаетъ тѣнь уголовной преступности на свою родину. Если самъ Рорбахъ считаетъ убійство престолонаслѣдника Франца Фердинанда именно въ 1914 году счастіемъ для Германіи, такъ какъ она была въ полной боевой готовности, въ противоположность союзникамъ,—то изъ этого всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ сдѣлать одинъ выводъ. Или убійство австрійскаго престолонаслѣдника было *случайнымъ дѣломъ* руководствовавшагося своими мотивами террориста, и Германія использовала этотъ *удобнѣйшій поводъ*, какъ благопріятный моментъ для начатія войны, или же убійство это *заранѣе обдумано* (съ вѣдома Германіи) въ тѣхъ же цѣляхъ. Существенно было

---

[1]) Между точкой зрѣнія Рорбаха и точкой зрѣнія Суханова мы находимъ забавную гармонію и курьезное противорѣчіе. Они оба ищутъ причины возникновенія войны на сторонѣ тройственнаго согласія; въ этомъ они солидарны, хотя мы знаемъ, что до войны Рорбахъ держался иныхъ убѣжденій. Но курьезъ заключается въ слѣдующемъ: въ то время, какъ Рорбахъ ищетъ непосредственный факторъ войны въ Россіи, въ требованіяхъ панславизма, Сухановъ, наоборотъ, ищетъ истинные факторы войны въ западныхъ державахъ тройственнаго согласія, въ Англіи и Франціи, а участіе Россіи въ этой войнѣ онъ относитъ къ числу непонятныхъ недоразумѣній. Мы же съ своей стороны доказали рядомъ убѣдительныхъ фактовъ, что разсужденія какъ Рорбаха, такъ и Суханова совершенно абсурдны и не имѣютъ подъ собой никакой почвы.

то, чтобы Германія имѣла благопріятный поводъ къ созданію обще-европейскаго кризиса, къ учиненію вызова.

Вѣдь тотъ же Рорбахъ, въ періодъ этого кризиса, когда еще не разразилась война, заявлялъ громогласно: «Для насъ дѣло идетъ о войнѣ, которую нельзя избѣжать... Врядъ ли когда либо повторится такой моментъ, когда соотношеніе силъ Германіи и ея противниковъ будетъ для насъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ настоящее время». (Стр. 88).

Но въ этомъ то и состоитъ дипломатическій цинизмъ: показывать обѣ противоположныя стороны медали, сообразно съ указаніями даннаго момента. До войны германскіе имперіалисты горѣли тоскливымъ желаніемъ ея прихода и, когда былъ удобнѣйшій поводъ, Рорбахи подстрекали правительство и требовали отъ него los gehen, вынуть мечъ изъ ноженъ. А когда началась война, тѣ же Рорбахи стали показывать патріотамъ-Михелямъ другую сторону медали и взывать патетически: «Мы были вынуждены начать борьбу, ибо на насъ напали, чтобы насъ уничтожить».

Рорбахъ долженъ былъ такъ-же лицемѣрить, какъ Вильгельмъ II, глава государства. Какъ извѣстно, Вильгельмъ передъ своимъ народомъ предсталъ какимъ-то миролюбивымъ ангеломъ, говоря, что онъ принужденъ обнажить мечъ для защиты отечества отъ вражескихъ нападеній; Рорбахъ такъ же долженъ былъ искажать факты, какъ имперскій канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, выдумавшій великую ложь, будто Россія еще до объявленія войны заняла два города въ Восточной Пруссіи (канцлеръ показывалъ представителямъ политическихъ партій фальшивую телеграмму объ этомъ агентства Вольфа).

Всегда такъ. Представители и идеологи политическаго курса должны были въ грозный моментъ роковой отвѣтственности войны лгать, лицемѣрить и всячески искажать факты, должны были накинуть на себя покрывало невинности и миролюбія для того, чтобы вызвать безумное воодушевленіе въ раболѣпной арміи и безсознательной толпѣ.

Но германская фальсификація безсильна прикрыть дѣйствительность, которая имѣетъ свои историческія данныя и научныя обоснованія.

Для объективнаго наблюдателя важно и цѣнно только то,

что было высказано до войны, свободно, безъ всякаго принужденія, только та нашумѣвшая идейная пропаганда, которую наиболѣе признанные идеологи господствующихъ классовъ и ихъ стремленій отстаивали съ полнымъ убѣжденіемъ раньше, а никакъ не та дипломатическая фальшь, которую создали искусственно подъ давленіемъ военнаго угара. До войны германскіе имперіалисты высказали свою волю и свои желанія, свои стремленія и требованія смѣло и откровенно, гармонично и послѣдовательно.

«Мы не боимся войны,—пишетъ Рорбахъ,—ибо мы знаемъ свои силы, и мы знаемъ также, что для насъ дѣло идетъ о войнѣ, которая неизбѣжна». [1])

А генералъ фонъ Бернгарди, самый ярый среди ярыхъ германскихъ имперіалистовъ, кончаетъ свой грандіозный трудъ слѣдующими словами: «Мы не должны бояться войны за наше міровое могущество, мы можемъ вмѣстѣ съ Ернстъ Морицъ Арндтъ поднять руки къ небу и обратиться къ Богу:

„Lass hell die Waffen klirren
Vor deiner Sternenburg;
Hau von den wüsten Wirren
Den ganzen Jammer durch“.[2]

Обостренныя на почвѣ лихорадочной конкуренціи колоніальныхъ завоеваній капитализма государственныя отношенія въ современной Европѣ убѣждали всякаго объективнаго наблюдателя не только въ томъ, что война въ общеевропейскихъ размѣрахъ неизбѣжна рано или поздно, но и въ томъ, что причиной войны и застрѣльщикомъ необходимо должна была явиться Германія, когда бы и при какихъ бы условіяхъ ни было.

Германія и только Германія была той страной, гдѣ угрожающе назрѣла сложная, діалектическая проблема остраго противорѣчія между ея міровымъ хозяйствомъ и міровой колоніальной политикой и категорически требовала разрѣшенія. Во имя разрѣшенія этой проблемы и велась офиціальной Германіей лихорадочная политика чрезвычайныхъ вооруженій.

¹) Рорбахъ, стр. 88
²) Bernhardi, стр. 345.

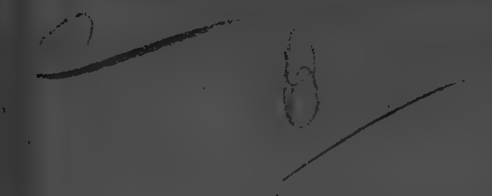
Огромный лагерь милитаристскихъ и имперіалистскихъ идеологовъ новаго и стараго поколѣній велъ энергичную пропаганду этой именно проблемы.

«Weltmacht ober Niedergang! wird für uns die Losung lauten» (Бернгарди) — «Міровое владычество или крушеніе! таковъ будетъ нашъ лозунгъ», — вотъ передъ какой грозной дилеммой стояла современная Германія по представленію ея авторитетныхъ имперіалистовъ.

Великая міровая война 1914 г. и была призвана окончательно разрѣшить эту опасную диллему германскаго имперіализма.

Типогр. Акціон. Общ. „Слово". Птг. Ул. Жуковскаго, 21—23, соб. д.

Изъ произведеній того же автора:

1. „**Народности Кавказа**“ (статистико-экономическое изслѣдованіе), Петроградъ, 1917 г., изд. М. В. Попова, стр. 116, ц. 1 р. 50 к.

2. „**Экономическія и общественныя основы армяно-грузинскаго антагонизма**“, Тифлисъ, 1914 г., стр. 96, ц. 40 к.

3. „**Wesen und Geschichte des Ausländertums in Russland**“ (диссертація), Берлинъ, 1912 г.

4. „**Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft** (historisch-ökonomiche Untersuchungen), Берлинъ, 1913 г., стр. XII+300, ц. 7 марокъ, Verl. Fr. Siemenroth.

5. „**Nationaler Bestand, berufsmässige Gruppierung und soziale Gliederung der kaukasischen Völker** (statistisch-ökonomische Untersuchlung), Берлинъ, 1914 г., стр. 81, ц. 2 мар. Göschensche Verlagsbuchandlung.

6. „**Армянскій вопросъ въ Турціи и международная дипломатія**“ (на арм. яз.), Тифлисъ, 1907 г., стр. 140, ц. 40 к.

7. „**Будущее Турціи**“ (на арм. яз.), Тифлисъ, 1908 г., стр. 64, ц. 20 к.

8. **Національный прогрессъ и классовые интересы**“, соціологич. проблемы (на арм. яз.), Тифлисъ, 1908 г., стр. 310, ц. 60 коп.

9. „**Общественныя идеи въ произведеніяхъ армянскихъ поэтовъ Патканянъ и Шахъ-Азизъ**“, соціологич. анализъ (на арм. яз.), Тифлисъ, 1910 г., стр. 440, ц. 1 р.

10. „**Политико-экономическія взаимоотношенія Германіи и Турціи**“ (на арм. яз.), Тифлисъ 1915 г., стр. 64, ц. 25 к.

11. „**Изъ міра ужасовъ и бѣдствій**“, путевыя замѣтки объ армянск. бѣженцахъ, (на арм. яз.), Тифлисъ, 1915 г., стр. 78, ц. 40 коп.

